МВД России
Санкт-Петербургский университет

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Материалы
ежегодной международной научно-практической конференции
19-20 июня 2025 года

Под редакцией
кандидата юридических наук, доцента Д. М. Кокина

Санкт-Петербург
2025

План-график 2025, поз. 129
План-график НД 2025, поз. 8, разд. IV

УДК 343.7/9
ББК 67.308
У26

У26 Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс]: материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 19–20 июня 2025 года. / под ред. Д. М. Кокин; сост. Ю. А. Шутова. — Электрон. дан. (3,27 Мб). — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. — 1 электрон. опт. диск. — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD — ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600 .16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

EDN: YXKAHK

Сборник содержит научные статьи, освещающие актуальные проблемы уголовного законодательства.

Издание рассчитано на научных работников и специалистов-практиков в области применения уголовного законодательства, а также широкий круг читателей, интересующихся новейшими достижениями в этой области.

Ежегодная международная научно-практическая конференция проводится в рамках деятельности научной школы «Современные проблемы уголовного права и криминологии».

УДК. 343.7/9
ББК 67.308

Редакционная коллегия:
Председатель — Кокин Д. М. кандидат юридических наук, доцент.
Заместитель председателя — Денисов С. А., доктор юридических наук, профессор.
Члены редколлегии –
Антонов А. Г., доктор юридических наук, профессор;
Хлебушкин А. Г., доктор юридических наук, доцент;
Анощенкова С. В., кандидат юридических наук, доцент;
Огарь Т. А., кандидат юридических наук, доцент.
Ответственный секретарь — Шутова Ю. А., кандидат юридических наук

© Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025
© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеев Ю.А.
СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
НАРУШАЮЩИХ ПРАВА НА РЕЗУЛЬТАТЫ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 12

Алексеева А.П.
ВОЗРАСТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯ: НУЖНА ЛИ КОРРЕКЦИЯ? 17

Алексеева Е.С.
СИСТЕМА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ОТЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ,
КАК ИНДИКАТОР ИЗМЕНЕНИЙ,
ПРОИСХОДЯЩИХ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА 22

Алешина-Алексеева Е.Н.
ПРОСРОЧЕННАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПОСЛЕДСТВИЯ 27

Амелина Т.А.
К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ПУБЛИЧНЫХ ДЕЙСТВИЙ,
НАПРАВЛЕННЫХ НА ДИСКРЕДИТАЦИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ», ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
СТАТЬЕЙ 280.3 УК РФ 32

Амирова Д.К.
РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЯ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 ГОДОВ 36

Анощенкова С.В.
СОСТАВ НАКАЗАНИЯ 42

Антипов А.И.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ
ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ СВЕДЕНИЙ
И ИНФОРМАЦИИ 45

Антонов А.Г., Семенова В.В.
ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ФИКТИВНОЙ
РЕГИСТРАЦИИ ГРАЖДАН (СТ. 322^2 УК РФ) 50

Бавсун М.В., Кузнецов А.А.
ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЯМ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ, КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 54
Баранчикова М.В.
СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРЕВЕНЦИЯ КАК ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ОСНОВНЫМ ФАКТОРАМ РИСКА СОВЕРШЕНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ 60
Баумштейн А.Б.
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАЕМЩИКА В КАЧЕСТВЕ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ 66
Богацкая У.И.
КОРЫСТНАЯ ЦЕЛЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СОУЧАСТИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 72
Бредихин А.Л.
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 78
Бычков С.Н.
ПУБЛИЧНОСТЬ КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ И КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ И КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ОТЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ 82
Векленко С.В.
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЗРАСТНОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ 88
Величко Ф.М.
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ УГОЛОВНО И АДМИНИСТРАТИВНО НАКАЗУЕМОГО САМОВОЛЬНОГО ПОДКЛЮЧЕНИЯ К НЕФТЕПРОВОДАМ, НЕФТЕПРОДУКТОПРОВОДАМ И ГАЗОПРОВОДАМ 93

Витовская Е.С.
КЛАССИФИКАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 98
Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПОСОБНИЧЕСТВА
ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК 105
Гаврилова О.В.
К ВОПРОСУ О НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКИХ ПЕРЕГРУЗКАХ
КАК ОДНОМ ИЗ ПРИЗНАКОВ НЕВИНОВНОГО
ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА 110
Галюкова М.И.
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА БИОМЕДИЦИНСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ
НАД ЭМБРИОНОМ
И БИОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ ЧЕЛОВЕКА 116
Гараева Д.М.
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА
МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТ. 124^1 УК РФ 121
Глебова Е.П.
ПОТЕРПЕВШИЙ В СОСТАВЕ ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЯ
ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (СТ. 124^1 УК РФ) 126
Готчина Л.В.
О ЗНАЧЕНИИ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЦА -
«НЕ УПОТРЕБЛЯЮЩИЙ НАРКОТИКИ»
ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ 131
Дворецкий М.Ю.
ЭФФЕКТИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА 135
Дворжицкая М.А., Писаревская Е.А.
НЕСООБЩЕНИЕ
О ПРЕСТУПЛЕНИИ, КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ
ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 141
Денисов С.А.
ДЕЛИКТЫ СОЗДАНИЯ ОПАСНОСТИ
В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 148

Зверев А.А.
К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ «ДРОППЕРОВ»: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ 155
Иволгина В.Ю.
ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОДЖОГОВ ВОЕНКОМАТОВ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЗДАНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ..... 163
Карпов К.Н.
КОНТРОЛЬ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ ОСУЖДЕННЫХ КАК ИНАЯ МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА 170
Кирикова М.В.
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ХУЛИГАНСТВА 174
Кирьянов А.А.
ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ИМУЩЕСТВА, ПОДВЕРГНУТОГО ОПИСИ ИЛИ АРЕСТУ ЛИБО ПОДЛЕЖАЩЕГО КОНФИСКАЦИИ 180
Кобец П.Н.
ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И РЕФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПРИМЕНЯЕМОГО ЗА СОВЕРШЕНИЕ АКТОВ РАБОТОРГОВЛИ И КРИМИНАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА..... 184
Кокин Д.М.
ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ХУЛИГАНСТВА..... 190
Кудашова И.В.
УГОЛОВНОЕ ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ 194
Кулев А.Г.
КВАЛИФИКАЦИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ОБЪЕКТЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА..... 199

Курсаев А.В.
ЛИЧНАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ
КАК МОТИВ НЕВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ
И ИНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ (СТАТЬЯ 145^1 УК РФ) 205
Лантух Э.В., Гаврилова О.В.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО,
РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ 212
Липинский А.П.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАЗГЛАШЕНИЮ ДАННЫХ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ..... 219
Лисаускайте В.В.
К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ 224
Лукина О.Н.
ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ
ОТ ПЛАНОВОЙ К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ 229
Матвеев А.В.
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ДЕЙСТВИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА..... 234
Миронов В.В.
К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ,
СОВЕРШЁННУЮ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА..... 239
Намнясева В.В.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
И ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ
СТ. 306 УК РФ..... 244
Никуленко А.В., Смирнов М.А.
К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ РАСШИРИТЕЛЬНОГО
ТОЛКОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА
(ГЛАВА 30 УК РФ)..... 250

Огарь Т.А.
ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ЧАСТИ УЧЕТА НАЛОГА
НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ
РАЗМЕРА УЩЕРБА В ХИЩЕНИЯХ 258
Озерова Ю.С.
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ..... 265
Петраков С.В.
ПОРЯДОК КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА
ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПРЕСТУПНОГО ДОХОДА 270
Прохорова М.Л., Куфлева В.Н.
ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА
(ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ) СКВОЗЬ ПРИЗМУ
МЕЖДУНАРОДНОГО И ОТЕЧЕСТВЕННОГО
УГОЛОВНОГО ПРАВА 275
Редкоус В.М.
НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
СОСТАВЛЕНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ
В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
(ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)..... 285
Сайтбеков А.М.
ОТГРАНИЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ
ОТ ДРУГИХ ВИДОВ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН 28590
Семенов К.П., Семенов И.К.
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДОПУСТИМОГО ВРЕДА
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ..... 303
Скрипченко Н.Ю.
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ С ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИЕЙ..... 309
Случевская Ю.А.
ЗАГРЯЗНЕНИЕ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА:
РАЗГРАНИЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ
И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ..... 314

Смирнова А.А.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО..... 319
Соловьев В.С.
ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ (ИЛИ УЧАСТИЯ?) ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ..... 325
Степанищев А.В.
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КОНФИСКАЦИЯ:
ОТ ПЕРЕЧНЯ ИМУЩЕСТВА ДО ПЕРЕЧНЯ СТАТЕЙ..... 332
Стрилец О.В.
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ВИНЫ
В ОТДЕЛЬНЫХ НОРМАХ,
РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА 337
Тепляшин П.В.
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ РЕЦИДИВНОГО
ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПОВТОРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
(В РАКУРСЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ А.И. МАРЦЕВА)..... 342
Тимина Т.Н., Душкина Е.В.
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОПАГАНДУ
ЛИБО ПУБЛИЧНОЕ ДЕМОНСТРИРОВАНИЕ
НАЦИСТСКОЙ АТРИБУТИКИ ИЛИ СИМВОЛИКИ,
ЛИБО АТРИБУТИКИ ИЛИ СИМВОЛИКИ,
СХОДНЫХ С НАЦИСТСКОЙ АТРИБУТИКОЙ
ИЛИ СИМВОЛИКОЙ ДО СТЕПЕНИ СМЕШЕНИЯ 347
Турышев А.А.
ПОДХОДЫ К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ПРЕДМЕТА,
ОРУДИЯ И СРЕДСТВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ..... 353
Тюнин В.И.
ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЮ
В НАЛОГОВЫЕ ОРГАНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И (ИЛИ) СБЫТУ ЗАВЕДОМО ПОДЛОЖНЫХ СЧЕТОВ-ФАКТУР
И (ИЛИ) НАЛОГОВЫХ ДЕКЛАРАЦИЙ (РАСЧЕТОВ)..... 359

Улитин И.Н.
ВРЕМЯ КАК ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ (ОСОБЕННЫЙ) ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗНАЧЕНИЯ 366
Урда М.Н.
ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПО ПРИЗНАКУ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ..... 373
Фарахиева Г.Р.
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПРАВОМЕРНОЕ ЗАВЛАДЕНИЕ АВТОМОБИЛЕМ ИЛИ ИНЫМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ БЕЗ ЦЕЛИ ХИЩЕНИЯ 378
Харламов В.С.
РЕТРОСПЕКТИВА ЭВОЛЮЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО АНТИРЕЦИДИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 381
Хлебушкин А.Г.
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА (ЭКСТРЕМИСТСКИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ)..... 388
Цепелев К.В.
К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В СВЕТЕ «ВОЕННЫХ» ИЗМЕНЕНИЙ УК РФ 395
Черняков С.А.
ОБНАЛИЧИВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 401
Чихрадзе А.М.
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ТЯЖЕСТИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ В УГОЛОВНОМ ПРАВИЕ РОССИИ 408
Шарапов Р.Д.
МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ..... 414

Шунк В.Э.
СОВОКУПНОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦА,
СОВЕРШИВШЕГО ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ПОСРЕДСТВОМ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ 421
Шутова Ю.А.
ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ К ГРАЖДАНАМ
ИЛИ УГРОЗА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ
КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЗНАК ХУЛИГАНСТВА. 427
Яковлева Л.В.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
ОРГАНИЗАТОРСКИХ, ПОДСТРЕКАТЕЛЬСКИХ
ИЛИ ПОСОБНИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ..... 433

EDN: OGKIOX

Алексеев Юрий Александрович,
научно-исследовательский институт образования и науки,
научный сотрудник

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАРУШАЮЩИХ ПРАВА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье рассмотрена актуальная проблема, касающаяся правовой регламентации и толкования на практике признаков субъективной стороны преступлений, нарушающих права на результаты интеллектуальной деятельности. В рамках исследования изучено действующее уголовное законодательство об ответственности за преступные посягательства на указанные права, его толкование Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, а также опубликованная судебная практика и доктринальные источники в данной области. Научная новизна результатов исследования заключается в получении нового знания, способствующего развитию положений теории уголовного права, раскрывающих особенности содержания субъективной стороны преступлений, нарушающих права на результаты интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: преступления, нарушающие права на результаты интеллектуальной деятельности; субъективная сторона преступления; уголовная ответственность.

Преступления, нарушающие права на результаты интеллектуальной деятельности, предусмотренные статьями 146, 147, 180 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), вне зависимости от вида их состава, совершаются умышленно, что обусловлено спецификой таких уголовно наказуемых деяний, предполагающей, что виновным лицом осознается совершение посягательства на указанные права в крупном размере или неоднократно (для формальных составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 146, ст. 180 УК РФ), в равно предвидится возможность или неизбежность причинения крупного имущественного

вреда автору или иному правообладателю (для материальных составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 146, ст. 147, ст. 180 УК РФ)[1].

Принимая во внимание бланкетный характер рассматриваемых уголовно-правовых норм, интеллектуальный момент умысла лица, совершающего преступное нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности, фактически включает осознание не только общественной опасности, но еще и противоправности деяния, например, обусловленной тем, что хранимая им продукция является контрафактной.

Например, при обосновании умысла осужденного относительно совершенных им незаконных приобретения и использования контрафактного программного обеспечения в особо крупном размере (п. «в» ч. 3 ст. 146 УК РФ) суд, в частности, указал, что данное лицо на момент совершения преступления работало системным администратором в коммерческой организации, и достоверно знало о порядке и форме заключения лицензионного соглашения на использование различных программных продуктов, поскольку являлось ответственным за техническое обслуживание компьютерной техники, установку программного обеспечения, обслуживание и поддержание в работоспособном состоянии операционных систем и другого программного обеспечения, используемого деятельности соответствующей организации. При этом осужденный заведомо был осведомлен о том, что неоднократно устанавливаемые им на компьютеры в офисе программные продукты являются нелицензионными (контрафактными)[2].

При доказывании умышленной формы вины и вида умысла по делам о рассматриваемых преступлениях важно установить обстоятельства, подтверждающие осведомленность лица относительно всех криминообразующих объективных признаков таких уголовно наказуемых деяний, в том числе о свойствах предметов посягательства, наличии прав на таковые, принадлежащих другим физическим или юридическим лицам, отсутствии у него легальных оснований на совершение соответствующих действий с данными предметами, равно как и о контрафактном характере фонограмм или произведений, которые вовсе не должны находиться в гражданском обороте. Наряду

---

[1] См.: Долотов Р.О., Пархоменко С.Д. Уголовная ответственность за незаконное использование товарных знаков: толкование признаков «неоднократность» и «крупный ущерб» // Уголовное право. 2023. № 11. С. 10–24.

[2] См.: Приговор Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского края от 9 октября 2018 г. по делу № 1-405/2018 // Электронный ресурс: URL: https://sudact.ru/regular/doc/5jCegnVogslT/ (дата обращения: 12.05.2025).

с установлением понимания этим лицом противоправности совершаемых действий, также выясняется, предвиделись ли им возможность или неизбежность наступления крупного или особо крупного имущественного ущерба (при материальной конструкции состава преступления) либо то, что совершаемые им незаконные действия характеризуются крупным или особо крупным размерами[1].

Применительно к преступлениям, предусмотренным ч. 2 и ч. 3 ст. 146 УК РФ, состоящим в приобретении, хранении или перевозке соответствующих контрафактных экземпляров в крупном или особо крупном размерах обязательным является такой признак субъективной стороны, как цель сбыта этих экземпляров, который может быть, как возмездным, так и безвозмездным и совершаться различными способами, в том числе с использованием сети «Интернет». Пленум Верховного Суда РФ обратил внимание на то, что доказывание такой цели возможно с учетом выявленных особенностей внешнего проявления указанных противоправных действий, включая установленные по делу факты нахождения изъятых контрафактных экземпляров в торговых местах, пунктах проката или на складах, а равно обнаружения значительного количества таких предметов[2].

Отметим, что анализ разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам практики применения статей 146, 147, 180 УК РФ показал наличие предпосылок для более тщательного выяснения обстоятельств, подтверждающих виновность лиц в инкриминируемых им уголовно наказуемых нарушениях прав на результаты интеллектуальной деятельности, поскольку для установления наличия отдельных признаков данных преступлений необходимо проведение экспертных исследований. Это, на наш взгляд, одновременно ставит вопрос о том, могло ли соответствующее лицо, не располагающее необходимыми профессиональными знаниями, в конкретном случае осознавать наличие таких признаков в его действиях.

---

[1] См.: Титов С.Н. Моделирование состава преступления против интеллектуальной собственности // Российский следователь. 2022. № 10. С. 48–50; Харламова А.А., Аюпова Г.Ш. Проблемы толкования понятия «незаконное использование» для целей ч. 1 ст. 180 УК РФ // Уголовное право. 2023. № 8. С. 41–46.

[2] См.: абз. 4 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7.

Так, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что суд должен располагать соответствующим заключением эксперта или мнением специалиста, подтверждающего использование лицом чужого изобретения, полезной модели, промышленного образца, когда для этого требуются специальные знания в тех областях науки, техники или ремесла, в которых создан каждый охраняемый объект. Также заключение эксперта может потребоваться суду для установления контрафактного характера экземпляров произведения, а также стоимости контрафактных экземпляров произведений или фонограмм, либо прав на использование объектов интеллектуальной собственности может быть установлена путем проведения экспертизы, если стоимость таковых на текущий момент не определена самим правообладателем[1].

Применительно к последним разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ представляется целесообразным дополнить таковые указанием на то, что при оценке заключения эксперта или заключения специалиста по делам о рассматриваемых преступлениях суду необходимо учитывать, что они не имеют заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и оцениваются по общим правилам в совокупности с иными доказательствами, имеющимися по делу. Такое разъяснение в настоящее время имеется применительно к делам о преступлениях экстремистской направленности[2].

Учитывая приведенные обстоятельства, касающиеся установления определенных признаков данных преступлений с помощью эксперта или специалиста, а также то, что отдельные криминообразующие признаки данных преступлений имеют оценочный характер (например, минимальная сумма крупного ущерба в ч. 1 ст. 146 и в ст. 147 УК РФ), также считаем необходимым дополнить указанное выше постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 новым разъяснением, подчеркивающим необходимость учета положений ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, относящихся к принципу презумпции невиновности,

---

[1] См.: абз. 3 п. 5, абз. 3 п. 9, абз. 4 п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака».

[2] См.: абз. 6 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

в том числе относительно толкования всех неустранимых сомнений в виновности обвиняемого в пользу данного лица.

В заключение полагаем возможным обратить внимание на целесообразность дальнейшего совершенствования правовой регламентации ответственности за преступления, нарушающие права на результаты интеллектуальной деятельности, включая признаки их субъективной стороны. Восприятие высказанных нами предложений законодателем и Верховным Судом Российской Федерации, на наш взгляд, будет способствовать повышению эффективности уголовно-правовой охраны указанных прав и формированию единообразной правоприменительной практики в данной области.

Список литературы:

1. Долотов Р.О., Пархоменко С.Д. Уголовная ответственность за незаконное использование товарных знаков: толкование признаков «неоднократность» и «крупный ущерб» // Уголовное право. 2023. № 11. С. 10–24.

2. Титов С.Н. Моделирование состава преступления против интеллектуальной собственности // Российский следователь. 2022. № 10. С. 48-52.

3. Харламова А.А., Аюпова Г.Ш. Проблемы толкования понятия «незаконное использование» для целей ч. 1 ст. 180 УК РФ // Уголовное право. 2023. № 8. С. 41–49

© Алексеев Ю.А., 2025

EDN: OEKSWM

Алексеева Анна Павловна,
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
профессор кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

ВОЗРАСТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯ: НУЖНА ЛИ КОРРЕКЦИЯ?

Аннотация: в последние годы в стране снижается число несовершеннолетних, употребляющих наркотики, но растет число тех, кто их распространяет, особенно через закладки, которые составляют значительную долю тяжких преступлений среди подростков. В связи с этим рассматривается инициатива о снижении возраста уголовной ответственности за сбыт наркотиков с 16 до 14 лет, которую многие ученые считают ошибкой, поскольку подростки часто становятся жертвами вовлечения их взрослыми в преступную деятельность. Рост числа преступлений, связанных с наркотиками, среди подростков свидетельствует скорее о проблемах в работе правоохранительных органов и образовательных учреждений, а не о криминогенной пораженности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние; возраст привлечения к уголовной ответственности; вовлечение в преступную деятельность; сбыт наркотиков; закладки.

Согласно последним статистическим данным в России стало меньше подростков, употребляющих наркотики. Однако при этом заметно возросло количество молодых людей, занимающихся распространением наркотиков, особенно через закладки, которые составляют

значительную часть тяжких и особо тяжких преступлений среди несовершеннолетних [1] . Чаще всего такие преступления совершаются под руководством анонимных «кураторов»[2].

В данной ситуации правоохранительные органы сталкиваются с трудностями в квалификации таких преступлений, когда несовершеннолетний оставляет закладку, у которой нет потенциального покупателя. По этой причине МВД России и Генеральная прокуратура Российской Федерации обратились в Верховный суд Российской Федерации с просьбой о разъяснении, как следует квалифицировать подобные деяния. Эксперты полагают, что это поможет в будущем назначать более мягкие наказания для таких несовершеннолетних[3].

Вместе с тем руководитель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин выдвинул противоположную идею о снижении возраста с 16 до 14 лет, с которого можно привлекать к уголовной ответственности за сбыт наркотиков, включая использование закладок. Сенатор Андрей Клишас выразил свою поддержку этому предложению и подчеркнул необходимость внесения изменений в Уголовный кодекс России для его реализации. Однако инициатива А. Бастрыкина нашла далеко не повсеместную поддержку. Многие эксперты считают снижение возрастного порога до 14 лет ошибочным решением, видя в этом попытку взрослых уйти от ответственности за наркоторговлю и детей, вовлеченных в нее[4]. У специалистов возникли резонные вопросы: разве подростки занимаются транспортировкой крупных партий наркотиков или их производством? Нет. Они являются жертвами бездействия или недостаточно компетентных действий взрослых.

---

[1] Бельский А.Е. Общественная опасность незаконного производства, сбыта или пересылки наркотиков / А.Е. Бельский // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. № 6 (40). С. 234–236. EDN RQMRLL.

[2] Кодиров Д.С. Методика расследования бесконтактного способа сбыта наркотиков / Д.С. Кодиров // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2018. № 9. С. 267–270. EDN YTEATZ.

[3] Алыева К.М. Критерии пенализации незаконного производства, сбыта или пересылки наркотиков / К.М. Алыева // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 1 (58). С. 212–222. EDN TYLYSH.

[4] Кондратьев М.В. Оперативно-розыскное противодействие незаконному сбыту наркотиков в условиях цифровизации общества и государства / М.В. Кондратьев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 1(58). С. 111–117. EDN XAODXY.

На сегодняшний день в научных кругах определены ключевые особенности существующей наркопреступности:

- наркотики доступны для несовершеннолетних, причем зачастую они распространяются непосредственно в учебных заведениях;
- наркотики реализуются повсеместно, включая те места, где их не должно быть по сути (например, в местах лишения свободы);
- государственные реабилитационные центры для людей с наркозависимостью находятся в недостаточном количестве;
- существуют интернет-платформы, позволяющие без особых ограничений заказать наркотики.

Среди причин, по которым оборот наркотиков в сети Интернет приобрел высокую популярность, можно назвать низкую их стоимость и возможность проводить сделки анонимно. При онлайн-общении между продавцом и покупателем контакт сведен к минимуму – они не видят друг друга и не знают лично. В качестве курьера может выступать несовершеннолетний, который прячет «заказ» в одно из случайно выбранных укромных мест, а покупателю остается лишь найти «закладку» и забрать уже оплаченный товар[1]. Широкое использование сети Интернет для распространения наркотиков представляет серьезную угрозу национальной безопасности. Поэтому решение этой проблемы требует слаженных действий как со стороны государства, так и общества в целом[2]. Необходимо усиление законодательных инициатив и правовых мер, а также разработка алгоритма действий для правоохранительных органов и финансовой разведки с целью выявления трансграничных схем расчетов за наркотики и легализации доходов от их продажи через электронные платежные системы[3]. Сле-

---

[1] Артюхов А.В. Противодействие незаконному обороту наркотиков, совершаемому с использованием сети Интернет, силами оперативных подразделений органов внутренних дел / А.В. Артюхов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (74). С. 65–70. EDN XKMISV.

[2] Дикарев В.Г. Особенности противодействия бесконтактному способу сбыта наркотиков с использованием сети Интернет / В.Г. Дикарев, Ю.Б. Гаврюшкин // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 2 (38). С. 19–25. EDN VYTWML.

[3] Бугера Н.Н. Особенности некоторых оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в целях установления лиц, распространяющих наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги / Н.Н. Бугера // Вестник

довательно, возникают серьезные сомнения относительно того, сможет ли снижение возраста привлечения к уголовной ответственности за сбыт наркотиков решить обозначенные проблемы. Считается, что данная мера должна потенциально остановить взрослых, которые вовлекают несовершеннолетних в преступную деятельность. Однако на практике это маловероятно. Обычно взрослым, использующим детей в преступных целях, безразлична их дальнейшая судьба – погибнут ли они от передозировки наркотиков или окажутся в колонии. В таком случае непонятно, какую пользу принесет реализация предложения о привлечении несовершеннолетних к уголовной ответственности с 14 лет за сбыт наркотиков.

В последние два десятилетия наше государство последовательно уменьшало количество случаев применения заключения под стражу в качестве меры пресечения для несовершеннолетних[1]. Исправительные учреждения для подростков претерпели значительные изменения, становясь больше похожими на образовательные центры, где с подростками работают воспитатели, педагоги и психологи. Эти усилия оказались результативными – уровень преступности среди несовершеннолетних стал значительно снижаться. Наблюдающийся же рост преступлений, связанных с наркотиками среди подростков, указывает скорее на недостатки в деятельности правоохранительных органов и образовательной системы. Соответственно, снижение возраста с 16 до 14 лет, с которого можно привлекать к уголовной ответственности за сбыт наркотиков, не способно устранить ключевые проблемы, связанные с наркоугрозой. Для эффективного противодействия наркопреступности несовершеннолетних нужно усилить профилактические меры, повысить результативность работы правоохранительных органов и образовательных учреждений и расширить сеть реабилитационных центров.

Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 59–66. EDN BERFLJ.

[1] Алексеева А.П. Комплексное предупреждение наркотизма среди молодежи на региональном уровне (теоретические и прикладные аспекты): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Алексеева Анна Павловна. Волгоград, 2004. 225 с. EDN NNCNFD.

Список литературы:

1. Алексеева А.П. Комплексное предупреждение наркотизма среди молодежи на региональном уровне (теоретические и прикладные аспекты): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Алексеева Анна Павловна. Волгоград, 2004. 225 с. EDN NNCNFD.

2. Алыева К.М. Критерии пенализации незаконного производства, сбыта или пересылки наркотиков / К.М. Алыева // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 1 (58). С. 212–222. EDN TYLYSH.

3. Артюхов А.В. Противодействие незаконному обороту наркотиков, совершаемому с использованием сети Интернет, силами оперативных подразделений органов внутренних дел / А.В. Артюхов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (74). С. 65–70. EDN XKMISV.

3. Бельский А.Е. Общественная опасность незаконного производства, сбыта или пересылки наркотиков / А.Е. Бельский // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. № 6 (40). С. 234–236. EDN RQMRLL.

4. Бугера Н.Н. Особенности некоторых оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в целях установления лиц, распространяющих наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги / Н.Н. Бугера // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 59–66. EDN BERFLJ.

5. Дикарев В.Г. Особенности противодействия бесконтактному способу сбыта наркотиков с использованием сети Интернет / В.Г. Дикарев, Ю.Б. Гаврюшкин // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 2 (38). С. 19–25. EDN VYTWML.

6. Кодиров Д.С. Методика расследования бесконтактного способа сбыта наркотиков / Д.С. Кодиров // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2018. № 9. С. 267–270. EDN YTEATZ.

7. Кондратьев М.В. Оперативно-розыскное противодействие незаконному сбыту наркотиков в условиях цифровизации общества и государства / М.В. Кондратьев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 1 (58). С. 111–117. EDN XAODXY.

© Алексеева А.П., 2025

EDN: OCQDSJ

Алексеева Елена Сергеевна,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
доцент кафедры уголовного процесса
кандидат юридических наук, доцент

СИСТЕМА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ОТЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ, КАК ИНДИКАТОР ИЗМЕНЕНИЙ, ПРОИСХОДЯЩИХ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Аннотация: в представленной статье автор исследует перечень обстоятельств, отягчающих наказание, как целостную подвижную систему, отражающую на себе происходящие в обществе значимые события, явления; на основе анализа изменений, внесенных в перечень данных обстоятельств за последние годы, сделан вывод об их обусловленности происходящими изменениями в социальной, политической, духовной сферах общественной жизни.

Ключевые слова: уголовное законодательство; наказание; уголовная ответственность; обстоятельства, отягчающие наказание; общественная жизнь.

Назначение наказания – важнейший институт уголовного права. Достижение задач, стоящих перед уголовным законодательством, возможно лишь в том случае, когда наказание, назначаемое виновному лицу, будет законным, справедливым и обоснованным. Значительная роль в достижении целей наказания, закрепленных в ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ), принадлежит обстоятельствам, его отягчающим. Их наличие повышает степень общественной опасности совершенного деяния или личности виновного и, соответственно, учитывается при выборе конкретного вида и размера наказания.

УК РФ в главе 10 «Назначение наказания» содержит статью 63, закрепляющую перечень обстоятельств, отягчающих наказание. В настоящее время их насчитывается девятнадцать. Кроме того, отдельно упомянуто такое обстоятельство как совершение преступления в состоянии

опьянения, которое может быть признано в качестве отягчающего наказание в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного.

Прежде, чем оформиться в существующий вид, рассматриваемый институт прошел длительный путь становления и развития. Большая часть отягчающих обстоятельств, закрепленных в УК РФ, являются известными уголовному законодательству на протяжении длительного периода времени. Их наличие при совершении преступления усиливало ответственность вне зависимости от этапа исторического развития, уровня технического прогресса, от происходящих в обществе явлений. К таковым следует отнести рецидив, совершение преступления с особой жестокостью либо группой лиц и некоторые другие. В рассматриваемом контексте небезынтересным видится отношение законодателя к такому обстоятельству как «состояние опьянения», которое, в зависимости от отношения государства к употреблению населением алкоголя на том или ином этапе исторического развития, рассматривалось либо как отягчающее (например, при Петре I), либо как смягчающее вину обстоятельство (Соборное Уложение 1649 года).

Несмотря на наличие устойчивой основы в перечне отягчающих наказание обстоятельств, следует констатировать, что в остальном они представляют собой достаточно подвижную систему. С момента введения в действие УК РФ и по настоящее время их состав и формулировки неоднократно претерпевали изменения. В большинстве случаев данные изменения были обусловлены происходящими в обществе социально-политическими событиями. Так, в сентябре 2022 года были внесены изменения в формулировку обстоятельства, предусмотренного п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ, путем включения указания на совершение преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Судебной практике уже известны случаи применения данного обстоятельства в новой редакции.

Усиление внимания к борьбе с незаконной миграцией в 2024 году повлекло включение в перечень рассматриваемых обстоятельств, закрепленных в ст. 63 УК РФ, пункта «у» – совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации. Соответствующий закон был принят 9 ноября 2024 года. Как было сказано в пояснительной записке к данному законопроекту, незаконная миграция является фактором, оказывающим дестабилизирующее влияние на общественные отношения и общественную безопасность,

в том числе служит питательной средой для развития организованной преступной деятельности, роста наркопреступности, а также преступлений террористической и экстремистской направленности[1].

В августе 2024 в УК было закреплено новое отягчающее обстоятельство – совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Его появление было обусловлено ростом популярности среди определенной категории лиц так называемых треш-стримеров, которые организовывали общедоступные прямые трансляции совершения деяний с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего. Следует также отметить, что одновременно данное обстоятельство было закреплено в качестве квалифицирующего для некоторых составов преступлений, в частности, для убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью и др. Кроме того, в диспозицию ст. 116 УК РФ оно вошло в качестве одного из признаков, отличающих уголовно наказуемые побои от административно наказуемых.

В подавляющем большинстве случаев вносимые в перечень обстоятельств, отягчающих наказание, изменения выражались в появлении новых обстоятельств или внесении изменений в формулировки существующих. За все время действия УК РФ лишь только одно отягчающее обстоятельство было исключено из перечня – совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел. Указанное обстоятельство было введено в ст. 63 УК РФ в 2010 году. Одной из основных причин подобного законодательного решения стало известное дело майора милиции Евсюкова, открывшего стрельбу в одном из супермаркетов Москвы. Следует отметить, что появление данного отягчающего обстоятельства вызвало достаточно серьезные дискуссии в уголовно-правовой науке. Большинство авторов весьма негативно оценивали тот факт, что данный пункт распространяется

[1] Законопроект № 729112-8 «О внесении изменения в статью 63 УК РФ (о признании совершения преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации, обстоятельством, отягчающим наказание)» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/?ysclid=m42b4inbx556650670 (дата обращения: 07.05.2025).

только лишь на сотрудников ОВД[1]. Даже решение Конституционного Суда, которым рассматриваемое обстоятельство было признано непротиворечащим конституционному принципу равенства всех перед законом[2], не остановил споры. В итоге законодатель предпринял более радикальный шаг, а именно исключил рассматриваемое отягчающее обстоятельство из УК РФ, что было весьма положительно оценено как в уголовно-правовой науке, так и на практике.

Отметим, что и в настоящее время не прекращаются обсуждения возможных последующих изменений в перечень обстоятельств, отягчающих наказание. Одним из предложений является закрепление в качестве такового использование искусственного интеллекта при совершении преступления. Как сказано в пояснительной записке к законопроекту, соответствующие предложения разработаны в целях повышения ответственности за преступления, совершаемые с применением технологий искусственного интеллекта, а также для усиления защиты граждан от цифрового мошенничества, которое становится одной из наиболее актуальных угроз в современной цифровой среде. При этом особую опасность представляет использование так называемых дипфейков – технологий для подделывания лиц и голосов людей[3].

Как отмечают авторы законопроекта, закрепление рассматриваемого обстоятельства в качестве отягчающего наказание позволит ужесточить ответственность за преступления, совершенные с применением высоких технологий, и создать дополнительные правовые механизмы для защиты граждан. Полагаем, что принятие решения о внесении соответствующих изменений в уголовное законодательство не следует ожидать в ближайшее время, поскольку использование категории «искусственный интеллект» в правовом поле требует детальной проработки и тщательного анализа.

---

[1] Тараканов И.А. Совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел: не выдержавшее проверку временем обстоятельство, отягчающее наказание // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2024. № 2 (40). С. 70.

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2011 г. № 1623-О-О // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант плюс».

[3] Законопроект № 885494-8 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 07.04.2025) // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/885494-8?ysclid=mav5mo1fyc86422700 (дата обращения 07.05.2025).

Подводя итог, отметим, что перечень обстоятельств, отягчающих наказание, достаточно часто подвергался различного рода изменениям. Только за два последних года он был дополнен тремя новыми обстоятельствами, одно утратило силу, формулировки двух подверглись значительным изменениям. Сказанное свидетельствует о том, что рассматриваемый институт в значительной степени подвержен влиянию происходящих в различных сферах общественной жизни явлений. Также следует констатировать, что дискуссии относительно перечня обстоятельств, отягчающих наказание, продолжаются и на сегодняшний день, что обусловлено постоянным развитием общественных отношений, влекущим возникновение новых явлений, событий, обстоятельств, которые, в свою очередь, оказывают влияние на развитие уголовного законодательства в целом и на институт обстоятельств, отягчающих наказание, в частности.

Список литературы:

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2011 г. № 1623-О-О // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант плюс».

2. Законопроект № 729112-8 «О внесении изменения в статью 63 УК РФ (о признании совершения преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации, обстоятельством, отягчающим наказание)» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/?ysclid=m42b4inbx556650670 (дата обращения 07.05.2025).

3. Законопроект № 885494-8 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 07.04.2025) // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/885494-8?ysclid=mav5mo1fyc86422700 (дата обращения 07.05.2025).

4. Тараканов И.А. Совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел: не выдержавшее проверку временем обстоятельство, отягчающее наказание // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2024. № 2 (40). С. 65-70.

© Алексеева Е.С., 2025

EDN: ODBBYZ

Алешина-Алексеева Екатерина Николаевна,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
старший преподаватель кафедры уголовного права
кандидат юридических наук

ПРОСРОЧЕННАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: сложившаяся экономическая ситуация вызывает обеспокоенность среди населения и вызывает необходимость в дополнительной поддержке, в частности, через кредитование. Недостаточная финансовая грамотность приводит к тому, что отдельные группы населения оказываются неспособными вовремя погашать свои долги, что приводит к возникновению просроченной задолженности. В российском уголовном законодательстве содержатся нормы, предусматривающие ответственность за несвоевременный возврат денежных средств. Новизна исследования заключается в предложенном новом взгляде на проблему кредиторской задолженности, учитывающем на законодательные инициативы, направленные на обеспечение возможности ее возмещения.

Ключевые слова: задолженность; срок; долг; кредитор; заемщик; возмещение; последствия.

Экономическая ситуация в стране порождает тревогу у граждан, диктуя потребность в усилении помощи, в том числе посредством кредитных продуктов. Имеющийся низкий уровень в финансовой сфере, обуславливает неспособность некоторых категорий граждан выполнять вовремя свои кредитные обязательства, тем самым провоцируя образование просроченных платежей, создавая риски для финансовой системы страны. За 2024 год средний размер просроченной задолженности по кредитам вырос более чем на 25 % и составил 185 тыс. руб., а в начале 2024 года он составлял 146 тыс. руб[1]. Представленные данные свидетельствуют не только о росте общей суммы задолженности,

[1] Долговая яма стала глубже на 25%: почему выросла «просрочка» по кредитам – РБК. https://nsk.rbc.ru/nsk/22/05/2025/682eac239a7947fe19668073 (дата обращения: 25.04.2025).

но и о снижении платежеспособности населения. Существующая в России система кредитования и займов устроена так, что возникновение неблагоприятных обстоятельств у заемщика приводит к образованию значительного долга по его кредиту, которое формулируется как просроченная задолженность. Просроченной считается дебиторская задолженность, по которой истек установленный срок исполнения обязательства. Таким образом, мы понимаем, что просроченной может стать любая задолженность перед кредитором, не погашенная вовремя.

Данный аспект, не остается без внимания законодателя. В рамках действующего правового поля предусмотрено несколько путей для урегулирования просроченной задолженности посредством гражданского, административного или уголовного законодательства.

В действующем российском уголовном кодексе наиболее динамичной является глава – преступления в сфере экономической деятельности. Данное обстоятельство объяснимо – затрагивает отношения в сфере экономики, важной составляющей любой страны. В нее регулярно, практически ежегодно, вносятся корректировки и поправки, а также, добавляются новые общественно опасные деяния, представляющие угрозу для общества.

Среди норм, затронувших изменения, некоторые связаны с невозвратом просроченной задолженности – злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ). Востребованность к процедуре взыскания просроченных долгов (задолженностей), в свою очередь, обусловила появление в России нового вида коммерческой деятельности – «коллекторской»[1]. В 2023 г. Федеральным законом № 323-ФЗ, в связи с участившимися случаями незаконных случаев возврата просроченной задолженности физических лиц, была введена ст. 172^4 УК РФ (Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц). Следует отметить, что, по нашему мнению, деяние, предусмотренное ст. 176 УК РФ (незаконное получение кредита), хотя и сформулировано законодателем как представляющее общественную опасность в силу своей противозаконности, по сути, становится очевидным лишь в случае несоблюдения графика платежей, т.е. не поступлении в обозначенный срок (день ежемесячного платежа) денежных средств на указанный в кредитном

[1] Владимир Гурвич. В России создаются коллекторские агентства // Рос. газета. 2005. 21 июня.

договоре счет[1], то есть при образовании кредиторской задолженности. Следовательно, спустя определенное время после получения кредита. Тем самым, обозначая признак установления противоправности деяния в случае наступления просроченной задолженности. Интересным представляется тот факт, что законодатель защитил помимо кредиторов, которым не возвращается кредиторская задолженность, ещё и интересы граждан (заемщиков), при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности.

В случае разграничения административной и уголовной ответственности за невозврат просроченной задолженности, значение имеет ущерб. В случае уголовной ответственности по ст. 176, 177 УК РФ, криминообразующим признаком, согласно ст. 170[2] УК РФ является сумма свыше 3 500 000 руб.

Отмечается, что действующая на данный момент сумма ущерба для невозврата задолженности уголовно-правовыми средствами, подвергалась изменению с 1996 года 4 раза: в 2003 г. свыше 250 000 руб. (ФЗ от 08.12.2003 № 162-ФЗ); в 2010 г. свыше 1 500 000 руб. (ФЗ от 07.04.2010 № 60-ФЗ); в 2016 г. свыше 2 250 000 руб. (ФЗ от 03.07.2016 № 325-ФЗ); в 2024 г. свыше 3 500 000 руб. (ФЗ от 06.04.2024 № 79-ФЗ).

При имеющейся просроченной кредиторской задолженности кредитная организация имеет право передать право требования долга коллекторскому агентству, которое занимается деятельностью по возврату просроченных долгов.

По верному замечанию М.А. Осиповой, введенный в 2016 г. федеральный закон 230-ФЗ[2], обозначил границы взаимодействия коллекторов и должника, установив требования, предъявляемые к коллекторским организациям при осуществлении ими деятельности по возврату просроченной задолженности[3]. Как показала практика, коллекторы использовали противозаконные методы при взыскании задолженности,

---

[1] Алешина-Алексеева Е.Н. Уголовная ответственность за преступления в сфере кредитования (статьи 176, 177 УК РФ): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Алешина-Алексеева Екатерина Николаевна, 2024. С. 82.

[2] Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон "О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях"» (ред. 13.12.2024) // СЗ РФ. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4163.

[3] Осипова М.А. Правовые основы коллекторской деятельности в Российской Федерации / М.А. Осипова // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9, № 2. С. 18.

дав возможность осознать не эффективность имеющихся инструментов. Помимо этого, отсутствие единообразной практики за незаконные способы по возврату просроченной задолженности с физических лиц способствовали применению различных норм за посягательства против личности и собственности. Устранить эту проблему удалось лишь благодаря введению в действие специальной нормы об ответственности, предусмотренной ст. 172^4 УК РФ.

Однако, в действиях коллекторов присутствует конкуренция норм ст. 172^4 УК РФ со ст. 330 УК РФ, а также со ст. 163 УК РФ, полагаем, следует согласиться с мнение, что приоритет отдается ст. 172^4 УК РФ[1], в ряде случаев, на основании обозначенного специального субъекта преступления[2].

Таким образом, следует отметить, в действующем уголовном законодательстве России предусмотрены нормы, предусматривающие ответственность за «несвоевременный возврат заемных средств» с образовавшейся просроченной задолженностью. Реагируя на подобные ситуации, законодатель не только обеспечивает защиту прав кредиторов, но и предоставляет гарантии заемщикам в случаях неправомерных действий при взыскании долга. Считаем, что это в свою очередь, ведет к сокращению масштабов таких действий в сфере взыскания задолженностей на территории России.

Список литературы:

1. Алешина-Алексеева Е.Н. Уголовная ответственность за преступления в сфере кредитования (статьи 176, 177 УК РФ): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Алешина-Алексеева Екатерина Николаевна, 2024. 244 с.

2. Осипова М.А. Правовые основы коллекторской деятельности в Российской Федерации / М.А. Осипова // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9, № 2. С. 18.

---

[1] Скрипченко Н.Ю. Уголовная ответственность за незаконную коллекторскую деятельность: законодательное определение и перспективы реализации / Н.Ю. Скрипченко // Банковское право. 2025. № 2. С. 77.

[2] Цой Л.В. Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2023. № 2 (23). С. 51–53. [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-nezakonnoe-osuschestvlenie-deyatelnosti-po-vozvratu-prosrochennoy-zadolzhennosti-fizicheskih-lits/viewer (дата обращения: 14.01.2025).

3. Скрипченко Н.Ю. Уголовная ответственность за незаконную коллекторскую деятельность: законодательное определение и перспективы реализации // Банковское право. 2025. № 2. С. 70–78.

4. Цой Л.В. Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2023. № 2 (23). С. 51–53. [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-nezakonnoe-osuschestvlenie-deyatelnosti-po-vozvratu-prosrochennoy-zadolzhennosti-fizicheskih-lits/viewer (дата обращения: 14.01.2025).

© Алешина-Алексеева Е.Н., 2025

EDN: NWHLWX

Амелина Татьяна Александровна,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ПУБЛИЧНЫХ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ДИСКРЕДИТАЦИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ», ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 280.3 УК РФ

Аннотация: в рамках данной статьи автор анализирует норму, предусматривающую уголовную ответственность за совершение публичных действий, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации[1], предусмотренную ст. 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Отдельное внимание уделено определению содержания используемого законодателем термина «публичные действия» с целью выявления проблемных аспектов применения уголовной правой нормы. Аргументировано указано, на необходимость дополнения уголовного законодательства примечанием, позволяющим избежать привлечения к уголовной ответственности лиц, не обладающих умыслом на распространение дискредитирующих сведений при условии совершения ими публичных действий, формально содержащих признаки рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: дискредитация, публичные действия, Вооруженные силы Российской Федерации, распространение сведений, специальная военная операция.

На современном этапе развития общества и государства распространение получили отношения информационного характера. Все сферы жизнеобеспечения человека связаны с использованием современных технологий. Информационная среда высокотехнологичных инструментов способствует решению социально-экономических задач, и является полем для совершения различных противоправных действий.

[1] Далее – ВС РФ.

В 2024 году на преступления с применением информационно-телекоммуникационных технологий пришлись 40% всех зарегистрированных в России преступлений. В период с января по декабрь 2024 года в России было зафиксировано 765,4 тысячи киберпреступлений, что на 13,1 % больше, чем за аналогичный период 2023 года[1].

Представленная статистика свидетельствует о распространенности преступлений, совершаемых в сети «Интернет».

На проблему, существующую в сфере обеспечения информационной безопасности в своем выступлении, указал Министр внутренних дел Российской Федерации Колокольцев В.А., указал на то, что жертвами незаконных действий в цифровой сфере становятся как физические, так и юридические лица, включая госструктуры. Киберпреступления наносят значительный ущерб экономике и имущественным правам[2].

Распространение ложных, неточных или искаженных сведений негативно влияет на отношение граждан к специальной военной операции, ввиду чего законодатель оперативно вносит в российское законодательство изменения с целью установления соответствующей ответственности за подобные деяния. Для этого было принято несколько федеральных законов от 4 марта 2022 года № 31-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации новыми составами преступлений с административной преюдицией выступает необходимым шагом для снижения уровня дезинформации в отношении российской армии и государственных органов, степени негативного информационного влияния на широкую аудиторию, и тем самым, усиливает меры обеспечения безопасности государства.

Одновременно с этим, возможно выделить проблемные аспекты, связанные с применением ст. 280.3 УК РФ, которые находят свое отражение в том, что в настоящее время не определены четкие границы противоправных публичных действий, связанных с распространением сведений обладающих дискредитирующим Вооруженные силы Российской

[1] В России в 2024 году IT-преступления достигли пика за последние пять лет [Электронный ресурс]. URL: https://habr.com/ru/news/877022/ (дата обращения: 22.04.2025).

[2] См.: Там же.

Федерации характером, а также нормативно не закреплено понятие дискредитации, что препятствует его единообразному применению.

По мнению Л.А. Ивановой, А.А. Галкиной – ответственности подлежит дискредитация против Вооруженных Сил Российской Федерации, совершаемая публично, что означает факт присутствия слушателей[1].

Термин «публичность» следует интерпретировать как осуществление либо непосредственно в присутствии публики (зрителей, слушателей, очевидцев и т.п.) действий, либо в такой форме или таким способом, что они становятся или могут стать известными многим людям.

Существующая судебная практика позволяет более детально определить конкретные действия, связанные с дискредитацией среди которых: отрицание и осуждение определенных Правительством РФ оснований проведения специальной военной операции; умышленное искажение сущности понимания целей или метод ее проведения; осуществление осознанных призывов к проведению несанкционированных публичных мероприятий.

Представленные сведения позволяют сделать общий вывод о том, как именно следует понимать публичные действия в контексте ст. 280.3 УК РФ – доведение информации до неограниченного круга лиц либо ее распространение непосредственно в присутствии нескольких лиц, либо способом, который делает возможным доведение этих сведений до сторонних слушателей, например, с помощью социальных сетей, посредством размещений информации в сети «Интернет»[2].

Таким образом, проблематика рассматриваемого вопроса заключается в том, что любой вид беседы, происходящей внутри компании граждан (в том числе посредством использования сети «Интернет», а именно приложений с чатами для переписки), где главной темой является деятельность ВС РФ необходимо подвергать оценки относительно дискредитации ВС РФ. К такому выводу возможно прийти ввиду того, что участники беседы могут обсуждать информацию, полученную из недостоверных источников средств массовой информации, или заблуж-

[1] Иванова Л.А. К вопросу об ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации / Л.А. Иванова, А.А. Галкина // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (25). С. 47.

[2] Официальный сайт прокуратуры Республики Коми [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_11/activity/legal-education/explain?item=83917774 (дата обращения: 22.04.2025).

даться относительно полученных сведений из других источников, не обладать достаточными познаниями в области военного дела из-за чего могут быть сделаны ложные выводы относительно действий ВС РФ.

Относительно рассматриваемой проблемной области Прокуратурой Республики Коми был дан официальный комментарий, связанный с тем, что доведение указанной информации в ходе частной беседы не является публичным распространением сведений[1], однако, необходимо более детально изучить представленные положения с целью внесения дополнительной ясности относительно квалификации подобного рода действий.

Таким образом, в настоящее время требует установить правоприменительные границы для ст. 280.3 УК РФ с целью недопущения необоснованного привлечения к ответственности лиц, не имеющих цели своими действиями фактически дискредитировать действия ВС РФ. Подобные границы могут быть определены через дополнение ст. 280.3 УК РФ примечанием, позволяющим избежать привлечения к уголовной ответственности лиц, не обладающих умыслом на распространение дискредитирующих сведений при условии совершения ими публичных действий, формально содержащих признаки рассматриваемого преступления.

Список литературы:

1. В России в 2024 году IT-преступления достигли пика за последние пять лет [Электронный ресурс]. URL: https://habr.com/ru/news/877022/ (дата обращения: 22.04.2025).

2. В России в 2024 году IT-преступления достигли пика за последние пять лет [Электронный ресурс]. URL: https://habr.com/ru/news/877022/ (дата обращения: 22.04.2025).

3. Ляшук А.В. Особенности привлечения к административной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации / А.В. Ляшук, А.Н. Бородин // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2023. № 1 (44). С. 45–48.

4. Иванова Л.А. К вопросу об ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации / Л.А. Иванова, А.А. Галкина // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № (25). С. 42–49.

5. Официальный сайт прокуратуры Республики Коми [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_11/activity/legal-education/explain?item=83917774 (дата обращения: 22.04.2025).

© Амелина Т.А., 2025

[1]См.: там же.

EDN: NUGCOY

Амирова Диляра Кафилевна,
Казанский юридический институт МВД России,
доцент кафедры уголовного права
кандидат юридических наук, доцент

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ

Аннотация: в статье исследуются основные этапы и закономерности развития уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за хищения в период Великой Отечественной войны. На основе анализа законодательства военного времени дана характеристика уголовно правовых норм о хищениях, сделан вывод о том, что в период ВОВ ответственность за хищения предусматривалась нормами Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1924) и Уголовного кодекса РСФСР (1926), а также иными специализированными правовыми актами.

Ключевые слова: хищения; уголовная ответственность; уголовное законодательство; Великая Отечественная война; карточная система.

9 мая 2025 года наша страна торжественно отметила восьмидесятилетний юбилей Победы в Великой Отечественной войне над фашистской Германией. Война стала серьезным испытанием для советского государства и его многонационального народа. Серьезной «проверке» подверглась и правовая база Советского Союза, включая уголовное законодательство, поскольку перед государством стояла проблема борьбы не только с военными, но и общеуголовными деяниями, включая новые виды преступлений, обусловленные требованиями «военного времени»[1]. Советский союз вынужден был перестроиться на новые условия существования, следуя боевым лозунгам: «Наше дело правое!», «Родина-мать зовёт!», «Все для фронта! Все для Победы!». Таким образом, в годы

[1] Жадан В.Н. Об особенностях уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны // Юридическая наука. № 5. 2020. С. 85.

войны уголовное законодательство и практика его реализации адаптировались к существующим реалиям военного времени, создавалась качественно новая система органов государственной власти и управления, отражая, тем самым, готовность государства к решению задач, связанных с обеспечением законности и правопорядка во всех сферах общественной жизни и государственной деятельности.

Общеизвестно, что в период ВОВ значительная доля правонарушений была представлена экономическими преступлениями. В стране ежегодно регистрировалось более двухсот тысяч преступлений экономической направленности, а к концу войны их число превысило триста тысяч в год[1]. Особое значение в данный период имело то, что действующее уголовное законодательство допускало применение уголовного закона по аналогии, а судебная практика приобрела негласный статус «дополнительного нормативного источника», поскольку правоприменительная практика судов, при наличии пробелов в законодательстве, восполнялась судебным правотворчеством. В связи с этим возникала потребность в расширении специальных составов экономических преступлений, противодействие которым имело наиболее важное значение для государства в военное время. Борьба с преступлениями, и с хищениями, в частности, осложнялась также тем, что на практике активно применялась внесудебная репрессия.

Таким образом, изучение становления уголовной ответственности за хищения в период ВОВ представляет не только исторический интерес, но и позволяет оценить уровень развития законодательства того периода, и, рассмотреть возможность и целесообразность заимствования положительного законодательного опыта.

Развитие уголовного законодательства об ответственности за хищения в период ВОВ шло по пути либо расширительного толкования имеющихся в УК РСФСР признаков, либо по пути издания отдельных документов, многие из которых утратили юридическую силу сразу же после войны. В текст Уголовного закона 1926 г. изменения и дополнения не вносились и фактически он не применялся.

В исторический период начала Великой Отечественной войны в СССР помимо УК РСФСР, действовали также Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. Был принят ряд правовых актов, «действие которых было направлено на усиление

[1] Данные по: Е.М. Емелин Организационно правовые направления противодействия экономической преступности в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 11. С. 85.

ответственности за некоторые виды преступлений против социалистической собственности, увеличение размера наказания за хищения личной собственности, расширительное толкование закона в соответствии с условиями военного времени»[1]. Среди них, например, Постановление Государственного комитета обороны (далее по тексту – ГКО) от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с хищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров», Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) «Об уборке урожая и зерновых сельскохозяйственных продуктов в 1944 г.» и др. Применению также подлежало принятое в довоенное время постановление ЦИК и СНК СССР (в научной литературе именуемое законом «О трех колосках») от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»[2], устанавливающее жесткие меры борьбы с хищениями социалистической собственности, вплоть до смертной казни.

Учитывая разницу в квалификации краж, совершенных при различных обстоятельствах, например, кражу, совершенную во время воздушного налета врага, при оставлении населенного пункта, а также при эвакуации, Пленум Верховного суда СССР разъяснил[3], что такую кражу следует рассматривать, как кражу, совершенную во время пожара, наводнения или иного общественного бедствия и квалифицировать по п. «г» ст. 162 УК РСФСР. В случаях неоднократного совершения кражи – по ст. 59.3 УК РСФСР, как бандитизм.

Поскольку хищения совершались в различных областях хозяйствования, принимались отдельные нормативные акты в этих сферах. Например, Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 986 от 01 декабря 1941 года «Об ответственности за хищение снегозащитных ограждений на железной дороге», а также № 1948 от 02 июля 1942 года «Об ответственности служащих железнодорожного транспорта

---

[1] Эриашвили Н.Д. Уголовное законодательство о присвоении и растрате чужого имущества в советской России // Закон и право. 2015. № 7. С. 112.

[2] Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07 августа 1932 г. // СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

[3] О квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан в условиях военного времени: постановление Верховного суда СССР от 8 января 1942 г. № 1/1/у // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942.

за сохранность транспортируемых народнохозяйственных грузов в военный период» и др.

Законодательное определение понятия хищения чужого имущества в уголовном законодательстве советского периода отсутствовало. Впервые оно было дано в Федеральном законе РФ от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»[1]. Анализируя этапы становления понятия хищения советского времени, можно сделать вывод о том, что изначально оно употреблялось применительно к преступлениям против государственной и социалистической собственности. Сам термин «хищение государственной и социалистической собственности» впервые появился еще в 1932 году в Постановлении ЦИК и СНК СССР. Вместе с тем, документ не только не раскрывал понятия хищения, но и не устанавливал условия его применения. Хотя впоследствии было разъяснено, что постановление используется только при совершении крупных систематических хищений социалистической собственности. Но по факту документ применялся даже при квалификации деяний, не являющихся хищениями. В документе указывалось имущество, которое приравнивалось к государственному (грузы на железнодорожном и водном транспорте, имущество колхозов и кооперативов), определялась суровая мера судебной репрессии, в качестве которой предусматривалась высшая мера социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества, без права применения амнистии к таким преступникам.

Устанавливая за хищение государственного или общественного имущества повышенную уголовную ответственность по сравнению с хищением имущества, принадлежащего отдельным гражданам, государство, по сути, приравняло такие хищения к государственным преступлениям. Такой подход законодателя был обусловлен политическими соображениями и идеологией, и воспринимался как существенная необходимость. Применительно к посягательствам против личной собственности советских граждан, термин «хищение» подменяли термином «похищение», понимаемое в науке как «умышленное обращение виновным в свою собственность имущества, находящегося в обладании другого лица, совершаемого посредством его захвата»[2].

---

[1] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон от 01.07.1994 № 10-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 10.05.2025).

[2] Жижиленко А. Преступления против имущества и исключительных прав. Л., 1928. С. 6–9.

К началу войны в УК РСФСР 1926 г. ответственность за хищения была предусмотрена главой VII – Имущественные преступления. Видами похищений признавались: кража (ст. 162) и её виды, грабеж (ст. 165), разбой (ст. 167), присвоение или растрата (ст. 168), мошенничество (ст. 169), вымогательство (ст. 174), ростовщичество (ст. 173 УК РФ), подделка в корыстных целях официальных бумаг, документов и расписок (ст. 170), непринятие должных мер капитаном одного из столкнувшихся на море судов для спасения другого судна (ст. 176) и многие другие. Отдельные виды составов были помещены в иных главах уголовного закона. Так, например, в ст. 116 главы V – Преступления хозяйственные, предусматривалась ответственность за совершение присвоения или растраты должностным лицом, в ст. 129 наказуемо было расхищение государственного или общественного имущества. Санкции за эти преступления, согласно тексту УК РСФСР, включали в себя такие виды наказаний, как лишение свободы, принудительные работы, конфискацию всего или части имущества.

В годы Великой Отечественной войны остро стояла продовольственная проблема. Летом 1941 г. во многих городах СССР была введена карточная система реализации продовольственных продуктов первой необходимости. С целью борьбы с увеличивающими присвоениями и растратами нормируемых продуктов, совершаемыми должностными лицами, 22 января 1943 г. было принято постановление ГКО СССР «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров», а также Приказ Наркомторга СССР «О мероприятиях по усилению борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров»[1]. Указанные документы устанавливали порядок продажи товаров, форму и порядок печатания талонов, ведение бухгалтерского учета, а также предусматривали формы ответственности - обязанность предъявления гражданских исков о возмещении ущерба, наложение ареста на имущество преступников.

Таким образом, в период ВОВ при квалификации хищений военная обстановка рассматривалась в качестве отягчающего обстоятельства. Существовал серьезный разрыв между санкциями за преступления, посягающие на социалистическую и личную собственность.

[1] О мероприятиях по усилению борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров: Приказ Наркомторга СССР № 50 от 29 января 1943 года // Картотека законодательных и инструктивных материалов НКМП РСФСР. 1943 год. Вып. 4–9. М.: Гос. изд-во мест. промсти РСФСР, 1944.

В теории уголовного права закрепилась идея «многообъектности» хищений, затрагивающих не только имущественные интересы советского государства, но и интересы власти и народного хозяйства.

Список литературы:

1. Жадан В.Н. Об особенностях уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны // Юридическая наука. № 5. 2020. С. 85–92.

2. Емелин Е.М. Организационно правовые направления противодействия экономической преступности в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 11. С. 85–91.

3. Эриашвили Н.Д. Уголовное законодательство о присвоении и растрате чужого имущества в советской России // Закон и право. 2015. № 7. С. 111-114.

4. Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07 августа 1932 г. // СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

5. О квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан в условиях военного времени: постановление Верховного суда СССР от 8 января 1942 г. № 1/1/у // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942. 146 с.

6. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и уголовно - процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон от 01.07.1994 № 10-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 10.05.2025).

7. Жижиленко А. Преступления против имущества и исключительных прав. Л., 1928. 220 с.

8. О мероприятиях по усилению борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров. Приказ Наркомторга СССР № 50 от 29 января 1943 года // Картотека законодательных и инструктивных материалов НКМП РСФСР. 1943 год. Вып. 4–9. М.: Гос. изд-во мест. промсти РСФСР, 1944.

© Амирова Д.К., 2025

EDN: NSDCEQ

Анощенкова Светлана Владиславовна,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
доцент кафедры уголовного права
кандидат юридических наук, доцент

СОСТАВ НАКАЗАНИЯ

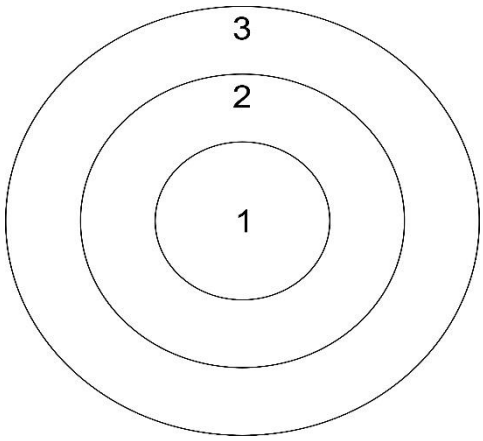
Аннотация: предлагается авторское видение о конструкции состава наказания, которое может стать для судов ориентиром назначения наказания. Дается определение состава наказания, выделяются три его элемента, определяются содержательные признаки каждого из указанных элементов, дана общая характеристика и классификация признаков трех элементов состава наказания.

Ключевые слова: преступление; наказание; состав преступления; состав наказания; элемент; признаки личности; правила назначения наказания; норма; санкция; цели наказания; принцип гуманизма.

Уголовно-правовая категория преступления выстроена вокруг конструкции «состав преступления». Для данной категории состав преступления это – содержательное наполнение формального признака (противоправности). В правоприменительном аспекте конструкция состава преступления служит матрицей процесса квалификации.

Назначение наказания как итог привлечения лица к уголовной ответственности также концентрируется вокруг некоего конструкта, что позволяет правоприменителю учесть все необходимые привходящие данные, для того, чтобы назначить справедливое, способное достичь своих целей наказание. Такой конструкцией, на наш взгляд, является «состав наказания», который мог бы служить ориентиром при назначении наказания.

Состав наказания – система предусмотренных законов и (или) установленных судом элементов, необходимых и достаточных для назначения лицу, признанному судом виновным в совершении преступления, справедливого наказания.



Первый элемент, составляющий ядро всей конструкции состава наказания – это *признаки осужденного*, признаки человека, которому назначается наказание. Данный элемент разделяется на две составляющие: а) признаки личности, имеющие уголовно-правовое значение; б) признаки осужденного как личности.

К уголовно-значимым признакам осужденного относятся рецидив или криминальный дебют, наличие судимости за какое-либо конкретное преступление (например, п. «а. 1» ч. 1 ст. 73 УК РФ, чч. 1 и 2 ст. 76.1 УК РФ и т.д.). Уголовно-значимые признаки личности осужденного так или иначе связаны с совершенным преступлением, либо ранее совершенными данным лицом преступлениями. Эти признаки закреплены в нормах Общей и Особенной частях УК РФ и подлежат обязательному установлению судом.

Личностные признаки осужденного не связаны с совершением преступления и характеризуют его как человека. Речь идет о возрасте, беременности, состоянии здоровья (например, пп. «б», «в», «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ, ст. 82, 82.1 УК РФ. Признаки личности осужденного могут быть либо установлены законом, и в этом случае они обязательны для установления, либо устанавливаться судом по его усмотрению (например, положительная характеристика, наличие государственных наград).

Главной особенностью признаков данной группы является то, что они являются центром конструкции состава наказания, поскольку наказывается не преступление, а лицо, его совершившее. Оно, с одной стороны, является субъектом преступления, и с другой стороны – объектом уголовно-правового воздействия, объектом наказуемости, поскольку цели наказания относятся именно к осужденному.

Вторым элементом конструкции состава наказания являются правила назначения наказания, которые подразделяются на три группы:

- общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ);
- правила назначения наказания, способствующие его смягчению (ст.ст. 61, 62, 64, 65, 66 УК РФ);
- правила назначения наказания, направленные на усиление уголовно-правового воздействия через наказание (ст.ст. 63.1 [1] , 67, 68, 69, 70 УК РФ);
- правила исполнения наказания (ст. 73-74, 82, 82.1, ч. 3 ст. 88 УК РФ).

Отличительной особенностью признаков второго элемента является то, что они исчерпывающим образом предусмотрены нормами Общей части УК РФ в том смысле, что иных правил, кроме тех, что содержатся в Главе 10 УК РФ, суд использовать не может. Некоторые из них подлежат обязательному применению (например, назначение наказание при рецидиве преступлений, ст. 68 УК РФ), некоторые применяются по усмотрению суда (ст. 64 УК РФ). Ряд из указанных признаков четко обозначен в законе и толкуются буквально, но есть и те, что не исчерпываются законодательным установлением (например, перечень смягчающих наказание обстоятельств – ст.ст. 61, 64 УК РФ).

Третьим элементом состава наказания является санкция нормы Особенной части УК РФ, подлежащей применению. Именно санкция определяет пределы наказуемого, за которые суд, назначая наказание за конкретное преступление выйти не вправе. Данное положение – воплощение принципа законности (ч. 1 ст. 3 УК РФ). При этом очевидно, что санкция, как результат пенализации, являет собою видение законодателя о минимальных и максимальных пределах наказуемости того или иного преступления. Для суда санкция – лишь общий ориентир о мере наказания, видах, размерах или сроках основного и дополнительного наказания (наказаний). Это означает, что при назначении наказания суд использует весь спектр норм Общей части УК РФ, начиная с системы наказаний до правил назначения отдельных видов наказаний.

Представляется, что формулирование и развитие идеи о составе наказания, в центре которого находится осужденный, а не совершенное им преступление, позволит по-новому осмыслить принцип гуманизма уголовного законодательства, наполнить его иным, поистине гуманистичным содержанием.

© Анощенкова С.В., 2025

[1] Данная норма занимает особое место в классификации правил назначения наказания, поскольку изменения пределов наказуемости она не изменяет, но препятствует смягчению наказания по правилам, установленным ст.ст. 62 и 64 УК РФ в отношении лиц, заключавших досудебное соглашение о сотрудничестве.

EDN: NMRCFQ

Антипов Андрей Игоревич,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
доцент кафедры уголовного права
кандидат юридических наук

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ СВЕДЕНИЙ И ИНФОРМАЦИИ

Аннотация: в условиях цифровизации общества наблюдается трансформация механизмов совершения преступлений с использованием сетевых и интернет-технологий. В статье проводится анализ уголовно-правового значения применения информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений, а также выработано несколько рекомендаций по совершенствованию механизмов противодействия таким преступлениям. В тексте рассматриваются особенности влияния технологий передачи информации с использованием информационно-телекоммуникационных сетей на объективную и субъективную стороны преступлений. Исследуются факторы, обуславливающие выбор преступниками информационно-телекоммуникационных сетей: трансграничный характер деяний, анонимность пользователей, масштабность и автоматизация преступных процессов. Новизна исследования состоит в комплексном анализе воздействия цифровых технологий на квалификацию преступлений и механизм их совершения. Выявлены специфические черты преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные сети, киберпреступность, цифровая преступность, квалификация преступлений, уголовно-правовая защита, информационные технологии.

В современном обществе использование информационно-телекоммуникационных сетей (в основном, сети «Интернет») стало неотъемлемой частью повседневной жизни. Такое широкое использование современных технологий привело к тому, что возникли новые способы

совершения преступлений, в которых значимую роль играет именно информационно-телекоммуникационные сети, которые выступают как способ, средство или же орудие совершения преступлений.

К середине 2020-х годов в УК РФ законодатель установил уголовную ответственность в том числе, за совершение деяний, которые возможно совершить только с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (например, ч. 6 ст. 272.1 УК РФ «Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения»). Кроме того, в значительное число статей УК РФ был введён квалифицирующий признак, предусматривающий использование информационно-телекоммуникационных сетей. Значительное число преступлений, связанных с использованием сети «Интернет», требует глубокого анализа и переосмысления существующих уголовно правовых норм, практики их применения.

Наиболее сильно с такой ситуацией столкнулись правоохранители, вынужденные осваивать новые знания и технику и законодатели, которым необходимо защитить новые общественные отношения с использованием правовых средств. Важную роль в том, чтобы органы правопорядка и правотворцы смогли достичь успеха в сложившейся обстановке, играют специалисты в области сетевых и информационных технологий, чьи знания необходимы для пресечения и эффективного расследования преступлений в цифровой среде, а также способности грамотно и точно разъяснять механизмы действия технологий лицам, создающим правовые нормы, касающиеся цифровой среды.

Ежегодно зависимость общества от информационных технологий как в России, так и в мире растёт, однако, у этого явления есть не только негативная сторона, но и позитивная, связанная с повышение комфорта жизни и облегчения взаимодействия людей между собой. В нашей стране, в целях реализации позитивного использования информационно-телекоммуникационных технологий была принята Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы[1], в п.п. «б» и «г» ст. 21 которой установлено,

[1] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс] // URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 14.04.2025)

что Стратегия призвана способствовать обеспечению следующих национальных интересов: обеспечение безопасности граждан и государства; развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления.

Увеличение числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей требует от государства не только разработки новых законодательных инициатив, но и активного сотрудничества с международными организациями для борьбы с транснациональной преступностью.

Понимание уголовно-правового значения использования информационно-телекоммуникационных сетей и интернета в преступной деятельности позволит выработать более эффективные подходы к борьбе с преступлениями, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Среди факторов, влияющих на выбор преступниками использования информационно-телекоммуникационных сетей, можно отметить:

– возможность трансграничного совершения преступлений, затрудняющая их выявление и расследование;

– анонимность пользователей, создающая сложности для правоохранительных органов в установлении лица, совершившего уголовно-наказуемое деяние. Как указывает Фетисов П.И., чтобы уйти от ответственности виновные пользуются VPN-маршрутизаторами, специальными программами по сокрытию или подмене IP-адреса компьютера, само распространение информации происходит вне домашней сети, из кафе или торгового центра[1];

– масштабность и быстрота преступных действий, позволяющая охватывать значительное количество потерпевших в короткое время. Например, Шаганова О.М. отмечает, что определяющим признаком публичного характера действий виновного выступает не сама по себе возможность распространить информацию в информационно-телекоммуникационной сети, а возможность распространить ее среди как можно большей аудитории, например, среди широкой (большой) группы лиц (в групповых чатах различных мессенджеров с количе-

[1] Фетисов П.И. Преступления против личности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (включая сеть Интернет) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 127.

ством участников в несколько десятков или даже сотен) либо даже неограниченного числа лиц (на форумах, блогах или сайтах, доступ к которым имеет любой человек)[1];

– автоматизация преступных процессов, повышающая их эффективность.

В результате анализа этих факторов, мы пришли к выводу, что с уголовно-правовой точки зрения использование информационно-телекоммуникационных сетей существенно влияет на:

1. Объективную сторону преступления, меняя способ его совершения, в некоторых случаях делая его несущим большую общественную опасность.

2. Субъективную сторону преступления, формируя особый умысел преступника, связанный с возможность информационно-телекоммуникационных сетей.

3. Квалификацию деяния, требующую учета специфики цифровых технологий и компьютерной информации, передаваемой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

В заключение отметим, что продолжающееся использование информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений требует надлежащей реакции со стороны государства, в том числе в некоторых случаях совершенствования уголовного законодательства, как в части установления дополнительных квалифицирующих признаков в уже имеющиеся составы, так и криминализацию новых деяний. Необходимо развитие механизмов противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей как на правовом, организационном, так и на техническом уровне. Для того чтобы принимаемые меры в области противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, были максимально эффективными требуется как повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в сфере цифровых технологий, так и формирование новой «цифровой» грамотности населения, в том числе в области использования информационно-телекоммуникационных сетей.

[1] Шаганова О.М. Особенности квалификации клеветы, совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 106.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс] // URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 14.04.2025).
2. Фетисов П.И. Преступления против личности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (включая сеть Интернет) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 119–130.
3. Шаганова О.М. Особенности квалификации клеветы, совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2 (89). С. 103–108.

© Антипов А.И., 2025

EDN: PDUNQS

Антонов Антон Геннадьевич,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
профессор кафедры уголовного права
доктор юридических наук, профессор

Семенова Виктория Вячеславовна,
Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
кандидат юридических наук, подполковник юстиции

ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ФИКТИВНОЙ РЕГИСТРАЦИИ ГРАЖДАН (СТ. 322² УК РФ)

Аннотация: в статье анализируется общественная опасность фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивной регистрации иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации. На основании анализа ст. 322² УК РФ и судебной статистики сделан вывод о недостаточно обоснованной криминализации указанного деяния.

Ключевые слова: общественная опасность, фиктивная регистрация, освобождение, уголовная ответственность.

В статье 322² УК РФ установлена уголовная ответственность за фиктивную регистрацию гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивную регистрацию иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации (далее – фиктивная регистрация граждан). До недавнего времени указанные деяния не представляли общественной опасности и не были включены в УК РФ. Они получили свое отражение в УК РФ в соответствии с Федеральным законом от 21.12.2013 № 376-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В пояснительной записке к соответствующему законопроекту не вполне обоснована криминализация исследуемого деяния. Так, в нем было указано, что ежегодно по стране фиксируются многие тысячи жилых помещений («резиновых домов»), в которых регистрируются сотни тысяч граждан без намерения вселения, при этом их реальное место жительства неизвестно. Реализуя право на выбор места жительства, многие из таких граждан уклоняются от исполнения ими конституционных обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом. Такое положение дел стало возможным в связи с массовыми злоупотреблениями собственниками жилья своими правами, зачастую имеющими корыстный характер[1].

Далее в указанном законопроекте отмечается следующее. По этой причине органы регистрационного учета не имеют возможности направлять достоверные сведения о реальном месте жительства граждан Российской Федерации в налоговые органы (ст. 85 Налогового кодекса Российской Федерации), военные комиссариаты (ст. 4 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»), судебные органы и другие государственные органы при исполнении возложенных на них в соответствии с законодательством Российской Федерации функций. Органы миграционного учета также не могут предоставлять информацию о местонахождении иностранных граждан и лиц без гражданства, зарегистрированных в «резиновых домах», заинтересованным федеральным органам исполнительной власти. Это затрудняет прогнозирование миграционной ситуации и нивелирует саму идею миграционного учета[2].

Насколько необходимо введение уголовной ответственности за исследуемые деяния? Исчерпаны ли меры административной ответственности? В тексте пояснительной записки к законопроекту этого не отмечено.

Мы же можем оценить общественную опасность фиктивной регистрации гражданина с высоты уже пройденного времени. Насколько судебная практика считает данное деяние общественно опасным?

Сделаем оговорку, что и законодатель не был однозначно убежден в общественной опасности деяний, предусмотренных ст. 322^2 УК РФ и лиц их совершивших. Об этом свидетельствует то, что с введением

---

[1] См.: Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»». https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=101275&rnd=bihD0Q#xlum6lU0OjSTJ0Mr.

[2] Там же.

данной статьи в УК РФ было введено и примечание к ней, закрепляющее специальное основание освобождения от уголовной ответственности. Согласно ему, лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию этого преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Тем самым, обозначена гипотетическая возможность наличия типового неопасного круга лиц, которые совершают соответствующие деяния.

Обратимся к судебной статистике на предмет оценки ею общественной опасности фиктивной регистрации гражданина. Так, например, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации[1] в 2024 году в соответствии со ст. 322² УК РФ было осуждено всего 969 человек, из них к лишению свободы – 6 лиц, к лишению свободы условно – 42, к штрафу – 908, к ограничению свободы – 1, к обязательным работам – 1, к принудительным работам – 6. При этом, в связи с примирением с потерпевшим было освобождено от уголовной ответственности только судами 16 человек, в связи с деятельным раскаянием – 106, с назначением судебного штрафа – 48, по иным основаниям – 54, на основании примечания – 628 человек.

Очевидно, что судебная практика примерно половину лиц, совершивших преступление, за которое предусмотрена уголовная ответственность в ст. 322² УК РФ считает относительно опасными и осуждает их к соответствующим уголовным наказаниям. А оставшаяся часть лиц, попавших в поле зрения уголовной юстиции, оценивается как неопасная и освобождается от уголовной ответственности по различным нереабилитирующим основаниям.

Следует отметить, что осужденным лицам в более 90 % случаев назначался такой самый мягкий вид уголовного наказания как штраф, что свидетельствует об оценке судами таких лиц как обладающих невысокой общественной опасностью.

Этот тезис верен и, несмотря, на то, что фиктивная регистрация граждан является преступлением средней тяжести, а также, что в санкции ст. 322² УК РФ штраф, закрепленный в натуральном выражении, составляет от ста до пятисот тысяч рублей. Тем более, что в судебной практике сложился иной подход к оценке общественной опасности рассматриваемого деяния. Так, в 2024 году в соответствии с рассматриваемой нормой был назначен штраф до 5 тысяч рублей в 65 случаях,

[1] Здесь приводятся данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 01.01.2025).

от 5тысяч рублей до 25 тысяч рублей – в 464, от 25 тысяч рублей до 100 тысяч рублей – в 322, от 100 тысяч рублей до 300 тысяч рублей – в 55, от 300 тысяч рублей до 500 тысяч рублей – в 2[1].

Исходя из приведенных статистических данных, можно констатировать, что подавляющее количество уголовных наказаний в виде штрафа назначены за фиктивную регистрацию граждан ниже низшего предела. При этом, суммы назначенных штрафов соотносятся с репрессивностью штрафов как вида административного наказания. Поэтому, фактическая оценка общественной опасности фиктивной регистрации граждан и законодательная не совпадают, что наводит на мысли о недостаточно обоснованной криминализации данного деяния с учетом ранее изложенных положений о существенном количестве виновных, освобожденных от уголовной ответственности.

© Антонов А.Г., 2025
© Семенова В.В., 2025

[1] По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 01.01.2025).

EDN: PEWAEQ

Бавсун Максим Викторович,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
заместитель начальника (по научной работе),
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации

Кузнецов Алексей Александрович,
Сочинский филиал федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста)»,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЯМ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ, КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация: примечания к статьям Особенной части УК РФ на сегодняшний день не относятся ни к одному структурному элементу уголовно-правовой нормы. Точно также данное явление не входит ни в один из институтов уголовного права, будучи крайне слабо разработанным в отечественной доктрине. С учетом существенного роста количества примечаний в различных статьях уголовного закона, наряду с отсутствием понимания их правовой природы, очевидным представляется поиск путей решения уже давно назревшей проблемы, который должен осуществляться, в первую очередь, на доктринальном уровне.

Ключевые слова: уголовная ответственность; форма реализации; примечание; уголовно-правовая норма.

Традиционно ответственность в уголовном праве видится как некая совокупность тягот и лишений, как какие-либо правоограничения, которые накладываются на лицо, совершившее преступление.

Уголовно-правовая сфера регулирования складывающегося общественного отношения придает ответственности статус уголовной, а степень тяжести или репрессивности, налагаемых на лицо тягот и лишений указывает на необходимость ее отнесения именно к данной правовой отрасли. С другой стороны, отечественный УК изобилует большим количеством явлений, так или иначе относящихся к проявлениям ответственности, но при этом вряд ли определяющихся как формы ее реализации. Одним из таких случаев с уверенностью можно назвать примечания к статьям Особенной части УК РФ. Их количество сегодня, а в особенности их содержание, таково, что, во-первых, они уже не могут оставаться без внимания современной доктрины, во-вторых, важно определить их статус как таковых и применительно к ответственности в частности[1], а в-третьих, в последние годы происходит не только их количественная трансформация, но и качественная, что также требует соответствующего переосмысления.

Ответ на второй вопрос, который выступает в качестве базового и позволяет в дальнейшем определить пределы самой ответственности в уголовном праве, представляется наиболее приоритетным. В зависимости от его содержания, в дальнейшем появляется возможность раскрыть и третий аспект проблемы – в каком направлении движется трансформация данного явления. Дело в том, что любые примечания, за исключением тех, что выполняют роль фиксации понятий тех или иных уголовно-правовых категорий (ч. 1 примечания к ст. 158 УК РФ, ч. 1 примечания к ст. 286 УК РФ, примечание к ст. 331 УК РФ и некоторые другие), связаны с изменением объема реализуемой репрессии[2]. Речь идет даже о тех примечаниях, где дается определение

---

[1] Некоторые диссертационные исследования по данной проблематике действительно проводились, однако датировались они периодами десяти и более лет давности. См., например: Рубанова С.Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды: дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011; Войтович А.П. Примечания в уголовном законе: сущность, виды, общая характеристика: дисс. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2006; и некоторые другие.

[2] Следует отметить, что в современной литературе существует достаточно мнений относительно классификации примечаний. См., например: Рарог А.И., Войтович А.П. К вопросу о необходимости совершенствования системы примечаний в УК РФ // Традиции криминалистических школ Казенного университета и современные тенденции противодействия преступности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию кафедр уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Казанского университета. Казань, 2008. С. 94.

размера причиняемого ущерба (вреда), а также тяжести совершенного деяния, оказывающих влияние как на установление, так и на дифференциацию ответственности. Причем спектр такого влияния максимально разнообразен и используется законодателем не только для усиления ответственности, но и для ее смягчения и даже освобождения. По большому счету, сегодня в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ содержится весь функционал, который только существует у уголовной ответственности, включая ее восстановительную (компенсационную), стимулирующую, поощрительную и иные функции.

Во многом это связано с динамикой расширения данного института в уголовном законодательстве. Если сравнивать отечественный УК РФ в его первоначальной редакции с действующей, то отчетливо видно кратное увеличение количества составов, включающих примечания, в рамках которых содержатся практически все средства дифференциации ответственности, которые только сегодня возможны. Анализ перечня самих примечаний не относится к предмету настоящего исследования, однако даже поверхностный взгляд позволяет обратить внимание на их существенное увеличение в преступлениях против личной свободы человека, экономики, общественной безопасности и во многих других разделах и главах. Впрочем, дело даже не в самом расширении, а в том, что данный факт сам по себе указывает теперь уже на не присущую данному явлению исключительность, которая в силу своей нераспространенности всегда была типична для отечественного уголовного законодательства. Между тем, при многократном увеличении примечаний в статьях Особенной части УК РФ и продолжающейся тенденции к их дальнейшему росту, статус самого явления как не был определен раньше, такон не определен и сейчас[1]. Однако если в условиях, когда законодатель обращался к данному юридико-техническому приему не более четырех-пяти раз, и можно было вести речь об особом подходе к правовой регламентации того или иного вопроса, то в ситуации обращения к такому приему более двадцати раз (как это происходит сейчас) с этих позиций рассуждать уже невозможно. С учетом совершенно различного содержания и сути таких примечаний, отсутствия самих критериев их появления и исключения из уголовного закона, а также закономерностей в решении тех вопросов, для которых они созданы, то пока что крайне сложно формулировать какой-либо вывод относительно того, что конкретно они из себя представляют и можно ли о них рассуждать как о чем-то однородном.

---

[1] См.: Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: дисс. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. С. 3–5.

Собственно, именно уголовная ответственность, по нашему мнению, способна выступить в качестве необходимого в таких случаях объединяющего начала для той группы примечаний, которые так или иначе содержат в себе любые критерии ее дифференциации. Речь в данном случае также должна идти и о так называемых составообразующих, или, наоборот, исключающих данный процесс примечаниях, определяющих сам факт возможности уголовной ответственности в данном конкретном случае. Вопрос лишь в том, что, несмотря на весь безусловно богатый потенциал уголовной ответственности, при таком способе реализации нельзя забывать, что сама она пока что не выступает в качестве объективного критерия выбора именно такого способа правового регулирования определенной группы общественных отношений или отдельно взятого и типичного для современной правоприменительной практики случая. Следует признать, что законодатель вторгается в сферу уголовно-правового регулирования посредством данного способа, по сути, исходя из субъективных начал, что не придает стройности уголовному закону, а также последовательности самому законодателю.

В данном случае речь скорее идет об элементах чрезвычайного законодательства, когда проблема действительно существует, а ее решение не терпит отлагательств. По крайней мере это достаточно типично именно для данной формы реализации позиции законодателя при решении вопросов подобного рода. Но дело в том, что чрезвычайное нормотворчество, исходя из самого термина, является таковым в силу объективно существующей потребности в принятии срочного решения. Промедление с таким решением способно причинить существенный вред общественным отношениям. Отсюда и сам факт существования так называемого надрегулирования, которое при этом вызывает массу вопросов среди специалистов[1]. Здесь о чрезвычайщине можно судить лишь по одному признаку – использование некоего законодательного приема в тех случаях, когда сама норма ни технически, ни с содержательной точки зрения не способна охватить те или иные изменения объема уголовной репрессии. Примечания в таких случаях выступают в роли тех элементов, которые как раз данному критерию в полной мере

[1] См., например: Бавсун М.В., Попов Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II: право на задворках духовности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1. С. 56–58; Ныркова Н.А. Влияние чрезвычайных обстоятельств на уголовное право (личное мнение) // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 3. С. 64–68; и др.

отвечают, позволяя скорректировать размер тягот и лишений, изначально заложенный в санкции конкретной уголовно-правовой нормы. По всем остальным признакам, использование данного законодательного приема, напоминает о чрезвычайности лишь через его «удобство» в части решения нормотворческих проблем определенного свойства. Отсюда, рассуждения относительно примечаний именно с данной точки зрения также представляются не совсем верными.

В свою очередь, как средство корректировки уголовной ответственности, точно также, как и форма ее реализации, примечание выступать вполне способно. Признаки и того и другого присущи данному явлению, которое столь активно сегодня использует законодатель при решении именно вопросов нормативной трансформации уголовной ответственности. При этом ее ужесточение, смягчение, освобождение, установление или любые другие проявления есть ни что иное, как формы ее реализации. Их концентрация в рамках примечаний сама по себе уникальна, так как, по сути, в них происходит реализация тех идей, которые законодателем первоначально заложены в других институтах уголовного права, а, соответственно, и нормах уголовного закона. В частности, в ходе правовой регламентации обстоятельств, отягчающих и смягчающих наказание, освобождения от уголовной ответственности и от наказания, и не только. Как бы то ни было, а все проявления дифференциации уголовной ответственности, экономии мер уголовной репрессии и даже в отдельных случаях индивидуализации уголовного наказания (как одной из форм реализации уголовной ответственности) в зависимости от того или иного вида примечания сегодня в уголовном законе встретить вполне возможно. Данный тезис позволяет рассуждать с ранее обозначенных нами позиций применительно к рассматриваемому явлению, а именно, относя его к одному из самостоятельных и непосредственных способов выражения как самой уголовной ответственности, так и отдельно взятых средств ее корректировки, находясь при этом за пределами уголовно-правовой нормы и вне установленных уголовно-правовых институтов.

Список литературы:

1. Рубанова С.Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды: дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.

2. Войтович А. П. Примечания в уголовном законе: сущность, виды, общая характеристика: дисс. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2006.

3. Рарог А.И., Войтович А.П. К вопросу о необходимости совершенствования системы примечаний в УК РФ // Традиции криминалистических школ Казенного университета и современные тенденции противодействия преступности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию кафедр уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Казанского университета. Казань, 2008. 386 с.

4. Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: дисс. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2003.

5. Бавсун М.В., Попов Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II: право на задворках духовности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1. С. 53–62.

6. Ныркова Н.А. Влияние чрезвычайных обстоятельств на уголовное право (личное мнение) // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 3. С. 64–68.

© Бавсун М.В., Кузнецов А.А., 2025

EDN: PFEMMJ

Баранчикова Марина Вячеславовна
Санкт-Петербургский университета МВД России,
заместитель начальника кафедры уголовного права
кандидат юридических наук, доцент

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРЕВЕНЦИЯ КАК ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ОСНОВНЫМ ФАКТОРАМ РИСКА СОВЕРШЕНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Аннотация: в статье показаны особенности установления уголовного наказания за нарушения, соответствующие основным факторам риска совершения дорожно-транспортных происшествий. Обозначается обоснованность и специфика повышенной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 264^1-264^2 УК РФ для лиц, ранее судимых за их совершение. Показано, что данная категории субъектов является адресатами специальной превенции как цели наказания за преступные нарушения правил дорожного движения.

Ключевые слова: нарушения правил дорожного движения; цель уголовного наказания; специальная превенция; дорожно-транспортное происшествие (ДТП); факторы риска совершения ДТП; лицо, управляющее транспортным средством.

В современных дорожных условиях одним из самых высоких рисков для жизни и здоровья участников дорожного движения являются нарушения правил дорожного движения, относимые к категории «основных факторов риска совершения дорожно-транспортных происшествий». Их предупреждение является важной составляющей деятельности по противодействию дорожно-транспортной преступности.

Необходимость выделения в структуре административных правонарушений их наиболее рискованных видов связана с высокой тяжестью последствий, наступающих в результате обусловленных их совершением дорожно-транспортных происшествий (Далее ДТП), необходимостью их предотвращения. К административным правонарушениям, соответствующим основным факторам риска совершения ДТП,

относятся превышение установленной скорости движения транспортного средства, выезд в нарушение правил на полосу дороги, предназначенную для встречного движения, управление транспортным средством водителем, имеющим признаки опьянения.

Согласно данным официальной статистики наиболее высокая тяжесть последствий характерны для ДТП, произошедших из-за выезда на полосу встречного движения и превышения скорости водителем транспортных средств. В 2024 году в числе основных факторов риска аварийности доля погибших из-за управления в состоянии опьянения составила 25,3 % (23,5), из-за выезда на полосу встречного движения – 24,9 % (в 2023 году – 26,2 %), из-за несоответствия скорости – 24 % (23,6 %). Каждый пятый погибший был зафиксирован вследствие выезда на полосу встречного движения или несоответствия скорости конкретным условиям движения. Удельный вес ДТП из-за управления транспортными средствами с признаками опьянения с 2023 по 2024 год вырос с 10,5 до 10, 6 %, а погибших в них людей с 23,5 до 25,3 %. Доля ДТП из-за несоответствия скорости увеличилась с 18 до 19,3 %, а погибших в них – с 23,6 до 24 %[1].

Уровень дорожно-транспортной смертности является определяющим критерием оценки состояния безопасности дорожного движения, а ее снижение выступает одной из целей деятельности по предупреждению нарушений правил дорожного движения.

Опасность перечисленных нарушений очевидна, при этом ее повышает то, что их виновники формируют тенденцию к нарастанию их кратности и интенсивности. Часто это приводит к формированию злостного типа водителя-нарушителя, который, будучи ранее административно наказанным, может с высокой степенью вероятности трансформироваться в субъекта уголовной ответственности.

В ст. 264^1-264^2 УК РФ субъектом является лицо, ранее наказанное и лишенное прав за перечисленные в данных статьях административные нарушения. Вид нарушений, указанных в данных статьях, соответствует тем, что выделены из числа прочих в перечень административных правонарушений, соответствующих основным факторам риска совершения ДТП.

---

[1] Профили безопасности дорожного движения субъектов Российской Федерации 2024: статистический сборник. М.: ФКУ «Научный центр БДД МВД России», 2025. С. 6.; Профили безопасности дорожного движения субъектов Российской Федерации 2023: статистический сборник. М.: ФКУ «Научный центр БДД МВД России», 2024. С. 6.

В законопроектах к данным статьям отмечалось, что связанные с их принятием изменения позволят более эффективно достигать цели общей превенции, создадут условия для уголовно-правового противодействия нарушениям правил дорожного движения лицами, уже подвергнутыми административному наказанию и лишенными права управления транспортными средствами. Одной из целей законопроектов было обозначено упреждение административных правонарушений, а также сбережение жизни водителей, пешеходов и пассажиров.

Тем самым законодатель, используя термины «превенция», «упреждение», рассматривает суть предупреждения как в широком, так и узком смысле. С одной стороны, объектом последнего становятся не только преступления, но и административные правонарушения в сфере дорожного движения. Соответственно адресатами являются две категории: лица, являющиеся административно наказанными или лица, ранее судимые за дорожно-транспортные преступления. С другой стороны, речь идет о специальной превенции, ориентированной конкретно на тех, кто ранее совершал криминальные нарушения правил дорожного движения и был судим.

Предупреждение преступлений провозглашено одной из задач уголовного законодательства, а согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание должно применяться в целях предупреждения совершения новых преступлений. При этом в отдельный вид выделяется специальное предупреждение, что связано с его адресатом - лицами, ранее совершавшими преступления.

Лицам, привлекавшимся к ответственности за дорожно-транспортные преступления, присуща повышенная опасность. Она обоснована не только наличием у них преступного опыта нарушения правил дорожного движения, но и зачастую предшествующими ему многочисленными нарушениями правил дорожного движения. Начинаясь с единичных грубых нарушений таких правил с каждым новым фактом, они обычно становятся все более небезопасными, риски наступления тяжких последствий возрастают по мере совершения каждого последующего нарушения. Прослеживается прямая связь между нарастанием кратности таких фактов и вероятностью совершения более тяжких происшествий, их рецидива.

Такая опасность не только является гипотетической, прогнозируемой на вероятностном уровне, но и юридически признанной. Доказательством этого является сформулированный в ч. 2 ст. 264^1 УК РФ и ч. 2 ст. 264^2 УК РФ признак в виде совершения преступления лицом,

ранее судимым за указанные в них дорожно-транспортные преступления. Для данной категории субъектов предусмотрено наказание в полтора раза более строгое, чем для субъектов, указанных в первых частях данных статей. За счет ужесточения для них наказания достигаются цели специальной превенции.

Такая превенция представляется «практической реализацией цели исправления, точнее определяемым ее достижением положительным эффектом – несовершением новых преступлений лицом, уже подвергнутым наказанию»[1]. Критерием ее полного достижения служит отсутствие рецидива, когда лица, отбывшие наказание, не совершают новых преступлений.

В последние годы самым распространенным наказанием по рассматриваемым статьям выступали обязательные работы, назначенные в 62 % случаев по ст. 264^1 УК РФ и в 52 % – по ст. 264^2 УК РФ. Вторым по частоте применения было наказание в лишение свободы, доля которого по ст. 264^1 УК РФ составила 20 %, а по ст. 264^2 УК РФ – 19 % от всех назначенных наказаний. Однако, такая высокая доля наказаний в виде лишения свободы для данной категории преступлений не привела к устранению или хотя бы минимизации их рецидива. Согласно официальным данным каждый пятый (21 %) из числа лиц, ранее осужденных по ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ и 264^1 УК РФ вновь совершил преступление предусмотренное ст. 264^1 УК РФ. Почти каждый четвертый (24 %) из числа лиц, ранее осужденных по 264^2 УК РФ, совершил аналогичное преступление[2].

Тем самым расчет на то, что «привлечение к ответственности водителей за преступления превентивной направленности, к которым относятся деяния, предусмотренные ст. 264^1-264^3 УК РФ позволит минимизировать совершение указанных в них нарушений»[3], оказался неверным. Уровень рецидива по ним остается высоким.

---

[1] Дворянсков И.В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. 2021. № 2. С. 258.

[2] Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «Научный центр БДД МВД России», 2024. С. 41.

[3] Баранчикова М.В. К вопросу о превентивной направленности уголовно-правовых норм с административной преюдицией в системе правового обеспечения безопасности дорожного движения // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 243.

Существование повторности правонарушений, соответствующим основным факторам риска совершения ДТП и рецидива их криминальных видов само по себе свидетельствует о наличии серьезных проблем в системе специальной профилактики преступлений.

Это может означать, что «того набора уголовно-правовых средств, который имеется сегодня у правоприменителей, недостаточно для эффективного противодействия транспортным преступлениям»[1], а значит его нужно оптимизировать.

Число лиц, ранее осужденных за преступления, предусмотренные ч. 2, 4, 6 ст. 264, ст.ст. 264^1,264^2 УК РФ, в рамках реализации специальной превенции как цели наказания, должно сокращаться. Снижение объема преступлений достижимо с использованием не только наказания, но и иных мер.

Уже положительно себя проявило и может стать перспективным направлением использование возможностей конфискации транспортных средств у лиц, совершивших деяния, предусмотренные ст. 264^1-264^2 УК РФ. Лишение виновного объективного доступа к транспорту нивелирует саму возможность допущения им правонарушений, соответствующих основным факторам риска совершения ДТП, будет способствовать их специальной превенции.

Список литературы:

1. Баранчикова М.В. К вопросу о превентивной направленности уголовно-правовых норм с административной преюдицией в системе правового обеспечения безопасности дорожного движения // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 254–258.

2. Профили безопасности дорожного движения субъектов Российской Федерации 2024: статистический сборник. М.: ФКУ «Научный центр БДД МВД России», 2025. 104 с.

3. Профили безопасности дорожного движения субъектов Российской Федерации 2023: статистический сборник. М.: ФКУ «Научный центр БДД МВД России», 2024. 104 с.

4. Скобелин С.Ю. Уголовно-правовые средства предупреждения транспортных преступлений // Транспортное право и безопасность. 2016. № 3 (3). С. 82–90.

[1] Скобелин С.Ю. Уголовно-правовые средства предупреждения транспортных преступлений // Транспортное право и безопасность. 2016. № 3 (3). С. 90.

5. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. 120 с.

7. Дворянсков И.В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. 2021. № 2. С. 247–259.

© Баранчикова М.В., 2025.

EDN: OOMUUG

Баумштейн Антон Борисович,
Юго-Западный государственный университет,
профессор кафедры уголовного права
доктор юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАЕМЩИКА В КАЧЕСТВЕ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Аннотация: в рамках данной статьи проведено исследование особенностей заемщика как специального субъекта мошенничества в сфере кредитования, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ. Определены особенности заемщика исходя из анализа норм как уголовного, так и гражданского права. Выявлены проблемные аспекты, с которыми приходится сталкиваться правоприменителю при определении субъекта деяния, подпадающего под признаки вышеназванной статьи. Внесены предложения по совершенствованию законодательства, направленные на исключение противоречия между нормами уголовного и гражданского законодательства в вопросе определения особенностей правового статуса заемщика.

Ключевые слова: мошенничество, кредит, кредитный договор, заемщик, субъект преступления, хищение, финансы.

Как известно в УК РФ в качестве субъекта преступления выступает вменяемое физическое лицо, которое на момент его совершения достигло возраста уголовной ответственности. В то же время указанный перечень признаков является обязательным для всех без исключения субъектов, а при отсутствии хотя бы одного их них будет отсутствовать и субъект преступления, однако следует указать на тот факт, что в качестве субъектов отдельных преступлений могут выступать лишь те лица, которые, помимо вышеуказанных, характеризуются также дополнительными признаками, прямо указанными в законе либо непосредственно вытекающими из текста уголовно правовой нормы.

Рассмотрение вопросов, связанных с отдельными аспектами субъекта преступления, является актуальным на сегодняшний день,

как и на протяжении практически всего периода развития отечественного уголовного права, что связано с постоянно происходящим процессом трансформации и модернизации указанного элемента состава преступления.

Субъекту преступления, в качестве которых выступают физическая природа лица, вменяемость и возраст, в статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ встречаются преступления, в качестве субъекта которых может выступать только лицо, обладающее помимо обязательных также и дополнительными признаками. Для обозначения подобных ситуаций имеется термин - «специальный субъект»[1].

Преступления, субъект которых является специальным, принято выделять в отдельные части статей или же им посвящаются отдельные статьи. Так, 29 ноября 2012 года был принят Федеральный закон № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым глава 21 УК РФ была дополнена статьями, предусматривающими специальные составы мошенничества, одной из них является статья 159.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за мошенничество в сфере кредитования.

Именно субъекту указанной статьи и предлагаем уделить более пристальное внимание в рамках данного исследования, проведя на основе него исследование особенностей специального субъекта в целом с одной стороны и анализ проблемных аспектов определения заемщика в качестве субъекта преступления в виде мошенничества в сфере кредитования – с другой.

Субъект вышеуказанного преступления является специальным поскольку помимо общих признаков лицо, совершающее его, должно обладать определенным статусом, а именно – быть заемщиком то есть выступать в качестве стороны кредитного договора, обязанной возвратить денежную сумму, предоставленную кредитором в размере и на условиях, предусмотренных соответствующим договором, и, вместе с этим, уплатить процент за пользование ею. Приведенную характеристику термина «заемщик» можно сформулировать, проанализировав норму Гражданского кодекса РФ о кредитном договоре. Однако наряду с тем, что он используется как в рамках гражданского, так и уголовного права, его прямое определение в УК РФ и ГК РФ от-

[1] Андреев С.А. Специальный субъект преступления // Вестник Омской юридической академии. 2019. № 2. С. 122–126.

сутствует. Вместе с этим следует указать, что понятие «заемщик» законодательно все же закреплено. Так, он является физическим лицом, обратившимся к кредитору с намерением получить, получающее либо уже получившее потребительский кредит.

Помимо прочего следует отметить, что в соответствии с нормами гражданского законодательства в качестве заемщика в Российской Федерации может выступать не только физическое лицо, но и физическое лицо, обладающее статусом индивидуального предпринимателя, а также юридические лица и публичные образования. Ссылаясь на данное положения в трудах отечественных исследователей в области уголовного права можно встретить высказывания о том, что в качестве субъекта мошенничества в сфере кредитования, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, может выступать любое лицо[1]. Однако указанное мнения вступает в противоречие со ст. 19 УК РФ, в соответствии с которой в качестве субъектов преступлений в отечественном уголовном праве не могут выступать юридические лица.

Что касается статуса заемщика, то при отнесении его к той или иной группе признаков, возникают трудности, поскольку это неизбежно приводит его расширительному толкованию. Вместе с этим нужно указать на тот факт, что в УК РФ отсутствует иная характеристика, используемая для обозначения признаков специального субъекта, сходная с указанием заемщика. В связи с вышеизложенным отнесение понятия «заемщик» к одной из приведенных групп некорректно, и некоторые авторы предлагают ввести дополнительную группу признаков для решения данного вопроса, но, несмотря на это, он остается открытым[2].

Как понятно из всего вышеизложенного, преступление в виде мошенничества в сфере кредитования предполагает наличие специального субъекта, для обозначения которого имеется понятие «заемщик». При этом законодательного определения данного понятия в Уголовном кодексе нет, что предполагает необходимость обращения к иным правовым актам для уяснения его особенностей. Именно такое положение дел порождает большинство спорных вопросов в сфере уяснения сущности субъекта анализируемого преступления.

---

[1] Семенчук В.В., Швец А.В. Проблемы квалификации мошенничества в кредитной сфере в свете последних изменений в уголовном законодательстве // Юридический мир. 2013. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Шумилин М.С. Понятие и особенности специального субъекта «заемщик» в ст. 1591 УК РФ // Colloquium-journal. 2020. № 10–10. С. 67–68.

Так, одной из наиболее явных проблем здесь является то, в качестве субъекта преступления, в том числе предусмотренного статьей 159.1 УК РФ, может выступать только физическое лицо, однако возникает вопрос: как поступать в происходящих с достаточной частотой случаях, когда договор кредитования заключается с юридическим лицом? Поскольку данный вопрос достаточно часто поднимался исследователями в своих трудах ответ на него был дан и содержится на сегодняшний день в постановлении Пленума Верховного суда РФ, указывающем, что субъектом при таком положении дел будет лицо, обратившееся к кредитору от имени, представляемого на законных основаниях, юридического лица.

На сегодняшний день имеет место ситуация, при которой в рамках уголовного и гражданского права используется один и то же термин «заемщик», однако он трактуется в рамках данных наук совершенно по-разному. Такое расхождение порождает на практике, как уже понятно из всего сказанного ранее ряд существенных проблем при квалификации содеянного именно в качестве мошенничества в сфере кредитования.

В связи с вышеописанным положением дел в доктрине уголовного права имеется ряд предложений по урегулированию проблемных аспектов, имеющих место в рамках вопроса о субъекте мошенничества в сфере кредитования. Так, одним из наиболее часто встречающихся и поддерживаемых отечественными исследователями в области уголовного права является предложение, основанное на предположении о нецелесообразности рассмотрения в качестве субъекта преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, именно заемщика, о изменении действующей редакции названной статьи. В частности, высказываются мнения, которые сходятся в том, что «следует исключить из ст. 159.1 УК РФ указание на заемщика как специальный субъект преступления в виде мошенничества в сфере кредитования»[1].

Существует и иное, менее категоричное мнение по данному поводу. Так, имеют место предложения о частичном изменении текста диспозиции анализируемой статьи в части уточнения признаков субъекта. В частности, высказывается мнение о том, что необходимо оставить в ст. 159.1 УК РФ термин «заемщик» с изменением формулировки. К примеру, это может выражаться в изложении диспозиции следующим

[1] Урда М., Шевелева С. Проблемы применения ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 6. С. 70–73.

образом: «Мошенничество в сфере кредитования, то есть хищение денежных средств потенциальным заемщиком или заемщиком…».[1]

По нашему мнению, решение большинства проблемных аспектов в рамках рассматриваемой темы может быть достигнуто, как и в ранее приведенных предложениях путем внесения изменений в диспозицию статьи. Такие изменения могли бы предполагать изложение текста статьи вовсе без указания на какие-либо признаки субъекта, что могло бы выглядеть следующим образом: «Мошенничество в сфере кредитования, то есть хищение денежных средств …». Такое положение дел с одной стороны единовременно исключило бы все спорные моменты, которые были изложены выше, а с другой не препятствовало бы отправлению правосудия по уголовным делам за преступление, предусмотренное ст. 159.1 УК РФ. Наше мнение основано на том, что как известно, в качестве необходимого признака мошенничества в сфере кредитования, в частности его объективной стороны выступает завладение денежными средствами именно кредита и само это предполагает вступление субъекта в определенные отношения с кредитной организацией и позволяет на основе этого выявить его признаки. Так, лицо, намеревающееся совершить хищение кредита прежде всего должно его получить, то есть денежные средства должны быть переданы ему банком в наличной форме либо зачислены на его счет в результате чего и возникнет возможность реально распоряжаться данной суммой. Однако, трудно представить ситуацию, в которой какая-либо кредитная организация выдаст лицу денежные средства, не заключив с ним соответствующий кредитный договор. Таким образом, указание уже в названии статьи на то, что преступление, предусмотренное ст. 159.1 УК РФ, является мошенничеством именно в сфере кредитования одновременно позволяет сделать вывод о наличии у субъекта данного преступления помимо общих признаков, еще и иных.

Список литературы:

1. Андреев С.А. Специальный субъект преступления // Вестник Омской юридической академии. 2019. № 2. С. 122–126.

2. Семенчук В.В., Швец А.В. Проблемы квалификации мошенничества в кредитной сфере в свете последних изменений в уголовном законодательстве // Юридический мир. 2013. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1] Помнина С.Н. К вопросу о субъекте мошенничества в сфере кредитования // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 6–2 (151). С. 273–276.

3. Шумилин М.С. Понятие и особенности специального субъекта «заемщик» в ст. 1591 УК РФ // Colloquium-journal. 2020. № 10–10. С. 67–68.

4. Урда М., Шевелева С. Проблемы применения ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 6. С. 70–73.

5. Помнина С.Н. К вопросу о субъекте мошенничества в сфере кредитования // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 6–2 (151). С. 273–276.

© Баумштейн А.Б., 2025

EDN: OPKZMM

Богацкая Ульяна Игоревна,
СУ УМВД России
по Красносельскому району г. Санкт-Петербурга,
старший следователь отдела по расследованию
преступлений в сфере экономики

КОРЫСТНАЯ ЦЕЛЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СОУЧАСТИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: в статье исследуется корыстная цель как ключевой признак субъективной стороны мошенничества. Рассматривается ее значение для квалификации. Проанализированы интеллектуальные и волевые признаки субъективной стороны преступления. Особое внимание уделяется следственной практике доказывания данного признака, включая анализ сложных случаев. Статья адресована юристам-практикам, следователям и научным работникам, специализирующим в области уголовного права.

Ключевые слова: прямой умысел; корыстная цель; субъективная сторона; уголовная ответственность; квалификация деяния; мошенничество; информационно-телекоммуникационные технологии; общественно-опасные последствия, соучастие, дроппер.

Современная групповая преступность характеризуется сложной структурой, транснациональным характером и активным использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе IP-телефонии, онлайн-сервисов. Тщательная подготовка, создание иллюзии законности происходящего, как у потерпевшего, так и среди соучастников преступления являются одной из ключевых проблем, связанных с раскрытием и расследованием уголовных дел данной категории.

При расследовании мошенничества, совершенного в соучастии с использованием информационно-телекоммуникационных технологий важным и сложным процессом, выступает доказывание субъективной стороны соучастников преступления.

Анализ актуальных данных о состоянии преступности в России за 2024 год показал, что, как и прежде значимое положение (это больше половины всех зарегистрированных преступлений 50,5 %) продолжают составлять хищения чужого имущества. При этом, проводя анализ структуры хищений, ее основу составляют хищения, совершенные путем кражи – 499,6 тыс., и мошенничества – 445,7 тыс., на второй план уходят хищения, совершенные путем грабежа – 17,6 тыс., и разбоя – 2,8 тыс[1].

Корыстная цель как элемент субъективной стороны преступления широко изучается в уголовном праве и криминологии, по данной теме имеется большое количество работ, как доктринального, так и практико-ориентированного характера. Вместе с тем, развитие инновационных технологий и их активное внедрение в повседневную деятельность организаций и граждан изменили привычные сферы жизни и создали новые возможности, что оказало существенное влияние на интерпретацию интеллектуально-волевых признаков умышленной формы вины.

И.И. Евтушенко полагает, что мошенничество выражается только умышленной формой вины, причем исходя из обязательной для всех хищений корыстной цели, можно утверждать, что умысел на завладение имуществом может быть только прямым[2]. Как уже было отмечено, большую сложность представляет собой установление формы вины и корыстной цели при совершении мошенничества в соучастии. Левченко О.В. также указывает на наличие прямого умысла при совершении мошенничества, в который входит не только осознание общественно-опасного характера действий, но и предвидение развития причинной связи и наступления вредных последствий для собственников имущества. Причем корыстная цель имеет место и в том случае, когда лицо стремиться дать возможность извлечь материальную выгоду третьим лицам, в которых он заинтересован[3]. Пленум Верховного суда РФ также принципиально отмечает, что корыстная цель является обязательным признаком хищения и заключается в стремлении изъять или обратить

---

[1] МВД РФ ФКУ «ГИАЦ». Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года. Электронный ресурс. https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328 (дата обращения: 15.05.2025).

[2] И.И. Евтушенко. Квалификация мошенничества: теория и практика: научно-практическое пособие / И.И. Евтушенко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. С. 19.

[3] Левченко О.В. Сложные вопросы квалификации мошенничества. Монография / О.В. Левченко. М.: Издательство «Глобус», 2010. С. 50.

имущество в свою пользу либо распорядиться имуществом как своим собственным, в том числе путем его передачи другим лицам, круг которых не ограничен. В этой связи, интерес также необходимо проявить к случаям, когда третьи лица, в чью пользу было обращено имущество, являются соучастниками данного преступления. Конечно, в целях установления истины по делу, а также правильной квалификации деяния вышеуказанные аспекты необходимо учитывать.

Умышленная форма вины предполагает осознание общественной опасности деяния. Осознание – это интеллектуальный компонент вины, который следует рассматривать как мыслительный процесс, который заключается в понимании лицом основных и социально значимых свойств совершенного деяния и наступивших последствий. Иванов С.А. в своей работе указывает на два аспекта осознания: фактические обстоятельства, из которых складывается общественно-опасное деяние и общественно-опасный характер деяния[1]. В правовой литературе зачастую поднимаются вопросы, связанные с осознанием лицом противоправности деяния. Осознание противоправности предполагает, что лицо, совершая определенные поступки, осознает, что тем самым нарушает некую норму закона (абстрактно), в связи, с чем осознает и противоправность этого поступка. В.В. Хилюта, в частности в своей монографии рассматривает основные проблемы интерпретации интеллектуально-волевых признаков умышленной формы вины. Автор приходит к выводу, что в настоящее время полного знания запрещенности деяния не требуется, а осознание противоправности не входит в интеллектуальный компонент вины. Вместе с тем осознание общественной опасности охватывает собой и осознание противоправности[2]. Установление корыстной цели и прямого умысла являются необходимыми условиями для привлечения лица к уголовной ответственности за совершение мошенничества. Одной из часто встречающихся криминалистических ситуаций при расследовании мошенничеств, совершенных в соучастии, является ситуация, в которой к мошеннической схеме для выполнения действий, связанных с изъятием и дальнейшей передачей денежных средств третьим лицам, привлекаются дропперы (дропы).

---

[1] Иванов С.А. Осознание как ключевой элемент вины в уголовном праве России //Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. №. 4. С. 32.

[2] Хилюта В.В. Виды умысла в уголовном праве: вопросы квалификации: монография. Москва: Проспект, 2024. С. 11.

При совершении мошенничества в соучастии используются различные средства связи, в том числе социальные мессенджеры, такие как «Телеграмм», «Вотсап» с помощью которых под различными предлогами (подработка курьером, оказание услуг, связанных с перечислением или обменом фиатных денег на криптовалюту) в совершение преступления вовлекаются иные лица. При этом соучастники не всегда должным образом и в полной мере осведомлены о своей роли.

Так, в производстве СУ УМВД России по Красносельскому району г. Санкт-Петербурга находилось уголовное дело № 12301400007002871, возбужденное 10 сентября 2023 года по признакам преступления, предусмотренного ст. 159 ч. 3 УК РФ, в отношении неустановленных лиц. В совершении вышеуказанного преступления была изобличена К.

В рамках уголовного дело в отношении подозреваемой К. была проведена комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, по заключению которой установлено, что К. хроническим, временным психический расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики не страдала, могла и может в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Вместе с тем, у К. выявлены индивидуально-психологические особенности: коммуникабельность, отзывчивость, высокая чувствительность к критике, ориентация на принятие и социальное одобрение, стремление к сотрудничеству, желание быть нужной, нуждается в поддержании устойчивых и предсказуемых связей. Подэкспертная получила звонок от неизвестного лица, представившегося сотрудником 31 отдела полиции, который сообщил об осуществляемых в отношении неё противоправных действий, которые грозят большими финансовыми потерями. Данная информация вызвала у подэкспертной сильное эмоциональное напряжение, тревогу и страх, которые на протяжении последующих юридически значимых событий активно поддерживались при помощи массированного и интенсивного психологического манипулятивного воздействия. Так, контактировавшие с ней неизвестные опирались на авторитетный образ (представлялись сотрудниками правоохранительных органов, сотрудниками ЦБ РФ, свои слова подтверждали фотографиями документов), что позволяло привлекать и удерживать её внимание, доверять и ответственно относится к их словам. Таким образом, индивидуально-психологические особенности и эмоциональное состояние К., с учётом особенностей юридически значимых событий, оказали существенное влияние на её поведение

в указанный период. Её решения о совершении ряда юридических действий (переводы принадлежащих ей и потерпевшим денежных средств, посредством банкомата банка ПАО «ВТБ», на подконтрольные банковские счета неустановленных лиц, оформление на себя кредита) сформировались под влиянием заблуждения, ошибочного восприятия и осмысления ситуации в целом[1].

Таким образом, в ходе предварительного следствия было установлено, что подозреваемая К. в момент совершения инкриминируемого ей деяния была вменяема, однако совершала противоправные действия на безвозмездной основе (без личной материальной выгоды для себя) под влиянием заблуждения и ошибочного восприятия, в связи с чем, уголовное преследование в отношении последней было прекращено.

Отсутствие корыстной цели исключает состав мошенничества, позволяет отграничить преступное деяния от деяния, не запрещённого уголовным законом. Установления данного признака субъективной стороны при расследовании мошенничеств, совершенных в соучастии, имеет большое значение для правильной квалификации деяния, а также позволит в дальнейшем избежать необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности. В настоящее время Государственная Дума РФ рассмотрела в первом чтении законопроект «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» (об уточнении ответственности за неправомерный оборот электронных средств платежа) и ключевым моментом законопроекта является закрепление на законодательном уровне обязательного признака субъективной стороны – корыстной заинтересованности лица при совершении действий с электронным средством платежа для привлечения лица к уголовной ответственности[2].

Список литературы:

1. МВД РФ ФКУ «ГИАЦ». Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года. Электронный ресурс. https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328 (дата обращения: 15.05.2025).

[1] Уголовное дело № 12301400007002871 от 10.09.2023 СУ УМВД России по Красносельскому району г. Санкт-Петербурга.

[2] О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (об уточнении ответственности за неправомерный оборот электронных средств платежа): проект федерального закона № 909076-8 [Электронный ресурс] // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/909076-8 (дата обращения: 02.06.2025).

2. И.И. Евтушенко. Квалификация мошенничества: теория и практика: научно-практическое пособие / И.И. Евтушенко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. С. 19.

3. Левченко О.В. Сложные вопросы квалификации мошенничества. Монография/ О.В. Левченко. М.: Издательство «Глобус», 2010. С. 50.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // «Российская газета», № 280, 11.12.2017.

5. Иванов С.А. Осознание как ключевой элемент вины в уголовном праве России //Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 4. С. 32.

6. Хилюта В.В. Виды умысла в уголовном праве: вопросы квалификации: монография. Москва: Проспект, 2024. С. 11.

7. Уголовное дело № 12301400007002871 от 10.09.2023 СУ УМВД России по Красносельскому району г. Санкт-Петербурга.

8. О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (об уточнении ответственности за неправомерный оборот электронных средств платежа): проект федерального закона № 909076-8 [Электронный ресурс] // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/909076-8 (дата обращения: 02.06.2025).

© Богацкая У.И., 2025

EDN: POQPMZ

Бредихин Алексей Леонидович,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
доцент кафедры теории и истории
государства и права
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: в настоящей статье автор исследует специфику уголовной ответственности за нарушение водного законодательства. Отмечается отсылочное указание на возможность привлечения к уголовной ответственности за «водные» преступления.

Автор предлагает выделять три группы статей УК РФ, касающихся водного права: статьи, непосредственно устанавливающие ответственность за нарушение водного законодательства; статьи, где водные объекты рассматриваются в контексте экологических преступлений; статьи, устанавливающие ответственность за преступления, где водные объекты и отношения являются характеристикой объективной стороны. Также рассматриваются отдельные составы преступлений в названной сфере и особенности квалификации.

Ключевые слова: водное право, экологические преступления, водные объекты, загрязнения вод, водный кодекс.

Водный кодекс РФ 2006 г. (далее – ВК РФ) в ст. 68 содержит указание на наступление различных видов юридической ответственности за нарушение водного законодательства, в том числе уголовной. Особенностей привлечения к уголовной ответственности не содержится, а делается отсылка к соответствующему законодательству. Такой прием юридической техники устоялся в отечественной науке и соответствует логике вынесения составов правонарушений (преступлений)

в отдельный нормативный акт. Так как единственным уголовным законом[1] в России является Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), то и конкретные составы условно называемых «водных преступлений» содержаться в нем.

Нужно сказать, что закономерность построения УК РФ чаще всего не соотносится со структурой российского законодательства, а имеет свою внутреннюю логику. То есть, в УК РФ мы не найдем раздела «преступления в сфере водного права» или чего-то подобного, что позволило бы нам четко соотнести отсылку ВК РФ и конкретный раздел УК РФ. Следовательно, необходимо искать разделы УК РФ с предметом регулирования, охватывающими предмет регулирования водного законодательства (ВК РФ и иных нормативных правовых актов). Практически все нормативные акты, регулирующие водные отношения ссылаются на законодательство как правовую основу для привлечения, в т.ч. к уголовной ответственности. Таким образом, уголовная ответственность за нарушение водного законодательства может быть установлена множеством статей УК РФ, которые можно назвать, лишь проанализировав объективную сторону обозначенных составов преступлений в особенной части кодекса.

Учитывая, что в ст. 2 ВК РФ водные отношения[2] раскрываются как «отношения по использованию и охране водных объектов», то именно эти две составляющие входят и в предмет защиты уголовного права.

Прежде всего, наиболее предметно, уголовный кодекс рассматривает нарушения водного законодательства в контексте экологических преступлений, о чем говорит размещение «водных» составов преступления в главе 26 «Экологические преступления». Тем не менее, некоторые другие составы преступлений также могут затрагивать водные отношения.

Статьи УК РФ, которые устанавливают ответственность за нарушение водного законодательства, можно разделить на три группы:

1. Статьи, непосредственно устанавливающие ответственность за нарушение водного законодательства. К такого рода статьям УК РФ нужно отнести: ст. 250 «Загрязнение вод», ст. 252 «Загрязнение

---

[1] Уголовное право России: Учебник для вузов: в 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. А.Н. Игнатова и д.ю.н., проф. Ю.А. Красикова. Т. 1: Общая часть. М.: Норма, 2005. С. 24–27.

[2] Сиваков Д.О. Водное право: Учебно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2007. С. 16.

морской среды», ст. 256 «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов», ст. 257 «Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов». Особенность уголовной ответственности за названные преступления в существенном ущербе, причиненном водным объектам (либо других значимых последствиях). Без такого вида последствий названные деяния не повлекли бы уголовной ответственности, а квалифицировались в контексте реализации административной, гражданско-правовой или дисциплинарной.

2. Статьи, где водные объекты рассматриваются в контексте экологических преступлений. Ряд статей УК РФ, посвященных экологическим преступлениям, не называет водные отношения непосредственным предметом посягательств, однако фактически таковые могут быть затронуты экологическим преступлением. Например, по ст. 246 УК РФ нарушение правил охраны окружающей среды может повлечь негативные последствия для водных объектов и водных ресурсов. Также предусмотренное ст. 247 УК РФ нарушение правил обращения с опасными отходами сравнимые последствия может причинить водным объектам. То есть ряд статей УК РФ защищают водные объекты как часть природной экосистемы, поэтому то или иное деяние может причинить ущерб территориям, где водные объекты пострадают в числе других.

Особняком стоит статья 358 УК РФ «Экоцид», согласно которой наказанию подвергается действия в том числе по массовому отравлению водных ресурсов, что может вызвать экологическую катастрофу. Несмотря на экологический характер деяния, уголовный кодекс относит его к преступлениям против безопасности человечества.

3. Статьи, устанавливающие ответственность за преступления, где водные объекты и отношения являются характеристикой объективной стороны. Водное законодательство регулирует не только вопросы охраны водных объектов и отношений, но и основания приобретения и владения водными объектами. То есть, экономический аспект водных отношений также подлежит защите средствами уголовного закона.

Нужно отметить, что в отличие от КоАП РФ в УК РФ не содержится специальных имущественных составов для имущественных водных отношений. Тем не менее, права на водные объекты также могут быть предметом посягательства таких преступлений как, например: мошенничество (ст. 159 УК РФ), если незаконными действиями приобретается право на водный объект; вымогательство (ст. 163 УК РФ), когда могут приобретаться права под угрозой в том числе на водные объекты. В той или иной степени, водные отношения могут

затрагиваться и иными преступлениями, однако в контексте уголовного права большого значения для квалификации это не имеет.

Важно отметить, что по УК РФ субъектом преступления может быть только физическое лицо, вменяемое и достигшее определенного возраста уголовной ответственности. В некоторых случаях субъектом преступления являются специальные субъекты, когда это указано в соответствующей части статьи УК РФ.

Спорные вопросы квалификации, в том числе преступлений, нарушающих водные отношения, разрешаются на уровне Пленума Верховного Суда РФ. Так, следует отметить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [1] (далее – Постановление Пленума ВС РФ). В нем дано несколько существенных указаний судьям при квалификации экологических преступлений. Так по п. 1 названного документа суды должны обязательно ссылаться на положения соответствующего отраслевого кодекса, в том числе ВК РФ, для обоснования нарушения и вносить в текст судебного решения сведения о том, в чем конкретно выразилось то или иное нарушение. Таким образом, без ссылок на водное законодательство обосновать факт преступления и провести его правильную квалификацию невозможно, на чем и настаивает Верховный Суд РФ. Здесь же даются указания о квалификации деяний по отдельным статьям, разъясняются спорные вопросы.

Список литературы:

1. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

2. Сиваков Д.О. Водное право: Учебно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2007.

3. Уголовное право России: Учебник для вузов: в 2 т./ Под ред. д.ю.н., проф. А.Н. Игнатова и д.ю.н., проф. Ю.А. Красикова. Т. 1: Общая часть. М.: Норма, 2005.

© Бредихин А.Л., 2025

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

EDN: PKUFTR

Бычков Сергей Николаевич,
Северо–Западный филиал
«Российский государственный университет
им. В.М. Лебедева»
доцент кафедры уголовного права
кандидат юридических наук, доцент

ПУБЛИЧНОСТЬ КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ И КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ И КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ОТЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ

Аннотация: в представленной статье рассматривается характеристика такого признака преступления как публичность и теоретические аспекты его применения. В частности, поднимаются вопросы о влиянии этого признака на квалификацию и необходимости единообразного подхода к толкованию и практическому применению публичной демонстрации совершаемого (совершенного) преступления как составообразующего и квалифицирующего признака и как отягчающего наказание обстоятельства.

Ключевые слова: публичность, публичная демонстрация, квалификация преступлений, конститутивный признак, квалифицирующий признак.

Публичность, являясь юридической категорией, применяется в различных отраслях права и в зависимости от области применения имеет разные, зависящие от контекста, значения. В контексте уголовно – правовых отношений толкование признака публичности должно включать в себя открытость, общедоступность, как распространяемой информации, так и процесса совершения преступления для индивидуально неопределенного круга лиц. Публичность предполагает совершение деяния открыто, гласно, в присутствии публики, либо для публики (на публику) как при использовании информационно – телекоммуникационных технологий, в том числе и сети «Интернет», так и без их использования.

Наличие признака публичности в составе преступления, как правило, определяется исходя из непосредственного указания на него в статье Особенной части УК РФ. В уголовном праве публичность

можно рассматривать в качестве криминообразующего признака отдельных составов преступлений, содержание объективной стороны которых включает признак публичности в качестве основного обязательного или альтернативного обязательного. Например, в преступлениях, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями 148, 205^2, 207^1, 207^2, 207^3, 280, 280^1, 280^2, 280^3, 280^4, 282, 319, 354 УК РФ публичность является основным обязательным признаком, а в статьях 116, 242, 242^1, 282^4 УК РФ публичность представлена как альтернативный обязательный признак. В качестве квалифицирующего признака на публичность указывается например, в п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ, ч. 2 ст. 128^1 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 151^2 УК РФ, 242^2 УК РФ. Относительно этих квалифицированных составов наличие признака публичности увеличивает объем общественной опасности содеянного, оказывает влияние на квалификацию и как следствие повышает карательную составляющую наказания.

В перечисленных статьях УК РФ, включающих публичность как конститутивный и как квалифицирующий признак, этот признак представляет собой способ совершения преступления (публичные действия, публичные призывы, публичное распространение, публичное оскорбление, склонение или иное вовлечение в публичном выступлении и т.п.). Такие действия происходят в общественном месте, либо затрагивают интересы неопределенного круга лиц. В данных ситуациях виновное лицо посредством публичности придает процессу совершения преступления максимально динамичный характер, повышающий общественную опасность совершаемого деяния. От правильного определения признака публичности, как обязательного или квалифицирующего зависит и правильность квалификации содеянного.

В то же время внутреннее содержание этого признака раскрывается лишь в отдельных Постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ. П. 7 Постановления Пленумам Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникацион-

ной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях»[1], п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 и п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 в которых дается толкование публичных призывов – выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской, либо террористической деятельности[2].

Относительно подавляющего большинства преступлений объективная сторон в которых включает такой признак, его толкование дается только на доктринальном уровне. Так, в толковом словаре термину «публичный» дается следующее толкование – «осуществляемый в присутствии публики, открытый»[3]. По мнению авторов научно – практического пособия по применению УК РФ, в контексте рассматриваемой группы преступлений, публичность выступления или публичная демонстрация означает, доведение информации до сведения многих лиц в газетах, журналах, любых иных средствах массовой информации, а также в выступлениях на митинге, в лекции, при выкрикивании на улице, вывешивании в доступных для граждан местах листовок, обращений, заявлений и т.п.[4]. Вывешивание в таких местах даже одного заявления или обращения не исключает признака публичности, поскольку в этом случае факты или сведения становятся известными неограниченному кругу лиц[5].

---

[1] Постановления Пленумам Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ № 4, апрель, 2005.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 03.11.2016) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. Август, 2011; Постановление Пленума Вопросы студенческой науки Выпуск № 15, ноябрь, 2017, 130 Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. Апрель, 2012.

[3] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 631.

[4] Научно – практическое пособие по применению УК РФ / ред. д.ю.н., проф., Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева. М.: Норма, 2005. С. 329.

[5] Бычков С.Н. Вопросы студенческой науки Выпуск № 15, ноябрь 2017 Публичность как признак объективной стороны в преступлениях против личности С. 126-130 [Электронный ресурс] // URL: https://sciff.ru/ (дата обращения: 10.05.2025).

В августе 2024 года Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.08.2024 № 218-ФЗ увеличил количество статей УК РФ с рассматриваемым квалифицирующим и составообразующим признаком в группе преступлений против личности. также включил публичную демонстрацию в перечень отягчающих наказание обстоятельств. В частности, в статье 116 УК РФ данный признак является альтернативным составообразующим, а в п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «и» ч. 3 ст. 111 УК РФ, п. «и» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «д» ч. 2 ст. 115 УК РФ, п. «и» ч. 2 ст. 117 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ, п. «и» ч. 2 ст. 126 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 127 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 127[1] УК РФ данный признак квалифицирующий. Также законодатель включил публичную демонстрацию в перечень отягчающих наказание обстоятельств п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Такой шаг законодателя обусловлен участившимися случаями совершения преступлений сопровождающихся публичной демонстрацией. Возрастающая популярность к деструктивным, унижающим человеческую честь и достоинство способам развлечений стали серьезной угрозой для психического здоровья и нравственности общества.

В пояснительной записке к данному законопроекту указано, что совершение преступления подобным методом обладает повышенной опасностью, в том числе и ввиду того, что «зрителями данных трансляций становятся преимущественно дети и молодые люди, как правило, с несформировавшейся психикой и ценностями)[1].

Акцент, сделанный законодателем в сторону повышенной общественной опасности публичной демонстрации совершаемого преступления, требует серьезного осмысления и анализа этого признака в целях его правильного применения в правоохранительной деятельности. Необходимость анализа обуславливается, в частности, неоднообразной законодательной трактовкой этого признака. Так в п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ законодатель говорит об убийстве, совершенном с публичной демонстрацией, в п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ речь идет так же о совершении преступления с его публичной демонстрацией, а в п. «и» ч. 3 ст. 111УК РФ, п. «и» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «д» ч. 2 ст. 115 УК РФ, п. «и» ч. 2 ст. 117 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ, п. «и» ч. 2 ст. 126 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 127 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 1271

[1] Пояснительная записка [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482413/#dst100009 (дата обращения: 14.05.2024).

УК РФ речь идет о как таковой публичной демонстрации процесса совершения преступления. С позиции буквального толкова публичная демонстрация как квалифицирующий признак в одном из составов (п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и как отягчающее наказание обстоятельство могут вменяться только лицу совершающему (совершившему) преступление и публично демонстрирующему процесс его совершения. А в остальных случаях публичная демонстрация совершаемого преступления, например, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, может осуществляться и не непосредственно лицом, совершающим преступление (закон здесь говорит не о преступлении, совершенном с публичной демонстрацией, а в принципе о публичной демонстрации совершаемого преступления). В этой связи возникает вопрос квалификации действий лица осуществляющего публичную демонстрацию совершающегося преступления. Во избежании возможных проблем квалификации преступлений с вменением рассматриваемого признака в любом аспекте (конститутивный, и квалифицирующий, обстоятельство отягчающее наказание) необходима выработка единообразного подхода к толкованию его внутреннего содержания. Считаю целесообразным квалификацию по данному признаку осуществлять только в отношении лиц непосредственно совершающих (совершивших) умышленное преступление и публично демонстрирующих его совершение. В целях единообразного подхода к толкованию этого признака и его практического применения законодательный акцент должен быть сделан не вообще на публичную демонстрацию совершаемого (совершенного) преступления, а на совершение преступления с его публичной демонстрацией, как в момент совершения преступления, так и после его совершения.

Список литературы:

1. Бычков С.Н. Вопросы студенческой науки Выпуск № 15, ноябрь 2017 Публичность как признак объективной стороны в преступлениях против личности С. 126-130 [Электронный ресурс] // URL: https://sciff.ru/ (дата обращения: 10.05.2025).

2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 631 с.

3. Постановления Пленумам Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ № 4. Апрель, 2005.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11(ред. от 03.11.2016) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2011.

5. Постановление Пленума Вопросы студенческой науки Выпуск № 15, ноябрь, 2017, 130 Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2012.

6. Научно–практическое пособие по применению УК РФ/ Ред. д.ю.н., проф., Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева. М.: Норма, 2005. 329 с.

© Бычков С.Н., 2025

EDN: PSPPUD

Векленко Сергей Владимирович,
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЗРАСТНОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу феномена возрастной вменяемости в уголовном праве и её практическому значению для квалификации преступлений. Автор обращает внимание на необходимость обязательного установления данного признака в случаях, когда субъект достиг минимального возраста уголовной ответственности, но не достиг двадцатилетнего возраста в соответствии с положениями ст. 96 УК РФ. Статья содержит вывод о том, что правильное установление возрастной вменяемости имеет принципиальное значение для справедливого применения уголовного закона, обеспечивая баланс между интересами общества и правами личности.

Ключевые слова: уголовная ответственность; возрастная вменяемость; ст. 96 УК РФ; несовершеннолетние; ограниченная вменяемость; уголовное право; индивидуализация ответственности.

По мере того, как человеческая цивилизация эволюционным путем пришла к пониманию, что не любое причинение вреда охраняемым уголовным законом благам и интересам должно с неизбежностью повлечь применение правовых репрессий, все большее значение в качестве обязательного условия уголовной ответственности стала приобретать способность лица, совершившего преступление, адекватно оценивать происходящее и руководить своим поведением. Естественно, что такая способность не появляется у человека в момент его рождения, а формируется по достижению им определенного возраста.

В словарях возраст определяется как «период, ступень в развитии, росте человека, животного, растения»[1]. В широком смысле слова под возрастом человека понимается календарный период, прошедший от рождения до любого другого периода в его жизни. В психологии и педагогике возраст – это календарный период психофизиологического развития личности, с которым связаны анатомо-физиологические, социально-правовые и иные последствия для юридического статуса лица[2]. В социологии возраст определяется как категория, служащая для обозначения временных характеристик индивидуального развития, и выделяются два вида возраста: хронологический – выражающий длительность существования индивида с момента его рождения, и психологический – определенная, качественно отличающаяся ступень онтогенетического развития, характеризующаяся своеобразием в условиях и стиле жизни, обучении, воспитании, восприятии мира, мышлении и т.п.[3].

Начиная с XVII-XVIII вв., законодатели большинства существовавших в то время государств в качестве одной из гарантий принципа виновной ответственности устанавливали ее возрастные границы, которыми стремились исключить из сферы применения уголовно-правовых мер тех детей и подростков, чей уровень возрастного развития порождает неустранимые сомнения в том, что они способны осознавать характер и общественную опасность своего поведения и могут правильно руководить своими действиями или бездействиями[4].

В зарубежных государствах с современными правовыми системами возраст уголовной ответственности субъекта преступления в каждой конкретной стране законодателем определяется и устанавливается по-разному. Уголовная ответственность в возрасте 7 лет допускается в Египте, Ливане, Ираке, Ирландии, Ливии, Иордании, Пакистане и некоторых других государствах. В Турции возраст уголовной ответственности установлен с 11 лет; в Бразилии, Израиле, Канаде – с 12 лет; во Франции, Монако, Узбекистане – с 13 лет. Однако к полной уголовной ответственности

---

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1982. С. 86.

[2] Векленко С.В., Путилов П.Н. Субъект преступления: Лекция. Омск: Омская академия МВД России, 2006. С. 12–13.

[3] Добреньков В.И., Кравченко А.И. Возрасты человеческой жизни. Т. 9 // Фундаментальная социология: в 15 т. М., 2005. С. 106.

[4] Черненко И.В. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних и альтернативных ей мер в отношении несовершеннолетних: автореф. дисс. … канд. юрид. наук, Томск, 2006. С. 14.

в большинстве зарубежных стран могут быть привлечены лица, достигшие 16–17 лет (США, Англия, Дания, Бельгия, Греция и др.)[1].

Анализ истории развития отечественного законодательства также свидетельствует, что минимальному возрасту субъекта преступления уделялось достаточно внимания. Например, Новоуказные статьи Сыскного приказа (1696 г.) установили порог ответственности в 7 лет; Воинские артикулы Петра I освобождали от наказания за воровство «младенцев», для которых считалось достаточно родительского наказания лозами; Указы Сената при Екатерине II характеризовали даже тяжкие деяния 14-летних подростков как совершенные «от глупости и младоумия», а по Указу самой Екатерины II (1765 г.) был установлен порог возрастной невменяемости до 10 лет и ограниченной вменяемости до 17 лет[2].

Современное уголовное законодательство (ст. 20 УК РФ) также стоит на позиции обязательного учета особенностей протекания психических и физиологических процессов, характерных для различных периодов жизни человека, на которых происходит становление, формирование и развитие его социальной сущности. Эту позицию можно определить, с одной стороны, как невозможность признания субъектом виновной ответственности лица, не достигшего к моменту совершения им общественно опасного деяния указанного в законе календарного возраста (в научной литературе такую законодательную формулу именуют «неопровержимая презумпция»[3]). Данное правило распространяется и на тех лиц, которые фактически обладают уровнем психического развития, достаточным для вменения. Согласен с мнением тех ученых, которые считают, что установление строго формализованной возрастной грани уголовной ответственности имеет большое общепредупредительное значение, является одним из выражений регулирующей функции права и служит гарантией защиты от субъективизма и произвола[4].

С другой стороны, достижение несовершеннолетним установленного в законе возрастного порога уголовной ответственности далеко не во всех случаях является достаточным для признания его субъектом преступления. Если будет установлено отставание данного подростка

---

[1] Бельцов Д.В. Уголовная ответственность несовершеннолетних и против несовершеннолетних: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук, Нижний Новгород, 2008. С. 17.

[2] См.: Гуревич С.А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети-преступники / Под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 9–11.

[3] См.: Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. С. 49–51.

[4] Сопов Д.В. Уголовная ответственность несовершеннолетних: Учебное пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2006. С. 9.

в психическом развитии, не позволяющее ему «в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими» (ч. 3 ст. 20 УК РФ), то он также не подлежит уголовной ответственности.

Такой подход законодателя, который не ограничивает минимальный возраст уголовной ответственности исключительно календарными, хронологическими параметрами, а соотносит его с определенным уровнем зрелости, достаточным для принятия решения о том или ином варианте поведения, является психологически адекватным и давно получил признание в научных изданиях[1]. Более того, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 г. № 7 определено, что «при наличии данных, свидетельствующих об умственной отсталости несовершеннолетнего подсудимого, назначается комплексная психолого-психиатрическая экспертиза для решения вопроса о наличии или отсутствии у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии. Указанные вопросы могут быть поставлены на разрешение эксперта-психолога, при этом в обязательном порядке должен быть поставлен вопрос о степени умственной отсталости несовершеннолетнего, интеллектуальное развитие которого не соответствует его возрасту».

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что существующие в отечественном уголовном праве презумпции возрастного порога ответственности позволяют говорить не столько о возрасте уголовной ответственности, под которым обычно понимают конкретную цифру (например, 14, 16 или 18 лет), сколько о возрастной вменяемости, базирующейся на обязательном учете интеллектуального и волевого уровней развития лица, совершившего общественно опасное деяние. Возрастная вменяемость как совокупность достижения минимального календарного возраста ответственности и способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, в свою очередь, является обязательным условием и необходимой предпосылкой виновной ответственности.

Следует также обратить внимание на то, что законодатель в части 3 статьи 20 УК РФ использует ту же формулировку, что и в части 1 статьи 22 УК РФ, то есть отсутствие у лица, совершившего преступление, способности «в полной мере осознавать фактический характер

[1] См.: Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 146–150.

и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими». Только при ограниченной вменяемости данное обстоятельство является смягчающим назначаемое наказание, а при совокупности его с рассмотренными выше хронологическими особенностями субъекта полностью исключает уголовную ответственность.

Таким образом, говоря об уголовно-правовом значении возрастной вменяемости следует резюмировать, что актуальность ее обязательного установления существует практически во всех случаях, когда субъектом преступления является лицо, достигшее минимального возраста уголовной ответственности, но не достигшее 20 лет (в соответствие с положениями ст. 96 УК РФ). В случае признания такого субъекта даже ограниченно вменяемым, то есть неспособным в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности.

Список литературы:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1982. С. 86.
2. Векленко С.В., Путилов П.Н. Субъект преступления: Лекция. Омск: Омская академия МВД России, 2006. С. 12–13.
3. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Возрасты человеческой жизни. Т. 9 // Фундаментальная социология: в 15 т. М., 2005. С. 106.
4. Черненко И.В. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних и альтернативных ей мер в отношении несовершеннолетних: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 14.
5. Бельцов Д.В. Уголовная ответственность несовершеннолетних и против несовершеннолетних: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 17.
6. Гуревич С.А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети-преступники / Под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 9–11.
7. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. 1998. С. 49–51.
8. Сопов Д.В. Уголовная ответственность несовершеннолетних: Учебное пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2006. С. 9.
9. Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 146–150.

© Векленко С.В., 2025

EDN: QBCNGG

Величко Федор Михайлович,
Тверской филиал Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
преподаватель кафедры организации и обеспечения
раскрытия и расследования преступлений

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ УГОЛОВНО И АДМИНИСТРАТИВНО НАКАЗУЕМОГО САМОВОЛЬНОГО ПОДКЛЮЧЕНИЯ К НЕФТЕПРОВОДАМ, НЕФТЕПРОДУКТОПРОВОДАМ И ГАЗОПРОВОДАМ

Аннотация: в статье исследуется актуальная проблема, состоящая в определении соотношения преступления и административного правонарушения, заключающихся в самовольном подключении к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам, газопроводам. В работе проанализированы положения действующего уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, устанавливающие ответственность за самовольное подключение к указанным трубопроводам. Научная новизна полученных результатов обусловлена достижением цели настоящего исследования, заключающейся в получении нового знания, имеющего значение для развития доктрины уголовного права касательно особенностей дифференциации юридической ответственности за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам, газопроводам.

Ключевые слова: административная преюдиция; дифференциация уголовной и административной ответственности; самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам.

Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, в зависимости от определенных обстоятельств дела влечет за собой уголовную либо административную ответственность, причем основание для первого из данных видов юридической ответственности возникает только при условии, что лицо совершило указанное деяние, будучи подвергнутым мерам административного наказания за такие же действия, осуществленные им ранее. То есть данные виды ответственности связаны между собой через административную

преюдицию, отсутствие которой исключает применение мер, предусмотренных уголовным законом[1]. При этом сопоставление взаимосвязанных положений ст. 215[3] Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и ст. 7.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) позволяет выдвинуть гипотезу о наличии определенных отступлений от требования социально-правовой обусловленности дифференциации уголовной и административной ответственности за указанные самовольные действия.

Основной состав преступления, заключающегося в самовольном подключении к нефтепроводам, нефтепроводам и газопроводам, совершенном лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, закреплен в ч. 1 ст. 215[3] УК РФ, тогда как в ч. 2 данной статьи содержится квалифицированный состав этого преступления, заключающийся в совершении тех же противоправных действий в отношении магистральных трубопроводов, а в ее ч. 5 – особо квалифицированный состав преступления, являющийся таковым по отношению ко всем деяниям, запрещенным данной уголовно-правовой нормой, отличающийся включенным в его объективную сторону общественно опасным последствием в виде наступления по неосторожности смерти человека или иных тяжких последствий.

В 2024 г. по ч. 1 ст. 215[3] УК РФ было осуждено 1054 лица, по ч. 2 данной статьи – 11 лиц, по ее ч. 5 осужденных не было[2], при этом следует учитывать, что значительная часть таких преступлений, не повлекших серьезных последствий, остается латентной в связи с трудностями выявления, квалификации и доказывания фактов самовольного подключения к соответствующим трубопроводам. Кроме того, поскольку деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 215[3] УК РФ, относятся к категории преступлений небольшой тяжести, к лицам, их совершающим, активно применяются нормы, позволяющие освобождать от уголовной ответственности, например, в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим или с назначением судебного штрафа.

Вместе с тем полагаем, что при расследовании и рассмотрении уголовных дел о деяниях, наказуемых по ст. 215[3] УК РФ, необходимо учитывать, что они отнесены законодателям к преступлениям против общественной безопасности, поэтому возмещение имущественного

---

[1] См.: Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78–80.

[2] См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ, раздел «Судебная статистика»: URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 15.05.2025).

вреда в данном случае нельзя рассматривать в качестве исчерпывающего, единственного условия для освобождения от уголовной ответственности. Для принятия такого решения следует исследовать все обстоятельства дела, в том числе обстоятельства, предшествовавшие совершению преступления, последующее поведение виновного и особенности его личности.

Представляется, что устоявшееся восприятие данного преступления в качестве посягательства на отношения собственности отчасти исходит из того, что взаимосвязанное с ним административно наказуемое деяние предусмотрено ст. 7.19 КоАП РФ, расположенной в главе этого Кодекса о правонарушениях в области охраны собственности, где, например, также содержатся статьи 7.17 и 7.27 об ответственности за умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества, мелкое хищение. При этом содеянное образует состав преступления, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 215^3 УК РФ, при повторном совершении аналогичного деяния, то есть второго правонарушения против собственности[1].

В практической деятельности имеются примеры неоднократного совершения этого преступления в течение года после исполнения административного наказания, то есть в течение периода, когда лицо считается подвергнутым последнему.

Так, лицо было осуждено за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 215^3 УК РФ, каждое из которых состояло в том, что оно, являясь подвергнутым административному наказанию по ч. 1 ст. 7.19 КоАП РФ за самовольное подключение к газопроводу, не заключив договор с газоснабжающей организацией на поставку газа, самовольно с помощью газового ключа сорвал заваренную на газопроводе заглушку, куда в дальнейшем прикрутил газовый кран и присоединил к нему металлическую трубу с целью использования природного газа в бытовых нуждах. Своими действиями осуждённый осуществил самовольное, подключение к газопроводу, чем причинил газоснабжающей организации имущественный вред на сумму 6 902 рубля[2].

Этот пример демонстрирует типичные обстоятельства совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 215^3 УК РФ, преимущественно состоящего в самовольном подключении гражданина к газопроводу

---

[1] См.: Митрофанов Р.А., Симагина Н.А. Теоретические и практические вопросы квалификации хищения газа // Российский следователь. 2014. № 8. С. 23–25.

[2] См.: Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 16 февраля 2022 г. по уголовному делу № 1-1087/2021 // Электронный ресурс: URL: https://sudact.ru/regular/doc/UPIvnz4rJJ58/ (дата обращения: 15.05.2025).

для последующего неоплачиваемого использования газа в своих бытовых нуждах. При этом органами предварительного расследования и судом обозначается основной непосредственный объект этого преступления, заключающийся в общественных отношениях, обеспечивающих, как установленный порядок подключения к соответствующему трубопроводу, так и безопасность использования и содержания этого трубопровода и связанного с ним иного оборудования. Одновременно указывается и другой непосредственный объект в виде отношений собственности, нарушаемых данным преступлением в случае, например, удаления виновным лицом приваренной заглушки, что причиняет имущественный ущерб, не являющийся значительным для организации, отвечающей за поставку газа. Если при этом не причиняется значительный ущерб собственнику или иному владельцу поврежденного имущества, то, по нашему мнению, содеянное, охватывается ч. 1 или ч. 2 ст. 215^3 УК РФ.

Полагаем, что отчасти указанный выше подход к определению места нормы об ответственности за самовольное подключение к различным трубопроводам в структуре Кодекса РФ об административных правонарушения объясняется тем, что в ст. 7.19 КоАП РФ объединены составы правонарушений, заключающихся не только в самовольном подключении к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам, газопроводам, электрическим или тепловым сетям, но и в противоправном пользовании тем, что перемещается по таким трубопроводам или сетям, то есть, по сути, в потреблении такового[1]. Фактически здесь происходят изъятие и (или) обращение в свою пользу или в пользу других лиц чужого имущества, в частности, нефти, нефтепродуктов или газа.

Обратим внимание на то, что в ст. 7.19 КоАП РФ не усилено наказание за самовольное подключение к трубопроводам, относящимся к магистральным, объективно угрожающее общественной безопасности и тем самым существенно повышающее уровень социальной опасности данного деяния. При этом условием наступления уголовной ответственности за самовольное подключение к таким трубопроводам по ч. 2 ст. 215^3 УК РФ остается повторное совершение аналогичного, деяния, предусмотренного соответствующей частью ст. 7.19 КоАП РФ. В этих случаях на практике возникают сложности с разрешением вопроса о том, должно ли первое деяние, за которое лицо было подвергнуто административному наказанию, также состоять в самовольном подключении

[1] См.: Решняк М.Г., Моисеев С.С. К вопросу о соотношении уголовной и административной ответственности за незаконное подключение к газопроводу и использование газа в бытовой сфере // Безопасность бизнеса. 2019. № 2. С. 45.

именно к магистральным трубопроводам. Представляется, что положительный ответ на этот вопрос вытекает из текста уголовного закона.

Вместе с тем полагаем, что самовольное подключение к магистральным трубопроводам существенным образом отличается по характеру и степени общественной опасности от аналогичных действий, совершенных в бытовой сфере, преимущественно состоящих в противоправном возобновлении подключения к газопроводу в квартире или домовладении, приостановленного в связи с неоплатой потребленного газа. В последних случаях, как правило, не происходит повреждения газопровода, угрожающего общественной безопасности, экологии, а равно жизни и здоровью граждан, собственности, тогда как незаконное подключение к магистральным трубопроводам предполагает возникновение таких угроз. В связи с этим считаем, что самовольное подключение к магистральным нефтепроводам, нефтепродуктопроводам или газопроводам целесообразно законодательно отнести к категории преступлений без включения в его состав признака административной преюдиции. Последний признак также видится избыточным в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 215^3 УК РФ, когда в результате деяния по неосторожности наступают тяжкие последствия, включая смерть потерпевшего.

Таким образом, завершая настоящую работу, отметим, что законодательная дифференциация юридической ответственности за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам или газопроводам нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании, в том числе в направлении установления уголовной ответственности за такие деяния без административной преюдиции, если они совершены в отношении магистральных трубопроводов или повлекли наступление тяжких последствий.

Список литературы:

1. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 76–86.

2. Митрофанов Р.А., Симагина Н.А. Теоретические и практические вопросы квалификации хищения газа // Российский следователь. 2014. № 8. С. 23–26.

3. Решняк М.Г., Моисеев С.С. К вопросу о соотношении уголовной и административной ответственности за незаконное подключение к газопроводу и использование газа в бытовой сфере // Безопасность бизнеса. 2019. № 2. С. 45–50.

© Величко Ф.М., 2025

EDN: LHSRNU

Витовская Евгения Сергеевна,
Кузбасский институт ФСИН России,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
кандидат юридических наук

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: в статье приведены различные классификации экологических преступлений, имеющие большое теоретическое и практическое значение. Отдельное внимание уделено классификациям экологических преступлений в зависимости от объекта посягательства, поскольку они позволяют наиболее полно охарактеризовать содержание и конкретные формы проявления преступных посягательств в сфере экологии. Автор предпринял попытку обратить внимание на проблему классификации экологических преступлений, требующую внимательного рассмотрения.

Ключевые слова: экологические преступления; классификация; объект посягательства; окружающая природная среда; экологический вред.

Преступность в сфере экологии отличает то, что считать ее преступностью государственного уровня сегодня можно лишь условно. Несмотря на то, Указом Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176 была утверждена Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. Осуществление государственной стратегии в данной сфере общественных отношений предусматривает в том числе, постепенную ликвидацию экологической преступности, причин ее порождающих. При этом преступные посягательства на окружающую среду так или иначе затрагивают все мировое сообщество, хотя локальные бедствия остаются локальными. Преступное отношение к развитию промышленности во всех сферах, вносит свой «посильный вклад» в дело приближения гибели человечества.

Загрязнение окружающей среды проблема экономическая, технологическая, социальная, нравственная. О ней шумят как в средствах массовой информации, так и в научных кругах. Встречается информация о том, что сбрасываются промышленные, бытовые и иные отходы в несметных количествах в моря и реки, неизбежно захораниваются

радиоактивные отходы, бездумно уничтожается лесная растительность, осушаются болота, погибает животный мир и флора.

Как и любая сложная научная категория, понятие «экологические преступления» претерпело существенные изменения. Его содержание существенно обогатилось в ходе развития судебной практики, раскрыта сущность экологических правонарушений, проанализированы меры ответственности за преступления против окружающей среды, изучены масштабы негативных последствий, вызванных экологическими преступлениями, дано понятие категории «экологический вред», разработаны критерии уголовно-правовой квалификации экологических преступлений. Отметим, что проблема классификации экологических преступлений остается весьма актуальной, поскольку является средством для дальнейшей дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания. Во всяком случае, решение вопроса об эффективности тех или иных правовых норм – это острый сигнал к тому, чтобы все усилия человечества были обращены на спасение планеты и жизни на ней.

Сегодня в уголовном законодательстве сформулированы составы преступлений, влекущие ответственность за загрязнение окружающей природной среды. Одни вытекают из международных соглашений, другие из заинтересованности государства в экологической чистоте своих территорий. Однако, и в том, и в другом случае, все посягательства направлены на нарушение экологического равновесия, снижение продолжительности жизни, ухудшение генофонда, образование зон экологического бедствия, возрастание риска техногенных катастроф. Стоит отметить и то, что количество экологических преступлений не исчерпывается статьями гл. 26 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), некоторые деяния по своему характеру могут быть сочтены экологическими, но размещены в других главах и разделах УК РФ. К примеру, экоцид, способный уничтожить флору и фауну, различных животных, а также загрязнить атмосферный воздух и водные ресурсы. Выражая особое отношение государства к проблемам охраны окружающей природной среды, законодатель поместил данное преступление в гл. 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества».

В уголовной доктрине отсутствует единый подход к классификации экологических преступлений. Ученые предлагают множество классификационных систем экологических преступлений, основанных на разных критериях. Предложенные классификации помогают более

детально проанализировать и квалифицировать конкретные экологические правонарушения с точки зрения уголовного права.

Как показал анализ научной литературы, наиболее значимыми следует признать следующие классификации экологических преступлений.

В зависимости от объекта уголовно-правовой охраны представляется возможным выделить две основные группы преступлений. К первой группе следует отнести деяния, направленные против экологической безопасности (ст.ст. 250, 251, 252 и 254 УК РФ). Во вторую группу входят деяния, направленные против экологического правопорядка (представленные остальными деяниями гл. 26 УК РФ)[1].

В зависимости от объектов уголовно-правовой охраны целевая направленность может быть дифференцирована и конкретизирована, что позволило А.Г. Кибальник предложить классификацию экологических преступлений. Содержательная характеристика элементов окружающей среды имеет определенную специфику, которая связана с тем, что они являются относительно самостоятельной системой, но имеющие свои особые свойства и признаки. Главные из них могут быть сведены в несколько групп.

Общие экологические преступления. Деяния, направленные против окружающей среды в целом и ее компонентов (ст.ст. 250–255 и 262 УК РФ).

Преступления против экологической безопасности. Деяния, посягающие на безопасное состояние окружающей среды (ст.ст. 246–249 УК РФ).

Преступления в сфере охраны растительного и животного мир. Деяния, приводящие к уничтожению, повреждению или незаконному использованию объектов растительного и животного мира (ст.ст. 256–261 УК РФ)[2].

Особенности объектов экологических посягательств обнаруживаются в наличии как совокупности признаков, присущих всем деяниям в сфере экологии, так и дополнительных признаков, выделяющихся из общего вида преступного деяния. В соответствии с этим экологические преступления могут подразделяться на две классификационные группы.

Первая группа. Включает преступления, которые вредят всей окружающей среде в целом (например, ст.ст. 246–249 УК РФ).

---

[1] Виноградова В.Е. Экологические преступления: вопросы квалификации и юрисдикции. М.: ООО «Издательские решения», 2017. С. 51.

[2] Уголовное право России. Учебно-практическое пособие / Под общ. ред. Р.А. Адельханяна. М., 2004. С. 543.

Вторая группа. Охватывает преступления, которые нацелены на конкретные элементы природы, такие как вода, земля или животный мир (ст.ст. 250–262 УК РФ)[1].

По объекту экологические преступления могут дифференцированы с учетом того, каким благам причиняется существенный вред. К первой группе относятся деяния, связанные с нарушением установленных норм и процедур в экологически важной деятельности. Ко второй группе можно отнести деяния, направленные против отдельных компонентов окружающей среды. Третьей группой являются деяния, посягающие на растительный и животный мир[2].

Заслуживает внимания классификация экологических преступлений, основанная на характере совершения деяний. К первой группе относятся преступления, связанные с завладением природными ресурсами (ст.ст. 255, 256, 260 УК РФ). Ко второй группе относятся преступления, связанные с негативным воздействием на природную среду, ее ухудшением (ст.ст. 237, 246–251, 254, 255, 257, 259, 261, 262 УК РФ). При этом первая группа преступлений может подразделяться на группы в соответствии с основными предметами преступления: преступления, посягающие на землю и ее недра (ст.ст. 253, 255 УК РФ); преступления, посягающие на воды и атмосферу (ст.ст. 250, 251, 252 УК РФ); преступления, посягающие на животный и растительный мир (ст.ст. 253, 256–261 УК РФ)[3].

Не менее интересна классификация экологических преступлений, которая базируется на взаимодействии объекта преступного посягательства (то есть, на что направлено преступление) и его предмета (то есть, что подвергается воздействию). Все деяния подразделяются на три основные группы – общие, специальные и особые.

Общие экологические преступления представлены деяниями, направленными на нарушение общественных отношений, обеспечивающих экологическую безопасность населения. Предмет есть не что иное, как природная среда в целом (ст.ст. 246–248, 358 УК РФ).

---

[1] Например, Голубев С.И. Классификация экологических преступлений: критический анализ уголовно-правовой литературы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10 (83). С. 150.

[2] Причины экологических преступлений / О.Л. Дубовик, А.Э. Жалинский; Отв. ред. О.С. Колбасов. М.: Наука, 1988. С. 76.

[3] Например, Гермашов Б.А., Деточкин М.С. Понятие и виды экологических преступлений: проблемы и последствия // Вестник науки. 2023. Т.1. № 6 (63). С. 491.

В зависимости от общественных отношений, связанных с охраной конкретных элементов природы выделяются специальные экологические преступления. Предмет преступления наиболее полно представлен самими элементами природной среды (ст.ст. 250–252, 254, 255 УК РФ).

Особенность взаимосвязи объекта и предмета деяний, входящих в третью группу, является то, что деяния посягают на производные компоненты природы, такие как животный мир (ч. 1 ст. 249, ст. 256–258 УК РФ), растительный мир (ч. 2 ст. 249, ст. 260, ст. 261 УК РФ) и природные биогеоценозы (ст.ст. 253, 259 и 262 УК РФ)[1].

По мнению Н.А. Лопашенко, на экологические преступления можно смотреть как, скажем, на преступления, посягающие на экологические права граждан или на саму природу и ее ресурсы в смысле уголовно-правовом. В этой связи экологические преступления следует разбить на две группы. К первой группе отнесены деяния, направленные на нарушение права каждого человека на благоприятную окружающую среду (ст.ст. 246–248 УК РФ). Вторая группа включает деяния, угрожающие стабильности окружающей среды и сохранности природных ресурсов (ст.ст. 249–262 УК РФ)[2].

В соответствии с формами собственности природных ресурсов экологические преступления могут подразделяться на две классификационные группы. Первая группа включает деяния, предусмотренные ст.ст. 253, 256, 258, 260 УК РФ, в которых в качестве предмета преступления выступают природные ресурсы, как правило, находящиеся в государственной или муниципальной собственности. Вторая группа охватывает деяния, в которых в качестве предмета преступления выступают природные ресурсы, находящиеся в различных формах собственности[3].

По последствиям экологические преступления могут быть дифференцированы с учетом того, каким образом отражен вред в составе преступления. Все последствия подразделяются на три основные группы. По степени внешнего проявления: реальное наступление вреда (ст. 246, ч. 2 и 3 ст. 247, ст. 248, ст. 249 УК РФ); угроза причинения существенного вреда (ч. 1 ст. 247 УК РФ). По изменению объекта преступления: ухудшение качества окружающей природной среды

---

[1] Романова Н.Л. К вопросу об объекте экологических преступлений // ГлаголЪ правосудия. 2014. № 1 (7). С. 15.

[2] Лопашенко Н.А. Экологические преступления: Коммент. к гл. 26 УК РФ. М.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 39.

[3] Зумакулов Д.М. Экологические преступления в сфере производственной деятельности. Нальчик: Эльбрус, 2001. С. 56.

(ст. 246, ч. 1 ст. 247, ч. 1 ст. 251 УК РФ); утрата компонента окружающей природной среды, причинение смерти или вреда здоровью человека (ч. 3 ст. 247, ч. 2 ст. 248, ч. 3 ст. 250 УК РФ); неопределенные вредные изменения (ч. 2 ст. 252, ст. 255, ст. 262 УК РФ). По содержанию последствий: экологический вред (ст. 251, ст. 252, ч. 1 ст. 254, ст. 257 УК РФ); физический вред (ст. 246, ч. 3 ст. 247, ч. 1 ст. 248, ч. 3 ст. 250, ч. 3 ст. 252 УК РФ); экономический вред (ч. 2 ст. 252, ст. 255, ч. 1 ст. 256, ч. 1 ст. 258, ст. 262 УК РФ)[1].

Схожей является классификация по криминализующим признакам объективной стороны. В зависимости от внешнего выражения вреда выделяются две основные группы экологических преступлений. К первой группе следует отнести деяния, в которых вред определен (ст. 246, ст. 248–251, ч. 2, 3 ст. 252, п. «а» ч. 1 ст. 256, ст. 257, п. «а» ч. 1 ст. 258, ст. 259, ст. 260, ч. 2, 3, 4 ст. 261, ст. 262 УК РФ). Во вторую группу входят деяния, где наличествует поставление в опасность (ст. 247, ч. 1 ст. 252, ст. 253, ст. 254, п. «б», «в», «г» ч. 1 ст. 256, п. «б», «в», «г» ч. 1 ст. 258, ч. 1 ст. 261 УК РФ)[2].

Анализ существующих классификаций экологических преступлений позволил прийти к выводу, что они не позволяют полно и всесторонне исследовать сущность экологических преступлений, раскрыть особенности уголовно-правовой охраны окружающей природной среды. Это, в свою очередь, затрудняет разработку логичной системы уголовно-правовых норм, определение приоритетных ценностей, подлежащих уголовно-правовой охране. Указанное обстоятельство следует рассматривать как отправную точку для дальнейшего обсуждения и совершенствования подходов к классификации экологических преступлений.

Список литературы:

1. Буйлов О.П., Брусенцев В.И. Общая характеристика экологических преступлений. Классификация экологических преступлений // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 2–3. С. 282–283.

[1] Фролова Е.В. Проблема классификации экологических преступлений // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 1 (42). С. 214.

[2] Буйлов О.П., Брусенцев В.И. Общая характеристика экологических преступлений. Классификация экологических преступлений // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 2–3. С. 283.

2. Виноградова В.Е. Экологические преступления: вопросы квалификации и юрисдикции. М.: ООО «Издательские решения», 2017. 169 с.

3. Гермашов Б.А., Деточкин М.С. Понятие и виды экологических преступлений: проблемы и последствия // Вестник науки. 2023. Т. 1. № 6 (63). С. 489–492.

4. Голубев С.И. Классификация экологических преступлений: критический анализ уголовно-правовой литературы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10 (83). С. 140–151.

5. Зумакулов Д.М. Экологические преступления в сфере производственной деятельности. Нальчик: Эльбрус, 2001. 126 с.

6. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: Коммент. К гл. 26 УК РФ. М.: Юрид. центр Пресс, 2002. 800 с.

7. Причины экологических преступлений / О.Л. Дубовик, А.Э. Жалинский; Отв. ред. О.С. Колбасов. М.: Наука, 1988. 238 с.

8. Романова Н.Л. К вопросу об объекте экологических преступлений // ГлаголЪ правосудия. 2014. № 1 (7). С. 13–16.

9. Уголовное право России. Учебно-практическое пособие / Под общ. ред. Р. А. Адельханяна. М., 2004. 713 с.

10. Фролова Е.В. Проблема классификации экологических преступлений // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 1 (42). С. 213–216.

© Витовская Е.С., 2025

EDN: LKHTTZ

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
Краснодарский университет МВД России,
начальник Управления учебно-методической работы
доктор юридических наук, профессор

Кашкаров Алексей Александрович,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
начальник кафедры уголовного права и криминологии
доктор юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПОСОБНИЧЕСТВА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Аннотация: в статье исследуется применение института соучастия при квалификации преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок, в частности, при выдаче заведомо ложных экспертных заключений. Автор обосновывает необходимость учета таких действий как пособничества в хищениях, анализирует правовые коллизии и предлагает пути совершенствования уголовно-правовой оценки подобных деяний. Отмечается, что противоправные действия экспертов способствуют формированию объективных условий для совершения хищений.

Ключевые слова: коррупция, государственные закупки, заведомо ложное экспертное заключение, хищение, соучастие, организатор, пособник, уголовная ответственность.

Актуальность темы обусловлена ростом числа совершаемых и соответственно выявляемых преступлений в сфере государственных закупок, что подтверждается сведениями официальной статистики, также следует отметить, что на приоритетность деятельности по предупреждению и выявлению преступлений в сфере госзакупок неодно-

кратно указывал в своих выступлениях Президент Российской Федерации[1]. Приведенные обстоятельства способствовали повышению исследовательского интереса к уголовно-правовым и криминологическим аспектам преступлений в сфере госзакупок, о чем свидетельствует значительное количество защищенных диссертаций в последнее время[2]. Однако, не смотря на значительное количество исследований, вопросы соучастия в преступлениях в сфере госзакупок остаются недостаточно изученными. Так, например, проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 200[6] УК РФ в контексте института соучастия в специализированной литературе не рассмотрен.

Проведение экспертизы в сфере госзакупок является законодательно предусмотренным требованием Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ). Согласно ч. 3 ст. 94 Федерального закона № 44-ФЗ, проведение экспертизы поставленных товаров (работ, услуг) – обязанность заказчика. Экспертиза может выполняться как силами самого заказчика, так и с привлечением внешних специалистов. Она должна проводится до приемки товара, работы или услуги.

Изучение преступлений, совершаемых в сфере госзакупок, дает основание утверждать, что инициатором выдачи заведомо ложного экс-

---

[1] Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76408 (дата обращения: 01.01.2025).

[2] Абрамкин А.Д. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: КрУ МВД России, 2022. 27 с.; Любый̆ И.А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 27 с.; Синчурин О.В. Служебные преступления коррупционной̆ направленности, совершаемые в сфере государственных (муниципальных) закупок, и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2024. 36 с.; Шуринов В.В. Преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. 209 с.; Шурпаев Ш.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений̆ коррупционной̆ направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 297 с.

пертного заключения выступают либо заказчик, либо поставщик товаров, работ, услуг в сфере государственных закупок. Заказчик, либо поставщик – напрямую заинтересован в получении выгоды в результате совершения хищения в сфере госзакупок. Эксперт же, даже обладая специальными знаниями, играет роль «технического пособника», маскирующего противоправные действия.

Продолжая раскрывать роль эксперта, выдавшего заведомо ложное заключение, при квалификации хищения в сфере госзакупок следует указать, заведомость дачи ложного экспертного заключения означает осознание субъектом несоответствия выводов заключения объективным результатам экспертного исследования[1], то есть оно, заведомо ложное заключение эксперта, будет положено в основу составления акта приема товаров, работ, услуг и последующей оплаты.

Кроме этого эксперт, выдавая заведомо ложное заключение, осознает, что его действия обеспечивают развитие причинно-следственной связи между своими действиями и последующим хищением. Выдача заведомо ложного экспертного заключения предшествует выполнению объективной стороны хищения. Выдача и получение заведомо ложного заключения укладывается в концепцию приготовления к преступлению, а также в законодательно закрепленную концепцию понятия пособничество.

Выдавая заведомо ложное экспертное заключение, эксперт, как уже отмечалось, обеспечивает сокрытие следов хищения государственной либо муниципальной собственности, еще до момента наступления общественно опасных последствий в виде выбытия имущества из собственности государства либо органа местного самоуправления. Его заключение легитимизирует сделку, обеспечивает снятие с заказчика и поставщика вопросов по приемке товаров, услуг или работ, а также качественным характеристикам, у них появляется возможность скрыть преступление, используя при этом заключение эксперта. Заведомо ложное заключение предоставляемого в рамках госзакупки товара, работы либо услуги является устранением препятствия для совершения хищения.

Как представляется, скептики могут возразить и выступать с аргументом о том, что: «как эксперт, не получающий прибыли от хищения, может быть соучастником?». Однако, в апелляционном определе-

[1] Шурпаев Ш.М. Проблемы законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 200.6 УК РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1 (32). С. 51.

нии определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 октября 2014 г. № 48-АПУ14-35 определено, что приобретение права собственности на имущество, полученное одним из соисполнителей, не исключает возможности квалификации действия иных лиц как соисполнителей мошенничеств[1], то есть соисполнительство в мошенничестве не требует личного обогащения всех участников хищения[2]. Кроме того, еще одним из ключевых критериев необходимости такого рода квалификации – это не личная выгода, а причинение вреда государству. Эксперт, зная о планах хищения, сознательно устраняет правовые барьеры, что достаточно для вменения пособничества. Кром этого эксперт, давая заведомо ложное заключение, как показывает практика, получает вознаграждение.

Исходя из выше приведенного, можно констатировать, что эксперт, выдавая заведомо ложное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд фактически выполняет интеллектуальное пособничество, так как он оказывает консультационно- информационное содействия другим соучастникам в совершении хищения. Предоставив заключение, эксперт фактически укрепляет решимость заказчика – исполнителя начать и довести хищение государственной либо муниципальной собственности до конца. Выдача и получение заведомо ложного заключения фактические предшествуют хищению.

Подводя итог, признавая наличие определенных законодательных пробелов и противоречий в доктрине, отметим, что проблема соучастия в госзакупках – не теоретическая абстракция. Речь идет о системных схемах, наносящих ущерб государственному бюджету, снижении эффективность реализации государственной политики в приоритетных сферах, нивелировании достижений национальных проектов. Выработка теоретически обоснованных правил квалификации преступлений в сфере государственных закупок могла бы способствовать оптимизации правоприменительной практики в данной сфере.

---

[1] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 октября 2014 г. № 48-АПУ14-35 // http://vsrf.xn--rufiles-sb7c/14935/.

[2] Вишневецкий К.В. Институт соучастия в мошенничестве: современное состояние / К.В. Вишневецкий, А.А. Кашкаров, А.А. Кашкаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 69.

Список литературы:

1. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76408 (дата обращения: 01.01.2025).

2. Абрамкин А.Д. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: КрУ МВД России, 2022. 27 с.

3. Любый И.А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 27 с.

4. Синчурин О.В. Служебные преступления коррупционной направленности, совершаемые в сфере государственных (муниципальных) закупок, и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2024. 36 с.

5. Шуринов В.В. Преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. 209 с.

6. Шурпаев Ш.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 297 с.

7. Шурпаев Ш.М. Проблемы законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 200.6 УК РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. №1 (32). С. 46–53.

8. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 октября 2014 г. № 48-АПУ14-35 [Электронный ресурс] // URL: http://vsrf.xn--rufiles-sb7c/14935/ (дата обращения: 01.01.2025).

9. Вишневецкий, К. В. Институт соучастия в мошенничестве: современное состояние / К.В. Вишневецкий, А.А. Кашкаров, А.А. Кашкаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 64–71.

© Вишневецкий К.В., 2025,
© Кашкаров А.А., 2025

EDN: LKPEEO

Гаврилова Ольга Вячеславовна,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКИХ ПЕРЕГРУЗКАХ КАК ОДНОМ ИЗ ПРИЗНАКОВ НЕВИНОВНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

Аннотация: в статье рассмотрен вопрос, касающийся одного из случаев невиновного причинения вреда, связанного с нервно-психическими перегрузками. Проанализирована категория, которая применена в ч. 2 ст. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации – «нервно-психические перегрузки». Выделенызнаки, присущие нервно-психическим перегрузкам, показаны отличия категории «нервно-психических перегрузок» от категории «экстремальные ситуации».

Ключевые слова: нервно-психические перегрузки, экстремальные ситуации, психика, уголовная ответственность, сотрудник правоохранительных органов, ситуация.

При описании случаев невиновного причинения вреда законодатель в ч. 2 ст. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации использует категорию «нервно-психические перегрузки».

Брайнин Я.М. под нервно-психическими перегрузками понимает собственное переживание человеком состояния физического и психического дискомфорта и изменение эффективности деятельности человека в напряженных, сложных условиях, либо особое психологическое состояние, сопровождающееся напряженностью и неприятными эмоциональными переживаниями[1].

[1] Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение, М., «Ювента», 1967. С. 57.

Немчиным Т.А. выделяется ряд признаков, которые присущи нервно-психическим перегрузкам[1]:

– это особое состояние психики субъекта, так как обладает свойствами целостной характеристики психической деятельности за определенный период времени;

– в данных случаях всегда нарушаются практически все когнитивные процессы психической деятельности субъекта, что отражается на должном выполнение им своих профессиональных функций;

– нарушения психики проявляются практически на всех уровнях жизнедеятельности человека (психологическом, физиологическом);

– испытываемые лицом нервно-психические перегрузки не позволяют ему предотвращать наступление общественно опасных последствий в силу неадекватности требованиям, которые предъявляются в существующей обстановке.

Представляется, что в применяемом в Законе словосочетании «нервно-психические перегрузки», главным будет являться термин «перегрузка». При этом сложное прилагательное «нервно-психические» в словосочетании «нервно-психические перегрузки», несет важную смысловую нагрузку. Объясняется это тем, что речь идет о явлениях, происходящих в интеллектуально-волевой, эмоциональной сфере лица. Но необходимо обратить особое внимание на тот факт, что вопрос об ответственности лица, находящегося в состоянии нервно-психических перегрузок, может быть поставлен и решен лишь в том случае, когда присутствует волеизъявление субъекта. Это обстоятельство как раз и свидетельствует об отсутствии основания для уголовной ответственности. Законодатель в случае наличия нервно-психических перегрузок признает совершенное деяние невиновным. Усова И.А. справедливо подметила, что так называемая «свобода мышления человека» определяется рядом условий, и, прежде всего, она вытекает из возможности выбора, которую предоставляет объективная реальность. Другими словами, свобода есть там, где возможен выбор решений, то есть, возможно, осуществление выбранного варианта волеизъявления. Но в нашей ситуации субъект лишен выбора, то есть, в силу объективных психофизиологических перегрузок лицо не может рационально принимать решения, не может быстро преодолеть внутренние препятствия (психологический барьер) и не может действовать согласно сложившейся обстановке. Из этого вытекает,

[1] Немчин Т.А. Состояния нервно-психического напряжения. 1983. «Юридическая литература». С. 16.

что термин «перегрузка» позволяет выделить один из основных признаков – в указанном состоянии человек неадекватен ситуации, что и ставит вопрос о не привлечении его к уголовной ответственности[1]. Рассматривая понятие «нервно-психических перегрузок», мы констатируем, что сущностью нервно-психических перегрузок является то, что субъект перестает сознательно регулировать свою деятельность. Ученые некоторых стран мира рассматривают относительно к рассматриваемой нами проблеме, вопрос, касающийся применением сотрудником полиции огнестрельного оружия. Зарубежные специалисты в области психологии констатируют, что ситуации, связанные с использованием оружия, являютсясверх стрессовыми, вызывающими посттравматическую стрессовую реакцию, или стресс критического инцидента. Учитывая все нюансы и положения, касающиеся природы стресса и нервно-психических перегрузок иностранные специалисты утверждают, что в случае применения огнестрельного оружия, мы имеем дело со стрессом, который вызывает возникновение особого состояния психики человека, не дающего возможность рационального осмысления действительности и вследствие этого вызывающего неадекватные действия. Следовательно, нахождение в подобной ситуации значительно увеличивает возможность, допущения сотрудником правоохранительных органов ошибки, которая может привести к гибели посторонних граждан. Подобные деяния могут быть признаны ненаказуемыми, вследствие того, что сознание и воля субъекта не способны к правильной реакции в сложившейся обстановке. И, следовательно, субъект действует невиновно[2].

Приведенная выше позиция вызывает следующие возражения. У каждого человека психофизиологические качества индивидуальны, и поэтому нельзя утверждать, что для всех, ситуация, связанная с применением оружия, является стрессовой. Сотрудники правоохранительных органов проходят психологический отбор, занимаются спортом, тренируются, повышая свои профессиональные качества. Правоохранители вынуждены часто действовать в условиях психоэмоциональной напряженности, и поэтому возникает необходимость рационального и сознательного, а не эмоционального анализа окружающей об-

[1] Усова И.А. Психические отклонения, имеющие уголовно-правовое значение // Законность № 3. 1992. С. 42.

[2] Общая часть Уголовного право Англии, Франции, Германии, Италии, Японии. Под ред. Козочкина И.Д. Ростов-на-Дону, «Феникс», 2010. С. 412.

становки и соответствующих адекватных действий. Возможно, в экстремальной ситуации сотрудником полиции может быть допущена непоправимая ошибка, повлекшая гибель невинных людей. Однако, по нашему убеждению, данная ситуация ни в коем случае не может относиться к невиновному причинению вреда, в силу профессиональной подготовленности сотрудников полиции. Даже, если брать в пример ситуацию, когда сотрудник полиции, находясь при исполнении служебных обязанностей, связанной с участием в специальной операции по освобождению захваченных заложников, использует огнестрельное оружие и в силу того, что он находится в состоянии стресса, причиняет вред третьим лицам, необходимо учитывать тот факт, что его способность рационально мыслить остается, квалификационные характеристики сотрудника не утрачиваются.

Возможности человека, который оказывается в состоянии нервно-психических перегрузок, характеризуются отсутствием общих и специфических признаков свободного волеизъявления, что дает основания для не привлечения лица к уголовной ответственности.

Далее, необходимо обратить внимание на то, что состояние нервно-психических перегрузок имеет природу, подобную воздействию экстремальных условий ситуации на человека, то есть вероятность их возникновения связана с особым психическим отношением лица к определенным условиям. То есть, имея в виду соотношение нервно-психических перегрузок и экстремальных условий при невиновном причинение вреда, необходимо отметить, что нервно-психические перегрузки, в зависимости от конкретных условий обстановки, могут быть вызваны внешними экстремальными условиями ситуации, а могут и сами явиться причиной подобной психической характеристики субъекта, то есть стрессором. Механизм процесса реагирования организма на экстремальное воздействие был отражен в описанной Г. Селье последовательности основных этапов развития общего адаптационного синдрома. Исследователем было выделено три основные фазы протекания стресса: «фаза тревоги», «фаза сопротивления» и «состояние истощения»[1].

Кроме того, в рамках статьи, считаем необходимым проанализировать отличия категории «нервно-психических перегрузок» от категории «экстремальные ситуации». Экстремальные ситуации относятся к внешней объективной реальности, нервно-психические перегрузки же – к внутренним субъективным переживаниям лица, оказавшегося

[1] Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М., «Юридическая литература», 2001. С. 61.

в экстремальной ситуации, что указывает на психологическое содержание термина, то есть зависимость от психических состояний человека в сложных ситуациях.

Законодатель, как и в ситуации с экстремальными условиями, не приводит характеристики нервно-психическим перегрузкам. Ни общая, ни юридическая психология не содержит, а только использует ряд похожих терминов, таких как: «стресс», «психическая напряженность», «эмоциональная напряженность» и др.[1] Общим для всех этих определений является то, что они обозначают определенные состояния эмоциональной сферы человека, во время которых у него отсутствуют общие и специфические признаки свободного волеизъявления, что создает основание за совершенное деяние в состоянии экстремальной перегрузки не привлекать субъекта к уголовной ответственности.

Подводя итоги рассмотрения вопроса, касающегося нервно-психических перегрузок, как одном из признаков невиновного причинения вреда, автор предприняла попытку дать собственное определение «нервно-психическим перегрузкам», под которыми понимает проявляющиеся на различных уровнях жизнедеятельности человека состояния психики, при которых происходит дезорганизация сознания, оказывающая сильное влияние на способность субъекта предотвращать наступление общественно опасных последствий и в результате чего нарушается нормальное функционирование психических процессов субъекта и при этом оказывается отрицательное воздействие на особенности реализации им своих профессиональных функций, в связи с чем, субъект и совершает общественно опасное деяние, которое приводит к общественно опасным последствиям.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс РФ №63-ФЗ от 24 мая 1996 г. // СЗ РФ. 1995. 17 июня. № 25.

2. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение, М.: «Ювента», 1967. 256 с.

3. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: «Юридическая литература», 2001. 960 с.

4. Наенко Н.И. Психическая напряженность. М.: «Эксмо», 1976. 659 с.

[1] Наенко Н.И. Психическая напряженность. «Эксмо», 1976. С. 53.

5. Немчин Т.А. Состояния нервно-психического напряжения. М.: «Юридическая литература», 1983. 510 с.

6. Общая часть Уголовного право Англии, Франции, Германии, Италии, Японии. Под ред. Козочкина И.Д. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2010. 412 с.

7. Усова И.А. Психические отклонения, имеющие уголовно-правовое значение// Законность № 3. 1992. 498 с.

© Гаврилова О.В., 2025

EDN: LNAPKJ

Галюкова Мария Игоревна,
Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Екатеринбург
доцент кафедры уголовного права и процесса
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БИОМЕДИЦИНСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ НАД ЭМБРИОНОМ И БИОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы необходимости введения уголовной ответственности за проведение незаконных экспериментов над эмбрионом и биогенетическим материалов человека, даются основные понятия, обозначающие возможные результаты излишней модификации природы человека. Обозначается вектор развития научной мысли в отношении уголовно-правовой охраны биогенетических прав человека.

Ключевые слова: биомедицинский эксперимент, преступление, эмбрион человека, опыты, химера, киборг, биогенетические права, объект преступления.

Эксперимент является обязательным условием развития практической медицины. Ни один теоретический проект не заменит прикладную пользу от апробации новой технологии на человека. Однако до настоящего времени не определены эффективные и достаточные правовые запреты моделирования в сфере генетики и биомедицины. Рамочно Хельсинкская декларация «Рекомендации для врачей по проведению биомедицинских исследований на людях» (июнь 1964 год) предусматривает правила и принципы любых биомедицинских экспериментов над людьми.

Определение биомедицинского эксперимента как исследования с участием человека, проводимого с целью изучения новых диагностических, лечебных и/или профилактических средств и методов получения новых знаний по физиологии и психологии человека в условиях нормы,

патологии и экстремальных ситуаций дано в Модельном законе «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах – участниках СНГ». Интересно, что эксперимент может проводиться и без непосредственной пользы для лица, участвующего в исследовании. Означает ли это, что речь идет об эксперименте ради эксперимента либо польза от исследования все-таки имеется, но предназначена исключительно для общества или государства?

История знает трагические факты проведения экспериментов над людьми (Нюрнбергский и Хабаровский процессы), однако на сегодняшний день прошлый опыт не останавливает ученых от разработок в сфере биохакинга, в которых нарушаются нормы биоэтики.

В частности, резкому осуждению подверглись работы И.И. Иванова в СССР, который пытался создать гибрид человека и обезьяны путем осеменения африканских женщин спермой обезьян, эти попытки вошли в историю как пример неэтичного и опасного поведения в науке, а цель экспериментов – уничтожение границы между человеком и животными вызвала отторжение не только экспериментов, но и личности ученого.

О результатах экспериментирования мы можем узнать только из открытых источников. Наиболее впечатляющие успехи связаны с использованием в медицине ксеноботов и создания измененных организмов на уровне генома человека. В научной литературе речь идет о химерах, гибридах и киборгах.

Термины «гибрид» в переводе с латинского hibrida означает «смесь, а «химера» (chimaera) – имя древнегреческого мифологического монстра, обладающего головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом дракона или змея. Термин «гибрид» появился в биологии, где он обозначает «организм, полученный в результате скрещивания генетически различающихся родительских форм (видов, пород, линий и др.).

Надо признать, что гибридизационные события действительно имели место в эволюции человека и оставили следы в его генетике. В научном мире гибридами чаще всего называют селекционные продукты в ботанике, в связи с этим настораживает эксперимент Эдуардо Кац, который в 2003 году создал гибрид человека и петунии.

Относительно понятия химера отметим, что в науке этим термином обозначают организмы, которые имеют клетки или органы других организмов, относящихся к тому же или другому биологическому виду.

Химеру иначе называют «мозаикой», что более точно отражает ее суть. В значении организмов, включающих в себя как человеческий,

так и животный материал, химерами окажутся пациенты ксенотрансплантации, животные, которым имплантируются человеческие гены, как, например, трансгенные овцы Полли (человеческий ген, кодирующий белок) и Трейси (человеческий ген, кодирующий энзим ААТ), созданные теми же учеными, которые клонировали Долли, а также онкомышь (человеческий ген рака), обезьяны (человеческие мозговые клетки) и даже бактерии (человеческий ген, кодирующий инсулин).

Киборгизация – процесс появления и внедрения в жизнь людей новой технической реальности, включающей в себя создание и функционирование киборгов (сокр. от англ. cybernetic organism – кибернетический организм) и роботов-антропоидов с элементами искусственного интеллекта.

На основе сказанного можно условно выделить четыре области экспериментов по созданию гибридов и химер человека и животного, а также киборгов. Это будут, во-первых, люди с добавлением генов животных, т.е. генетически обогащенные человеческие существа. Во-вторых, это могут быть животные с добавлением человеческих генов. В-третьих, могут быть созданы гибридные организмы, четкое определение которых как людей или животных может оказаться невозможным. И разумеется, с точки зрения трансгуманизма самым привлекательным является создание киборгов.

Факт того, что подобного рода научные разработки ведутся, ни у кого не вызывает сомнений. Однако, законодательная база крайне лаконично описывает возможность использования человека и его биоматериала в опытах, а именно только части проведения клинической апробации (ст. 36.1 ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), которая не противоречит ГОСТ Р 52379-2005 Надлежащая клиническая практика. утв Приказом Ростехрегулирования от 27.09.2005 № 232-ст. В случае предъявления модифицированных организмов или формулы их создания обществу, законодательства и биоэтики в их текущем состоянии станет недостаточно. Существование человечества будет поставлено под сомнение.

Неслучайно, Э.Г. Аниськина указывает на явное несоответствие норм уголовного права уровню развитию уровня регулирования отношений, связанных с манипуляциями генетическим материалом человека и выделяет следующие группы аргументы ученых, выступающих против создания гибридов 1) экзестинциальный 2) этический 3) соци-

ально-экономический 4) медицинский 5) биологический 6) государственно-правовой. И отмечает острую необходимость криминализации отдельных манипуляций с генами человека.

Отметим, что зарубежное уголовное законодательство стоит на шаг впереди российского, а именно в Уголовном кодексе Азербайджанской республики, пенитенциарном кодексе Эстонии установлена уголовная ответственность в случае незаконного проведения биомедицинских исследований на человеке. Аналогичные подходы демонстрирует законодатель Республики Армения, Сербии, Венгрии, Словакии, Турции, Молдовы, Франции и ряда других стран.

Депутат Государственной Думы А.В. Чуев ранее вносил проект №365581-3 ФЗ «О внесении дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, предусматривающей уголовную ответственность за проведение медицинских экспериментов (опытов) на людях без их добровольного согласия». Однако данная идея не нашла поддержки и была отклонена.

Мы полагаем, что разработки в этом направлении следует продолжить, и сконцентрировать внимание как на форме, так и на содержании деяния, связанного с незаконным производством биоопытов.

Во-первых, необходимо четкое понимание границ дозволенности биомедицинского эксперимента. Во-вторых, должны быть обозначены объекты (в том числе объекты уголовно-правовой охраны), которым в результате опытов не может быть причинен вред. К таковым следует отнести эмбрион человека, геном человека. В-третьих, следует определить понятие биоматериала для целей уголовно-правовой науки, включив в него определение репродуктивного материала. В-четвертых, требуется разработать понятие биособственности, так как в случае модификации генетического материала, либо воспроизводства органа либо его части (например, ведутся работы по созданию мини-мозга человека) любая манипуляция должна быть возможна только при согласии собственника (предположительно государства).

Мы перечислили необходимый минимум для начала научных разработок в сфере охраны права человека на защиту биоматериала, плода и человека от незаконного использования геномных, протеомных, постгеномных, биомедицинских и НБИК-технологий. Данное право мы относим к биогенетическим правам человека, нуждающихся в защите путем формирования целенаправленного механизма уголовно-правовой охраны.

Список литературы:

1. Аниськина Э.Г. Соблюдение криминологических принципов криминализации общественно опасных деяний в сфере манипуляции с генами человека // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами : Сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках III Саратовского юридического форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России», Саратов, 09 июня 2023 года. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2023. С. 27–36.

2. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1999.

3. Гасанов Е.В. Гибридизация в эволюции человека // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2022. № 3 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gibridizatsiya-v-evolyutsii-cheloveka (дата обращения: 01.05.2025).

4. Клеменцов Н.Л. От «выдающегося биолога» до «Красного Франкенштейна»: Илья Иванов в советской и пост-советской биографиях // ПРИРОДА. № 5. С. 71–78.

5. Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животного: эксперименты и этика // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 109–117.

6. Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии. М., 2017. 151 с.

7. Малькова Т.П. Киборгизация: философские аспекты исследования симбиоза человека и техники // Гуманитарный вестник. 2017. № 4 (54). [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiborgizatsiya-filosofskie-aspekty-issledovaniya-simbioza-cheloveka-i-tehniki (дата обращения: 29.04.2025).

8. Beck M. Mensch-Tier-Wesen. Zur ethischen Problematik von Hybriden, Chimären, Parthenoten. Paderborn, 2009.

© Галюкова М.И., 2025

EDN: LDSOAC

Гараева Дина Мирзануровна,
Казанский юридический институт МВД России,
преподаватель кафедры административного права,
административной деятельности и управления ОВД
кандидат юридических наук

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТ. 124^1 УК РФ

Аннотация: статья посвящена обзору эффективности законодательных изменений, связанных с криминализацией воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Приведены данные судебной статистики, свидетельствующие об отсутствии практики привлечения к уголовной ответственности по новой норме уголовного закона. Анализ отдельных элементов состава преступления, предусмотренного ст. 124^1 УК РФ, и ознакомление с правоприменительной практикой позволили выявить причины низкой эффективности уголовно-правовой охраны законной медицинской деятельности и предложить возможные пути преодоления проблем в исследуемой сфере.

Ключевые слова: ответственность за воспрепятствование, воспрепятствование оказанию медицинской помощи, нападения на медицинских работников, правовая охрана медицинской деятельности, экстренная помощь, совершенствование норм УК РФ.

В профессиональной медицинской среде случаи создания помех оказанию медицинской помощи известны давно. Широкий общественный резонанс в России эта тема получила примерно в 2017 году, когда в средствах массовой информации регулярно стали освещаться однотипные случаи нападений на медицинских работников, получившие распространение по всей территории России. Поступивший от медицинского сообщества запрос о необходимости разработки правового механизма его защиты от общественно опасных действий третьих лиц

привёл к поспешной разработке и внедрением законодателем норм административного[1] и уголовного права[2] с одинаковым наименованием «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи» в 2019 году. Статья 6.36 КоАП РФ предполагает меры административной ответственности за «воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 12.17 настоящего Кодекса, если это действие не содержит признаков уголовно наказуемого деяния». Последнее, в свою очередь, криминализировано в рамках ст. 124[1] УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за то же деяние, если оно повлекло наступление тяжких последствий для пациента. Практика применения указанных норм сложилась неоднозначно: согласно данным судебной статистики, если по вышеуказанной статье КоАП РФ за период с 2019 года по 2024 год число лиц, подвергнутых наказанию, колеблется от одного до двух десятков за год, то по одноимённой статье УК РФ за тот же период ни одно лицо не было осуждено[3]. Эти данные подтверждают справедливость мнения учёных, согласно которому подобное казуальное регулирование общественных отношений приводит к снижению функциональных возможностей «конкретизированных запрещающих уголовно-правовых норм»[4].

По нашему мнению, такому положению во многом способствует

---

[1] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части обеспечения прав граждан на медицинскую помощь: Федеральный закон от 26.07.2019 № 229-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330013/ (дата обращения: 02.05.2025).

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников: Федеральный закон от 26.07.2019 № 206-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329970/ (дата обращения: 02.05.2025).

[3] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт (2019-2024) [Электронный ресурс] // URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 03.05.2025).

[4] Кленова Т.В., Климанова О.В. Казуальное регулирование и конкретизация уголовного законодательства: о предпочтениях в законодательном процессе и уголовной политике // Труды Института государства и права РАН. 2022. № 4. С. 130.

тот факт, что по конструкции объективной стороны описываемый состав преступления относится к материальным составам. Его обязательными признаками являются не только само деяние, но и неосторожные последствия (причинение тяжкого вреда здоровью пациента по ч. 1 ст. 124^1 УК РФ или смерть пациента по ч. 2 той же статьи), а также причинная связь между ними. Исследование правоприменительной практики, официальных сайтов МВД и СК РФ, а также новостных материалов из авторитетных средств массовой информации свидетельствует о превалирующем числе случаев воспрепятствования, при которых последствия в отношении пациента либо вовсе не наступают, либо не находятся в необходимой причинной связи с воспрепятствованием. Этот признак объективной стороны традиционно является дискуссионным в теории права и вызывает трудности на практике. При расследовании исследуемого преступления вопрос о наличии причинной связи между действиями по воспрепятствованию и последствиями в виде тяжкого вреда здоровью пациента или его смерти ставится эксперту ввиду наличия у последнего специальных знаний. Изучение материалов практики позволило выявить случаи прекращения уголовного дела по ст. 124^1 УК РФ ввиду отсутствия именно причинной связи как обязательного признака объективной стороны.

Следует выделить дискуссионные аспекты и субъективной стороны указанного состава преступления: речь идёт в целом о применении термина «воспрепятствование» к неосторожным преступлениям, которое нам представляется необоснованным. Подтверждением тому служит и тот факт, что остальные нормы УК РФ об ответственности за воспрепятствование иным видам деятельности содержат составы преступлений, которые по субъективной стороне характеризуются умышленной формой вины. В литературе существуют мнения, что «препятствовать можно всегда с определенной целью, а значит это целенаправленный процесс, имеющий место только в умышленных преступлениях»[1]. В этой связи представляется необходимым переосмысление подхода к воспрепятствованию оказанию медицинской помощи как к умышленному деянию.

Мы убеждены, что повышенная общественная опасность самого деяния, направленного на умышленное воспрепятствование оказанию

[1] Эрдниева Б.Б. Норма о воспрепятствовании оказанию медицинской помощи в системе действующего законодательства // Лучшие научные исследования 2021 Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. 2021. С. 130.

медицинской помощи, позволяет выдвинуть обоснованное предложение о необходимости закрепления формального состава этого преступления без указания на последствия в отношении пациента как на условие привлечения к уголовной ответственности. Подобные предложения ранее высказывались видными отечественными учёными[1]. Более того, по нашему мнению, форсирование процесса криминализации воспрепятствования оказанию медицинской помощи могло привести к ещё одному важному упущению, связанному с излишне узким определением круга общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране в данной сфере: считаем необходимым предусмотрение уголовной ответственности за препятствие деятельности не только медицинских работников, но и экстренных служб в целом (по примеру ряда норм зарубежного законодательства).

Таким образом, криминализация в России воспрепятствования оказанию медицинской помощи представляется необходимой и обоснованной, однако казуальный характер регулирования общественных отношений в этой сфере мог привести к недочётам с точки зрения юридической техники, которые, в свою очередь, обусловили отсутствие практики применения новой нормы уголовного закона. В качестве меры по её совершенствованию предлагается предусмотреть уголовную ответственность за сам факт умышленного воспрепятствования оказанию не только медицинской, но и другой экстренной помощи. При этом ныне существующий признак «повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека» следует закрепить как квалифицирующий признак данного преступления, а признак «повлекшее по неосторожности смерть человека» – как особо квалифицирующий.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части обеспечения прав граждан на медицинскую помощь: Федеральный закон от 26.07.2019 № 229-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330013/ (дата обращения: 02.05.2025).

[1] Коробеев А.И. Воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124[1] УК РФ): вопросы толкования и правоприменения / А.И. Коробеев, А.А. Ширшов // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. Т. 22. № 4. С. 113.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников: Федеральный закон от 26.07.2019 № 206-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329970/ (дата обращения: 02.05.2025).

3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт (2019-2024) [Электронный ресурс] // URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 03.05.2025).

4. Кленова Т.В., Климанова О.В. Казуальное регулирование и конкретизация уголовного законодательства: о предпочтениях в законодательном процессе и уголовной политике // Труды Института государства и права РАН. 2022. № 4. С. 126–143.

5. Эрдниева Б.Б. Норма о воспрепятствовании оказанию медицинской помощи в системе действующего законодательства // Лучшие научные исследования 2021 – Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. 2021. С. 129–131.

6. Коробеев А.И. Воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124^1 УК РФ): вопросы толкования и правоприменения / А.И. Коробеев, А.А. Ширшов // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. Т. 22. № 4. С. 105–117.

© Гараева Д.М., 2025

EDN: LPVAKS

Глебова Екатерина Петровна,
Барнаульский юридический институт МВД России,
преподаватель кафедры
конституционного и международного права

ПОТЕРПЕВШИЙ В СОСТАВЕ ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЯ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (СТ. 124[1] УК РФ)

Аннотация: отечественный уголовный закон в 2019 году дополнен ст. 124[1], предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи[1]. Соответствующая законодательная инициатива была активно поддержана парламентариями и общественными экспертами, однако надлежащая практика применения указанной уголовно-правовой нормы не сложилась. Одним из обстоятельств, обуславливающих ее отсутствие, по мнению автора, является то, что применение положений ст. 124[1] УК РФ требует обращения к специальному законодательству, регулирующему отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан, которое для целей надлежащего применения уголовного закона не адаптировано. Как следствие – наличие у правоприменителей затруднений при квалификации содеянного, в том числе при определении того, кого следует понимать под пациентом в составе воспрепятствования оказанию медицинской помощи.

Ключевые слова: медицинская помощь; воспрепятствование; потерпевший; пациент.

Надлежащее определение юридически значимых признаков потерпевшего в составе воспрепятствования оказанию медицинской помощи (ст. 124[1] УК РФ) непосредственно влияет на правильную квалификацию содеянного.

Буквальное толкование ст. 124[1] УК РФ позволяет утверждать, что потерпевший в составе воспрепятствования оказанию медицинской

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников: федер. закон от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ // Российская газета. 2019. № 166. 31 июля.

помощи является специальным. В соответствии с положениями ст. 124[1] УК РФ неблагоприятные последствия в виде тяжкого вреда здоровью (ч. 1) либо смерти (ч. 2) должны быть причинены не любому лицу, а лишь обладающему на момент такого воспрепятствования статусом пациента.

Действующее отечественное уголовное законодательство не содержит определения пациента. В юридической литературе по данному поводу отмечается, что законодательное закрепление дефиниции такого понятия способствовало бы правильному толкованию и применению норм. Так Э.В. Густова, в результатах исследования, посвященного вопросам толкования норм уголовного закона с использованием примечаний-дефиниций, указывает, что по мнению опрошенных сотрудников органов следствия, дознания и суда понятие «пациент» в целях применения положений ст. 124[1] УК РФ требует разъяснений законодателя[1].

На необходимость разъяснений того, кого следует понимать под пациентом для надлежащего применения ст. 124[1] УК РФ указали 65,35 % опрошенных практических работника (данные получены автором по результатам анкетирования 681 практического работника – судей судов субъектов, сотрудников Главных следственных управлений, Следственных управлений МВД России, сотрудников Главных следственных управлений, Следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации).

Действующее законодательство, регламентирующее сферу здравоохранения, содержит определение пациента, понимая под ним физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния (п. 9 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2]).

Однако приведенное определение не раскрывает юридически значимых для целей применения ст. 124[1] УК РФ признаков, поскольку не отражает границы существования соответствующего статуса лица. Кроме того, из данного определения не представляется возможным установить обладает ли статусом пациента лицо, которому медицин-

---

[1] Густова Э.В. Примечания к нормам уголовного закона: проблемы легального толкования // Российский юридический журнал. 2021. № 5 (140). С. 98.

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. № 263. 23 ноября.

ская помощь еще не оказывается и за ее оказанием лицо не обращалось, однако имеются основания для медицинского вмешательства без его согласия либо согласия законного представителя.

Из буквального толкования ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» следует, что пациентом будет являться в том числе и то лицо, у которого отсутствует какого-либо заболевание либо состояние. Вместе с тем, наступление неблагоприятных последствий в виде тяжкого вреда здоровью лица (ч. 1 ст. 124^1 УК РФ) либо его смерти (ч. 2 ст. 124^1 УК РФ) напротив предполагает наличие такого заболевания или состояния, в связи с чем их установление является юридически значимым. Отсутствие на момент воспрепятствования оказанию медицинской помощи у лица заболевания (состояния), которое привело к наступлению неблагоприятных для жизни или здоровья последствий, свидетельствует об отсутствии состава преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена указанной нормой.

Помимо наличия у лица заболевания (состояния) на момент воспрепятствования оказанию медицинской помощи юридически значимым для надлежащей квалификации содеянного в соответствии с положениями ст. 124^1 УК РФ является наличие у лица статуса пациента на момент совершения таких воспрепятствующих действий (бездействия).

Приобретение статуса пациента законодательство связывает с двумя фактами: во-первых, обращение лица (законного представителя) за оказанием медицинской помощи (п. 9 ст. 2 указанного Федерального закона); во-вторых, допустимость медицинского вмешательства, как одной из составляющих медицинской помощи, без согласия лица (одного из родителей или иного законного представителя) (ч. 9 ст. 20 указанного Федерального закона).

Из системного толкования указанных норм права следует, что лицо не является пациентом до того момента, пока оно или его законные представители не обратятся за оказанием медицинской помощи, либо до момента принятия уполномоченными лицами решения о возможности медицинского вмешательства без такого согласия в порядке, предусмотренном ч. 9 ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Отсутствие у лица, жизни или здоровью которого причинен вред, статуса пациента состава преступления, предусмотренного положениями ст. 124^1 УК РФ не образует. Например, не является преступным воспрепятствованием оказанию медицинской помощи лишение

лица возможности обратиться за ней. В таком случае воля на оказание медицинской помощи надлежащим образом выражена не была, соответствующие отношения вида «пациент-медицинский работник (медицинская организация)» не возникли. Напротив, сам факт обращения лица (законного представителя) за оказанием медицинской помощи, наделяет последнего статусом пациента, вне зависимости от того, что медицинский работник непосредственно к осуществлению своей законной деятельности не приступил, в том числе не прибыл по месту нахождения такого лица.

Утрату лицом статуса пациента законодательство (исходя из толкования п.п. 3, 9 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») связывает со следующими обстоятельствами: смерть, определяемая в соответствии с положениями ст. 66 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; отказ лица либо его законного представителя от медицинского вмешательства или заявление требования о его прекращении (ч. 3 ст. 20 указанного Федерального закона) при невозможности его осуществления без такого согласия (ч. 9 указанной статьи); выполнение в полном объеме всех этапов оказания медицинской помощи, в том числе, выполнение медицинскими работниками (медицинской организацией) действий, предусмотренных клиническими рекомендациями для определенного заболевания. Относительно выполнения клинических рекомендаций отметим, что, например, при сотрясении головного мозга критерием выписки являются клинические улучшения[1]. Дата и время начала и окончания оказания медицинской помощи указываются в медицинской документации, например, карта вызова скорой медицинской помощи (Приложение № 3 к Приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 2 декабря 2009 г. № 942)[2] содержит графы «прием вызова» и «окончание вызова» с указанием часов и минут.

Принимая во внимание изложенное, наличие у лица статуса пациента непосредственно обусловлено существованием у медицинского работника обязанности оказать медицинскую помощь такому

---

[1] «Клинические рекомендации «Сотрясение головного мозга»»: утверждены Минздравом России. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении статистического инструментария станции (отделения), больницы скорой медицинской помощи: приказ Минздравсоцразвития России от 02.12.2009 № 942. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лицу. Соответствующая обязанность возникает как в связи с обращением лица (его законного представителя) за оказанием медицинской помощи, так и в связи с наличием оснований для медицинского вмешательства без согласия лица (законного представителя) и прекращается в связи со смертью пациента, отказом лица либо его законного представителя от медицинского вмешательства или заявление требования о его прекращении, выполнение в полном объеме всех этапов оказания медицинской помощи. Именно в указанный промежуток времени лицо обладает статусом пациента, который от фактического оказания ему медицинской помощи не зависит.

Учет изложенных юридически значимых для целей надлежащего применения отечественного уголовного закона, в том числе ст. 124^1 УК РФ, признаков позволяет сформулировать определение пациента как физического лица, у которого имеется заболевание или находящегося в определенном состоянии, и в отношении которого у медицинского работника возникла и существует обязанность оказания медицинской помощи. Только указанное лицо может являться потерпевшим от преступного воспрепятствования оказанию медицинской помощи.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников: федер. закон от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ // Российская газета. 2019. № 166. 31 июля.

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. № 263. 23 ноября.

3. Об утверждении статистического инструментария станции (отделения), больницы скорой медицинской помощи: приказ Минздравсоцразвития России от 02.12.2009 № 942. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. «Клинические рекомендации «Сотрясение головного мозга»»: утверждены Минздравом России. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Густова Э.В. Примечания к нормам уголовного закона: проблемы легального толкования // Российский юридический журнал. 2021. № 5 (140). С. 92–104.

© Глебова Е.П., 2025

EDN: LZHYMU

Готчина Лариса Владимировна
Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации,
профессор кафедры криминалистики,
доктор юридических наук, профессор

О ЗНАЧЕНИИ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЦА - «НЕ УПОТРЕБЛЯЮЩИЙ НАРКОТИКИ» ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: в статье рассматривается наркозависимость лица, совершившего наркопреступление, как криминологическая характеристика. Указывается ее значение при реализации норм, предусмотренных статьями 72.1 и 82.1 УК РФ, и разграничении квалификации преступлений, предусмотренных статьями 228 и 228.1. УК РФ. Отмечается важность оценки результатов оперативно-розыскных мероприятий, дающих данные для правильного установления умысла.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков; сбыт; умысел; употребляющий наркотики.

Судебная практика о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов[1] одна из самых подвижных и меняющихся. Тому подтверждение неодноразовые изменения положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

Более конкретные изменения правоприменительной практики отражаются в обзорах о ней. Некоторые положения небезупречны и спорны с точки зрения теории права. Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов от 26 июня 2024 года, подготовленный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации,

[1] Далее – незаконный оборот наркотиков.

дал некоторые разъяснения по проблемам правоприменения, однако видится целесообразным такие пояснения внести в содержание постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». Остановимся на некоторых вопросах.

Наркозависимость лица, совершившего наркопреступление, как криминологическая характеристика, в первую очередь, важна и должна учитываться судом при реализации норм, предусмотренных статьями 72.1 и 82.1 УК РФ, предусматривающих последующие лечение и медицинскую реабилитацию и (или) социальную реабилитацию. Судебная практика скудна в этом направлении. Однако зачастую установленная в материалах уголовного дела характеристика лица, как не употребляющего наркотики, способствует подтверждению умысла на их последующий сбыт, такая отягчающая квалификация не всегда верна, но основана она на положении абз. 2 п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14, который трактует: «Об умысле на сбыт указанных средств, веществ, растений могут свидетельствовать при наличии к тому оснований их приобретение, изготовление, переработка, хранение, перевозка лицом, самим их не употребляющим…». В данном случае «лицо, не употребляющее» понимается как установленные данные в уголовном деле, фактически виновное лицо может употреблять такие средства, но в деле не собраны достаточные доказательства по этому факту. Причин много, среди них наиболее распространённые: нет показаний свидетелей, нечувствительные наркотесты, эпизодичный прием наркотиков). Более того, потребители наркотиков также занимаются их сбытом, даже более активно. «Каждый наркоман за свою короткую жизнь вовлекает на наркоорбиту 8-12 новичков»[1].

Поэтому вышеуказанное положение постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 об установлении «умысла на сбыт … могут свидетельствовать при наличии к тому оснований…» деяния с наркотиками, осуществляемые «лицом, самим их не употребляющим» способствует обвинительному уклону и квалификации по ст. 228.1 УК РФ, когда фактически могут

[1] Выявление и предупреждение незаконного оборота наркотиков: Учебное пособие / Под ред. канд. юрид. наук В.А. Кудина. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, 2006. С. 88.

выполняться деяния, предусмотренные ст. 228 УК РФ. В этой связи согласна с практикой оценки результатов оперативно-розыскных мероприятий, которые в таких случаях и дают разъяснения для правильного установления умысла.

Так, сложности у правоприменителей возникают при учете характеристики лица «не употребляющего наркотики» при определении умысла на незаконный сбыт хранящихся наркотиков. В основу таких трактовом ложатся позиции обвиняемых и их адвокатов. Так, по одному из уголовных дел Второй кассационный суд общей юрисдикции переквалифицировал действия двух виновных на часть 2 статьи 228 УК РФ как незаконные приобретение, хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере, указав, что «суд первой инстанции не опроверг позицию наркозависимых осужденных, отрицавших умысел на незаконный сбыт наркотиков» и пояснивших целью их приобретения - личное потребление, ссылаясь на то, «что исследованные судом доказательства не содержат сведений о совершении Л. и К. действий, направленных на сбыт изъятых у них наркотических средств, а также данных, указывающих на их участие в такой деятельности, в том числе ранее»[1].

В последствии указанное кассационное определение отменено и новое кассационное рассмотрение обосновало правильность квалификации действий Л. и К. по части 3 статьи 30, пункту «г» части 4 статьи 228.1 УК РФ, вынесенной судом первой инстанции. В основу приговора положена оценка результатов оперативно-розыскных мероприятий (фонограммы 10 телефонных разговоров, содержанием которых было обсуждение вопросов, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

«В обоснование правильной квалификации действий Л. и К. по части 3 статьи 30, пункту «г» части 4 статьи 228.1 УК РФ судебная коллегия указала, что согласно постановлению Пленума от 15 июня 2006 года № 14 об умысле на сбыт наркотических средств могут свидетельствовать при наличии к тому оснований их приобретение, изготовление, переработка, хранение, перевозка лицом, самим их не употребляющим, количество (объем), размещение в удобной для передачи расфасовке, наличие соответствующей договоренности с потребителями и т.п.

---

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 5-УДП22-68-К2, кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции № 77-3086/2022 // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 13.05.2025).

То обстоятельство, что Л. и К. являются наркозависимыми, принималось во внимание судами первой и апелляционной инстанций, которые аргументированно отметили, что данный факт сам по себе не предопределяет необходимости квалификации действий этих лиц как незаконное приобретение наркотических средств для личного потребления». Такая позиция суда является верной.

В другом кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации конкретизировано, что «объективную сторону сбыта наркотических средств составляет не только непосредственная передача наркотических средств приобретателю, но и предшествующие этому действия, в частности приобретение, хранение, перевозка наркотических средств в целях их сбыта» [1]. Если сама передача не реализована по независящим от сбытчика обстоятельствам в соответствии с теорией уголовного права речь идет о стадии преступления – покушении. Если положения, отраженные в Обзорах судебной практики, являются ориентирами для дальнейшего правоприменения, разъясняющие позиции должны своевременно отражаться и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Список литературы:

1. Выявление и предупреждение незаконного оборота наркотиков: учебное пособие / Под ред. канд. юрид. наук В.А. Кудина. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, 2006. 208 с.

2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации N 5-УДП22-68-К2, кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции № 77-3086/2022 // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 13.05.2025).

3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 25-УД22-36-К4 // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 13.05.2025).

© Готчина Л.В., 2025

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 25-УД22-36-К4 // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 13.05.2025).

EDN: MUYZRE

Дворецкий Михаил Юрьевич,
Тамбовский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
доцент кафедры правовых дисциплин
кандидат юридических наук, доцент

ЭФФЕКТИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Аннотация: в статье анализируется эффективная реализация уголовной ответственности, ее сущность и содержание, генезис отечественного законодательства, рассматриваются различные позиции ученых на субъект преступления, исследованы корреляции уголовно-правовых норм и новеллы, делаются выводы и вносятся предложения по совершенствованию УК РФ и рекомендации правоприменителям назначению справедливого наказания.

Ключевые слова: эффективная реализация; уголовная ответственность; субъект преступления; вменяемость; невменяемость; наказание.

Эффективная реализация уголовной ответственности презюмирует генезис понятий, в том числе, перечень признаков, определяющих, именно субъект деяния, предполагая наличие элемента, отражающего состав содеянного, предусмотренный Уголовным кодексом. Прежде всего, определённые субъективные признаки, которые имеет виновный.[1] Однако, история знает факты, когда реализация уголовной ответственности была связана с ее несением некоторыми животных – быками, свиньями, петухами, крысами, мышами, саранчой, а также целым рядом предметов – колоколами и морскими проливами[2].

[1] Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Под ред. А.И. Рарога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 114.

[2] Уголовное право России. Часть Общая: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Р.Р. Галиакбаров, И.Я. Козаченко, Ю.А. Красиков и др.; под ред Л.Л. Кругликова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 182–183.

Некоторыми исследователями, в целях более полного раскрытия содержания определения «виновный в преступлении» предлагается скорректировать понятийно-терминологический аппарат [1]. Соответственно противоположное мнение презюмируется лицом, дифференцирующим реализацию уголовной ответственности[2]. Безусловно, дифференцируясь уголовная ответственность презюмируется посредством таких значимых признаков – пола и пожилого возраста виновного. Так, согласно положениям отечественного уголовного законодательства – это значимо для индивидуально вариативного назначения пожизненного лишения свободы и смертной казни, также определяя место отбывания наказания осужденным, тем самым раскрывая этимологию субъекта, несущего уголовную ответственность, характеризуя содеянное им посредством признаков преступления и наличием персонифицированных качеств отдельной личности – социально-этические свойства, в итоге предопределяющие, что человек «хороший или плохой»[3]. Содержание понятий, в виде субъекта общественно-опасного деяния или личности, внутренне раскрывающие виновное лицо, не тождественно, поскольку первым предполагается наличие социальных разнообразных коммуникаций»[4]. Второе – презюмирует перечень признаков физического лица – возраст, вменяемость, для правовой оценки содеянного как правонарушения[5].

Таким образом, в понятийно-терминологическом аппарате используется более широкое понятие личность преступника по сравнению со словосочетанием субъекта общественно-опасного деяния, из-за разности имеющегося их функционального предназначения. Прежде всего, субъектом содеянного обуславливается наступление для него уголовной ответственности, соответственно личностью индивидуализируется наказание, определяемое комплексным учётом лич-

---

[1] Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Кудрявцев В.Н. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 30 с.

[2] Козлов А.П. Понятие преступления. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 410.

[3] Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова (отв. ред.). СПб.: Питер, 2005. С. 203.

[4] Криминология. Учебник / Ю.М. Антонян, Г.В. Дашков, В.Н. Кудрявцев и др.; Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова; Министерство образования РФ. Московская государственная юридическая академия. М.: Юристъ, 2005. С. 151.

[5] Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 270.

ных признаков, позволяющих достигнуть его цели посредством специальной превенции и исправления привлеченного к ней и признанного судом виновным, то есть преступником.

Однако, в уголовном законодательстве имеется тождественность, исходя из одинакового смысла уголовно-правовых идиом в виде субъекта преступления и лица, позиционируемого посредством всех унифицирующих их признаков, тем самым приводя к полной равноценности. А, отсутствие у лица этих признаков, исключает применения государством в отношении него принудительной меры. Неприменение никаких мер уголовно-правового воздействия предполагает наличие ситуации отсутствия у лица признаков позволяющих оценить его субъектом содеянного. Однако, возможно обстоятельств, когда преступление представлено противоправной деятельностью лица, стоящего за фактическим исполнителем содеянного общественно-опасного деяния.[1] Соответственно субъектом деяния, оцениваемое в качестве исполнителя квалифицируется именно лицо, умышленно заставившее «живое орудие» совершить содеянное, злонамеренно зная об отсутствии у него того или иного субъективного признака.

Ряд исследователей констатируют наличие проблем, которые концептуально связаны с научной характеристикой – правовая оценка использования отдельных категорий лиц, официально признанных и (или) не достигших возраста, когда должна наступать уголовная ответственность – «живое орудие», тем самым исключая наличие особого индивидуального статуса всякой социальной личности, предполагающего правильную квалификацию деяния. Привлечение к ответственности в соответствии с наступившими последствиями, когда у лица первоначально отсутствуют признаки, которыми должен располагать субъект, с оценкой содеянного, если оба вменяемы и достигли необходимого возрастного предела. Решение предложено достигнуть посредством распространения понятия «исполнитель» по отношению к лицам, которые не обладают тем и (или) иным признаком из перечня, позволяющего оценить лицо субъектом содеянного [2]. Поскольку есть субъект, признаки обязаны включать характеристику лица, как физического, в соответствии с законодательством, достижение определенного возраста, вменяемое состояние.

---

[1] Курс советского уголовного права. Т. 1 / Отв. ред.: Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 612.

[2] Гонтарь И.Я. Посредственное исполнение: теория и проблемы судебной практики // Уголовное право. М.: Интел-Синтез, 2004. № 2. С. 19–20.

Возрастом, достигнув какой виновный в содеянном, предусмотренном УК должен понести уголовную ответственность согласно законодательству большей части государств, позиционировано установление некого минимального возраста привлечения к ней посредством формулирования предельных лет, достигнув которые лицом сохраняется способность к осознанию социальной значимости право охраняемого того или иного объекта. Так, А.В. Васильевским обоснованно констатируется уголовно-политический характер выбора минимальных возрастных пределов, когда должна наступать ответственность, так как каждой страной в соответствии с историческим периодом разрешался этот вопрос[1].

Невозможность однотипных поведенческих оценок в отношении лиц, страдающих каким-либо психическим заболеванием и психически нормальных научно-практически оформился уже в позапрошлом столетии, а генезис психиатрии окончательно привел к выводу, что содеянное невменяемым имеющим психическое расстройство, не способного к адекватной оценке социальной значимости наступивших последствий общественно-опасного деяния и на реализацию своего волеизъявления. Вследствие выделения медицинского и юридического критериев, этимологически отражающих невменяемость, то первый определяет, согласно психиатрической оценке, наличие самочувствия, проявляющегося в психическом заболевании, выступающего в качестве первопричины второго обстоятельства, проявляющегося в неспособности больного к формированию необходимого интеллектуального и волевого отношения к содеянному им. В свою очередь, позиционируя невменяемость необходимо оценивать наличие состояния вменяемости, выступающего в качестве обязательного признака, который должен иметь субъект содеянного в соответствии с уголовно-правовой парадигмой, когда вменяемость – это отсутствующая у лица невменяемость.

Ограниченной вменяемостью теорией уголовного права обозначается «промежуточное» психоэмоциональное состояние, демонстрируемое лицом ограниченно способным к осознанию общественной опасности им содеянного либо к какому-либо руководству, вызванное наличием психического заболевания. Согласно теории, должно при квалификации содеянного, предусмотренного Особенной частью УК исключаться приравнивание лиц, с пограничными психическими нарушениями – психопатии, неврозы, остаточные явления, вызванные черепно-мозговыми травмами, вследствие алкоголизма, наркомании,

[1] Васильевский А.В. Возраст как условие уголовной ответственности. / А.В. Васильевский // Законность. 2000. № 11. С. 23.

токсикомании и обстоятельствами с не болеющими данными заболеваниями[1]. Поскольку положения предусматривают не наличие признаваемого психическим заболеванием, что взаимосвязано с постоянным возрастанием посягательств, вызванных опьянением – почти 50 % хулиганства, разбоя, нападений при алкогольном опьянении и более редким наркотическом опьянении[2].

Как правило позиционируется несоответствие освобождения виновных, содеянного из-за непатологического опьянения положениям, предусмотренными социальными уголовно-правовыми задачами. Э.Л. Сидоренко констатирует крайнюю дискуссионность вопроса об относительности уголовно-правого оценивания состояния, вызванного именно тяжелой его степенью, предлагая решать это посредством комплексного использования четырех подходов окончательно предрешающих вариативно ответственность виновных содеянного: во-первых, их невменяемостью и невозможностью несения какой-либо уголовной ответственности; во-вторых, их невменяемостью; в-третьих, признание опьянения психической аномалией ограниченно вменяемого; в-четвертых, обязательно ответственно вменяемого[3]. Специальный субъект обладает дополнительными признаками, которые необходимы, чтобы он понес уголовную ответственность при совершении им преступления. Именно данные обстоятельства позволяют оценивать содеянное, как совершенным виновным, имеющим статус специального субъекта преступления.

Список литературы:

1. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Под ред. А. И. Рарога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. 704 с.

2. Уголовное право России. Часть Общая: Учебник для студентов вузов / Под ред Л.Л. Кругликова. 2-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2005. 564 с.

---

[1] Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. С. 285.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Постатейный / Авт. кол.: В.К. Дуюнов, Л.Л. Кругликов, А.П. Кузнецов и др.; Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 50.

[3] Сидоренко Э.Л. Некоторые вопросы уголовно-правовой оценки состояния опьянения виновного в теории и правоприменительной деятельности / Э.Л. Сидоренко. // Уголовное право: Ежеквартальный научно-практический журнал. М.: АНО «Юридические программы», 2005. № 1. С. 68.

3. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Кудрявцев В.Н. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 30 с.

4. Козлов А.П. Понятие преступления. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 817 с.

5. Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова (отв. ред.). СПб.: Питер, 2005. 560 с.

6. Криминология. Учебник / Ю.М. Антонян, Г.В. Дашков, В.Н. Кудрявцев и др.; Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 2005. 800 с.

7. Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 318 с.

8. Курс советского уголовного права. Т. 1 / Отв. ред.: Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 646 с.

9. Гонтарь И.Я. Посредственное исполнение: теория и проблемы судебной практики / И.Я. Гонтарь // Уголовное право. М.: 2004. № 2. С. 18–20.

10. Васильевский А.В. Возраст как условие уголовной ответственности. / А.В. Васильевский // Законность. 2000. № 11. С. 23–25.

11. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. 611 с.

12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Постатейный / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1080 с.

13. Сидоренко Э.Л. Некоторые вопросы уголовно-правовой оценки состояния опьянения виновного в теории и правоприменительной деятельности / Э.Л. Сидоренко // Уголовное право. 2005. № 1. С. 67–70.

© Дворецкий М.Ю., 2025

EDN: MQZGUI

Дворжицкая Марина Андреевна,
Северо-Западный филиал
Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
старший преподаватель кафедры уголовного права
кандидат юридических наук

Писаревская Елена Анатольевна,
Северо-Западный филиал
Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
доцент кафедры уголовного права
кандидат юридических наук, доцент

НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ, КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: в статье отмечается, что расширение в 2025 году в ст. 205.6 УК РФ перечня преступлений, о которых необходимо сообщать, является вынужденным решением законодателя, но, необходимым с учетом увеличения угроз обороноспособности и экономической безопасности государства. Авторы приходят к выводу, что норма о несообщении о преступлении является эффективным средством контроля над преступностью, требующим сплочения всего общества, потенциал которого не исчерпан и может быть усовершенствован за счет дифференциации ответственности за несообщение о готовящемся преступлении и уже совершенном.

Ключевые слова: несообщение; преступление; недонесение; криминализация; прикосновенность.

В 2016 году российский уголовный закон пополнился новой нормой, предусматривающей ответственность за несообщение о преступлении. Напомним, что при введении в действие первоначальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в нем не было подобной нормы. Хотя несообщение о преступлении,

или как ранее именовалось данное преступное посягательство – «недонесение о преступлении», все же было известно советскому законодателю, о чем свидетельствует статья 190 УК РСФСР 1960 года[1].

В 2016 году криминализация несообщения о преступлении нашла, как положительные отзывы, так и наоборот негативные. Аргументы за введение данной нормы связаны, во-первых, с тем, что общественная опасность преступлений террористической направленности, о которых требовалось сообщать всем гражданам, имеющим достоверную информацию о них, настолько высока, а последствия зачастую необратимы, что требует комплексного противодействия им совместными силами правоохранительных органов и обычных граждан. Во-вторых, в сообщении о преступлении не заложено никакой заведомо «непосильной» или «обременяющей» активности для граждан, а термин «несообщение» имеет совершенно нейтральную нравственную оценку, чем использовавшийся в советском уголовном законе термин «недонесение». В-третьих, такое поведение граждан социально обосновано и направлено на своевременное выявление, раскрытие и привлечение к уголовной ответственности виновных лиц, достижение интересов правосудия. Кроме того, подобный опыт введения уголовной ответственности за несообщение о ряде преступлений известен истории российского уголовного законодательства, рекомендован модельным уголовным законодательством для государств – участников Содружества Независимых Государств (далее СНГ)[2], а также внедрен и успешно реализуется в уголовном законодательстве некоторых из этих стран.

Так, например, Д.А. Мурин, высказываясь в поддержку введения исследуемого уголовно-правового запрета, отмечал, что с учетом состояния преступности в стране в 2016 году такое решение ни в коем случае не было лишено практической значимости[3]. В свою очередь, Л.Ю. Ла-

[1] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

[2] Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ от 17.02.1996 / Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] // URL: http://base.garant.ru/2566472/ (дата обращения: 24.04.2025).

[3] Мурин Д.А. Проблема ответственности за несообщение (недонесение) о преступлении против собственности по российскому уголовному праву // Вестник Сибирского института бизнеса и экономики. 2017. № 3 (23). С. 36.

рина добавляла, что сложная обстановка в мире в области борьбы с терроризмом на тот момент диктовала необходимость для российского законодателя внедрения и реализации жесткой уголовной политики[1].

Противники криминализации несообщения о преступлении указывали на противоречие данной нормы Конституции Российской Федерации и морально-нравственным устоям российского общества, отмечая, что данная норма останется «мертвой». В целом, обобщение аргументов «против» криминализации несообщения о преступном посягательстве показывает, что они, во-первых, связаны с историческим опытом привлечения к уголовной ответственности за несообщение о преступлении, когда в уголовном законе данное деяние было «избыточно» криминализировано, перечень преступлений, о которых необходимо было сообщать под угрозой уголовного наказания, был достаточно широк. Во-вторых, сам по себе донос, по мнению некоторых авторов, воспринимался неоднозначно в истории, то «восхваляется как подвиг, то активно осуждался»[2]. В-третьих, приведенные аргументы дополнялись отсутствием гарантий, что сообщения о преступлениях будут носить только благие намерения. В-четвертых, высказывается мнение о том, что ответственность за несообщение о преступлении вообще неуместна в демократическом государстве, а также в нашей стране отсутствует конституционная обязанность сообщать о преступлении. Кроме того, на практике могут возникнуть проблемы защищенности потенциальных свидетелей, на плечи которых возлагаются обязанности правоохранительных органов. Так, например, О.И. Амельчаков указывал на то, что «криминализация моральной обязанности в статье 205[6] УК РФ и вовсе противоречит доктрине уголовного права, а также Конституции Российской Федерации, поскольку в современном российском праве юридически не закреплена обязанность сообщать о преступлении»[3].

---

[1] Ларина Л.Ю. Проблемы уголовной ответственности за несообщение о преступлении. Человеческий капитал. 2016. 10 (94). С. 76.

[2] Нехамкин В.А. Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2. С. 64.

[3] Амельчаков О.И. Несообщение о преступлении в отечественном уголовном законодательстве // Социально-политические науки. 2017. № 5. С. 157.

Однако, несмотря на критику, норма о несообщении о преступлении сохранилась в уголовном законе с момента принятия, была признана непротиворечащей Конституции Российской Федерации [1] , а также имеет неединичные факты осуждения по ней. Так, за 9 лет ее существования сформировалась практика применения: в 2016 году по данной статье осуждено 0 – человек, в 2017 – 14, в 2018 – 47, в 2019 – 49, в 2020 – 74, в 2021 – 104, в 2022 – 82, в 2023 – 64[2].

Более того, данная норма продолжает совершенствоваться. Так, Федеральным законом от 21.04.2025 № 102-ФЗ «О внесении изменения в статью 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации» в перечень преступных посягательств, о которых требуется сообщать, чтобы не быть привлеченным к ответственности по ст. 205.6 УК РФ, добавились статьи 281, 281.1, 281.2, 281.3 УК РФ, предусматривающие ответственность за преступления, связанные с диверсионной деятельностью. В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что внесение подобных изменений обусловлено целью защиты национальных интересов Российской Федерации, прав и свобод граждан от новых форм преступной деятельности, и угроз государственной безопасности[3]. В том числе авторы законопроекта указывают на своевременное внесение изменений в данную норму, актуальное в условиях проведения специальной военной операции на территории Российской Федерации, в период которой наблюдается повышение количества диверсионных атак на значимые объекты экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации. При этом отмечается, что некоторыми гражданами факты склонения их к преступной деятельности умалчивались, что негативно повлияло на своевременное получение правоохранительными органами соответствующих данных о готовящихся диверсиях.

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 по делу № 1996-О/2018 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паталиева Магомеда Сайфудиновича на нарушение его конституционных прав статьей 2056 УК РФ» / Сайт Конституционного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.ksrf.ru/ (дата обращения: 25.03.2025).

[2] Статистика судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / Официальный сайт верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 25.03.2025).

[3] Пояснительная записка к проекту Федерального закона от 21 апреля 2025 г. № 102-ФЗ / Сайт Государственной Думы РФ [Электронный ресурс] // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/827095-8/ (дата обращения: 30.03.2025).

Учитывая пояснительную записку к законопроекту, следует отметить, что решение законодателя о включении нормы о несообщении о преступлении в уголовный закон в 2016 году, как и расширение перечня преступлений, о которых необходимо сообщать в 2025 году, является вынужденным решением законодателя, но, однозначно необходимым с учетом увеличения угроз обороноспособности и экономической безопасности государства. Норма о несообщении о преступлении, вопреки негативным ожиданиям, оказалась эффективным средством контроля над преступностью, требующим сплочения всего общества, потенциал которого еще не исчерпан и, представляется, продолжит совершенствоваться. Ответственность за несообщение о преступлении выступает эффективным средством стимулирования соответствующего позитивного поведения со стороны граждан, особенно в те моменты, когда государство нуждается в такой помощи от населения страны. В этой связи уместно привести слова А.А. Тер-Акопова, который утверждал, что введение уголовной ответственности за бездействие (в том числе в форме несообщения) наблюдается в периоды критических для государств ситуаций, требующих активизации деятельности всех членов общества, строгого выполнения ими своих обязанностей[1].

Преступления, о которых требуется сообщить согласно статье 205.6 УК РФ, с учетом изменений 2025 года посягают на различные видовые объекты. Так, статьи 205, 205.1-205.5, 206, 208, 211, 220, 221 УК РФ – расположены в главе «Преступления против общественной безопасности»; статьи 277, 278, 279 УК РФ – в главе «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»; статьи 360 и 361 УК РФ – в главе преступления против мира и безопасности человечества; статьи 281, 281.1, 281.2, 281.3 УК РФ – в главе «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Иными словами, российский законодатель избрал точечный подход к формированию данного перечня, включив в него наиболее общественно опасные посягательства в нынешней социально-политической обстановке.

Вместе с тем, перечень преступлений, о которых лицо обязано сообщить, согласно статье 205.6 УК РФ, является объектом научных дискуссий и, по мнению некоторых ученых, может быть расширен иными составами наиболее распространенных преступлений [2] .

---

[1] Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. М.: Юридическая литература, 1980. С. 102.

[2] Идрисов Н.Т. Несообщение о преступлении в применении к наркотическим преступлениям // Economics and politics: problems and innovations: сборник статей

Так, до внесения в 2025 году изменений в статью 205.6 УК РФ в Государственной Думе Российской Федерации рассматривался законопроект о расширении данного перечня за счет включения в него убийства двух и более лиц, совершенного общеопасным способом, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [1]. Однако подобная инициатива была отклонена.

Обратившись к истории, отметим, что, согласно ст. 190 УК РСФСР 1960 г. ответственность за недонесение наступала в случае недонесения о различных преступных посягательствах, таких как умышленное убийство, изнасилование, кража и грабеж при отягчающих обстоятельствах, разбой и т.д. Исследование Модельного уголовного кодекса, рекомендованного для Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), позволяет установить подход, который рекомендовал для криминализации несообщения о преступлении учитывать стадию и категорию несообщаемого преступления[2]. Так, в статье 326 данного акта указано, что уголовно наказуемым является несообщение только о готовящемся или совершенном особо тяжком преступлении. В свою очередь, согласно статье 406 УК Республики Беларусь ответственность наступает за недонесение, как о совершенном особо тяжком преступлении, так и о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении[3]. Однако, например, в соответствии со статьей 434 УК Республики Казахстан используется иной подход, и криминализировано несообщение о готовящемся или совершенном тяжком преступлении только против

МНПК. Пенза: Наука и просвещение, 2016. С. 108.

[1] Законопроект № 751924-7 «О внесении изменений в Главу 31 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части установления дополнительной ответственности за несообщение о преступлениях массово опасной направленности)» / Сайт Государственной Думы Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/751924-7 (дата обращения: 23.02.2025).

[2] Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ от 17.02.1996 / Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] // URL: http://base.garant.ru/2566472/ (дата обращения: 24.03.2025).

[3] Уголовный кодекс республики Беларусь / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения: 24.03.2025).

половой неприкосновенности несовершеннолетнего лица, особо тяжком преступлении либо достоверно известном готовящемся акте терроризма[1].

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что расширение в 2025 году перечня преступлений, о которых необходимо сообщать (в ст. 205.6 УК РФ), является вынужденным решением законодателя, но, однозначно необходимым с учетом увеличения угроз обороноспособности и экономической безопасности государства. Данная норма вопреки негативным ожиданиям оказалась эффективным средством контроля над преступностью, требующим сплочения всего общества. Представляется, что ее потенциал еще не исчерпан и продолжит совершенствоваться, в том числе в части дифференциации ответственности за несообщение о готовящемся преступлении и уже совершенном, поскольку в первом случае деяние является более общественно опасным.

Список литературы:

1. Амельчаков О.И. Несообщение о преступлении в отечественном уголовном законодательстве // Социально-политические науки. 2017. № 5. С. 156–159.

2. Идрисов Н.Т. Несообщение о преступлении в применении к наркотическим преступлениям // Economics and politics: problems and innovations: сборник статей МНПК. Пенза: Наука и просвещение, 2016. С. 106–114.

3. Ларина Л.Ю. Проблемы уголовной ответственности за несообщение о преступлении. Человеческий капитал. 2016. № 10 (94). С. 76–78.

4. Мурин Д.А. Проблема ответственности за несообщение (недонесение) о преступлении против собственности по российскому уголовному праву // Вестник Сибирского института бизнеса и экономики. 2017. № 3 (23). С. 35–38.

5. Нехамкин В.А. Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2. С. 63–79.

6. Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. М.: Юридическая литература, 1980. 151 с.

© Дворжицкая М.А., 2025,
© Писаревская Е.А., 2025

[1] Уголовный кодекс республики Казахстан [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&sub_id=4340000&pos=6740;-36#pos=6740;-36 (дата обращения: 24.03.2025).

EDN: MIMHBO

Денисов Сергей Анатольевич,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
профессор кафедры уголовного права
доктор юридических наук, профессор

ДЕЛИКТЫ СОЗДАНИЯ ОПАСНОСТИ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические вопросы, относящиеся к пониманию особой группы уголовно-правовых норм с признаками деликтов создания опасности. Выделяются общие признаки, характерные для данной группы уголовно правовых норм – опасность деяния и возможность наступления последствий.

Ключевые слова: деликты создания опасности, отдельная группа норм Особенной части, опасность деяния и возможность наступления последствий, применение норм с признаками деликтов создания опасности.

В современной науке уголовного права вопросу о деликтах опасности или создания опасности уделяется достаточное внимание. Это связано прежде всего с тем, что законодатель при моделировании уголовно-правовой нормы и установлении элементов и признаков составов преступлений довольно часто обращался и продолжает обращаться к данному способу выражения государственной воли. Речь идет о случаях, когда запрет на совершение опасного поведения связан не с наступлением последствий либо совершением самого деяния, а с таким посягательством, которое создает условие для наступления последствий. Ярким примером такой конструкции является основной состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 122 УК РФ заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией. В данном случае законодатель исходит из того, что действия лица, знающего о наличии у него этой опасной инфекции и тем не менее вступающий в контакт с потерпевшим, создает реальную и неминуемую опасность заражения другого человека. Конструкция деликта создания опасности в этой ситуации упреждает причинения тяжкого последствия – заражения потерпевшего ВИЧ-инфекцией.

Аналогичным образом построена диспозиция ст. 215 УК РФ, где в части первой устанавливается ответственность лица за нарушение правил безопасности при размещении, проектировании, строительстве и эксплуатации объектов атомной энергетики, если это могло повлечь смерть человека или радиоактивное заражение окружающей среды. Как видно из диспозиции, нарушение правил безопасности с возможным наступлением последствий образует оконченное преступление. Согласно авторским подсчетам, в действующем УК РФ насчитывается четырнадцать статей Особенной части, нормы которых сконструированы законодателем по принципу деликта создания опасности. Распределение таких норм по главам самое различное. Это преступления против личности, общественной безопасности и здоровья населения, экологические и транспортные преступления, а также преступления против мира и безопасности человечества. Отличаются нормы с признаками деликтов создания опасности и своими санкциями – от штрафа в размере до 200 000 за заведомо ложное заключение экспертизы промышленной безопасности (ст. 217.2) до 20-ти лет лишения свободы за экоцид (ст. 358). Такой разброс в санкциях свидетельствует о том, что несмотря на общую юридическую технику построения, оценка характера и степени общественной опасности определяется с учетом ценности общественных отношений, выступающих содержанием объекта преступлений. В ранее действовавшем УК РСФСР (РФ) 1960 в редакции 1996 года таких конструкций было значительно больше. Так, автором было выявлено 25 норм Особенной части с признаками конструкции деликтов поставления в опасность.

Все вышесказанное позволяет поставить вполне обоснованный вопрос – а в чем же необходимость разработки уголовно-правовых норм с признаками деликта создания опасности и размещение их в тело Особенной части УК РФ? По мнению автора, особое значение в подобного рода преступлениях имеет опасность как атрибутивное свойство деяния и его возможных последствий. Весьма подробно и обстоятельно вопрос об опасности преступления в его самых различных вариациях исследован в знаменитом курсе русского уголовного права Н.С. Таганцева. Автор рассматривает опасность не только как свойство деяния, но и как последствие. «Таким последствием преступной деятельности является прежде всего создание определенной опасности для конкретного правоохраненного интереса, т.е. создание таких условий, которые, по общему порядку

вещей, более или менее непосредственно должны были вызвать вред для такового интереса»[1]. Далее автор возвращается к особой группе деяний, где опасность выражена не в самом деянии, а является условием, при котором виновное лицо ставит в опасность жизнь потерпевшего при оставлении без помощи. Объективно поставление в опасность предполагает наличность таких условий, которые делают возможным наступление вреда для правоохраняемого интереса, причем сама возможность наступления устанавливается каждый раз судом согласно общими указаниями опыта, в связи с обстоятельствами отдельного случая. Как видно из приведенного текста, Н.С. Таганцев выделяет деликты создания опасности в отдельную группу преступлений в виде деяний, осложненных рядом признаков и обстоятельств[2]. К числу таких признаков и обстоятельств следует отнести следующие. Во-первых, лицо совершает противоправное деяние, запрещенное законом. При этом запрет на совершение действия может являться содержанием как уголовного закона, так и иных нормативно-правовых актов – совершение взрывов, поджогов при террористическом акте либо нарушение правил обращения с экологически опасными веществами (ст.ст. 205, 247 УК РФ). Во-вторых, совершаемое деяние обладает внутренним потенциалом вредоносности, которая при определенных обстоятельствах может привести к общественно опасным последствиям – например, оставление в опасности (ст. 125 УК РФ). И, наконец, в-третьих, совершаемое деяние не ограничено самим фактом его учинения, а содержит в себе возможность наступления общественно опасных последствий. В качестве примера можно привести хищение либо вымогательство ядерного, химического или других видов оружия массового поражения, а равно материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового уничтожения (ч. 2 ст. 226 УК РФ). Деликты создания опасности, как и все преступления, обладают признаками виновности и наказуемости.

Ключевыми признаками, отличающими деликты создания опасности от других правовых конструкций, является возможность наступления общественно опасных последствий и опасность как специфическая разновидность таких последствий.

---

[1] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Тула: Автограф, 2001. Т. 1. С. 513.

[2] Таганцев Н.С. Там же.

На это обстоятельство указывают авторы, исследовавшие анализируемое нами уголовно-правовое явление[1].

Категория «возможности и действительности» относится к числу парных категорий диалектики, в которых находит свое выражение процесс перехода одного явления в другое. Действительность – это наличное бытие, включающее в себя как весь реально существующий мир, так и его отдельные объекты, являющиеся в конкретное время и в конкретном месте. Возможность, в отличие от действительности, содержит в себе предпосылки наличного бытия, это будущее, содержащееся в настоящем. Действительность, таким образом, является актуальным бытием, а возможность – потенциальным. Диалектика взаимодействия двух парных категорий раскрывает закон развития, когда в действительности заключены возможности будущих изменений, а в возможности – наступления будущей действительности[2]. По своей качественной характеристике возможности подразделяются на обратимые и не обратимые, существенные и несущественные, формальные и реальные, абстрактные и конкретные[3].

Исходя из специфики проявления данных категорий в уголовном праве, с учетом особой конструкции деликтов опасности, возможности наступления опасных последствий должны быть существенными для объекта преступления и потерпевшего, реальными и необратимыми, а также конкретными для совершения преступления. Расширительное толкование возможности увеличивает объем вменения и создает условия для привлечения к уголовной ответственности за казус без учета объективных и субъективных обстоятельств дела. В уголовно-правовой литературе при характеристике возможности выделяют также вероятность наступления последствий. В современной философии под вероятностью понимается количественная сторона возможности, она характеризует

---

[1] Горелик И.И. Ответственность за оставление в опасности по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 20-24., Церетели Т. В. Деликты создания опасности / Т.В. Церетели // Советское государство и право. 1970, № 8. С. 56–64., Кригер Г.А. Уголовная ответственность за возможное причинение вреда / Кригер Г.А. // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. Курсаев А.В. Состав поставления в опасность в уголовном праве / Курсаев А.В. // Вестник экономической безопасности, 2019. № 3. С. 166–179.

[2] Краткий философский словарь. 2-е издание. Ответственный редактор д.ф.н., профессор А.П. Алексеев. М., Блок-Принт, 2025. С. 58.

[3] См. там же. С. 59.

границы, в которых данная возможность существует. Несмотря на количественные параметры, вероятность в известной степени условна и определяется при помощи таких расплывчатых критериев, как «малая вероятность», «средняя вероятность», «высокая вероятность» [1]. При квалификации преступлений с признаками поставления в опасность наличие даже маловероятной возможности наступления последствий сохраняет основание для вменения и привлечения к уголовной ответственности. Так, при поставлении в опасность заражения ВИЧ-инфекцией при однократном попадании зараженной крови на поврежденные участки кожи и слизистую оболочку вероятность заражения составляет 1 %. И тем не менее при рассмотрении обвинительного приговора, вынесенного судом по подобному случаю, кассационная инстанция отвергла жалобу защиты и оставила приговор по ч. 3 ст. 122 УК РФ без изменения[2].

Согласие потерпевшего на добровольный половой контакт также не исключает уголовной ответственности по ч. 1 ст. 122 УК РФ. Речь идет о случаях, когда виновный не сообщает о наличии у него ВИЧ-инфекции и склоняет потерпевшего к половому контакту. Оценочный характер критериев вероятности весьма затрудняет процесс толкования и применения преступлений с конструкцией деликтов поставления в опасность.

Опасность как разновидность последствий представляет из себя известный парадокс для современного правоприменителя, привыкшего рассматривать это свойство как универсальное, характеризующее прежде всего объективные и субъективные признаки преступления. Связано это с тем, что конструкция деликтов поставления в опасность редко рассматривается в учебной литературе по Общей части. В Особенной части уголовного права о подобном построении уголовно-правовых норм упоминают лишь в рамках анализа соответствующих составов преступлений. Сложным вопросом является уяснения специфики последствий в деликтах поставления опасности. Анализируемая нами группа уголовно-правовых норм и заключенных в них составов преступлений явно не вписывается ни в одну из привычных для юристов классификаций в зависимости от полноты признаков объективной стороны – материальный, формальный или усеченный. Границей разграничения здесь является уже рассматриваемый нами признак возможности, а не реальности последствий. В связи с этим в литературе

[1] См. там же. С. 52–53.

[2] Судебная практика по уголовным делам. М., 2005. С. 70.

предлагается выделять для подобной группы преступлений потенциальные, или возможные последствия[1].

Теоретическим обоснованием таких последствий являются идеи социологической школы уголовного права, где категория «опасности» и «опасного состояния личности» является наиболее проработанной. Уже упоминаемые нами глубокие рассуждения Н.С. Таганцева, а также других авторов конца 19–начала 20 веков являются ярким тому подтверждением[2].

В современной юридической литературе зарубежных стран подобного рода последствия называются «социологическими». Такие последствия (результат) представляют собой явление, опасное для публичного порядка. Зарубежный законодатель при установлении уголовной ответственности в первую очередь исходит из социологического результата и, обратившись к цепи причин, выбирает и запрещает в уголовном порядке наиболее близкие к опасному результату формы человеческого поведения[3].

Законодательное обоснование подобного рода специальных последствий осуществляется в отдельных нормах Особенной части российского уголовного права и подкрепляется складывающейся юридической практикой их применения. Некоторые вопросы толкования подобных норм отражены в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ[4].

Подытоживая сказанное, отметим, что деликты опасности как особая модель конструирования уголовно-правовых норм, сохраняют свое значение в действующем законодательстве. Сокращение количества норм с конструкцией деликтов опасности является свидетельством того, что законодатель стремится к постепенному уменьшению подобного рода уголовно-правовых конструкций. Причинами такого сокращения являются, по нашему мнению, гуманизация уголовной политики, трудности в квалификации и доказывании преступлений с признаками

---

[1] См., например: Полный курс уголовного права Т. 1, Юридический центр, С. 366–367.

[2] См., например: Адольф Принс. Защита общества и преобразование уголовного права. М., 1912, С. 71–72.

[3] Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части С. 328. М., Юрайт 2013.

[4] См., например: ППВС РФ от 18.10.12 № 21 О применении судами законодательства об ответственности за нарушение в области охраны окружающей среды и природопользования // Сб. ППВС ВС РФ по уголовным делам. М., 2023.

деликтов опасности, а также стремление к поиску новых, более современных уголовно-правовых форм воздействия на наиболее опасные проявления преступности.

Теория уголовного права продолжает исследования норм с конструкцией деликтов опасности, демонстрируя тем самым с одной стороны преемственность в изучении этого правового феномена, а с другой стороны решает проблемы текущей практики толкования и применения уголовного закона.

Список литературы:

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Тула: Автограф 2001, Т. 1. 798 с.
2. Горелик И.И. Ответственность за оставление в опасности по советскому уголовному праву. М., 1960. 60 с.
3. Адольф Принс. Защита общества и преобразование уголовного права. М., 1912, 163 с.
4. Церетели Т.В. Деликты создания опасности / Т.В. Церетели // Советское государство и право. 1970. № 8. С. 56-64.
5. Кригер Г.А. Уголовная ответственность за возможное причинение вреда / Кригер Г.А. // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981.
6. Курсаев А.В. Состав поставления в опасность в уголовном праве / Курсаев А.В. // Вестник экономической безопасности, 2019. № 3. С. 166–179.
7. Полный курс уголовного права Т. 1, Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова Юридический центр Пресс, 1131 с.
8. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части. М., Издательство Юрайт 2013, 1035 с.
9. Судебная практика по уголовным делам. М., 2005, 766 с.
10. ППВС РФ от 18.10.12 № 21 О применении судами законодательства об ответственности за нарушение в области охраны окружающей среды и природопользования // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012, № 12.
11. Краткий философский словарь. 2–е издание. Ответственный редактор д.ф.н., профессор Алексеев А.П. М., Блок-Принт. 2025, 491 с.

© Денисов С.А., 2025

EDN: NASKMT

Зверев Александр Александрович,
московская коллегия адвокатов «3105»,
адвокат

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ «ДРОППЕРОВ»: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: в статье автором анализируется такая категория лиц, осуществляющих преступную деятельность, как «дроппер», обозначаются уголовно-правовые и организационные проблемы привлечения дропперов к уголовной ответственности, предлагаются способы их решения, которые заключаются в разрешении проблем квалификации по ст. 187 УК РФ и смежным с ней составам, а также в совершенствовании законодательства, развитии финансовой и правовой грамотности населения.

Ключевые слова: дроппер; уголовная ответственность; средства платежа; банковская карта; информационные технологии; предупреждение.

Современная криминогенная ситуация, складывающаяся как в России, так и за рубежом, характеризуется ростом преступлений, связанных с электронными средствами платежа, а также распространённостью преступности в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия и боеприпасов, легализацией преступных доходов. В структуре обозначенных видов преступлений центральное место занимают, так называемые, «дропперы» – физические лица, которые предоставляют доступ к своим банковским счетам, платежным картам или электронным кошелькам для осуществления транзитных операций, аккумуляции или последующего обналичивания денежных средств, полученных в результате совершения преступлений. Их функция, как правило, состоит в том, чтобы обойти контрольные механизмы со стороны банковских организаций, затруднить процесс обнаружения и фиксации переводов денежных средств, имеющих криминальный характер, а в результате обеспечить уклонение от уголовной ответственности.

Проблема неправомерного оборота средств платежа с использованием «дропперов» достигла критических масштабов. В 2024 году

ущерб от таких преступлений оценивается в 250-300 млрд. рублей[1], составляя значительную долю от общего ущерба от преступлений в России[2]. Несмотря на значительные усилия кредитных организаций по блокированию и возврату средств (предотвращено преступлений на сотни миллиардов, возвращены миллиарды рублей), общая сумма похищенного остаётся критически высокой. Как правило, к ответственности привлекаются дропы первого уровня, хотя вторые представляются более общественно опасными, их сложнее установить и доказать вину[3].

В настоящее время привлечение к уголовной ответственности дропперов осуществляется по ст. 187 УК РФ. В рамках данной нормы криминализируется изготовление, приобретение, хранение, транспортировка в целях использования или сбыта, а также сбыт поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты, электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

Существенные сложности в правоприменительной практике вызывают вопросы квалификации по ст. 187 УК РФ и смежным составам, что снижает профилактический эффект от данной нормы и не позволяет обеспечить привлечение дропперов к уголовной ответственности.

В доктрине уголовного права и правоприменительной практике наблюдается неоднозначность в квалификации деяний, связанных с учреждением дропперами фиктивных юридических лиц (так называемых «фирм-однодневок») с последующей целью осуществления неправомерного оборота электронных средств платежа. Ряд судебных

---

[1] Петрова Ю. Дроп-стоп: как банковская система борется с посредниками в мошеннических операциях. [Электронный ресурс] // FORBES. URL: https://www.forbes.ru/finansy/529070-drop-stop-kak-bankovskaa-sistema-boretsa-s-posrednikami-v-mosenniceskih-operaciah (дата обращения: 21.04.2025).

[2] Сборник «Состояние преступности в России» за январь-декабрь 2024 года. По данным ГИАЦ МВД России. С. 3. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 28.04.2025).

[3] ЦБ решил взяться за «дропов второго уровня». [Электронный ресурс] // РБК Новости. URL: https://www.rbc.ru/finances/02/04/2025/67ed2b049a794723ea17b2b7 (дата обращения: 03.05.2025).

решений, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, квалифицируют такие действия по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 187 УК РФ и статьями 173.1 или 173.2 УК РФ[1].

Вместе с тем, в правоприменительной практике встречаются решения, в которых создание юридического лица без намерения осуществлять фактическое руководство или предпринимательскую деятельность рассматривается как элемент единого преступного умысла, направленного на неправомерный оборот средств платежа, и квалифицируется исключительно по статье 187 УК РФ[2], как продолжаемое преступление.

Представляется, что подобный подход является ошибочным. Квалификация деяния как продолжаемого преступления предполагает наличие тождественности всех составляющих его преступных деяний, объединенных единым умыслом и способом совершения[3]. Однако в случае с созданием дроппером фиктивного юридического лица (особенно когда оно осуществляется номинальным руководителем) изначально причиняется вред общественным отношениям, обеспечивающим установленный порядок образования и деятельности юридических лиц[4]. Тогда как последующие действия дроппера, связанные с неправомерным оборотом электронных средств платежа, обладают иной правовой природой и характером, посягая на общественные отношения, формирующие стабильность кредитно-денежной системы Российской Федерации.

Следовательно, в данном случае признак тождественности отсутствует, и, как представляется, корректной и соответствующей правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, является квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 187 УК РФ и статьями 173.1, 173.2 УК РФ. Помимо прочего, подобная квалификация обусловлена и криминологически, поскольку

---

[1] Решняк О.А., Лихолетов А.А., Евлушина Д.Н. Особенности квалификации и расследования преступлений, предусмотренных статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации. Волгоград: ВА МВД России, 2024. С. 14.

[2] Приговор Ленинского районного суда города Пензы от 12.02.2025 по делу № 1-63/2025. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» // Российская газета. № 291. 22.12.2023.

[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 466, 469, 516.

адекватно отражает совокупную степень общественной опасности совершенных деяний и создает правовые предпосылки для назначения соразмерного, более строгого уголовного наказания.

В свете изложенного, необходимо внесение соответствующих разъяснений по данному вопросу в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, направленных на унификацию правоприменительной практики и исключение ошибочных толкований.

Криминализация деяний, обозначенных в статье 187 УК РФ, совершенных с целью последующего использования дроппером или иным лицом электронных средств платежа для хищений (предусмотренных статьями 158, 159, 159.3, 159.6 УК РФ), даже если сами хищения не были доведены до конца по независящим от субъекта причинам (т.е. на стадии покушения), представляется полностью оправданной. Это обеспечивает объективную уголовно-правовую оценку, учитывая, что все признаки объективной стороны состава преступления по статье 187 УК РФ в таких случаях уже реализованы.

Вместе с тем, п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48[1] демонстрирует существенный пробел в регламентации случаев, когда хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием было окончено, а также в случае квалификации того или иного вида хищения по ч. 3 ст. 30 УК РФ. Данное обстоятельство обусловливает правовую неопределенность в правоприменительной практике, что нередко приводит к ошибочному толкованию о невозможности квалификации по статье 187 УК РФ в случае оконченного хищения[2].

В науке обращается внимание на то, что использование заведомо подложных предметов преступления образует объективную сторону как в статье 187 УК РФ, так и в статье 327 УК РФ. В связи с этим, традиционно отмечается соотношение данных норм как специальной (статья 187 УК РФ, регулирующая неправомерный оборот средств платежа) и об-

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. № 280. 11.12.2017.

[2] Приговор Свердловского районного суда города Костромы от 08.10.2021 № 1-307/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

щей (статья 327 УК РФ, касающаяся подделки официальных документов)[1]. Указанный подход, используемый в науке, коррелирует и с материалами судебной практики[2], где принцип соотношения специальной и общей нормы обуславливает применение положений пункта 7 обозначенного выше постановления Пленума № 48 для целей квалификации хищений. В данном пункте прямо указывается на необходимость квалификации оконченного хищения чужого имущества или покушения на него (часть 3 статьи 30 УК РФ) по совокупности со статьей 327 УК РФ.

В связи с изложенным, представляется необходимым имплементировать положения, предусмотренные в абзацах 1 и 3 пункта 7 постановления Пленума № 48, в пункт 18 применительно к статье 187 УК РФ. Подобное дополнение позволит существенно повысить правовую определенность данной нормы и создать эффективные условия для привлечения дропперов к уголовной ответственности.

В контексте мероприятий по противодействию неправомерному обороту средств платежа, особое значение приобретают специально-криминологические меры по предупреждению преступлений дропперов.

Одним из ключевых направлений данной деятельности является регулирование доступности и использования банковских карт. Так, по данным Росфинмониторинга[3], среднее количество платежных карт, находящихся в распоряжении одного такого дроппера, исчисляется десятками (в среднем 20 и более), а в отдельных случаях может достигать сотен и даже тысяч единиц, в то время, когда у законопослушных граждан, как правило, не более дух-трех карт. В этой связи, ограничение количества выдаваемых банковских карт одному физическому лицу (лимит в пять карт в одном кредитном учреждении и до двадцати карт в совокупности по всем банкам) представляется обоснованной мерой.

Помимо регуляторных ограничений на выдачу средств платежа, необходимо принятие ряда организационных мер: запуск и отладка унифицированного реестра лиц, признанных дропперами, что позволит оперативно идентифицировать рисковых субъектов; оптимизация

---

[1] Решняк О.А., Лихолетов А.А., Евлушина Д.Н. Особенности квалификации и расследования преступлений, предусмотренных статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации. Волгоград: ВА МВД России, 2024. С. 16.

[2] Приговор Свердловского районного суда города Костромы от 08.10.2021 № 1-307/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Росфинмониторинг описал среднестатистический портрет дроппера [Электронный ресурс] // Доступ из «РБК»: сайт. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6413875f9a794733e20fa36e (дата обращения: 07.03.2025).

механизмов межведомственного обмена информацией между кредитными организациями и правоохранительными органами; активное внедрение передовых программно-аппаратных комплексов, оснащенных функциями поведенческой аналитики, способных в режиме реального времени выявлять аномальную финансовую активность.

В Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием ИКТ, констатируется, что рост числа противоправных деяний обусловлен низким уровнем правовой и финансовой грамотности граждан[1]. Эксперты банковской отрасли отмечают, что с дропами возможно эффективно бороться только путем повышения финансовой грамотности населения, в частности молодежи, которых вовлекают в сомнительные финансовые сделки под видом онлайн-игр, квестов, «челенджей» и т.д.[2]

Таким образом, при привлечении дропперов к уголовной ответственности возникают как уголовно-правовые, так и организационно-технически проблемы решение которых лежит как в нормативной, так и в правоприменительной плоскости. Среди мер, направленных на предупреждение преступлений дропперов и привлечение их к уголовной ответственности, следует обозначить следующие: решение проблем квалификации по ст. 187 УК РФ и смежным с ней составам, в том числе посредством внесения изменений в соответствующие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации; ограничение на снятие денежных средств с банковской карты и оформление количества банковских карт на одного физического лица; совершенствование систем выявления дропперской деятельности банковскими организациями на основе искусственного интеллекта; повышение качества взаимодействия банковских организаций и правоохранительных органов; развитие цифровой и правовой грамотности населения.

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // Собрание законодательства РФ. 13.01.2025. № 2. Ст. 76.

[2] Дроппофермы уходят от контрольных процедур. [Электронный ресурс] // ComNews. URL: https://www.comnews.ru/content/238752/2025-04-11/2025-w15/1007/droppofermy-ukhodyat-kontrolnykh-procedur (дата обращения: 20.04.2025).

Список литературы:

1. Дроппофермы уходят от контрольных процедур [Электронный ресурс] // ComNews. URL: https://www.comnews.ru/content/238752/2025-04-11/2025-w15/1007/droppofermy-ukhodyat-kontrolnykh-procedur (дата обращения: 20.04.2025).

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 466, 469, 516.

3. Петрова Ю. Дроп-стоп: как банковская система борется с посредниками в мошеннических операциях. [Электронный ресурс] // FORBES. URL: https://www.forbes.ru/finansy/529070-drop-stop-kak-bankovskaa-sistema-boretsa-s-posrednikami-v-mosenniceskih-operaciah (дата обращения: 21.04.2025).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. № 280. 11.12.2017.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» // Российская газета. № 291. 22.12.2023.

6. Приговор Ленинского районного суда города Пензы от 12.02.2025 по делу № 1-63/2025. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. Приговор Свердловского районного суда города Костромы от 08.10.2021 № 1-307/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

8. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // Собрание законодательства РФ. 13.01.2025. № 2. Ст. 76.

9. Решняк О.А., Лихолетов А.А., Евлушина Д.Н. Особенности квалификации и расследования преступлений, предусмотренных статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации. Волгоград. ВА МВД России, 2024. С. 14.

10. Росфинмониторинг описал среднестатистический портрет дроппера. [Электронный ресурс] // РБК.

URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6413875f9a794733e20fa36e (дата обращения: 07.03.2025).

11. Сборник «Состояние преступности в России» за январь-декабрь 2024 года. По данным ГИАЦ МВД России. С. 3. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 28.04.2025).

12. ЦБ решил взяться за «дропов второго уровня» [Электронный ресурс] // РБК Новости. URL: https://www.rbc.ru/finances/02/04/2025/67ed2b049a794723ea17b2b7 (дата обращения: 03.05.2025).

© Зверев А.А., 2025.

EDN: NBYVEQ

Иволгина Влада Юрьевна,
СО ОМВД России по Кингисеппскому району Ленинградской области, следователь

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОДЖОГОВ ВОЕНКОМАТОВ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЗДАНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Аннотация: статья посвящена вопросам квалификации поджогов военкоматов и административных зданий, совершенных несовершеннолетними, как террористический акт. Рассмотрены вопросы, связанные с актуальностью такого рода деяний в настоящее время, а также возникающие, в связи с этим квалифицирующие признаки субъективной стороны в виде цели преступного посягательства и влияние мотивов совершения деяния несовершеннолетними. Затронуты вопросы вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность и их влияние на квалификацию и наказание за совершение поджогов военкоматов и административных зданий.

Ключевые слова: террористический акт, субъективная сторона, несовершеннолетние, цель преступления, мотив преступления, поджег.

С начала 2022 года на территории Российской Федерации наблюдается рост событий и противоправных действий, сопровождающихся умышленными поджогами военкоматов, административных зданий и объектов социальных инфраструктур. Вышеуказанные инциденты совпали с началом специальной военной операции (далее – СВО) с участием регулярных войск и добровольческих формирований. Подавляющее большинство актов поджога совершались разрозненно, зачастую без централизованного управления и координации, лицами из различных социальных слоев, не связанных между собой, среди которых были несовершеннолетние, студенты, пенсионеры, женщины. Лишь в отдельных случаях такие действия брали на себя специально сформированные организации ультраправого направления или неонацистские группы, а также лица, открыто выступающие против действующей власти (антивоенные

активисты). Очевидно, что подобная практика представляет угрозу общественной стабильности и безопасности государства.

Террористический акт является наиболее опасной формой терроризма. Согласно статье 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (раздел IX, глава 24 «Преступления против общественной безопасности»), родовым объектом посягательства выступает общественная безопасность и общественный порядок, видовым – общественная безопасность, непосредственным – нормальное функционирование органов власти или международных организаций.

В качестве субъекта террористического акта рассматривается вменяемое (дееспособное) физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Так как данный вид преступления относится к наиболее общественно опасным, то таковым признается лицо, достигшее 14-летнего возраста.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом при наличии специальной цели: дестабилизировать деятельность органов власти либо международных организаций или оказать давление для принятия ими определённых решений – такой подход изложен в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1. Полагаю, будет не лишним название ППВС. При отсутствии данной цели (или одной из данных целей, поскольку целей – две)? квалификация по статье 205 УК РФ невозможна. Совершение взрывов или поджогов из мести либо по мотивам личной неприязни без ориентации на дестабилизацию государственных органов не образует состава террористического акта; такие случаи подлежат квалификации по соответствующим статьям Особенной части УК РФ[1].

Анализ способов совершения указанных преступлений в контексте СВО позволяет выделить ситуации психологического воздействия (вербовки) со стороны злоумышленников. Так, одной из наиболее подверженных (подверженных воздействию? Влиянию?) и незащищенных социальных групп, являются несовершеннолетние. В силу доверчивости, неокрепших когнитивных функций и слабой правовой осведомленности, данная категория лиц достаточно просто поддается «вербовке» со стороны заинтересованных лиц. На подготовительном этапе совершения преступления террористической направленности: злоумышленники склоняют будущих исполнителей к противоправным

[1] Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан, И.А. Тарханова; 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2022. 992 с.

действиям путем: предложения «легкого заработка»; вовлечения в выполнение заданий, обвинения в финансировании Вооруженных сил Украины (далее – ВСУ); дачи ложных обещаний о возврате ранее похищенных денежных средств мошенническим путём; угрозы расправы над родственниками и т.д. Данными действиями, злоумышленники оказывают влияние на «неокрепшее сознание» (здесь точно нужны кавычки?), входя в доверие. Помимо этого, злоумышленниками предоставляются все необходимые инструкции и видеоуроки по сборке и активации бутылок с зажигательной смесью и самодельных взрывных устройств. Также, на всех этапах совершения преступления, действия данных субъектов (несовершеннолетних) координируются.

Зачастую исполнители (вербовщики/координаторы) находятся «по ту сторону экрана» в социальных сетях и мессенджерах. Которые за успешный поджог военкомата, административного здания или объекта социальной инфраструктуры с видео подтверждением, обещают вознаграждение.

Например, в 2023 году гражданин Б., 2003 года рождения, и гражданин Г., 2002 года рождения осуществили поджог здания военного комиссариата, после содеянного и предоставления видеозаписи с подтверждением, им было перечислено вознаграждение в размере 700 тысяч рублей криптовалютой от фигуранта, связанного с Центром информационно-психологических операций ВСУ. Видео инцидента позднее появилось на одном из украинских новостных ресурсов. В 2023 году Центральный окружной военный суд приговорил их к 13 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима по п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ[1].

Особую тревогу вызывает вовлечение несовершеннолетних посредством психологических манипуляций: подростки за вознаграждение в денежном эквиваленте готовы выполнять поручения вплоть до нанесения серьёзного вреда здоровью других лиц или уничтожения имущества (например, атаковать объекты транспортной инфраструктуры или наносить вред символике). Поиск таких исполнителей ведётся преимущественно в даркнете либо телеграмм-каналах — там

[1] К 13 годам приговорили гр. Г по делу о поджоге военкомата в Нижневартовске // ОВД-инфо (медиа-проект «ОВД-Инфо» включен в Реестр иностранных агентов Минюста РФ) [Электронный ресурс] // URL: https://t.me/ovdinfo/18653 (дата обращения: 01.01.2025).

размещаются объявления о найме с подробным инструктажем и оговорённым гонораром для потенциальных участников подобных противоправных действий, завуалированных под «задания».

В сентябре 2024 года двое 16-летних подростков получив предложение в мессенджере «Телеграмм» совершили поджог вертолета Ми-8 на военном аэродроме с помощью зажигательной смеси. За выполнение данного задания им обещали две тысячи долларов. Деньги они так и не получили.

В большинстве случаев при определении квалификации подобных преступлений правоохранительные органы сосредоточивают внимание преимущественно на объективной стороне содеянного, не углубляясь в субъективную сторону и специальную цель.

В качестве примера можно привести дело, рассмотренное Первым Западным окружным военным судом: гражданин Б., 2007 года рождения, признан виновным по части 3 статьи 30 и части 1 статьи 205 УК РФ. Суд назначил ему наказание в виде шести лет лишения свободы. События произошли в феврале 2023 года, когда юноше исполнилось шестнадцать лет: он предпринял две попытки поджога зданий военных комиссариатов – сначала в Кировске Ленинградской области, затем в Красногвардейском районе Санкт-Петербурга. Однако огонь не распространился ни на одном из объектов. В ходе судебного заседания прокуратура пояснила мотивы подсудимого следующим образом: гражданин Б. хотел воспрепятствовать деятельности учреждений по проведению призывных мероприятий на военную службу. Мотивацией юноши было негативное отношение к проведению специальной военной операции после смерти дяди; целью поджогов было желание остановить направление других граждан для участия в СВО. Государственный обвинитель указал на нецелесообразность связывать действия подростка с гибелью его дяди-добровольца на Украине, поскольку между этими событиями прошло значительное время. В качестве обстоятельств, смягчающих ответственность несовершеннолетнего, были учтены его возраст, состояние здоровья и явка с повинной; отягчающим фактором названа совершённая противоправная деятельность в период мобилизации[1].

---

[1] Верховный суд утвердил приговор гимназисту по делу о попытке поджога военкоматов // ОВД-инфо (медиа-проект «ОВД-Инфо» включен в Реестр иностранных агентов Минюста РФ) [Электронный ресурс] // URL: https://ovd.info/express-news/2024/12/24/verkhovnyy-sud-utverdil-prigovor-gimnazistu-egoru-balazeykinu-po-delu-o (дата обращения: 01.01.2025).

На основании анализа ряда уголовных дел обращает на себя внимание тот факт, что суды фиксируют экстремистскую направленность действий как идеологическую основу террористических преступлений, но часто не дают подобным мотивам должной уголовно-правовой оценки при вынесении приговора.

Данное положение иллюстрирует ещё одно судебное решение: Второй Западный окружной военный суд вынес обвинительный приговор жителю Калининграда – гражданину П., 1978 года рождения (решение от 29 марта 2023 года). Он был осуждён по нескольким статьям УК РФ (часть 1 статьи 30; часть 1 статьи 205; часть 1 статьи 223-1; часть 1 статьи 222-1) к девяти годам лишения свободы с отбыванием первых трёх лет в тюрьме и оставшегося срока – в колонии строгого режима. Из материалов дела следует: гражданин П. планировал организацию террористического акта на территории воинской части перед празднованием Дня Победы с целью устрашения населения Российской Федерации и создания угрозы жизни людей; кроме того – для причинения значительного ущерба имуществу и давления на органы власти с требованием прекратить проведение СВО на Украине. После этого он намеревался присоединиться к Вооружённым силам Украины. При задержании сотрудниками Федеральной службы безопасности у П. обнаружили взрывчатые вещества, символику запрещённой организации «Правый сектор», украинский флаг. Также при осмотре мобильного телефона, была выявлена переписка с подтверждением подготовки теракта. Следствие установило приверженность подсудимого радикальным идеям «Правого сектора» (организация признана экстремистской), а также активное участие с 2012 по 2015 годы в деятельности сепаратистского движения «Балтийский авангард русского сопротивления», придерживающегося фашистских взглядов и выступающего за отделение региона от Российской Федерации и возрождение монархии[1]. Несмотря на очевидную экстремистскую составляющую действий обвиняемого соответствующая оценка этим мотивам со стороны суда дана не была.

В практике нередко встречаются случаи, когда лица с экстремистскими взглядами совершают взрывные атаки без предъявления каких-

[1] Вынесен приговор в отношении гр. П., обвинявшегося в попытке совершить теракт // 2-й Западный окружной военный суд [Электронный ресурс] // URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=press_ dep&op=1&did=982 (дата обращения: 01.01.2025).

либо требований к органам государственной власти. Один из известных примеров — инцидент, произошедший в 2018 году в здании управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Архангельской области: несовершеннолетний гражданин Ж., 2001 года рождения, совершил самоподрыв. Следственный комитет Российской Федерации возбудил уголовное дело по части первой статьи 205 и части первой статьи 222.1 УК РФ, однако производство было прекращено в связи со смертью подозреваемого. Квалификация действий вышеуказанного субъекта соответствует внешним признакам и последствиям террористического преступления, отражая его уголовно-правовую и политическую природу. Вместе с тем такая квалификация не полностью совпадает с критериями, заложенными законодателем в определении террористического акта: ключевым элементом субъективной стороны состава является наличие специальной цели. Она занимает центральное место в конструкции статьи 205 УК РФ и служит основным критерием для разграничения данного преступления от смежных составов[1].

Ряд исследователей отмечает, что мотивы террористической деятельности могут быть весьма разнообразными – политические убеждения, этническая неприязнь, религиозные взгляды или корыстные интересы. Эти мотивы не влияют на юридическую квалификацию деяния как террористического акта; однако они должны учитываться при назначении наказания для его индивидуализации.

Проведённый анализ показывает, что наличие специальной цели позволяет чётко отличить терроризм от других схожих по составу преступлений. Если в действиях отсутствует главный признак субъективной стороны – конкретная цель – нет оснований привлекать лицо к ответственности за террористический акт по статье 205 УК РФ. Такая ситуация противоречит принципу справедливости (статья 6 УК РФ). Недостатки законодательства не должны приводить к нарушению прав граждан; произвольное толкование норм может вызвать чрезмерное усиление репрессивных функций государства и негативно сказаться на населении страны. Уголовное законодательство должно отвечать общественным интересам и строиться с учётом юридико-технических требований для обеспечения его корректного применения на практике.

---

[1] Дела об «оправдании терроризма» после взрыва в Архангельске // ОВД-инфо (медиа-проект «ОВД-Инфо» включен в Реестр иностранных агентов Минюста РФ) [Электронный ресурс] // URL: https://ovd.info/story/dela-ob-opravdanii-terrorizma-posle-vzryva-v-arkhangelske (дата обращения: 01.04.2025).

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 22.04.2025).

3. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан, И.А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2022. 992 с.

4. Верховный Суд утвердил приговор гимназисту по делу о попытке поджога военкоматов // ОВД-инфо (медиа-проект «ОВД-Инфо» включен в Реестр иностранных агентов Минюста РФ) [Электронный ресурс] // URL: https://ovd.info/express-news/2024/12/24/verkhovnyy-sud-utverdil-prigovor-gimnazistu-egoru-balazeykinu-po-delu-o (дата обращения: 22.04.2025).

5. Вынесен приговор в отношении гр. П., обвинявшегося в попытке совершить теракт // 2-й Западный окружной военный суд [Электронный ресурс] // URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=press_ dep&op=l&did=982 (дата обращения: 22.04.2025).

6. Дела об «оправдании терроризма» после взрыва в Архангельске // ОВД-инфо (медиа-проект «ОВД-Инфо» включен в Реестр иностранных агентов Минюста РФ) [Электронный ресурс] // URL: https://ovd.info/story/dela-ob-opravdanii-terrorizma-posle-vzryva-v-arkhangelske (дата обращения: 22.04.2025).

7. К 13 годам приговорили гр. Г по делу о поджоге военкомата в Нижневартовске // ОВД-инфо (медиа-проект «ОВД-Инфо» включен в Реестр иностранных агентов Минюста РФ) [Электронный ресурс] // URL: https://t.me/ovdinfo/18653 (дата обращения: 22.04.2025).

© Иволгина В.Ю., 2025

EDN: NDRMNN

Карпов Кирилл Николаевич
Омская академия МВД России,
докторант научно-исследовательского отдела
кандидат юридических наук, доцент

КОНТРОЛЬ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ ОСУЖДЕННЫХ КАК ИНАЯ МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация: в статье рассматривается институт контроля за поведением осуждённых как самостоятельная мера уголовно-правового характера. Автор обосновывает необходимость системного объединения разрозненных правовых инструментов, применяемых в настоящее время для контроля за лицами, совершившими преступления. Введение контроля за поведением в уголовное законодательство позволит расширить методы и средства правового воздействия, направленные на снижение социальной опасности осуждённых, а также повысить общую эффективность уголовно-правовых мер по предупреждению рецидива.

Ключевые слова: контроль за поведением, меры уголовно-правового характера, уголовное законодательство, социальная опасность, контроль осуждённых, предупреждение рецидива, правовое воздействие.

Тезис о низкой эффективности существующей системы уголовно-правового воздействия является достаточно устоявшимся в отечественном научном дискурсе. В то же время приемлемых альтернатив существующей системе наказаний до настоящего времени не разработано. Учитывая существующий запрос на снижение карательных практик в отношении лиц, совершивших преступление, представляется допустимым не только замена реальных наказаний инструментами социального контроля, но и установление контроля за поведением различных категорий осужденных.

Реализация данной инициативы представляется возможной в рамках самостоятельной меры уголовно-правового характера, назначение которой возможно по усмотрению суда в отношении различных категорий осужденных. Так, назначение по усмотрению суда такой иной меры уголовно-правового характера может быть допустимым в отношении различных категорий осужденных: условно-осужденных,

освобожденных от наказания условно-досрочно, лиц, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, а также лиц, отбывших наказание. Отнесение институтов, предназначенных для осуществления контроля за поведением осужденных, к числу иных мер уголовно-правового характера, нередко встречается в научных публикациях. Например, Ю.А. Головастова и др. авторы приходят к выводу, что «условное осуждение к лишению свободы в отношении несовершеннолетних лиц следует рассматривать в виде особой иной меры уголовно-правового характера»[1].

Опыт зарубежных стран в части использования уголовно-правовых средств противодействия совершению преступлений лицами, уже продемонстрировавшими свое преступное поведение, позволяет говорить о возможности реализации средств контроля или надзора за данными лицами.

Так, УК Франции предусматривает применение (вплоть до пожизненного) социально-судебного наблюдения, в рамках которого на осужденного могут быть возложены различные обязанности (например, «воздерживаться от посещения или вступления в отношения с определенными лицами или определенной категорией лиц, в частности несовершеннолетними» (п. 2 ст. 131-36-2)). По судебному решению в рамках данной меры допускается использование электронных средств мониторинга местонахождения лица. В тоже время происходит сочетание контроля с оказанием осужденному социальной помощи.

В УК Республики Беларусь в качестве иных мер уголовной ответственности (глава 11) содержатся превентивный надзор (ст. 80) в рамках отсрочки исполнения приговора (аналог условного осуждения), а также постпенитенциарное профилактическое наблюдение за осужденным (ст. 81). Указанные меры правового принуждения регламентируются в рамках уголовного кодекса и соответственно имеют статус самостоятельных мер уголовно-правового воздействия.

Отечественное же законодательство на сегодняшний день содержит несколько разрозненных институтов, предполагающий контроль за осужденными, не находящимися в местах лишения свободы. К ним можно отнести наказание в виде ограничения свободы, условное осуждение и условно-досрочное освобождение, а также административный

[1] Головастова Ю.А. К вопросу о юридической природе условного осуждения в отношении несовершеннолетних к лишению свободы / Ю.А. Головастова, Т.А. Видова, Ю.В. Митяева // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19, № 1. С. 29–35.

надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы как отдельной меры правового принуждения. Несмотря на разные правовые режимы данных мер принуждения, фактически схема их функционирования носит идентичный характер. Лицу, совершившему преступление, придаётся определенный уголовно-правовой статус (осужденный, отбывающий ограничений свободы, условно-осужденный, лицо, находящееся под надзором ОВД), в рамках которого устанавливаются ограничения на оставление места постоянного проживания, обязательство являться в контролирующий орган, запрет посещение определенных мест и т.д. Несоблюдение установленных ограничений или невыполнение обязательств влечет за собой ухудшение правового статуса лица с возложением дополнительных обязанностей и более строгим режимом контроля (надзора) вплоть до изоляции (лишения свободы). В то же время разрозненность оснований и условий применения контроля, органов, осуществляющих его, условий отмены, изменения, продления и других компонентов, приводит к снижению эффективности и недостижению целей предупреждения преступлений.

Проведение опроса граждан по исследуемому вопросу показало, что, 64 % респондентов положительно оценивают инициативу объединения в рамках самостоятельной меры уголовно-правового характера – контроль за поведением всех категорий лиц, совершивших преступление, и не подвергнутых лишению свободы (условное осуждение; наказание, не связанное с лишением свободы; условно-досрочное освобождение и т.д.). При этом анкетируемые согласились с тем, что механизм уголовно-правового воздействия данных мер обладает сходством. Кроме того, 78 % опрошенных положительно высказались за расширение применения средств электронного контроля (надзора) за поведением осужденных. Речь идет о необходимости использования средств электронного мониторинга не только в отношении лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы[1], но и иных категорий подконтрольных.

Вышеприведенные аргументы позволяют говорить о необходимости объединения существующих правовых средств контроля за поведением лиц, совершивших преступления. Так, введение в уголовное законодательство в качестве самостоятельной меры уголовно-правового харак-

[1] Демидова О.В. Зарубежный опыт применения электронного мониторинга при исполнении уголовных наказаний // Актуальные вопросы криминологии, противодействия коррупции и исполнения наказаний, Минск, 11 апреля 2023 года. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2023. С. 31–35.

тера — контроль за поведением лиц, совершивших преступление, позволит объединить существующие на сегодняшний день разрозненные инструменты правового воздействия, расширить способы и средства контроля за поведением лиц, представляющих потенциальную опасность для окружающих, и повысить эффективность данных мер.

Список литературы:

1. Головастова Ю.А. К вопросу о юридической природе условного осуждения в отношении несовершеннолетних к лишению свободы / Ю.А. Головастова, Т.А. Видова, Ю.В. Митяева // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19, № 1. С. 29–35.

2. Демидова О.В. Зарубежный опыт применения электронного мониторинга при исполнении уголовных наказаний // Актуальные вопросы криминологии, противодействия коррупции и исполнения наказаний, Минск, 11 апреля 2023 года. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2023. С. 31–35.

© Карпов К.Н., 2025

EDN: RQCDPO

Кирикова Марина Владимировна,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
преподаватель кафедры общеправовых дисциплин

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ХУЛИГАНСТВА

Аннотация: в статье исследуются некоторые из признаков субъективной стороны хулиганства: умысел и мотив, относительно которых в теории уголовного права не сформировалось единого мнения. Автор исследует различные взгляды в части характеристики данных признаков как признаков субъективной стороны хулиганства, отражает свою позицию по данному вопросу.

Ключевые слова: субъективная сторона хулиганства, прямой умысел, косвенный умысел, хулиганский мотив, экстремистский мотив.

Субъективная сторона преступления раскрывается через совокупность признаков (вина, мотив, цель, эмоциональное состояние), составляющих ее содержание. Обязательным признаком любого состава преступления является вина, которая может быть либо умышленной, либо неосторожной. При отсутствии вины отсутствует и состав преступления. Остальные признаки субъективной стороны являются факультативными. Они не обязательны для многих составов преступления, но при наличии позволяют точнее оценить степень вины и степень общественной опасности деяния и могут учитываться как обстоятельства, отягчающие наказание и обстоятельства, смягчающие наказание. Для конкретных составов преступления названные признаки, как и вина, являются обязательными, а их отсутствие, также как и отсутствие вины, влечет отсутствие состава преступления.

Диспозиция статьи о хулиганстве не содержит указания на умышленное совершение данного преступления[1]. Вместе с тем,

[1] См.: Ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

в теории уголовного права сформировалось устойчивая позиция об умышленном характере совершения хулиганских действий. Данной позиции придерживаются и ученые, и практические работники. Однако в части характеристики умысла, с которым могут совершаться хулиганские действия, единого мнения в теории уголовного права не сложилось. Данный вопрос на протяжении длительного времени продолжает оставаться дискуссионным.

Наиболее распространенным является мнение о том, что хулиганство относится к той группе преступлений, которые совершаются только с прямым умыслом. Данную позицию разделяет большинство авторов (Н.В. Буленкова, С.В. Векленко, И.Г. Рагозина и многие другие)[1].

Однако в теории уголовного права высказываются мнения о возможности совершения хулиганства не только с прямым, но и с косвенным умыслом. Сторонники совершения хулиганства с косвенным умыслом полагают, что виновное лицо осознанно совершая хулиганские действия, прежде всего, хочет тем самым, привлечь к себе внимание, хочет продемонстрировать свою значимость и свое ЭГО. Нарушение общественного порядка и проявление явного неуважения к обществу для виновного лица в этом случае вторично. Лицо допускает, что его действия являются проявлением неуважения к обществу и могут нарушить общественный порядок, но к нарушению общественного порядка и проявлению явного неуважения к обществу оно относится безразлично[2].

И.И. Косарев в подтверждение высказанных утверждений приводит данные проведенного им исследования среди осужденных за совершение хулиганства, в ходе которого им было установлено, что практически все осужденные (89 % из числа исследуемых) за насильственное хулиганство, совершая данное преступление, не задумывались о нарушении общественного порядка[3].

Вместе с тем, не представляется возможным согласиться с доводами авторов, полагающих, что можно совершить общественно-опасное деяние, выразившееся в грубом нарушении общественного порядка, с проявлением явного неуважения к обществу, с косвенным

---

[1] См: Буленкова Н.В. Понятие субъективных признаков хулиганства // Международный научный журнал «Вестник науки». 2023. № 7 (64). С. 87–92; Векленко С.В., Рагозина И.Г. Уголовная ответственность за хулиганство: учебно-практическое пособие. Омск, 2008. С. 29.

[2] Косарев И.И. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые по хулиганским мотивам: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 129–130.

[3] См.: там же.

умыслом, по следующим основаниям: во-первых, хулиганство является преступлением с формальным составом, и признание возможности совершения данного преступления с косвенным умыслом противоречит положениям теории вины в преступлениях с формальным составом, субъективная сторона которых характеризуется умышленной формой вины только в виде прямого умысла. Кроме того, признание возможности совершения хулиганства с косвенным умыслом, противоречит сущности самого хулиганства. Представляется, что грубо нарушить общественный порядок и выразить явное неуважение к обществу можно только при наличии прямого умысла. Совершая любые действия, составляющие содержание объективной стороны хулиганства, лицо желает их совершить и осознает, что своими действиями выражает пренебрежение к нормам морали и принятым в обществе правилам поведения, противопоставляет себя обществу, желает продемонстрировать свое мнимое превосходство. В-третьих, высказанное осужденными их безразличное отношение к нарушению общественного порядка при совершении хулиганства не может быть положено в основу обоснования косвенного умысла хулиганства. Нет ничего удивительного в том, что, совершая преступление, осужденные не имели четкого представления о конкретике объекта их преступного посягательства. Отчетливо высказаться об объекте преступного посягательства могут только лица, обладающими специальными знаниями в области юриспруденции. При совершении же преступлений определяющим является тот фактор, что лицо имеет общие представления о том, на какую область общественных отношений оно посягает и понимает характер своих действий.

Доводы о возможности совершения хулиганства с косвенным умыслом не соответствуют позиции Верховного Суда Российской Федерации (далее РФ) Верховный Суд РФ, давая разъяснения в части характеристики субъективной стороны хулиганства, указывает, что она характеризуется прямым умыслом[1].

Другим, не менее дискуссионным признаком субъективной стороны хулиганства является мотив его совершения. Диспозиция статьи о хулиганстве не содержит прямого указания на хулиганский мотив совершения преступления, что является основанием полагать возможность

[1] См.: п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений» // Российская газета. 21 ноября 2007 г. № 260.

совершения хулиганства не только из хулиганских побуждений, но и из иных личных побуждений. И некоторые авторы придерживаются именно такой точки зрения, допуская, что в основе совершения хулиганства могут лежать отнюдь не хулиганские побуждения, а месть, ревность и другие побуждения[1].

Укреплению данной позиции в определенной степени способствует позиция законодателя, закрепившего в качестве одного из составообразующих признаков основного состава хулиганства «экстремистские» мотивы совершения данного преступления – мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Таким образом, сам законодатель дал повод полагать о возможности совершения хулиганства не только из хулиганских побуждений. Вместе с тем, в научной среде высказываются мнения о юридически необоснованном наличии в статье о хулиганстве «экстремистских» мотивов, так как хулиганский и «экстремистские» мотивы абсолютно разные по своей природе и являются взаимоисключающими[2].

Представляется, что хулиганский мотив является обязательным признаком субъективной стороны хулиганства, так как его наличие в данном преступлении обусловлено сущностью и природой самого хулиганства. Он является основой хулиганства, без хулиганского мотива нет хулиганства как преступления.

В судебных решениях по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 213 УК РФ, прослеживается устойчивая позиция Судов РФ относительно мотива совершения хулиганства, которая сводится к обязательному наличию в составе хулиганства хулиганского мотива: в описательно-мотивировочной части выносимых по уголовным делам решениях, Суд акцентирует внимание на том, что в основе хулиганских действий лежат хулиганские побуждения. Так, например, Приговором Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга от 18 января 2023 года гр-н В. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 213 УК РФ. В описательно-мотивировочной части Приговора, давая оценку действиям гр-на В., Суд

---

[1] Еркубаева А.Ю. Соотношение хулиганского мотива и хулиганского побуждения // Российский следователь. 2015. № 7. С. 29–33.

[2] Кудашкин С.К. Групповое хулиганство и массовые беспорядки: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 70–71.

указал, что, совершая действия, образующие объективную сторону хулиганства, гр-н В. действовал умышленно, из хулиганских побуждений[1]. Аналогичная позиция прослеживается во всех изученных решениях Суда по делам о хулиганстве[2].

Исследовав некоторые признаки субъективной стороны состава хулиганства, можно сделать следующие выводы: во-первых, субъективная сторона хулиганства характеризуется умышленной формой вины, при этом умысел, совершения данного преступления может быть только прямым, так как формальный состав преступления и сущность самого хулиганства исключают возможность совершения названного преступления с иным умыслом. Во-вторых, кроме вины, обязательным признаком субъективной стороны хулиганства является хулиганский мотив. Вне наличия данного мотива нет состава хулиганства. В-третьих, «экстремистский» мотив является взаимоисключающим по отношению к хулиганскому мотиву, их сочетание в одном деянии невозможно.

Список литературы:

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений // Российская газета. 21 ноября 2007 г. № 260.
3. Приговор Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга от 18.01.2023 по делу № 1-60/2023 // Архив Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга.
4. Буленкова Н.В. Понятие субъективных признаков хулиганства // Международный научный журнал «Вестник науки». 2023. № 7 (64). С. 87–92.
5. Векленко С.В., Рагозина И.Г. Уголовная ответственность за хулиганство: учебно-практическое пособие. Омск, 2008. 60 с.

[1] Приговор Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга от 18.01.2023 по делу № 1-60/2023 // Архив Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга.
[2] Автором было изучено более 100 обвинительных приговоров, вынесенных районными судами г. Санкт-Петербурга по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 213 УК РФ.

6. Еркубаева А.Ю. Соотношение хулиганского мотива и хулиганского побуждения // Российский следователь. 2015. № 7. С. 29–33.

7. Косарев И.И. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые по хулиганским мотивам: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 198 с.

8. Кудашкин С.К. Групповое хулиганство и массовые беспорядки: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 270 с.

9. Щепельков В.Ф. Соотношение мотива и цели преступления // Законность. 2001. № 4. С. 39–40.

© Кирикова М.В., 2025

EDN: RTPIFQ

Кирьянов Арсений Алексеевич,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
преподаватель кафедры уголовного права
кандидат юридических наук

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ИМУЩЕСТВА, ПОДВЕРГНУТОГО ОПИСИ ИЛИ АРЕСТУ ЛИБО ПОДЛЕЖАЩЕГО КОНФИСКАЦИИ

Аннотация: предмет рассматриваемого преступления является основанием для выделения самостоятельного состава преступления, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 312 УК РФ. Основным непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов правосудия, а дополнительным объектом могут быть отношения собственности

Ключевые слова: ст. 312 УК РФ; преступления против правосудия; объект и предмет преступления.

Общественная опасность рассматриваемых деяний состоит в их способности причинять вред правосудию, затруднять или делать невозможным обеспечение исполнения судебного решения (в исполнительном производстве), возмещение ущерба, причиненного преступлением или правонарушением, а также осуществление конфискации имущества, которая назначена по приговору суда[1].

Видовым объектом рассматриваемого состава преступления являются интересы правосудия. По определению С.А. Денисова, «правосудие – это система политико-правовых отношений, норм, идей, взглядов и понятий, реализуемых в процессуальных формах деятельности его субъектов по расследованию преступлений, разрешению конституту-

[1] Дворянсков И.В. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Томск 19-20 апреля 2018 г.: в 2 ч. / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Уткина, вып. 6. Томск: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, 2018. Ч. 1. С. 115–116.

ционных, гражданских, административных и уголовных дел, исполнению наказания с целью достижения социальной справедливости, охраны законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства, обеспечения законности, борьбы с преступностью, ее устранения»[1]. Представляется, что основным непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, которые обеспечивают нормальное функционирование органов правосудия, в то время как дополнительным объектом могут быть отношения собственности[2].

Предметом преступления является имущество, которое подвергнуто описи или аресту, либо подлежит конфискации и передано конкретному лицу для хранения, а также наличные деньги и средства на банковских счетах[3]. Например, гражданин И. являющийся должником по исполнительному производству произвел отчуждение своего автомобиля, вверенного ему, подвергнутого описи и аресту[4]. В частности, предметом данного состава преступления могут быть и денежные средства, полученные от виртуальных активов (криптовалюты), приобретённых в результате преступной деятельности[5]. Именно предмет преступления служит основанием для выделения самостоятельного состава преступления, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 312 УК РФ.

---

[1] Денисов С.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. … д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002. С. 36.

[2] Уголовное право. Особенная часть: учебник / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Денисова, д-ра юрид. наук. наук, проф. Л.В. Готчиной, д-ра юрид. наук, доц. А.Г. Хлебушкина. Санкт-Петербург: ООО «Р-КОПИ», 2020. С. 751.

[3] Денисов С.А. Преступления против правосудия: учебное пособие/ Под общ. ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. С. 48.

[4] Приговор 31 января 2024 года по делу № 11-1-4/2024 мирового судьи судебного участка № 11 по Советскому судебному району города Казани Республики Татарстан [Электронный ресурс] // Мировые судьи Республики Татарстан: официальный сайт. URL: https://sovetskiy11.mirsud.tatarstan.ru/cases/criminal/details/6ccfa09e-df89-4e27-afd8-794019b084cc (дата обращения: 10.05.2025).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: официальный сайт. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.05.2025).

Юридическое содержание влияет на обособление каждого из них:

1) согласно ч. 1 ст. 312 УК РФ, это имущество, которое было подвергнуто описи или аресту, включая денежные средства (вклады), находящиеся в банках;

2) согласно ч. 2 ст. 312 УК РФ, это имущество, которое подлежит конфискации по приговору суда.

Учитывая, что рассматриваемое деяние представляет собой преступление против правосудия, предметом может быть только имущество, которое было законно подвергнуто описи или аресту. Не рассматриваются в качестве предмета преступления вещи, необходимые владельцу или лицам, находящимся на его иждивении, которые не могут быть арестованы.

Из формулировки диспозиции ч. 1 ст. 312 УК РФ следует, что в контексте первой формы преступления предметом является имущество, подвергнутое описи или аресту, а во второй форме – это денежные средства (вклады), на которые наложен арест. В связи с этим возникает необходимость выяснить, при каких обстоятельствах и с какой целью принимается решение о наложении ареста, что позволит определить, в каких случаях имущество может быть предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ.

Арест имущества в правовых отношениях выступает как мера государственного принуждения, выполняющая две основные функции. Во-первых, это мера, решение о которой принимается государственными органами для обеспечения исполнения акта, который еще не принят, но может быть принят в будущем (например, решение суда о удовлетворении имущественных требований истца) или должен быть принят (например, решение налоговых органов о взыскании налога при его неуплате в установленный срок). Во-вторых, арест имущества осуществляется государственными органами как мера принуждения, направленная на обеспечение исполнения уже существующего акта.

Таким образом, основным непосредственным объектом исследуемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов правосудия, а дополнительным объектом могут выступать отношения собственности. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации, являются предметными преступлениями, потому что предметы составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 312 УК РФ, считаются обязательными признаками

объекта состава преступления. Как раз предмет преступления считается основанием для выделения самостоятельного состава преступления, предусмотренного диспозициями ч. 1 и ч. 2 ст. 312 УК РФ.

Список литературы:

1. Дворянсков И.В. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Томск 19-20 апреля 2018 г.: в 2 ч. / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Уткина, вып. 6. Томск: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, 2018. Ч. 1. С. 115–116.

2. Денисов С.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. … д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002. С. 36.

3. Уголовное право. Особенная часть: учебник / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Денисова, д-ра юрид. наук. наук, проф. Л.В. Готчиной, д-ра юрид. наук, доц. А.Г. Хлебушкина. Санкт-Петербург: ООО «Р-КОПИ», 2020. С. 751.

4. Приговор 31 января 2024 года по делу № 11-1-4/2024 мирового судьи судебного участка № 11 по Советскому судебному району города Казани Республики Татарстан [Электронный ресурс] // Мировые судьи Республики Татарстан: официальный сайт. URL: https://sovetskiy11.mirsud.tatarstan.ru/cases/criminal/details/6ccfa09e-df89-4e27-afd8-794019b084cc (дата обращения: 10.05.2025).

5. Денисов С.А. Преступления против правосудия: учебное пособие/ Под общ. ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. С. 48.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: официальный сайт. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.05.2025).

© Кирьянов А.А., 2025

EDN: RVPLTG

Кобец Петр Николаевич,
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности,
доктор юридических наук, профессор

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И РЕФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПРИМЕНЯЕМОГО ЗА СОВЕРШЕНИЕ АКТОВ РАБОТОРГОВЛИ И КРИМИНАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: автором проведено исследование генезиса законодательных основ в сфере борьбы с работорговлей. Актуальность проанализированного вопроса вызвана тем, что анализ возникновения мер, связанных с уголовной ответственностью за работорговлю, поспособствует более глубокому ее осмыслению и обеспечит лучшее понимание процессов, связанных с развитием уголовно-правовой охраны прав граждан. Научная новизна исследования обусловлена авторскими предложениями, направленными на совершенствование законодательной борьбы с работорговлей.

Ключевые слова: уголовное законодательство; генезис работорговли; эксплуатация человека; борьба с преступностью; законодательные основы.

Совершенно очевидно, что работорговля присуща человечеству, потому что она существует в человеческом обществе с момента его возникновения. Термины порабощение, закабаление, торговля живым товаром пришли в наш мир из отдаленного прошлого и времен глубокой древности. И несмотря, что они известны издревле, к сожалению, в них заложен не только исторический смысл. Оценки масштабов рассматриваемой проблематики варьируются исходя от различных подходов, разнообразных научных точек зрения и результатов проведенных исследований. Таким образом, проблематика работорговли

в настоящее время остается глобальной и также продолжает иметь планетарный масштаб. Преследование в уголовном порядке с обязательным возбуждением уголовных дел в отношении виновных в совершении данных противоправных деяний на сегодняшний день представляет собой наиболее эффективный и результативный метод противодействия рассматриваемым противоправным деяниям. Следовательно, анализ возникновения мер, связанных с уголовной ответственностью за работорговлю, вне всякого сомнения, поспособствует более глубокому осмыслению и одновременно с этим обеспечит лучшее понимание всех процессов, связанных с развитием охраны прав граждан.

По мнению ряда отечественных экспертов, зарождение и дальнейшее развитие мер уголовной ответственности в сфере работорговли ориентировочно приходится на начало пятого столетия вследствие захвата и дальнейшего подчинения некоторыми немецкими племенами части территории Гальской провинции, входившей в Римскую империю. Необходимость развития колониальной политики и административных институтов на новых территориях поспособствовала и предопределила укреплению не только государственных, но и в первую очередь правовых механизмов. Поэтому в данный период важнейшее значение в европейской правовой системе отводилось Варварским правдам, которые являются старейшими письменными законодательными памятниками. В частности, к ним относится Вестготская правда, Бургундская правда, Баварская права и др[1]. Немаловажно отметить о том, что несмотря на то, что анализируемая правовая система формировалась и затем активно развивалась с учетом римских правовых традиций, юридического базиса и наследия в каждом европейском регионе в различные временные промежутки имелись свои собственные характерные особенности и черты присущие именно их правовым системам. При этом в раннюю феодальную эпоху во всех европейских странах не изменялись только правовые подходы к рабству. Рабы всегда остались вещью. В этих государствах, как и в Римской империи, было четкое разделение между свободными людьми и рабами. Рабовладельцы в этих странах обладали неограниченными правами приобретения и продажи рабов[2].

В том числе правовая обоснованность торговли живым товаром

---

[1] Соколова А. Варварские правды. Учеб.-метод. пособие по курсу истории сред. веков для студентов заоч. отдния ист. фак. Чита, 1969. С. 68.

[2] Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для юридических вузов и факультетов / Под. общ. ред. В.С. Нерсесянца; 2-е изд., изм. и доп. М.: Издательская группа ИНВРА-М, 1999. С. 254.

была зафиксирована в Вестготской правде 654 г. – сборнике законодательных актов Вестготского государства «(оно располагалось на территории современного Королевства Испании и Французской Республики) созданного в соответствии с Кодексом Римского императора Феодосия»[1]. Этот сборник законов в том числе именовался Книгой приговоров, поскольку по меркам анализируемой эпохи это был весьма обстоятельный, информативный и упорядоченный сборник нормативных правовых актов, в котором содержалось более пятисот различных законов. В этом сборнике актов описано ряд противоправных деяний в сфере работорговли, в том числе такие составы как кража свободных людей и чужих рабов. И как следует из правовых источников для рассматриваемого государства принудительное порабощение вольного населения этой страны было рядовым событием. При этом немаловажно, что законодательно запрещалась продажа в рабство детей свободными родителями[2]. Увеличение численности рабов в данной стране в анализируемый период было связно с ведением активных боевых действий. В соответствии с актами Вестготской правды, военнослужащие получали вознаграждение за ведение боевых действий пленными, обращая их в собственных рабов для последующего владения ими. Соответствующие правила включали все Варварские правды.

Во время начала мореплавательских экспедиций пятнадцатого столетия в Европе также активно расцветает работорговля. Примечательно, что уже в семнадцатом веке Великобритания обладала монополией на работорговлю. Ключевыми участниками в сфере работорговли, помимо Великобритании, были такие, страны как Франция, Голландия. Португалия. Первой попыткой рассмотрения проблематики, связанной с рабством, стало проведение в 1815 г. Венского конгресса 1815 г. В результате по его итогу приняли Декларацию об отмене рассматриваемого явления. Прежде всего, данным международным актом запрещалась любая торговля живым товаром и его перевозка, при этом данное явление не было признано преступным посягательством. В 1841 дополняя указанный документ, подписали договор, которым вводился запрет на ввоз в США рабов. В 1885 г. прошла Берлинская конференция, по итогам которой 16-ю государствами был

[1] Медведев С.Н. Первый национальный кодекс вестготов (Испания) // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1 (39). С. 241.

[2] Корсунский А.Р. Города Испании в период становления феодальных отношений (V–VII вв.) // Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965. С. 4.

подписан Генеральный акт о Конго, запрещающий использовать эту реку для перевозки рабов. Исключено важным актом в этом столетии в сфере борьбы с рабством стал Генеральный акт, принятый 2 июля 1890 г. Брюссельской конференцией, в котором работорговлю признали преступлением и обосновали необходимость принятия действенных мер по пресечению этого весьма негативного социального явления.

По-настоящему к проблематике противодействия рабству приступили лишь в Лиге Наций, и в сентябре 1926 г. был подписан первый универсальный договор в сфере противодействия рабству и работорговле – Конвенция о рабстве. Все страны были должны отменить рабство во всех его формах и устанавливать строгие наказания за совершение подобных деяний. В ст. 5-й впервые говорилось об опасности принудительного или обязательного труда, способствующего созданию ситуаций по аналогии с рабством. В 1950-х гг. «при ООН создают специальный комитет по вопросам рабства, провозгласивший, что рабство существует в завуалированных формах, в 1956 г. принимается Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством»[1].

В нашей стране в уголовно-правовое понятие работорговли и криминальной эксплуатации человека до 2003 г. «входили отдельные элементы данной противоправной деятельности, каждый из которых в отдельности признавался преступлением: принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации ст. 120 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), похищение человека (ст. 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), торговля несовершеннолетними (ст. 152 УК РФ), вовлечение в занятия проституцией (ст. 240 УК РФ), организация и содержание притонов для занятия проституцией (ст. 241 УК РФ), незаконное распространение порнографических материалов и предметов (ст. 242 УК РФ)»[2]. В Российской Федерации «торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ) и использование рабского труда

[1] Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством (Заключена в г. Женеве 07.09.1956). СПС «КонсультантПлюс».

[2] Горбунов А.Н., Стукалов В.В. Проблемы борьбы с торговлей людьми и организацией занятия проституцией // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 4 (18). С. 61.

(ст. 127.2 УК РФ) были криминализированы лишь в конце 2003 г.»[1].

С позиций виновных в криминальной эксплуатации жертв работорговли отечественные эксперты выделяют лиц, которые были осуждены за разного рода сексуальные угнетения и рабство (ст. 240–242.2 УК РФ), а также лиц, привлеченных к уголовной ответственности, применяющих в отношении потерпевших трудовую эксплуатацию (ст. 127.1 и 127.2 УК РФ). Субъектов данных преступных проявлений отечественные криминологи классифицируют как сексуальные и трудовые эксплуататоры. Анализ источников специальной литературы свидетельствует о том, что многие эксперты склонны полагать о том, что борьбу с работорговлей возможно активно вести на основе специально разработанного и принятого Национального плана. Ряд других экспертов в рассматриваемой сфере настаивают на разработке и принятии федерального законодательного акта в сфере борьбы с работорговлей. По мнению автора, данные предложения имеют рациональное зерно и с учетом их детальной проработки могут быть в дальнейшем поддержаны, поскольку данными нормативно-правовыми актами удастся разрешить проблемные ситуации правоприменительного механизма, прописанного в ст. 127.1 УК РФ, требующего обеспечения взаимодействия представителей всех органов власти в предупредительной деятельности, а также необходимость определения реабилитационного механизма жертв работорговли с оказанием им помощи, а также их возвращения на родину. И чтобы в дальнейшем обеспечить необходимые механизмы, при помощи которых необходимо воплощать в жизнь все обозначенные выше перспективные задачи и положения, чрезвычайно важно продолжать разрабатывать уголовно-правовую законодательную базу, которая станет правовой основой в сфере правоохранительной работы, направленной на борьбу со всеми современными проявлениями рабства, а также использования рабского труда и криминальной эксплуатации человека.

Список литературы:

1. Соколова А. Варварские правды. Учеб.-метод. пособие по курсу истории сред. веков для студентов заоч. отдния ист. фак.

[1] Кобец П.Н. Уголовно-правовая характеристика деятельности криминальных групп, совершающих преступные посягательства в сфере торговли людьми, и меры противодействия им // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 1 (58). С. 49.

Чита, 1969. 115 с.

2. Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для юридических вузов и факультетов / Под. общ. ред. В.С. Нерсесянца; 2-е изд., изм. и доп. М.: Издательская группа ИНВРА-М, 1999. 784 с.

3. Медведев С.Н. Первый национальный кодекс вестготов (Испания) // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1 (39). С. 239–256.

4. Корсунский А.Р. Города Испании в период становления феодальных отношений (V–VII вв.) // Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965. 63 с.

5. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством (Заключена в г. Женеве 07.09.1956) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Горбунов А.Н., Стукалов В.В. Проблемы борьбы с торговлей людьми и организацией занятия проституцией // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 4 (18). С. 59–62.

7. Кобец П.Н. Уголовно-правовая характеристика деятельности криминальных групп, совершающих преступные посягательства в сфере торговли людьми, и меры противодействия им // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 1 (58). С. 45–52.

© Кобец П.Н., 2025.

EDN: SFKXRN

Кокин Дмитрий Михайлович,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
врио начальника кафедры уголовного права
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ХУЛИГАНСТВА

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу особенностей субъективной стороны хулиганства (умысла и хулиганских побуждений), выявлению ключевых проблем их установления в следственной и судебной практике, а также поиску путей для их преодоления и обеспечения правильной квалификации таких деяний. Предпринята попытка уточнения содержания понятия «хулиганские побуждения», анализа критериев отграничения хулиганского мотива от иных побуждений, изучения судебной практики по делам о переквалификации, рассмотрение вопросов доказывания субъективной стороны.

Ключевые слова: хулиганство, умысел, мотив, квалификация, хулиганские побуждения.

Хулиганство (ст. 213 УК РФ) остаётся одним из распространенных, но в то же время сложных для квалификации преступлений против общественного порядка. Несмотря на кажущуюся простоту и традиционность, правоприменительная практика сталкивается со значительными трудностями, основная масса которых концентрируется именно в сфере установления и доказывания субъективной стороны данного деяния.

Субъективная сторона хулиганства, характеризуемая умыслом и специфическими мотивами (хулиганскими побуждениями), является его ключевым и наиболее дискуссионным элементом. Именно мотив – явное неуважение к обществу, стремление противопоставить себя общепринятым нормам морали и нравственности, продемонстрировать пренебрежение к окружающим и их безопасности – выступает тем самым дифференцирующим признаком, который позволяет отграничить хулиганство от смежных составов преступлений.

Значительное количество отмен и изменений приговоров по делам о хулиганстве Верховным Судом РФ и нижестоящими судами связано именно с неверной оценкой мотивации виновного лица и формы вины. Недостаточное внимание к установлению исключительно хулиганских побуждений ведёт к ошибочной квалификации действий, совершенных по иным мотивам (месть, ревность, личная неприязнь в отношении конкретного лица).

Установление субъективных моментов (внутренних побуждений, цели) всегда представляет большую сложность, чем фиксация объективных обстоятельств. Доказывание наличия именно «хулиганских побуждений» требует глубокого анализа поведения виновного до, во время и после совершения деяния, его взаимоотношений с потерпевшим, обстановки совершения преступления.

Современные реалии порождают новые, подчас нетипичные формы нарушения общественного порядка (например, в сети Интернет, в отношении больших групп людей, с использованием современных технологий), где установление классических хулиганских мотивов требует адаптации подходов.

Несмотря на наличие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (в частности, Постановление № 45 от 15 ноября 2007 г. «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», с последующими изменениями), правоприменение остаётся неоднородным, что подчёркивает необходимость дальнейшей теоретической разработки данного вопроса.

Специфика субъективной стороны хулиганства (ст. 213 УК РФ) заключается, прежде всего, в обязательности установления специального мотива – хулиганских побуждений, что является его ключевым дифференцирующим признаком. В отличие от многих составов, где мотив факультативен и не влияет на квалификацию, здесь он прямо входит в конструкцию преступления. Хулиганские побуждения выражаются в явном неуважении к обществу, стремлении противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежение к социальным нормам и общественному порядку. Это мотив эпатажа, агрессивного самоутверждения за счет нарушения спокойствия неопределенного круга лиц. Спецификой такого мотива является отсутствие для виновного существенной значимости виктимного поведения жертвы. Вне зависимости от различного рода социальных характеристик, жертвой становится человек, находящийся в данный момент времени в непосредственной близости от виновного. Это определяет

направленность хулиганства на причинение вреда общественному порядку и общественной безопасности. Жертвой немотивированного акта агрессии может стать любой член общества. Критически важным является строгое отграничение хулиганского мотива от личной неприязни, мести ревности и т. п., направленных против конкретного лица.

Доминирование хулиганского побуждения подтверждается контекстом действий: публичностью, демонстративностью, отсутствием рациональной причины, циничностью, направленностью против неопределённого круга лиц. Поведение виновного до, во время и после инцидента (оскорбительные выкрики, циничные высказывания в адрес общества, игнорирование замечаний) могут служить важным доказательством мотива.

Форма вины – исключительно умысел. С учётом сложной объективной стороны с альтернативным набором признаков, умысел в части осознания общественной опасности включает осознание обязательных для квалификации объективных признаков. Так, лицо, совершающее хулиганские действия с применением насилия или с угрозой применения насилия к гражданам, должно наряду с публичностью места и обстановки совершения преступления должно осознавать, что применяет или угрожает насилием гражданам. В случае если хулиганство совершается на транспорте общего пользования, виновный так же должен осознавать, что место и обстановка при совершении преступления относятся к соответствующему транспорту. При этом грубость, интенсивность и продолжительность нарушения общественного порядка должны быть явными не только для потерпевших, но и для самого виновного.

Сложность доказывания обусловлена имманентной скрытостью внутренних психических процессов – мотив требует реконструкции побуждений виновного через анализ внешних проявлений и объективных обстоятельств дела. Типичной следственной и судебной ошибкой является подмена мотива объективными признаками (например, квалификация любого шумного конфликта с нецензурной бранью в общественном месте или с применением оружия автоматически как хулиганства). Ошибка в установлении мотива ведет к фундаментальной квалификационной ошибке – неправомерному вменению ст. 213 УК РФ вместо преступлений против личности (ст.ст. 115, 116 УК РФ) или административного правонарушения. Таким образом, субъективная сторона хулиганства определяет саму суть этого деяния как посягательства на общественный порядок, а не на личные интересы.

Список литературы:

1. Грачева Ю.В. Хулиганство: изменение закона не исключило проблемы правоприменения / Ю.В. Грачева // Уголовное право. 2021. № 8 (132). С. 3–11.

2. Жадяева М.А. Общественная опасность «насильственного» и «вооруженного» хулиганства: проблемы законодательной техники и правоприменения / М.А. Жадяева, И.Ю. Янина // Российский судья. 2022. № 2. С. 21–26.

3. Курсаев А.В. Хулиганство, совершенное на транспорте общего пользования / А.В. Курсаев // Уголовное право. 2025. № 8(180). С. 42–62.

4. Щетинина Н.В. Особенности квалификации вооруженного хулиганства / Н.В. Щетинина // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1 (45). С. 174–178.

© Кокин Д.М., 2025

EDN: SHAFMG

Кудашова Ирина Владимировна,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доцент кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
кандидат философских наук

УГОЛОВНОЕ ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Аннотация: в статье исследуется эволюция уголовно-правового регулирования предпринимательской деятельности в историческом контексте России. Рассматриваются ключевые нормативно-правовые акты, определявшие ответственность за нарушение установленных правил экономической деятельности, анализируется их трансформация от Московского государства до современного периода. Особое внимание уделено Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовному уложению 1903 г., где законодатель регулировал соответствующие правоотношения на системном уровне.

Ключевые слова: уголовное право, предпринимательская деятельность, экономические преступления, правовое регулирование, историческая трансформация, незаконное предпринимательство.

Экономические отношения имеют древнейшую историю, однако их правовое регулирование на государственном уровне, включая установление ответственности за нарушение торговых обычаев и неразрешенную предпринимательскую деятельность, приобрело системный характер сравнительно поздно. В России первые попытки формирования охранительного механизма в экономической сфере относятся к периоду Московского государства и связаны с принятием Соборного Уложения 1649 г. В этом первом достаточно четко по тем временам систематизированном акте предусматривалась наказуемость уклонения от уплаты различного рода пошлин и податей, включая торговые, нарушения кредитных обязательств (в частности, при ложном банк-

ротстве), приобретение похищенного имущества, принуждение к заключению сделок, нарушения правил торговли, особенно спиртными напитками и табаком[1].

Регулирование внутреннего рынка выражалось также в запрете скупки и спекуляции продовольствием. Боярский приговор 1694 г. запрещал под страхом «жестокого наказания и вечного разорения» перекупать привозимые крестьянами товары: «скупщики, складчики и кулатчики» у «приезжих торговых людей, сложась, мяс, и рыбы, и сена, и золы, и дров, и хлеба... большими статьями для своих прибылей и прихотей не скупали»[2]. При этом власть не препятствовала определенным формам торговли крестьян: «А чьи крестьяне учнут к Москве и в горалы приезжать из уездов со всякими товары, и им те товары продавать поволным торгом безпенно на гостине дворе и с возов и стругов, а в рядех лавок не покупать и не наймывать»[3].

В этот период предпринимательство было тесно связано с таможенными отношениями, причем прослеживалась тенденция к усилению ответственности за нарушение таможенных правил. Особенно активизировались требования точной регистрации пошлин с 1680-х гг., что отражено в ряде указов, среди которых наиболее значимым представляется Наказ Большой московской таможне 1681 г., где законодатель, предписывая «править пошлины без пощады», сосредотачивался на обеспечении бесперебойного поступления торговых пошлин в государственную казну[4].

Следующий значимый этап развития регулятивного и охранительного законодательства в сфере предпринимательства связан с эпохой Петра I. Были учреждены Коллегия по руководству торговлей, Коммерц-коллегия, Мануфактур-коллегия. В этот период поощрялась деятельность частных лиц, формировался новый тип купеческого сословия - гильдейский, который полностью сформировался к концу XVIII в[5]. Одновременно с этим некоторые виды предпринимательской

---

[1] Соборное уложение от 29.01.1649 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. № 1. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.

[2] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. № 1480. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.

[3] Соборное уложение 1649 г. - 1990.

[4] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. № 873. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.

[5] Бадальянц В.С. Экономическая история России / В.С. Бадальянц. Рязань, 1995.

деятельности ограничивались. В частности, Указом 1725 г. запрещалось в Санкт-Петербурге перекупать привозимые окрестными жителями скот и съестные припасы под угрозой «немалых штрафов»[1].

С начала XIX в. наблюдается заметное расширение круга лиц, получивших право заниматься предпринимательской деятельностью. Указ от 20 февраля 1803 г. «О вольных хлебопашцах» предоставил помещикам право отпускать крестьян на волю с наделением их землей через куплю-продажу или на иных договорных условиях[2]. Особенно значительно увеличился круг предпринимателей после отмены крепостного права в 1861 г., когда значительная часть бывших крепостных обратилась к различным промыслам.

Системное уголовно-правовое регулирование предпринимательской деятельности началось с изданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г[3]. В нем нормы, регулирующие ответственность за незаконное предпринимательство, помещались в 13 и 14 главах 8 раздела «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства». В отделении первом главы 13 «О нарушении уставов торговых» ч. 1 ст. 1169 устанавливала ответственность для лиц, осуществляющих торговлю без надлежащего права. Как отмечает И.С. Таганцев: «под действие данной статьи подпадает деяние лиц, которые не только не имели надлежащих для этого свидетельств, но и не могли получить их, или утратили право на торговлю по судебному приговору»[4].

В Уголовном уложении 1903 г. наблюдается более высокая степень обобщения норм о преступлениях в сфере экономической деятельности[5]. Статья 310 данного акта предусматривала ответственность за устройство завода, фабрики, аптеки или иного промышленного или торгового заведения без надлежащего разрешения, когда таковое требовалось, а также за устройство заведения лицом, не имеющим на то права, или в месте, где устройство таковых воспрещено. В Уложении была выделена глава «О нарушении постановлений о надзоре

---

[1] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. № 4634. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.

[2] Указ от 20.02.1803 г. «О вольных хлебопашцах» // Хрестоматия по истории государства и права СССР, 1990.

[3] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г. // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1857.

[4] Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / Н.С. Таганцев. СПб, 1885.

[5] Уголовное уложение от 22.03.1903. СПб, 1903.

за промыслами и торговлей», содержавшая специальные нормы (ст. 314–318) по отношению к ст. 310. В частности, ст. 316 устанавливала ответственность за торговлю крепкими напитками в местах, где это запрещено, или без соответствующего разрешения.

Установление советской власти кардинально изменило социально-экономические и политические условия. Предпринимательская деятельность в первые годы советского государства была запрещена как не соответствовавшая идеологической доктрине. Были приняты декреты «О конфискации акционерных капиталов», «О национализации промышленных предприятий», «О национализации внешней торговли»[1]. В УК РСФСР 1922 г. из ранее известных имущественных посягательств сохранялась ответственность за ростовщичество (ст. 193), фальсификацию товаров (ст. 190–191), незаконное использование товарных знаков (ст. 199).

В УК РСФСР 1926 г. были криминализированы некоторые виды предпринимательской деятельности, в частности, несанкционированная разработка недр, нарушение акцизных правил и иные деяния экономического характера. После свертывания новой экономической политики и окончательного формирования командно-административной системы предпринимательская деятельность была полностью запрещена. В УК РСФСР 1960 г. частнопредпринимательская деятельность, коммерческое посредничество, занятие запрещенными видами промысла рассматривались как преступления.

Ситуация изменилась с переходом России к рыночной экономике в начале 1990-х гг. После принятия экономических законов, в том числе «О собственности в РСФСР», «О предприятиях и предпринимательской деятельности», Законом от 5 декабря 1991 г. из УК РСФСР была исключена ответственность за частнопредпринимательскую деятельность. Ответственность за незаконное предпринимательство в сфере торговли (ст. 162–5) наступала лишь при извлечении неконтролируемого дохода в крупном размере.

Таким образом, «на начальном этапе развития предпринимательства в России (период Московского государства) законодатель еще не выделял этот вид экономической деятельности в качестве самостоятельного и соответственно в уголовно-правовом порядке защита такой деятельности осуществлялась в основном посредством установления составов служебных и иных преступлений. В дальнейшем появляются уголовно-правовые запреты заниматься определенными видами

[1] Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс / Г.В. Швеков. М, 1970.

деятельности. В XIX в. (прежде всего Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) регулирование уголовно-правовых аспектов ответственности за незаконное предпринимательство стало приобретать довольно подробный характер, что отражало сложившуюся экономическую ситуацию, характеризуемую активизацией развития предпринимательства»[1].

Список литературы:

1. Соборное уложение от 29.01.1649 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. № 1. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. № 1480. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
3. Соборное уложение 1649 г., 1990.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. № 873. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
5. Бадальянц В.С. Экономическая история России / В.С. Бадальянц. Рязань, 1995.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. № 4634. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
7. Указ от 20.02.1803 г. «О вольных хлебопашцах» // Хрестоматия по истории государства и права СССР, 1990.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г. // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1857.
9. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / Н.С. Таганцев. СПб, 1885.
10. Уголовное уложение от 22.03.1903. СПб, 1903.
11. Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс / Г.В. Швеков. М, 1970.
12. Упоров И.В. Правовое регулирование ответственности за незаконное предпринимательство в монархической России / И.В. Упоров, В.Н. Лубешко // Научные исследования. 2025. № 3. С. 326–331.

© Кудашова И.В., 2025

[1] Упоров И.В. Правовое регулирование ответственности за незаконное предпринимательство в монархической России / И.В. Упоров, В.Н. Лубешко // Научные исследования. 2025. № 3. С. 326–331.

EDN: SMRMLH

Кулев Александр Геннадьевич,
Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент

КВАЛИФИКАЦИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ОБЪЕКТЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Аннотация: в статье анализируются проблемы квалификации посягательств, направленных на объекты инфраструктуры железнодорожного транспорта. Научная новизна работы определяется участившимися в последнее время случаями совершения подобных деяний, а также трудностями, возникающими в ходе их уголовно-правовой оценки. Производятся попытки разграничения диверсии с такими составами преступления как: умышленное уничтожение или повреждение имущества, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения, действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, террористический акт и государственная измена.

Ключевые слова: инфраструктура железнодорожного транспорта; релейный шкаф; диверсия; террористический акт; квалификация преступления.

С началом специальной военной операции участились случаи совершения посягательств на объекты инфраструктуры железнодорожного транспорта. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации до 2023 года количество лиц, осужденных за диверсию, сводилось к нулевым либо единичным показателям. В 2023 году было осуждено 5 диверсантов, в 2004 году – 10[1]. Как показывает анализ имеющейся информации, в правоприменительной

[1] Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https: // cdep.ru / (дата обращения: 27.03.2025).

сфере не наблюдается единого, унифицированного подхода к уголовно-правовой оценке рассматриваемых деяний, что диктует необходимость теоретического уяснения соответствующих вопросов.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10 января 2003 года № 17-ФЗ инфраструктура железнодорожного транспорта – это транспортная инфраструктура, включающая в себя железнодорожные пути общего пользования и другие сооружения, железнодорожные станции, устройства электроснабжения, сети связи, системы сигнализации, централизации и блокировки, информационные комплексы, систему управления движением и иные обеспечивающие функционирование инфраструктуры здания, строения, сооружения, устройства и оборудование[1]. Последнее время наиболее частыми предметами посягательств в данной сфере становятся: тяговые подстанции, участки железнодорожного полотна, релейные шкафы, батарейные шкафы. При установлении цели подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности России действия виновного должны быть квалифицированы как диверсия (соответствующая часть ст. 281 УК РФ). Однако за внешне аналогичные деяния возможна иная квалификация, в некоторых случаях необходима оценка деяний по совокупность преступлений.

Рассмотрим ситуацию с уничтожением, повреждением релейного шкафа. Релейный шкаф специальной конструкции предназначен для размещения вне помещений аппаратуры систем железнодорожной автоматики и телемеханики[2]. Релейный шкаф относится к системе сигнализации, централизации и блокировки, обеспечивая оптимальную пропускную способность движения поездов. При автоматической блокировке, где перегон разделен на блок-участки, огражденные проходными светофорами, данное устройство создает интервальность движения составов, позволяя находиться на перегоне между станциями сразу нескольким поездам. При полуавтоматической блокировке перегон занимает лишь один поезд, отсутствуют проходные светофоры, однако интервальность движения поездов также обеспечивается работой релейного шкафа с вовлечением в процесс дежурного по станции или путевого поста.

А.И. Чучаев, рассуждая на тему квалификации поджога железнодорожного релейного шкафа, пришел к выводу о том, что в некоторых

---

[1] Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 169.

[2] «ГОСТ Р 53431-2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Автоматика и телемеханика железнодорожная. Термины и определения».

случаях действия виновного могут быть квалифицированы как умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ). По мнению ученого, подобная оценка действий возможна, например, в случае, если релейный шкаф выведен из эксплуатации железнодорожных путей. То есть, данный шкаф не входит в транспортную инфраструктуру, не обеспечивает ее безаварийную работу и должен рассматриваться как предмет имущественного посягательства[1]. Соглашаясь с высказанным тезисом, обратим внимание на очевидный момент. Уничтожая или повреждая нерабочий шкаф, лицо должно осознавать данный факт, иначе в его действиях могут усматриваться признаки покушения на диверсию. В практической сфере переквалификация действий лица со ст. 167 УК РФ на ст. 281 УК РФ носит довольно распространенный характер[2].

Правоприменительной практике известны случаи, когда посягательства на объекты инфраструктуры железнодорожного транспорта квалифицировались как приведение в негодность объектов жизнеобеспечения (ст. 215^2 УК РФ). Так, С. Прибыл на перегон между железнодорожными станциями. Действуя из корыстных побуждений, он открыл крышки кабельных колодцев и специальными инструментами демонтировал кабели трех высоковольтных магистралей, принадлежащих дистанции сигнализации, централизации и блокировки. Приговор был вынесен в 2020 году[3]. В настоящее время действия С. охватываются измененной редакцией ч. 1 ст. 267 УК РФ.

Определенную теоретическую и практическую сложность может вызвать вопрос о разграничении приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ), действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267^1 УК РФ) и диверсии (ст. 281 УК РФ). Несмотря на существенную разницу в наказуемости данных деяний (ч. 1 ст. 267 УК РФ), в качестве самого строгого вида наказания предусматривает лишение свободы

---

[1] Чучаев А.И. Поджог железнодорожных релейных шкафов: юридическая оценка деяния // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Апелляционное постановление Орловского областного суда № 22К-1003/2024 от 19 июля 2024 года по делу № 3/1-36/2024. URL: https://sudact.ru / (дата обращения: 27.03.2025).

[3] Майорова Е.И., Улейчик В.В., Яковлева Л.В. Актуальные проблемы деяний, предусмотренных статьей 267 Уголовного кодекса Российской Федерации «Приведение в негодность транспортных средств или путей их сообщения» // СПС «Консультант Плюс».

на срок до одного года, ст. 267[1] УК РФ – лишение свободы на срок до двух лет, а ч. 1 ст. 281 УК РФ – лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет), предметы данных преступлений во многом совпадают. Основное отличие между этими составами кроется в субъективной стороне, а именно в наличии у диверсанта цели подорвать экономическую безопасность и (или) обороноспособность России[1]. Безусловно, с подобным мнением следует согласиться, оно основано на положениях уголовного законодательства. Однако установление внутренней, психической стороны преступления вызывает известные трудности. Цель, будучи мысленно предвосхищаемым результатом злоумышленника в момент совершения запрещенного уголовным законом деяния, зачастую проявляется через объективные признаки преступления (объект и предмет посягательства в нашем случае).

Приведем несколько примеров. Так, в первом случае лицо умышленно повреждает железнодорожный светофор, разбивая одну или несколько его линз. Объективно данные действия не способны создать аварийную ситуацию и нарушить безопасность движения поездов. Дело в том, что показания даже поврежденного светофора передаются в кабину машиниста посредством автоматической локомотивной сигнализации, которая является самостоятельным средством сигнализации и связи. Поэтому действия виновного должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 267 УК РФ либо по ст. 267[1] УК РФ при наличии хулиганских побуждений (при отсутствии покушения на диверсию). Попутно отметим одно законодательное упущение. Ответственность по ст. 267 (по всем ее частям) УК РФ наступает с 14 лет, а по ст. 267[1] УК РФ – с 16 лет, что вряд ли оправдано. За последнее указанное посягательство ответственность, на наш взгляд, также должна наступать с 14 лет.

Во втором случае предметом посягательства выступает релейный или батарейный шкаф. При наличии осознания лицом, хотя бы в общем виде, функционального предназначения данных устройств, его действия по их уничтожению, повреждению подлежат квалификации как диверсия. Тем более, это касается преступных воздействий на тяговые подстанции. Так, в декабре 2023 сотрудниками УФСБ России по Ярославской области был задержан гражданин РФ А., который по заданию украинских спецслужб участвовал в подготовке диверсии на тяговой подстанции железнодорожной станции «Филино» ОАО «РЖД». Помимо

[1] Грачева Ю.В., Палий В.В. Квалификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: учебное пособие для магистрантов / Отв. ред. Д.М. Молчанов. М.: Проспект, 2014. С. 40.

прочего, 28 февраля 2025 года Ярославским областным судом он был осужден за покушение на диверсию[1]. Интерес также вызывает ситуация, когда изначально уголовное дело возбуждается по ч. 1 ст. 267 УК РФ и в этот же день переквалифицируется на ч. 1 ст. 281 УК РФ[2].

Трудности вызывает и разграничение диверсии от террористического акта. Отличие между данными посягательствами при их направленности объекты инфраструктуры железнодорожного транспорта заключается главным образом в цели данных посягательств. Диверсия направлена на подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации. Например, взрыв железнодорожного моста, который приводит к длительному времени его восстановления, в связи с чем движение железнодорожного транспорта организовывается по обходным маршрутам или взрыв железнодорожного полотна при перевозке по нему военной техники. Цель террористического иная – дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также воздействие на принятие данными субъектами желаемых виновному решений. Поскольку террористический акт – это преступление против общественной безопасности, то данное деяние направлено на наведение страха, запугивание широких масс населения. Например, уничтожение железнодорожного полотна, которое повлекло сход состава поезда должно квалифицировать как террористический акт.

Стоит отметить, что некоторые авторы предполагают возможность идеальной совокупности диверсии и террористического акта[3]. Мы полагаем, что такая возможность исключена ввиду того, что доминирующей при конкуренции данных составов всегда является цель либо террористического акта либо диверсии.

Идеальная совокупность диверсии или террористического акта может быть с таким посягательством как государственная измена (ст. 275 УК РФ). В уже указанном выше примере гражданин А. был осужден

---

[1] По материалам пресс-службы УФСБ России по Ярославской области.

[2] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым № 22К-4020/2023 от 27 декабря 2023 года по делу № 3/2-544/2023. URL: https: // sudact.ru / (дата обращения: 27.03.2025); Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым № 22К-179/2024 от 17 января 2024 года по делу № 3/12-315/2023. URL: https: // sudact.ru / (дата обращения: 27.03.2025).

[3] Гладких В.И. Преступления против государственной власти. Научно-практический комментарий с материалами судебной практики: монография. М.: КНОРУС, 2022. С. 47.

и за государственную измену. Совершая покушение на диверсию, он одновременно выполнил действия, охватываемые государственной изменой в форме иного оказания помощи.

Список литературы:

1. Чучаев А.И. Поджог железнодорожных релейных шкафов: юридическая оценка деяний // СПС «КонсультантПлюс».

2. Майорова Е.И., Улейчик В.В., Яковлева Л.В. Актуальные проблемы квалификации деяний, предусмотренных статьей 267 Уголовного кодекса Российской Федерации «Приведение в негодность транспортных средств и путей сообщения // СПС «КонсультантПлюс».

3. Грачева Ю.В., Палий В.В. Квалификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: учебное пособие для магистрантов / Отв. ред. Д.М. Молчанов. М.: Проспект, 2014. 104 с.

4. Гладких В.И. Преступления против государственной власти. Научно-практический комментарий с материалами судебной практики. М.: КНОРУС, 2022. 330 с.

© Кулев А.Г., 2025

EDN: QBHDHX

Курсаев Александр Викторович,
Договорно-правовой департамент МВД России,
главный эксперт-специалист,
кандидат юридических наук

ЛИЧНАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ КАК МОТИВ НЕВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ИНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ (СТАТЬЯ 145^1 УК РФ)

Аннотация: в статье анализируется содержание личной заинтересованности как мотива невыплаты заработной платы и иных социальных платежей. Отмечается, что иная личная заинтересованность связана с извлечением выгод неимущественного характера. Раскрываются конкретные формы проявления мотива личной заинтересованности при совершении деяния, предусмотренного статьей 145^1 УК РФ.

Ключевые слова: преступления против трудовых прав, невыплата заработной платы, субъективная сторона преступления, вина, личная заинтересованность, квалификация.

Обязательным элементом состава преступления в статье 145^1 УК РФ является наличие мотива корыстной или иной личной заинтересованности. Наличие данных побуждений является важным критерием, позволяющим отграничить преступную невыплату заработной платы и иных платежей от случаев, когда такая невыплата была совершена вследствие обстоятельств извинительного характера. Мотивы личного заинтересованности связаны с выражением сугубо индивидуальных интересов и стремлений человека, и потому могут являться криминогенными. Неуказание содержания личной заинтересованности является существенным нарушением закона, влекущим направление дела на новое рассмотрение

или постановление оправдательного приговора[1].

Формы проявления иной личной заинтересованности в статье 145[1] УК РФ, не конкретизированы. Однако поскольку ст. 145[1] УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 285 УК РФ, то могут быть использованы понятия корыстной и иной личной заинтересованности, сформулированные высшей судебной инстанцией применительно к составу злоупотребления должностными полномочиями.

Так, под иной личной заинтересованностью Верховный Суд РФ предлагает понимать стремление лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т.п.[2].

Таким образом, иная личная заинтересованность связана с извлечением выгод неимущественного характера. Формы ее проявления в статье 145[1] УК РФ могут быть разнообразны.

Так, в качестве личной заинтересованности выступает намерение повысить рентабельность организации путем минимизации расходов на ее повседневную деятельность в виде заработной платы и иных платежей.

Иная личная заинтересованность в этом случае выражалась в желании повысить доход общества от осуществления коммерческой деятельности за счет вложенных в производственную деятельность денежных средств, причитающихся на выплату заработной платы[3], достижения экономии средств[4].

Личная заинтересованность со стороны руководителя организации (не являющегося одновременно его собственником), по мнению судов, может быть выражена не только в улучшении

---

[1] Апелляционное постановление Агрызского районного суда Республики Татарстан от 20 декабря 2022 г. № 10-17/2022 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (пункт 16) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

[3] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11 апреля 2023 г. № 88-9447/2023 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[4] Приговор Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 25 марта 2022 г. № 1-26/2022 Документ опубликован не был // Доступ СПС «КонсультантПлюс».

хозяйственной деятельности предприятия за счет заработной платы, как в вышеприведенном примере, но и вообще, в обеспечении его дальнейшей деятельности, что выгодно для виновного как руководителя этой организации.

Так, описывая содержание личной заинтересованности, суды отмечали, что она выражается в желание обеспечить бесперебойную экономическую деятельность возглавляемого виновным общества, продолжения осуществления руководства предприятием, поддержания имиджа успешного руководителя перед учредителем и контрагентами[1]; в том, чтобы предприятие продолжало свою работу, получая коммерческую выгоду [2]; в стремлении получить выгоду неимущественного характера в виде бесперебойной экономической деятельности возглавляемого им юридического лица[3].

Иной личной заинтересованностью признаются и действия, совершенные в коммерческих интересах предприятия, когда виновным поступающие в счет погашения задолженности перед организацией денежные средства направлялись не на выплату заработной платы, а на погашение договора займа перед другой организацией[4], на обеспечение своевременного возврата денежных средств, представляемых в качестве займов организации[5].

Сохранение занимаемой должности руководителя организации[6] также признается отдельным видом иной личной заинтересованности при невыплате заработной платы и иных платежей. В то же время такое проявление мотива личной заинтересованности иногда критикуется. Так, Ю.С. Варанкина считает, что было бы странным,

---

[1] Приговор Комаричского районного суда Брянской области от 16 ноября 2022 г. № 1-57/2022 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[2] Апелляционное постановление Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 4 августа 2023 г. № 10-48/2023 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[3] Апелляционное постановление Фокинского районного суда г. Брянска от 4 апреля 2022 г. № 1-31/2021.

[4] Апелляционное постановление Озерского городского суда Челябинской области от 20 июля 2022 г. № 10-24/2022 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[5] Приговор Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 25 марта 2022 г. № 1-26/2022 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[6] Приговор Яковлевского районного суда Белгородской области от 28 июня 2022 г. № 1-3/2022 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

если бы руководитель осуществлял какую-либо деятельность, не руководствуясь этим мотивом[1]. Однако полагаем, что ею не учтено, что руководитель организации пытается сохранить свою должность противозаконным способом, игнорируя закон и возложенную на него обязанность по выплате заработной платы, пытаясь за счет невыплаты социальных платежей продлить срок деятельности организации и свое руководство ею.

Иную личную заинтересованность при невыплате заработной платы суды связывают и с желанием создать видимость благополучной обстановки, поддержанием репутации успешного руководителя. Нюанс правоприменения здесь состоит в том, что намерение исказить действительное положение вещей, «пустить пыль в глаза» своим адресатом должно иметь не работников, которым не выплачивается заработная плата, а третьих лиц, интересы которых непосредственно не затронуты совершаемым преступным деянием.

Поэтому суды усматривают наличие этого мотива только тогда, когда видимость благополучной обстановки в руководимой виновным организации за счет невыплаты заработной платы создается перед контрагентами [2], деловыми партнерами [3]; окружающими и кредиторами [4], учредителем организации [5], перед руководством виновного для сохранения занимаемой руководящей должности[6].

Мотив иной личной заинтересованности «не работает», когда адресатом желания поддержать видимость благополучной обстановки указываются работники. Следует согласиться с мнением А.Н. Ляскало о сомнительности возможности обеспечения цели поддержания

---

[1] Варанкина Ю.С. Корыстная и иная личная заинтересованность как мотив преступной невыплаты заработной платы // Российский следователь. 2008. № 7. С. 15.

[2] Апелляционное постановление Приаргунского районного суда Забайкальского края от 23 мая 2022 г. № 10-6/2022 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[3] Приговор Центрального районного суда г. Читы от 29 июня 2023 г. № 1-224/2023 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[4] Апелляционное постановление Дубровского районного суда Брянской области от 24 октября 2022 г. № 1-16/2022 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[5] Приговор Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 23 июля 2024 г. № 1-605/2024 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[6] Приговор Зареченского районного суда г. Тулы от 9 октября 2019 г. № 1-148/2019 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

репутации успешного руководителя (сокрытия управленческого непрофессионализма) перед работниками путем невыплаты заработной платы им[1].

Так, вышестоящий суд в обоснование отмены обвинительного приговора нижестоящего суда указал, что судом не было обосновано, каким образом негативный для работников фактор – невыплата заработной платы и последующее увольнение работников, повысило статус виновного в их глазах[2].

Не опровергает указанного вывода и эпизодическое наличие вступивших в законную силу приговоров, в которых встречается признак личной заинтересованности от невыплаты заработной платы в виде поддержания репутации успешного руководителя среди работников[3]. В этих приговорах помимо работников указывалось на намерение поддержать репутацию успешного руководителя и среди других лиц. Данный дефект мог быть устранен посредством уточнения мотива иной личной заинтересованности за счет исключения работников и изменения, таким образом, приговора.

В качестве личной заинтересованности для руководителя организации суды рассматривают и создание видимости благополучного финансового положения за счет невыплаты заработной платы для обеспечения дальнейшего притока денежных средств в организацию[4].

Разновидностью преступления, предусмотренного статьей 145[1] УК РФ, совершаемого из иной личной заинтересованности, предлагается признавать и невыплату руководителем заработной платы работникам в целях создания сверхкомфортных условий для осуществления профессиональной деятельности (дорогостоящий ремонт в кабинетах, приобретение техники и предметов роскоши, оплата сотовой связи). На возможность рассмотрения этих действий как связанных с личной заинтересованностью подчиненные органы

---

[1] Ляскало А.Н. Корыстная и иная личная заинтересованность как мотивы невыплаты заработной платы: проблемы судебного толкования // Уголовное право. 2019. № 4. С. 60.

[2] Апелляционное постановление Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 17 октября 2023 г. № 10-25/2023 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[3] Приговор Центрального районного суда г. Читы от 27 января 2020 г. № 1-23/2020 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[4] Приговор Приволжского районного суда г. Казани от 9 марта 2022 г. № 1-4/2022 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

прокуратуры ориентировало Управление Генеральной прокуратуры РФ в Уральском федеральном округе в своих методических рекомендациях по проведению доследственных проверок и расследованию уголовных дел по статье 145[1] УК РФ, подготовленных в 2005 году[1].

Подобные случаи квалификации создания сверхкомфортных условий деятельности имеют место в судебной практике. Так, как связанной с наличием иной личной заинтересованности было признано использование денежных средств, предназначенных для выплаты заработной платы, на оплату сотовой связи[2].

Наконец, иная личная заинтересованность может выражаться и в том, что заработная плата не выплачивается в силу конфликтных отношений руководителя организации с работником. Так, суд усмотрел наличие иной личной заинтересованности в действиях работодателя, обусловленных принципиальным нежеланием выплачивать потерпевшему образовавшуюся задолженность по заработной плате ввиду сложившихся личных неприязненных отношений с ним[3].

Однако иная личная заинтересованность может проявляться и в создании благоприятных условий для каких-либо лиц. Так, Н., зная о наличии задолженности по заработной плате, и имея достаточные средства на расчетном счете для ее погашения, осуществил перечисление денежных средств контрагенту, директором которого являлся сын осужденного[4].

Корыстная и иная личная заинтересованность находятся между собой не в отношениях конкуренции, а соотносятся между собой как часть и целое. В связи с этим данные мотивы могут быть рассмотрены как основные и побочные, что также допускает их совместимость. Поэтому в судебной практике допускается

---

[1] Соктоев З.Б., Соктоева Е.И. Уклонение от уплаты социальных платежей. М. 2007. С. 50.

[2] Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 7 мая 2020 г. № 22-799/2020 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[3] Апелляционный приговор Углегорского городского суда Сахалинской области от 1 ноября 2024 г. № 10-4/2024 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

[4] Апелляционное постановление Бийского городского суда Алтайского края от 4 апреля 2022 г. № 10-23/2022 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

и одновременное сосуществование этих двух мотивов[1].

Проведенный нами анализ судебной практики показал, что мотив корыстной заинтересованности встречается в 10,2 % приговоров, личной заинтересованности – 54,7 %, оба этих мотива одновременно – 35,1 %.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (пункт 16) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

2. Варанкина Ю.С. Корыстная и иная личная заинтересованность как мотив преступной невыплаты заработной платы // Российский следователь. 2008. № 7. С. 13–15.

3. Ляскало А.Н. Корыстная и иная личная заинтересованность как мотивы невыплаты заработной платы: проблемы судебного толкования // Уголовное право. 2019. № 4. С. 56–62.

4. Соктоев З.Б., Соктоева Е.И. Уклонение от уплаты социальных платежей. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2007. 100 с.

© Курсаев А.В, 2025

[1] Постановление Балашихинского городского суда Московской области от 22 мая 2023 г. № 1-227/2023 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

EDN: QCSILM

Лантух Эдуард Владимирович,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
начальник кафедры общеправовых дисциплин
кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции

Гаврилова Ольга Вячеславовна,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО, РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация: в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации существует ряд неудачных положений и решений, которые требуют неотложного уточнения или существенного пересмотра. Одной из таких проблем является вопрос, касающийся системы уголовных наказаний, закрепленных в ст. 44 УК РФ. Проблемные вопросы, рассмотренные в рамках статьи, свидетельствуют о необходимости комплексного совершенствования правового регулирования и практики исполнения лишения свободы в целях обеспечения эффективной ресоциализации осужденных и предупреждения рецидивной преступности.

Ключевые слова: наказание, система наказаний, Уголовный кодекс, лишение свободы, срок, осужденный, изоляция от общества.

Действующий в настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации содержит в себе, некоторые, с нашей точки зрения, не совсем удачные положения и решения, требующие безотлагательного уточнения или существенного пересмотра.

Одной из таких проблем является вопрос, касающийся системы уголовных наказаний, закрепленных в ст. 44 УК РФ. В подтверждение этого отметим, что наказание в виде ареста пока не применяется из-за отсутствия надлежащих материально-технических предпосылок.

Применение государственного принуждения по уголовным делам и делам об административных правонарушениях осуществляется в соответствии с международными стандартами защиты прав личности в сфере уголовной юстиции. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, утвердив принцип доступа к правосудию, обеспечила последовательное обновление законодательства Российской Федерации. Согласно ст. 46 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц могут быть обжалованы в суде.

В связи с рассмотрением проблемных вопросов современного российского уголовного законодательства, регулирующего уголовное наказание в виде лишения свободы, мы не могли не обратиться к историческим аспектам вопроса. В Русской Правде упоминается наказание, которое можно рассматривать как прообраз лишения свободы – «поток и разграбление». Наказание применялось за наиболее тяжкие преступления, такие как убийство в разбое, конокрадство, поджог[1].

Руководители нового государства, его законотворцы после Октябрьского переворота 1917 г. приступили к формированию новой системы уголовного права, отвечающей принципам новой социально-экономической формации. Декреты, принятые новыми руководителями страны отменили ранее действующее (царское) уголовное законодательство и провозгласили новые начала уголовной политики.

Декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. упразднялись все существовавшие до Октябрьского переворота судебные учреждения, была введена новая система судов, которые должны были руководствоваться в своей деятельности «революционным правосознанием». В Декрете не содержалось конкретных указаний, касающихся системы наказаний, однако в нем был, как основная мера, уголовной репрессии, провозглашен принцип «Лишения свободы на срок».

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. вопросы наказания были регламентированы более детально.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, принятые в декабре 1919 г., стали первым советским уголовно-правовым актом, закрепившим систему наказаний. Согласно ст. 25 Руководящих начал, лишение свободы являлось одним из основных видов наказания

[1] Детков М.Г. Длительное лишении свободы: понятие, содержание, эффективность // Лишение свободы на длительный срок... Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2002. С. 56–61.

и могло назначаться на срок от 6 месяцев до 20 лет.[1] Руководящие начала не предусматривали дифференциации лишения свободы на виды по режиму отбывания. Вместе с тем, в ст. 27 указывалось, что «лишение свободы может соединяться с принудительными работами, организованными в самом месте лишения свободы или вне его». Все это свидетельствует о том, что в стране закладывались основы для последующего разделения лишения свободы на виды с различными условиями отбывания.

Дальнейшее развитие институт наказаний, связанных с изоляцией от общества, получил в Уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 гг.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. предусматривалось лишение свободы на срок от шести месяцев до десяти лет, а в исключительных случаях – до 20 лет (ст. 34 УК РСФСР). При этом наказание в виде лишения свободы могло назначаться «со строгой изоляцией или без таковой» (ст. 46 УК РСФСР). Все это говорит о том, что была проведена первичная дифференциация лишения свободы по режиму отбывания.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. сохранил разделение института лишения свободы на два вида – со строгой изоляцией и без таковой (ст. 47 УК РСФСР). Отметим, что Кодексом был введен новый вид наказания – ссылка, которая рассматривалась как более мягкая альтернатива лишению свободы и назначалась на срок до пяти лет (ст. 35 УК РСФСР).

Принятый в 1960 г. Уголовный Кодекс РСФСР закрепил развернутую систему наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества. К их числу относились: лишение свободы на срок от 3 месяцев до 15 лет, а за особо тяжкие преступления – до 20 лет или смертная казнь (ст. 24); ссылка на срок от 2 до 5 лет (ст. 25); – высылка на срок от 2 до 5 лет (ст. 26)[2].

Лишение свободы дифференцировалось по видам исправительно-трудовых учреждений: колонии общего, усиленного, строгого и особого режимов, тюрьмы (ст. 24 УК РСФСР). Вне всякого сомнения, была создана развернутая система отбывания лишения свободы, учитывающая тяжесть совершенного преступления и личность осужденного. Ссылка и высылка рассматривались как самостоятельные виды наказания и заключались в удалении осужденного из места его

---

[1] Бутенко Т.П. Проблемы реализации осужденными к лишению свободы права на образование // Российская юстиция. 2007. № 8. С. 65–67.

[2] Арендаренко А.В. Принцип социальной справедливости в системе уголовного права Российской Федерации // Адвокат. 2007. № 5. С. 54–56.

жительства с обязательным поселением в определенной местности на установленный срок.

В период существования СССР произошел процесс становления и развития института наказаний, связанных с изоляцией от общества, как одного из ключевых элементов системы уголовной репрессии. Были заложены основы для дифференциации такого рода наказаний по режиму и условиям отбывания, а также по срокам. Общая репрессивная направленность уголовной политики советского времени отражалась характерным для того времени достаточно широким применением наказаний, связанных с изоляцией от общества.

Обратимся более подробно к проблемным вопросам, связанным с несовершенством законодательных критериев определения вида исправительного учреждения для отбывания наказания.

Статья 58 УК РФ устанавливает общие правила назначения вида исправительного учреждения в зависимости от категории преступления, формы вины, рецидива, пола и возраста осужденного. Однако данные критерии носят формальный характер и не всегда позволяют в полной мере учесть личность виновного и обстоятельства совершенного преступления[1].

Кроме того, в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов возникают определенные проблемы, связанные обеспечением раздельного содержания различных категорий осужденных, что. Вне всякого сомнения, самым негативным образом сказывается на эффективности исправительного воздействия и создает угрозу личной безопасности отдельных осужденных.

Режим отбывания наказания является ключевым средством исправительного воздействия на осужденных. Вместе с тем, правовое регулирование режимных требований в исправительных учреждениях характеризуется рядом недостатков. В частности, нормы Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, регламентирующие условия отбывания наказания, носят излишне общий характер и допускают возможность усмотрения администрации исправительных учреждений при их применении[2].

---

[1] Попов В.В. Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: диалектика уголовно-исполнительной политики // Лишение свободы на длительный срок… Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2002. С. 31–36.

[2] Волкова Т.Н. Доктринальные и практические подходы к проблеме исполнения наказания в виде длительных сроков лишения свободы // Лишение свободы на

Нельзя не заметить, что на практике возникают проблемы с обеспечением дифференциации и индивидуализации режима отбывания наказания в зависимости от личности осужденного и его поведения. Зачастую степень изоляции и объем правоограничений определяются не индивидуальными особенностями осужденного, а общими требованиями режима, установленными для соответствующего вида исправительного учреждения.

Действующее российское законодательство закрепляет широкий перечень прав и законных интересов осужденных к лишению свободы (право на личную безопасность, охрану здоровья, социальное обеспечение и др.). Вместе с тем, на практической работе возникают проблемы с обеспечением данных прав в условиях изоляции от общества.

Переполненность исправительных учреждений, недостаточное финансирование и неудовлетворительные материально-бытовые условия крайне отрицательно сказываются на реализации права осужденных на охрану здоровья. Имеют место нарушения права на личную безопасность, связанные с насилием и притеснениями со стороны других осужденных[1].

Одной из ключевых задач исполнения лишения свободы является ресоциализация осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений после освобождения. Однако действующая в настоящее время система отбывания наказания характеризуется рядом недостатков, препятствующих эффективному решению данной задачи[2].

Вопросы, касающиеся организации общеобразовательного и профессионального обучения осужденных, привлечением их к труду, также являются одними из самых проблемных. Недостаточно эффективно осуществляется психологическая и воспитательная работа с осужденными. Система подготовки осужденных к освобождению

длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание: Материалы научно-практической конференции. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2002. С. 250–256.

[1] Детков М.Г. Длительное лишении свободы: понятие, содержание, эффективность // Лишение свободы на длительный срок... Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2002. С. 56–61.

[2] Арендаренко А.В. Принцип социальной справедливости в системе уголовного права Российской Федерации // Адвокат. 2007. № 5. С. 54–56.

не обеспечивает их успешную социальную адаптацию и трудоустройство после отбытия наказания. Принятие новых нормативно-правовых актов могло бы способствовать решению указанных проблем[1].

Рассмотренные проблемы свидетельствуют о необходимости комплексного совершенствования правового регулирования и практики исполнения лишения свободы в целях обеспечения эффективной ресоциализации осужденных и предупреждения рецидивной преступности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). М.: Эксмо, 2023. 32 с.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06 апреля 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 24июня 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силус 11 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

4. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29.Ст. 2759.

5. Федеральный закон от 06 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

6. Арендаренко А.В. Принцип социальной справедливости в системе уголовного права Российской Федерации // Адвокат. 2007. № 5. С. 54–56.

7. Бутенко Т.П. Проблемы реализации осужденными к лишению свободы права на образование // Российская юстиция. 2007. № 8. С. 65–67.

8. Волкова Т.Н. Доктринальные и практические подходы к проблеме исполнения наказания в виде длительных сроков лишения свободы // Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание: Материалы научно-практической конференции. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2002. С. 250–256.

[1] О пробации: Федеральный закон Российской Федерации от 06 февраля 2023 г. № 10–ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

9. Детков М.Г. Длительное лишение свободы: понятие, содержание, эффективность // Лишение свободы на длительный срок. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2002. С. 56–61.

10. Попов В.В. Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: диалектика уголовно-исполнительной политики // Лишение свободы на длительный срок. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2002. С. 31–36.

© Лантух Э.В., 2025,
© Гаврилова О.В., 2025

EDN: QGQLYR

Липинский Александр Павлович,
Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, преподаватель кафедры публичного и частного права факультета (командного), кандидат юридических наук

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАЗГЛАШЕНИЮ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация: уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за разглашение данных предварительного расследования находится в противоречии с уголовно-процессуальным законодательством, предусматривающим предупреждение об уголовной ответственности по ст. 310 УПК РФ лиц и в стадии возбуждения уголовного дела, в связи с чем предлагается внести изменения в УК, предусмотрев возможность предупреждения участников процесса в целом в досудебном производстве.

Ключевые слова: уголовная ответственность, предупреждение, предварительное расследование, доследственная проверка.

Необходимость обеспечения сохранения информации до момента рассмотрения уголовного дела в суде, исключение возможности ее изменения связана с недопустимостью разглашения данных досудебного производства. Сохранение указанной информации обеспечивает безопасность участников судопроизводства, а также невозможность изменения информации, которой обладает конкретное лицо. Однако законодатель ввел в УК РФ ст. 310 «Разглашение данных предварительного расследования» следующего содержания: «Разглашение данных предварительного расследования лицом, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения, если оно

совершено без согласия следователя или лица, производящего дознание»[1], таким образом он создал ситуацию, при которой возможно разглашение информации, которую получает следователь или дознаватель при проведении доследственной проверки в стадии возбуждения уголовного дела.

Указанная проверка может осуществляться в течение 30 суток, она обеспечивает получение информации о совершенном преступлении, которая необходима для принятия процессуального решения. Сохранность информации направлена на то, чтобы при ее трансформации через следственное действие, она не получила иное содержание. В связи с чем полагаю необходимо лицо, принимающее участие в доследственной проверке, предупредить о необходимости сохранения выданной или полученной информации.

В целях обеспечения сохранения полученной в стадии возбуждения уголовного дела информации законодатель в УПК РФ ввел в 2013 году часть 1.1 в ст. 144, указав в ней, что «… участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ»[2].

Таким образом законодатель установил право следователя и дознавателя по своему усмотрению предупреждать лицо, привлекающееся к участию в доследственной проверке, предупреждать о неразглашении данных досудебного производства, несмотря на то, что УК РФ не предусматривает уголовной ответственности за совершение указанного деяния. Следует отметить, что ФЗ № 119-ФЗ к мерам безопасности участников уголовного судопроизводства не относит предупреждение об уголовной ответственности за разглашение данных досудебного производства[3]. Данная ситуация подчеркивает, что рассматриваемое

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации (по сост. на 21.04.2025) // https://www.consultant.ru/.

[2] См.: О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ (в ред. ФЗ от 30.12.2015 г. № 440 ФЗ) // СПС «Консультант Плюс».

[3] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон № 119-ФЗ от 20 августа 2004 г. (ред. ФЗ № 288-ФЗ от 01.07.2021 г.) // СПС «Консультант Плюс».

предупреждение является уголовно-процессуальным средством обеспечения безопасности и сохранения информации, хотя не несет однозначно уголовно-правовых последствий.

Полагаю, что предупреждение о недопустимости разглашения данных досудебного производства под угрозой уголовной ответственности может применяться в ходе уголовно-процессуальной деятельности следователем и дознавателем только в случае, если такая ответственность предусмотрена УК РФ, в противном случае указанное предупреждение не будет иметь каких-либо правовых последствия и поставит в странное положение сотрудников органов предварительного расследования, его применяющих, поскольку можно будет говорить о нарушении ими прав человека в связи с введением в состояние юридического заблуждения, когда получают информацию посредством неправильного разъяснения прав и обязанностей или передачи ложной информации.

Для сохранения информации посредством разъяснения недопустимости ее разглашения следует установить наличие условий и оснований для указанного разъяснения в ходе доследственной проверки. При проведении доследственной проверки могут возникнуть различные ситуации, связанные с попытками изменения имеющейся информации посредством негативного воздействия на участников процесса, поэтому следует всем лицам, участвующим в доследственной проверке разъяснять недопустимость разглашения данных, связанных с проверкой поступившего сообщения, предупреждая при этом об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ.

Для сохранения информации следует всех лиц, обратившихся с сообщением о совершенном преступлении, предупреждать о недопустимости разглашения информации, которую они сообщили и / или получили в последующем при проведении проверки. Соответствующую отметку следует сделать со ссылкой на ст. 161 УПК РФ в протоколе процессуального действия, проводимого с участием лица. Следует указать, что лицо предупреждено об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ за разглашение данных досудебного производства.

Предупреждение заявителя направлено на обеспечение защиты его прав и законных интересов и пресечения возможности изменения им в последующем данной ранее информации[1].

---

[1] См.: Гулгенов А.Б., Демин А.А. Обеспечение прав и законных интересов заявителя на стадии возбуждения уголовного дела // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (12). С. 17–22.

Возникает вопрос о возможности предупреждать лицо, явившееся с повинной, о недопустимости разглашения данных досудебного производства. И.А. Филимоненко считает необходимым закрепление в УПК РФ нормы, устанавливающей «обязательное участие адвоката при принятии и оформлении явки с повинной и при получении объяснения от заподозренного лица»[1]. Полагаю, что право на квалифицированную юридическую помощь должно зависеть от воли самого человека, если лицо желает его участия, то адвокат должен быть представлен, в противном случае его участие не является обязательным. Указанное лицо следует предупреждать при получении заявления о повинной о недопустимости разглашения данных досудебного производства и об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. При участии адвоката, оказывающего помощь лицу, явившемуся с повинной, он должен предупреждаться о недопустимости разглашения данных досудебного производства, о чем он должен дать подписку до вступления в производство доследственной проверки.

В стадии возбуждения уголовного дела могут принимать участие лица, от которых отбирают объяснения в связи с тем, что они обладают определенной информацией. К их числу относятся очевидцы, которые непосредственно присутствовали при конфликте, или случайные лица, наблюдавшие конфликт после его начала, полагаю, что их следует предупреждать о недопустимости разглашения информации перед получением объяснения.

При привлечении к участию в доследственной проверке переводчика его следует предупреждать об ответственности за разглашение данных досудебного производства по ст. 310 УК РФ и разъяснять недопустимость разглашения данных досудебного производства.

Учитывая расширения перечня следственных и иных процессуальных действий, проводимых в стадии возбуждения уголовного дела, полагаю, что всем их участникам следует разъяснять положения ст. 161 УПК РФ и ст. 310 УК РФ, предупреждая об уголовной ответственности за разглашение данных досудебного производства.

Необходимо в статью 310 Уголовного кодекса РФ внести изменения, изложив ее в следующей редакции: «Разглашение данных досудебного производства, полученных в стадии возбуждения уголовного дела и/или предварительного расследования лицом, предупрежден-

[1] См.: Филимоненко И.А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. … дис. канд. юрид. наук // Омск, 2021. С. 10.

ным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия следователя или лица, производящего дознание».

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (по сост. На 21.04.2025) // https://www.consultant.ru/.

2. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ (в ред. ФЗ от 30.12.2015 г. № 440-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс».

3. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон № 119-ФЗ от 20 августа 2004 г. (ред. ФЗ № 288-ФЗ от 01.07.2021 г.) // СПС «Консультант Плюс».

4. Гулгенов А.Б., Демин А.А. Обеспечение прав и законных интересов заявителя на стадии возбуждения уголовного дела // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (12). С. 17–22.

5. Филимоненко И.А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. … дис. канд. юрид. наук // Омск, 2021. С. 10.

© Липинский А.П., 2025

EDN: QHMRBP

Лисаускайте Валентина Владо,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ

Аннотация: в рамках данной статьи представлен анализ субъекта военных преступлений, предусмотренных УК РФ (ст.ст. 356, 356.1). Автор исследует нормы уголовного закона и теоретические подходы ученых по вопросу понимания субъекта военных преступлений, раскрывается проблематика в случае узкого подхода. Итогом проведенного исследования является вывод автора о рассмотрении общего субъекта, как субъекта военных преступлений.

Ключевые слова: субъект преступления; военные преступления; общий субъект; специальный субъект; участники вооруженного конфликта; уголовная ответственность.

Содержание диспозиций закрепленных в УК РФ составов военных преступлений позволяет сделать вывод о том, что субъект таких преступлений общий, поскольку никакие специальные признаки не закреплены и не предполагается их выделение исходя из характеристики иных элементов состава преступлений. Таким образом, субъектами по ч. 1 ст. 356 и ст. 356.1 УК РФ могут быть физическое лицо, вменяемое, достигшее возраста уголовной ответственности. Ч. 2 ст. 20 УК РФ не содержит указания на рассматриваемые нормы, соответственно возраст уголовной ответственности за совершение военных преступлений по УК РФ 16 лет.

Как отмечает проф. Кибальник А.Г. «конструкция диспозиции ст. 356 УК РФ не ограничивает круг лиц, способных нести ответственность за совершение этого преступления, путем указания на присущий им признак специализации субъекта» [1]. Схожую характеристику

[1] Кибальник А.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / А.Г. Кибальник, И.Г. Соломоненко. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 246.

можно дать и относительно субъекта преступления, предусмотренного ст. 356.1 УК РФ. С одной стороны, мы понимаем, что военные преступления, исходя из их характеристики, это деяния, совершаемые чаще всего участниками вооруженного конфликта. Однако это не исключает возможность рассмотрения в качестве субъекта военных преступлений и гражданских лиц. Адельханян Р.А. указывает, что такая позиция отмечается в решениях международных трибуналов, где подчеркивается, что такими субъектами «признаются гражданские лица, совершающие преступления в том числе против других гражданских лиц, но в связи с вооруженным конфликтом»[1].

В тоже время, следует отметить, в научной литературе ведется активная дискуссия относительно содержания признаков состава преступления по ст. 356.1 УК РФ, их соответствия исторически принятому пониманию мародерства и его форм проявления. По вопросу субъекта многие специалисты считают необходимым закрепить признаки специального субъекта мародерства в лице военнослужащего[2]. Такая позиция допустима в случае корректировки и остальных признаков состава преступления, закрепленных в ст. 356.1 УК РФ.

Таким образом, относительно понимания характера субъекта военных преступлений, нормы международного права и национального законодательства едины – это общий субъект преступления. Военные преступления могут быть совершены «и представителем государства, и частным лицом, состав преступления остается неизменным и не зависит от статуса – государственного или негосударственного – того, кто его совершил»[3]. Практика, отражённая в законодательстве, военных уставах и наставлениях и прецедентном праве, показывает, что военные преступления являются нарушениями, совершенными любыми лицами, приверженными личному составу вооруженных сил, любыми гражданскими лицами в отношении военных сил, преступлений лиц или использования объектов неприятельской стороны[4].

---

[1] Адельханян Р.А. Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества: дисс. … док. юрид. наук. Москва, 2003. С. 115.

[2] Юшина Ю.В. Объективные и субъективные признаки состава мародерства (ст. 356.1. УК РФ) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 1. С. 374.

[3] Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. Т. 6. С. 728.

[4] Обычное международное гуманитарное право. Cambridge University Press, 2005, том II, глава 43, раздел C. [Электронный ресурс] // URL: https://ihl-databases.icrc.org/ru/customary-ihl/v1/rule153 (дата обращения: 07.01.2025).

Однако в научной литературе встречаются позиции, некорректно, на наш взгляд, рассматривающие субъект преступления. Так, Бодаевский В.П. указывает, что «Уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 356 УК РФ, подлежат исключительно специальные субъекты»[1]. Согласно теории уголовного права, специальный субъект определяется в том случае, если его признаки закреплены в диспозиции нормы или вытекают из ее содержания, и их наличие влияет на квалификацию преступления. Именно наличие признаков специального субъекта позволяет квалифицировать его действия, как преступление, отграничить от иных преступных деяний, либо установить более суровую ответственность, как за квалифицированное преступление[2].

Действительно, если проанализировать большое количество примеров совершения военных преступлений, то можно отметить, что лица, их совершившие, как правило, обладают определенными признаками, позволившими им совершить эти деяния. Однако наличие специальных признаков у одних не означает, что обычный человек не может совершить военное преступление с учетом признаков состава преступления, указанных в норме. Субъектами военных преступлений чаще всего выступают участники вооруженных конфликтов. Их объединяет наличие схожих признаков, которые при определенных условиях и ситуации были ими использованы и позволили совершить военные преступления. Однако данное обстоятельство не означает, что законодатель должен юридически закрепить специальный субъект и фактически сузить перечень лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за совершение военных преступлений.

Говорить о наличии специального субъекта военных преступлений можно относительно анализа их отдельных видов, предусматривающих признаки такого субъекта. К таковым относятся определенные должности: командир, начальник, лицо, эффективно действующее в качестве военного командира. В данном случае речь идет об ответ-

---

[1] Военные преступления в уголовном праве России: монография / В.А. Акимов, В.П. Бодаевский, С.А. Кодинцев; Под общей редакцией В.П. Бодаевского. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. С. 115.

[2] Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 222.

ственности за совершение военных преступлений силами, находящимися под их командованием или контролем [1]. Следует отметить, что и в нормах международного права, и в национальном уголовном законодательстве речь идет об определенном виде соучастия, когда, в рассматриваемом случае, лицо отдает незаконный приказ своими властными полномочиями на совершение его подчиненными военного преступления.

Анализ отечественной и зарубежной литературы, а также практики международных судов свидетельствует о единой позиции и рассмотрении общего субъекта военных преступлений, которые могут быть совершены любым лицом, обладающим закрепленными признаками уголовной ответственности.

Список литературы:

1. Кибальник А.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / А.Г. Кибальник, И.Г. Соломоненко. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 383 с.

2. Адельханян Р.А. Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества: дисс. … док. юрид. наук. Москва, 2003. 430 с.

3. Юшина Ю.В. Объективные и субъективные признаки состава мародерства (ст. 356.1. УК РФ) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 1. С. 371–375.

4. Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. Т. 6. 958 с.

5. Обычное международное гуманитарное право. Cambridge University Press, 2005, том II, глава 43, раздел C. [Электронный ресурс] // URL: https://ihl-databases.icrc.org/ru/customary-ihl/v1/rule153 (дата обращения: 07.04.2025).

6. Военные преступления в уголовном праве России: монография / В.А. Акимов, В.П. Бодаевский, С.А. Кодинцев; Под общей редакцией В.П. Бодаевского. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. 144 с.

[1] Белый И.Ю. Международное преследование за военные преступления: правовые и процессуальные аспекты. М.: ЮРКНИГА, 2004. С. 45.

7. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2009. 224 с.
8. Белый И.Ю. Международное преследование за военные преступления: правовые и процессуальные аспекты. М.: ЮРКНИГА, 2004. 414 с.

© Лисаускайте В.В., 2025

EDN: QICLJQ

Лукина Ольга Николаевна,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
преподаватель кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ ПЛАНОВОЙ К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: в статье исследуется эволюция уголовно-правовых механизмов защиты экономических отношений в период трансформации социально-экономического строя СССР и России. Рассматриваются противоречия между зарождавшимися рыночными отношениями и действовавшим уголовным законодательством, основанным на принципах плановой экономики. Анализируются доктринальные дискуссии и законодательные решения, сопровождавшие декриминализацию деяний, ранее считавшихся преступными при социализме, и криминализацию новых составов преступлений, характерных для рыночной экономики. Выявляются тенденции и противоречия в реформировании уголовного законодательства 1985–1996 гг.

Ключевые слова: уголовное право, экономические преступления, плановая экономика, рыночные отношения, декриминализация, криминализация, перестройка.

Эволюция уголовно-правовых механизмов охраны экономических отношений в период трансформации социально-экономической формации представляет собой многоаспектный процесс, детерминированный кардинальными изменениями в политико-идеологической парадигме государства. Советская уголовно-правовая доктрина, основанная на примате государственной собственности и плановой экономики, подверглась фундаментальному пересмотру в период перестройки и последующего перехода к рыночным отношениям, что повлекло за собой не только декриминализацию деяний, ранее признаваемых преступными, но и криминализацию новых общественно опасных форм поведения, характерных для капиталистического хозяйственного уклада.

Значительное влияние на формирование института уголовно-правовой охраны экономических отношений оказала эволюция советского уголовного законодательства, последовательно отраженная в трёх уголовных кодексах РСФСР (1922, 1926, 1960 гг.). Характерной особенностью данной нормативной базы являлась ее ориентированность на защиту социалистических экономических институтов. В первом советском УК РСФСР 1922 г. уже присутствовала глава «Преступления хозяйственные», содержавшая составы, отражавшие новые социально-экономические условия: трудовое дезертирство, бесхозяйственное использование рабочей силы, невыполнение плана, растрата имущества[1]. В последующих кодификациях (УК РСФСР 1926 и 1960 гг.) данный подход получил дальнейшее развитие с учетом усиления централизации экономики.

Особую актуальность исследуемый вопрос приобрел в период перестройки (1985-1991 гг.), когда противоречия между зарождающимися рыночными отношениями и плановой экономикой привели к возникновению серьезных коллизий в уголовно-правовой сфере. Как справедливо отмечал Д.А. Лукашевич: «Возникала странная ситуация: с одной стороны, гражданское законодательство допустило частную собственность и свободу предпринимательства, а, с другой стороны, уголовный закон карал за данные деяния»[2].

В научном сообществе сформировались диаметрально противоположные подходы к уголовно-правовой оценке деяний, ранее считавшихся преступными при социализме. Сторонники консервативного подхода настаивали на сохранении уголовной ответственности за спекуляцию, обосновывая свою позицию тем, что в условиях переходного периода и несформированного рынка декриминализация подобных деяний спровоцирует дальнейший дефицит товаров. Либеральное крыло ученых-юристов указывало на несовместимость рыночной экономики и уголовно-правовых запретов на посредническую деятельность. А.В. Наумов, отражая данную позицию, критически оценивал «социалистические» нормы уголовного законодательства, указывая на их неэффективность и несоответствие объективно формирующимся экономическим отношениям.

---

[1] Упоров И.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности в советском государстве // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 3 (121). С. 320–325.

[2] Лукашевич Д.А. Становление и развитие законодательства СССР о предпринимательской деятельности // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 2. С. 38–44.

Примечательно, что перестроечный этап трансформации уголовного законодательства характеризовался двумя противоположными тенденциями. Первоначально наблюдалось ужесточение ответственности за преступления, посягающие на социалистический экономический уклад. Так, 31 октября 1990 г. был принят Закон СССР № 1767-1 «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребления в торговле». Статистические данные свидетельствуют о том, что за период с 1985 по 1990 г. число зарегистрированных преступлений в виде спекуляции возросло примерно на треть: с 38,2 тыс. в 1985 г. до 51,7 тыс. в 1990 г[1].

Параллельно с этим формировалась тенденция к декриминализации деяний экономического характера, ставших неотъемлемой частью нарождающихся рыночных отношений. Впоследствии данная тенденция стала доминирующей. Декриминализация частнопредпринимательской деятельности и коммерческого посредничества произошла с принятием Закона РСФСР № 1982-1 от 5 декабря 1991 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях». Этот же закон смягчил ответственность за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах и за нарушение правил о валютных операциях.

Существенное влияние на криминализацию экономики оказала начатая в мае 1985 г. антиалкогольная кампания, которая разбалансировала потребительский рынок страны и стимулировала развитие нелегального производства и спекуляции. С.В. Богданов отмечает: «Антиалкогольная кампания дала дополнительный стимул для роста нелегальной экономики и усиления организованных преступных групп. Несмотря на то, что правоохранительные органы страны рапортовали о больших успехах в борьбе с самогоноварением (в 1986 г. было выявлено 175 965 правонарушений, в то время как в 1984 г. – 29 733), это была всего лишь видимая часть огромной социально-экономической проблемы под названием «нелегальное производство спиртных суррогатов»[2].

Кардинальные изменения в уголовно-правовой охране экономических отношений продолжились после распада СССР. Закон РФ

---

[1] Лукашевич Д.А. Становление и развитие законодательства СССР о предпринимательской деятельности // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 2. С. 38–44.

[2] Богданов С.В. Власть и экономическая преступность в СССР в пе-риод перестройки // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. № 17. С. 109–117.

от 29 апреля 1993 г. № 4901-I декриминализировал такие составы, как выпуск недоброкачественной продукции, приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов. Одновременно формировались новые составы преступлений, отражавшие реалии рыночной экономики: незаконное предпринимательство, незаконное предпринимательство в сфере торговли. Завершающим этапом трансформации стало принятие Федерального закона от 1 июля 1994 г. № 10–ФЗ, который исключил из УК РСФСР главу о преступлениях против социалистической собственности.

Анализ доктринальных дискуссий и законодательных решений в сфере уголовно-правовой охраны экономических отношений в период перехода от плановой к рыночной экономике позволяет констатировать, что данный процесс характеризовался несинхронностью изменений в различных отраслях права. Гражданское законодательство опережало уголовное в признании и регламентации новых экономических институтов, что создавало серьезные межотраслевые коллизии. Реформирование уголовного законодательства осуществлялось с определенным запаздыванием – большая часть изменений была внесена уже после распада СССР.

Примечательно, что на начальном этапе интересы сохранения экономики, пусть и плановой, предотвращение ее стихийной дезинтеграции привели к необходимости не только сохранения «социалистических» составов преступлений в уголовном законодательстве, но и ужесточения ответственности за эти преступления. Так, в период с 1985 по 1991 г. действовало несколько постановлений Пленума Верховного Суда СССР, предписывавших судам принимать решительные меры по борьбе со спекуляцией. Только в 1985 г. за хищения государственного и общественного имущества было осуждено 192 тыс. человек, за спекуляцию – 20,5 тыс., за обман покупателей и заказчиков – 13,6 тыс.[1].

В последующем, по мере укрепления рыночных институтов и капиталистических отношений, произошла масштабная декриминализация деяний, ранее считавшихся преступными при социализме. Этот процесс завершился с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г., в котором была сформирована принципиально новая система преступлений в сфере экономической деятельности, отражающая реалии рыночной экономики.

---

[1] Богданов С.В. Власть и экономическая преступность в СССР в период перестройки // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. № 17. С. 109–117.

Таким образом, трансформация уголовно-правовой охраны экономических отношений при переходе от плановой к рыночной экономике представляет собой сложный, внутренне противоречивый процесс, обусловленный кардинальными изменениями в экономической и политической системе государства. Этот процесс характеризовался поэтапным отказом от уголовно-правовых институтов, свойственных социалистической экономике, и формированием новых норм, отражающих потребности рыночных отношений.

Список литературы:

1. Упоров И.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности в советском государстве // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 3 (121). С. 320–325.

2. Лукашевич Д.А. Становление и развитие законодательства СССР о предпринимательской деятельности // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 2. С. 38–44.

3. Богданов С.В. Власть и экономическая преступность в СССР в период перестройки // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. № 17. С. 109–117.

© Лукина О.Н., 2025.

EDN: QOVEUM

Матвеев Антон Владимирович,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
преподаватель кафедры специальных дисциплин,
кандидат юридических наук

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЙСТВИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: в статье анализируется возможность признания искусственного интеллекта полноценным субъектом уголовной ответственности, а также выявляются пробелы в действующем российском уголовном законодательстве. Особое внимание уделено проблемам квалификации деяний, совершенных с использованием искусственного интеллекта, вопросам вины, ответственности, а также перспективам создания специального правового режима для искусственного интеллекта. Предлагаются пути совершенствования уголовно-правового регулирования в данной сфере, включая введение новых составов преступлений. Исследование демонстрирует необходимость комплексного подхода к правовому регулированию искусственного интеллекта, учитывающего различные аспекты его применения.

Ключевые слова: искусственный интеллект; преступление; уголовная ответственность; субъект преступления; квалификация преступления; правовой статус.

В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) перед наукой и законодательством все острее встают вопросы правового регулирования его применения, особенно в сфере уголовного права. ИИ все чаще используется как инструмент совершения преступлений или становится причиной причинения общественного вреда, что вызывает дискуссии относительно признания его субъектом уголовной ответственности.

Поиск решения проблемы субъекта ответственности за действия ИИ на сегодняшний день представляется особо актуальным, поскольку современные технологии уже выходят за рамки простого

инструментария и могут быть самостоятельными участниками правоотношений[1]. Однако большинство исследователей признают, что пока ИИ не может быть полноценным субъектом уголовной ответственности из-за отсутствия у него сознания, воли и способности осознавать общественную опасность своих действий[2]. Тем не менее, практика показывает, что вред, причиненный ИИ, становится реальным явлением, требующим правовой реакции со стороны государства. Появляется необходимость установления пределов возможной ответственности за использование ИИ, чтобы исключить злоупотребление со стороны разработчиков и пользователей.

В уголовном праве субъект преступления – это физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее вменяемостью, то есть способностью осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими[3]. Таким образом, ключевыми критериями субъекта преступления являются: наличие сознания, воли, психической деятельности, связанной с совершением преступления.

Современный ИИ, даже обладая высокой степенью автономности и возможностями самообучения, все же действует исключительно на основе заложенных алгоритмов и данных. У него отсутствует психическая деятельность, эмоции, мотивация, вина – те компоненты, которые лежат в основе уголовно-правовой ответственности. Современный ИИ не обладает самостоятельной волей, а значит, не соответствует критериям субъекта преступления.

Однако Л.А. Гребенькова и Е.Р. Захарова рассматривают гипотетическую ситуацию, когда ИИ, обладающий способностью к самообучению, принимает решение о совершении действий, квалифицируемых как преступление[4]. Здесь речь идет уже о так называемом «сильном» ИИ, который потенциально может

---

[1] Андреев В.М. Общие вопросы уголовной ответственности за деяния искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2024. № 32. С. 308.

[2] Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 564–574.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[4] Гребенькова Л.А., Захарова Е. Р. Проблемы уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта и пути их решения // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 4 (52). С. 108–120.

быть наделен качествами, близкими к человеческим. Некоторые исследователи допускают возможность признания ИИ субъектом права в будущем, особенно если он будет обладать такими характеристиками как: способность к самостоятельному принятию решений, наличие функций сознания и воли, способность к планированию и извлечению выводов[1].

На данном этапе развития технологий невозможно говорить о полноценном признании ИИ субъектом преступления. Тем не менее, развитие технологий, особенно в направлении создания «сильного» ИИ, требует внимания со стороны законодателя и правоприменителя. Если в будущем будут созданы системы, способные к самостоятельному мышлению, принятию решений и оценке последствий, необходимо будет пересмотреть понятие субъекта преступления и предусмотреть специальные нормы регулирования.

Один из возможных путей – аналогия с юридическими лицами, которые, хотя и не являются физическими лицами, имеют определенный правовой статус и могут быть субъектами гражданского права. В рамках уголовного права такая аналогия пока не применяется, но теоретически возможно создание специального правового режима для ИИ, при котором он будет рассматриваться как «электронное лицо»[2]. Еще одна аналогия – это сравнение ИИ с животными. Если животное причиняет вред, то ответственность за него несет владелец. Однако если ИИ действует вне контроля человека и принимает самостоятельные решения, возникает вопрос: кто должен нести ответственность?[3]

Если ИИ все же будет признан субъектом ответственности, необходимо разработать специфические формы наказания, адекватные его природе. В.М. Андреев предлагает такие меры, как деактивация (временная или постоянная), перепрограммирование (коррекция алгоритма), ограничение доступа к внешним системам, утилизация (в случае угрозы общественной безопасности)[4]. Эти меры напоминают

---

[1] См.: там же.

[2] Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 570.

[3] Гребенькова Л.А., Захарова Е.Р. Проблемы уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта и пути их решения // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 4 (52). С. 115.

[4] Андреев В.М. Общие вопросы уголовной ответственности за деяния искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2024. № 32. С. 313.

административные и технические санкции, однако они требуют законодательного закрепления и четкого регулирования.

Одним из ключевых аспектов уголовной ответственности является наличие вины – умысла или неосторожности, без которой деяние не может быть признано преступлением (ст. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации [1]). Однако в случае с ИИ возникает сложный вопрос: может ли ИИ быть виновным, если он действует исключительно на основе алгоритмов и данных, заложенных человеком?

Поскольку ИИ сам по себе не обладает виной, логично перенести ее на человека, который: создавал ИИ (разработчик), внедрял его в конкретную среду (оператор), использовал его в своих целях (пользователь).

В России отсутствуют специальные нормы, регулирующие преступления, связанные с использованием ИИ. Поэтому при наличии факта причинения вреда с использованием автономной системы ИИ, деяние квалифицируется по аналогии либо как преступление, совершенное человеком с помощью технического средства. Например, если медицинский ИИ выдал ошибочный диагноз, приведший к гибели пациента, то такое деяние может быть квалифицировано по статье 109 Уголовного кодекса Российской Федерации (причинение смерти по неосторожности), если будет установлена вина врача или разработчика.

Однако возникает проблема: кто именно несет вину – врач, доверившийся ИИ? Разработчик, допустивший ошибку в алгоритме? Владелец системы, предоставивший ее для использования? Эти сложные случаи требуют создания специальной правовой конструкции, позволяющей четко определять круг ответственных лиц и механизм их привлечения к ответственности.

Россия пока не имеет подобного законодательства, что создает риск правовой неопределенности и злоупотреблений. Предлагаются такие пути совершенствования как: создание специального правового режима для ИИ; внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации; разработка новых составов преступлений; закрепление особого правового режима для ИИ.

Таким образом, проблема уголовной ответственности за действия искусственного интеллекта является одной из наиболее актуальных

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

в современной юридической науке. На данном этапе развития технологий невозможно говорить о полноценной уголовной ответственности искусственного интеллекта, однако необходимость законодательного реагирования очевидна. Только через комплексный подход, объединяющий усилия ученых, законодателей и практиков, можно создать эффективную правовую систему, способную адекватно реагировать на вызовы цифровой эпохи.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Андреев В.М. Общие вопросы уголовной ответственности за деяния искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2024. № 32. С. 308–315.

3. Гребенькова Л.А., Захарова Е.Р. Проблемы уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта и пути их решения // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 4 (52). С. 108–120.

4. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 564–574.

© Матвеев А.В., 2025

EDN: QRCWHM

Миронов Вадим Викторович,
независимый исследователь

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, СОВЕРШЁННУЮ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация: настоящая статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы, связанной с регламентацией уголовной ответственности за фальсификацию доказательств на стадии возбуждения уголовного дела. В рамках исследования проанализировано действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также теоретические труды по данной проблематике. Научная новизна результатов исследования заключается в получении нового знания, способствующего развитию доктринальных представлений о состоянии и проблемах правовой регламентации уголовной ответственности за фальсификацию доказательств на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; уголовная ответственность; фальсификация доказательств.

Ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу совершенную лицом, производящим дознание, следователем, прокурором либо защитником, установлена в частях 2 и 3 статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК России), при этом квалифицирующим признаком альтернативно является совершение этого деяния по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении, либо наступление в результате фальсификации доказательств тяжких последствий.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2024 году по ч. 2 ст. 303 УК России по основной и дополнительной квалификации было осуждено 32 лица, по ч. 3

данной статьи – 35 лиц[1]. При оценке этой статистической информации следует, на наш взгляд, учитывать высокую латентность значительной части преступлений против правосудия, в том числе фальсификации доказательств в рамках уголовного судопроизводства. Данное обстоятельство обусловлено объективными и субъективными причинами, включая не только сложности, возникающие при применении мер по выявлению и доказыванию соответствующих фактов, но ещё и недостатки правовой регламентации уголовной ответственности за такие общественно опасные деяния[2].

Так, в ч.ч. 2 и 3 ст. 303 УК России не приведены признаки, раскрывающие объективную сторону преступления в виде фальсификации доказательств, что предполагает обращение правоприменителей к соответствующим разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации[3] и положениям доктрины уголовного права и уголовно-процессуального права[4], которые, несмотря на своё значение для практики, не могут подменять собой положения закона.

Кроме того, при буквальном толковании положений ч.ч. 2 и 3 ст. 303 УК России может создаться впечатление, что они касаются только таких случаев фальсификации доказательств, которые имели место по уже имеющемуся уголовному делу, то есть после стадии его возбуждения, когда было принято процессуально решение о возбуждении уголовного дела и оно принято к производству. Пленум Верховного Суда Российской Федерации, хотя и не приводит разъяснений, кото-

---

[1] См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, раздел «Данные судебной статистики»: URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 12.05.2025).

[2] См.: Багаев А.К., Радченко А.А. Фальсификация доказательств по уголовному делу как должностное преступление в сфере правоохранительной деятельности // Законность. 2024. № 7. С. 58–62; Смольянинов В.Н. Фальсификация доказательств при производстве предварительного расследования // Российский следователь. 2023. № 12. С. 15–19.

[3] См.: пункты 11, 13 и 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Российская газета. 2022, 7 июля.

[4] См., напр.: Борков В.Н. Квалификация фальсификации преступления // Законность. 2020. № 2. С. 31–35; Корольков С.Ю. Проблемы реализации полномочий прокурора в ходе надзора за расследованием уголовных дел, связанных с фальсификацией доказательств // Российская юстиция. 2018. № 7. С. 56–58.

рые позволяли бы однозначно толковать указанные положения уголовного закона более широко, распространяя их на случаи фальсификации доказательств, имеющие место на стадии возбуждения уголовного дела, вместе с тем обращает внимание судов на необходимость учитывать особенности регламентации процесса доказывания в различных видах судопроизводства. При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации ссылается, в частности, на положения ч. 1^2 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК России), касающиеся сведений, полученных в рамках проверки сообщения о преступлении[1]. Эти положения рассматриваются нами ниже.

Отметим, что согласно ч. 1 ст. 144 УПК России должностные лица органов предварительного расследования наделены весьма широкими полномочиями, необходимыми для проверки сообщения о преступлении как повода для возбуждения уголовного дела. Это требуется для выяснения наличия не только повода, но и основания для возбуждения уголовного дела.

В частности, данные должностные лица наделены правом изымать предметы и документы в том порядке, который предусмотрен УПК России, назначать судебную экспертизу и участвовать в её производстве, получать заключение эксперта, осматривать место происшествия и другие объекты, производить освидетельствование. В результате проведения соответствующих действий должностное лицо органа предварительного расследования получает сведения, которые могут иметь значение доказательств по уголовному делу. По поводу таких сведений, а также результатов оперативно-розыскной деятельности, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении, в ч. 1^2 ст. 144 УПК России указано, что они могут использоваться в качестве доказательств при наличии такого условия, как их соответствие положениям (требованиям) ст.ст. 75 и 89 УПК России.

Применительно к доказательствам из содержания положений ст. 75 УПК России следует одно из основных требований, состоящее в их допустимости, то есть в получении соответствующих сведений в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством. При наличии нарушений такового, в том числе в случаях, указанных в ч. 2 ст. 75 УПК России, доказательства должны быть признаны недопустимыми, что исключает их юридическую силу по уголовному делу.

---

[1] См.: п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия».

Следовательно, сведения, полученные в порядке, установленном в УПК России для собирания доказательств, в результате процессуальных действий, предусмотренных в ч. 1 ст. 144 УПК России, могут являться полноценными доказательствами по уголовному делу[1]. В связи с этим фальсификация доказательств объективно возможна и на стадии возбуждения уголовного дела, что, на наш взгляд, указывает на целесообразность конкретизации положений ч.ч. 2 и 3 ст. 303 УК России, направленной на обеспечение требования правовой определённости уголовно-правовых запретов. Мы предлагаем изложить диспозицию ч. 2 ст. 303 УК России в части, касающейся объективной стороны преступления, следующим образом «2. Фальсификация доказательств при проверке сообщения о преступлении или при производстве по уголовному делу… », а также внести согласованное изменение в ч. 3 данной статьи.

Считаем, что в случае внесения соответствующих изменений в ч.ч. 2 и 3 ст. 303 УК России данным положениям уголовного закона будет придана необходимая правовая определённость, способствующая эффективной уголовно-правовой охране общественных отношений, связанных с доказыванием на всех стадиях уголовного судопроизводства. Тем самым также будет подчёркнуто значение стадии возбуждения уголовного дела и полученных на ней доказательств, задающих основу и направление для дальнейшего расследовании и рассмотрения уголовного дела. Также востребованными являются дополнительные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, уточняющие предмет и объективную сторону преступления в виде фальсификации доказательств с указанием на то, что таковая может быть совершена и на стадии возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении.

Список литературы:

1. Багаев А.К., Радченко А.А. Фальсификация доказательств по уголовному делу как должностное преступление в сфере правоохранительной деятельности // Законность. 2024. № 7. С. 58–62.

2. Борков В.Н. Квалификация фальсификации преступления // Законность. 2020. № 2. С. 31–35.

[1] См.: Гриненко А.В. Дополнительное и повторное исследование доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2024. № 12. С. 13-17; Радченко А.А. Способ как обязательный признак состава фальсификации доказательств по уголовному делу // Уголовное право. 2023. № 5. С. 42–51.

3. Гриненко А.В. Дополнительное и повторное исследование доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2024. № 12. С. 13–17.

4. Корольков С.Ю. Проблемы реализации полномочий прокурора в ходе надзора за расследованием уголовных дел, связанных с фальсификацией доказательств // Российская юстиция. 2018. № 7. С. 56–58.

5. Радченко А.А. Способ как обязательный признак состава фальсификации доказательств по уголовному делу // Уголовное право. 2023. № 5. С. 42–51.

6. Смольянинов В.Н. Фальсификация доказательств при производстве предварительного расследования // Российский следователь. 2023. № 12. С. 15–19.

© Миронов В.В., 2025

EDN: QRPBMZ

Намнясева Виктория Вячеславовна,
Волгоградская академия МВД России,
профессор кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТ. 306 УК РФ

Аннотация: в статье анализируются некоторые проблемные вопросы регламентации и реализации уголовной ответственности за заведомо ложный донос, связанные с определением и установлением признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ. Автором предлагается внесение изменений в действующую редакцию анализируемой уголовно-правовой нормы и рекомендации по квалификации рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: заведомо ложный донос; преступление; уголовная ответственность; сообщение о преступлении.

Уголовная ответственность за заведомо ложный донос предусмотрена в уголовном законодательстве всех государств. В Российской Федерации заведомо ложный донос был и остается одним из самых распространенных преступлений против правосудия, хотя количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 306 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), за последние 10 лет имеет явно выраженную тенденцию к снижению. Так, в 2015 году было зарегистрировано 4 274 анализируемых преступления, в 2016 году – 3 733, в 2017 – 3 493, в 2018 – 3 223, в 2019 – 2 875, в 2020 – 2 818, в 2021 – 2 512, в 2022 – 2 150, в 2023 – 1 722, в 2024 – 1 470[1].

При рассмотрении признаков состава преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ, возникает множество дискуссионных вопросов. Вряд

[1] Статистика преступности в России за 2015–2024 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской криминологической ассоциации им. А.И. Долговой. URL: http://crimas.ru/?page_id=5050 (дата обращения: 14.05.2025).

ли можно признать удачным использование законодателем простой диспозиции для конструирования данной нормы. Еще Наполеон 1 Бонапарт говорил: «Закон должен быть ясным, точным и единообразным, толковать его – значит допускать искажения». В российской уголовно-правовой литературе неоднократно отмечалось, что использование простой диспозиции при конструировании уголовно-правовых норм возможно только тогда, когда смысл преступного посягательства не требует специального пояснения в законе. Наибольшее количество трудностей, возникающих при применении нормы, предусмотренной ст. 306 УК РФ, связано с установлением признаков объективной стороны данного преступления. Остановимся лишь на некоторых из них.

Объективная сторона ложного доноса характеризуется сообщением не соответствующей действительности информации о событии преступления или о совершивших его лицах. Таким образом, деяние при доносе может осуществлять только путем совершения активных действий. Информация может быть ложной как частично, так и полностью — может быть сделано сообщение о преступлении, которое никогда не существовало; возможно обвинение невиновного лица как в несуществующем, так и в совершенном другим человеком преступлении. Так, например, приговором Железнодорожного районного суда г. Пензы З. была признана виновной в совершении заведомо ложного доноса. Преступление было совершено ею при следующих обстоятельствах: З., будучи в состоянии алкогольного опьянения, из личной неприязни к В.В.Г., 20 января 2023 года, будучи надлежащим образом предупрежденной участковым уполномоченным МО МВД России «Калининский» С. об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос, собственноручно написала заявление на имя начальника МО МВД России «Калининский» С., в котором сообщила, что просит привлечь к уголовной ответственности В.В.Г., который 20 января 2023 года в вечернее время, по адресу <адрес> нанес ей телесные повреждения, а именно: бил ее кулаками по лицу и голове, при этом душил ее. Также, угрожал ей убийством, при этом у него в руках был колун, которым он угрожал. После этого В.В.Г. изнасиловал её. 21 января 2023 года З., находясь в кабинете следователя, собственноручно написала заявление на имя следователя СУ СК РФ Б., в котором указала, что просит прекратить проверку по факту изнасилования её В.В.Г., так как он её не насиловал. Железнодорожный районный суд г. Пензы приговорил признать З. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 306 УК – совершение заведомо ложного

доноса о совершении преступления, соединенного с обвинением лица в совершении тяжкого преступления[1].

В законодательстве многих зарубежных государств существуют самостоятельные нормы, предусматривающие ответственность за различные виды доноса – за ложный донос о самом факте совершения преступления и за ложный донос, соединенный с обвинением конкретного лица в совершении преступления. В последнем случае санкция существенно выше. Так, например, в § 145d «Симуляция преступного деяния» Уголовного Уложения Федеративной Республики Германия предусмотрено наказание до трёх лет лишения свободы за заведомое введение в заблуждение государственного органа или организации, к компетенции которых относится принятие заявлений о совершении преступных деяний, о том, что или «якобы было совершено противоправное деяние, или что якобы предстоит совершение противоправного деяния». А за предусмотренное в соответствии § 164 «Ложное подозрение» заведомо ложное обвинение другого лица в том, что оно совершило противоправное деяние, предусмотрено лишение свободы на срок до пяти лет[2]. Следует отметить, что этот же вариант регламентации ответственности за рассматриваемое преступление был предусмотрен и в национальном дореволюционном законодательстве – в частности, в Уголовном уложении 1903 года.

Полагаю, что было бы целесообразно установить более строгую санкцию за заведомо ложный донос, сопряженный с обвинением конкретного лица в совершении преступления. Это обусловлено в первую очередь повышенной общественной опасностью содеянного и наличием дополнительного объекта – чести и достоинства конкретного лица.

В соответствии со ст. 306 УК РФ уголовная ответственность предусмотрена за ложный донос только о совершении преступления. Следовательно, не образует состава рассматриваемого преступления (в отличие от законодательства ряда зарубежных государств) ложное сообщение о гражданском или административном правонарушении, дисциплинарном проступке или аморальном поведении. При наличии

---

[1] Приговор Железнодорожного районного суда г. Пензы от 7 ноября 2020 г. по делу № 1-349/2023 [Электронный ресурс] // База данных судебных решений «Sudact.ru». URL: http: //sudact.ru/regular/doc/FvX99DnViTN9/ (дата обращения: 12.05.2025).

[2] Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия / Научно-практический комментарий и перевод текста закона П.В. Головненкова. Universitdtsverlag Potsdam, 2021.

соответствующих признаков содеянное может быть квалифицировано по ст. 128.1 УК РФ как клевета.

Информация при ложном доносе может касаться как оконченного, так и не доведенного до конца преступления. В последнем случае для наличия состава заведомо ложного доноса необходимо, чтобы стадия преступления, о котором сообщается ложная информация, имела уголовно-правовое значение. Следовательно, не образует рассматриваемого преступления сообщение ложных сведений об обнаружении умысла или о приготовлении к преступлению, не являющемуся тяжким или особо тяжким.

При обвинении конкретного лица в совершении преступления ему могут приписываться функции любого из соучастников – как исполнителя, так и организатора, подстрекателя или пособника.

Не образует состава заведомо ложного доноса ошибка в уголовно-правовой оценке содеянного: неправильная квалификация (сообщение о совершенном разбое, в то время как имело место вымогательство) или определение роли лица в содеянном (сообщение о лице, подстрекавшем к преступлению, как об организаторе).

Полагаю, что нельзя согласиться с авторами, полагающими, что ложность сообщаемых сведений при доносе может касаться отдельных обстоятельств действительно совершенного преступления (формы вины, размера ущерба, места, времени, способа, обстановки, орудий и средств преступления, и т.п.)[1]. В данном случае содеянное (при наличии всех признаков состава) можно квалифицировать в соответствии со ст. 307 УК РФ как дачу ложных показаний, но не как заведомо ложный донос.

Форма заведомо ложного сообщения о преступлении может быть любой – устной или письменной, с использованием почтовых отправлений, средств телефонной связи, сети Интернет, с помощью третьих лиц и т.п.

Состав заведомо ложного доноса по конструкции является формальным. Этот положение в теории уголовного права практически никогда не оспаривалось. Следовательно, данное преступление является оконченным независимо от наступления последствий (проверки сообщения, возбуждения уголовного дела, осуществления предварительного расследования, привлечения невиновного в качестве обвиняемого, его осуждения

[1] Дворянсков И.В. Уголовно-правовое обеспечение получения достоверных доказательств: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. С. 144.

и т.д.). Существуют некоторые нюансы относительно точного определения момента окончания данного преступления, однако подавляющее большинство авторов полагает, что заведомо ложный донос признается оконченным с момента получения ложного сообщения органами, которые вправе возбуждать уголовное дело[1].

Если сообщение не было передано непосредственно в соответствующие органы, а отправлено с использованием средств связи, и тем более в случае направления сообщения в иные органы, учреждения и организации, момент окончания заведомо ложного доноса по времени отодвигается от момента отправления сообщения.

Следовательно, возможно выделение стадий совершения анализируемого преступления – приготовления к преступлению и покушения на преступления. Ответственность за приготовление может наступать только в случае умышленного создания условий для совершения заведомо ложного доноса, соединенного с искусственным созданием доказательств обвинения (только ч. 3 ст. 306 УК РФ является тяжким преступлением).

Покушением на ложный донос является направление ложного сообщения о совершении преступления до момента его получения органами, которые вправе возбуждать уголовное дело. Если донос не будет получен адресатом по обстоятельствам, не зависящим от виновного (например, утраты сообщения при пересылке), ответственность наступает по ч. 3 ст. 30, ст. 306 УК РФ. До момента окончания ложного доноса возможен добровольный отказ от преступления, который может выражаться только в совершении активных действий (изъятии сообщения до получения его адресатом).

В настоящей статье рассмотрены лишь некоторые проблемные вопросы уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Список литературы:

1. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2005. 489 с.

[1] Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2005. С. 252–253; Ефремов В.П. Заведомо ложный донос: вопросы квалификации в аспекте взаимосвязи норм уголовного и уголовно-процессуального права // Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 46; Уголовная ответственность за преступления против правосудия / Под ред. А.В. Галаховой. М.: Рос. академия правосудия, 2003. С. 212.

2. Дворянсков И.В. Уголовно-правовое обеспечение получения достоверных доказательств: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. 199 с.

3. Ефремов В.П. Заведомо ложный донос: вопросы квалификации в аспекте взаимосвязи норм уголовного и уголовно-процессуального права // Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 45–49.

4. Приговор Железнодорожного районного суда г. Пензы от 7 ноября 2020 г. по делу № 1-349/2023 [Электронный ресурс] // База данных судебных решений «Sudact.ru». URL: http: //sudact.ru/regular/doc/FvX99DnViTN9/ (дата обращения: 12.05.2025).

5. Статистика преступности в России за 2015–2024 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской криминологической ассоциации им. А.И. Долговой. URL: http://crimas.ru/?page_id=5050 (дата обращения: 14.05.2025).

6. Уголовная ответственность за преступления против правосудия / Под ред. А.В. Галаховой. М.: Рос. академия правосудия, 2003. 296 с.

7. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия / Научно-практический комментарий и перевод текста закона П.В. Головненкова. Universitdtsverlag Potsdam, 2021.

© Намнясева В.В., 2025

EDN: QVHPRG

Никуленко Андрей Вячеславович,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
профессор кафедры уголовного права
доктор юридических наук, профессор

Смирнов Максим Андреевич,
Коллегия адвокатов «Эгида» Адвокатской палаты
Новгородской области, г. Великий Новгород,
помощник адвоката, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ РАСШИРИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА (ГЛАВА 30 УК РФ)

Аннотация: должностные преступления представляют собой серьезную угрозу для государственной и муниципальной службы, подрывая доверие к власти и приводя к злоупотреблениям. Ключевым вопросом при квалификации таких преступлений является определение круга лиц, которые могут быть признаны должностными. Примечание к ст. 285 УК РФ содержит перечень признаков должностного лица, однако на практике правоприменительные органы нередко расширительно толкуют эти критерии, включая в их число лиц, действующих на основании доверенности или иных гражданско-правовых договоров. В данной статье рассматриваются признаки должностного лица, анализируется возможность признания таковым лица, действующего по доверенности, а также исследуется проблема расширительного толкования этих признаков судебной практикой.

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, должностное преступление, должностные полномочия, преступное деяние, государственный аппарат, органы местного самоуправления.

В юридической науке продолжаются дискуссии относительно содержания понятий «должностное преступление» и «субъект должностного преступления». Эти категории имеют принципиальное значение

для правоприменения, поскольку определяют как характер противоправного деяния, так и круг лиц, которые могут нести за него ответственность. Однако единого подхода к их трактовке в научной литературе до сих пор не выработано.

В доктрине уголовного права под должностным преступлением принято понимать противоправное деяние, совершенное лицом в связи с исполнением им служебных полномочий[1]. Однако конкретные критерии отнесения лица к субъекту такого преступления остаются предметом научных обсуждений. Особую сложность вызывает определение тех признаков, которые позволяют однозначно квалифицировать совершенное деяние как должностное преступление.

Следует отметить, что данные правовые категории прошли значительную эволюцию в отечественном законодательстве[2]. Их содержание неоднократно пересматривалось и уточнялось, что отражало изменения в государственном устройстве и социально-экономических условиях. Однако подробный исторический анализ этих изменений выходит за рамки настоящего исследования.

Так, анализ действующего уголовного законодательства показывает, что согласно примечанию к ст. 285 УК РФ, должностными лицами признаются три категории лиц. Во-первых, это представители власти – лица, наделенные правом в пределах своей компетенции предъявлять требования и принимать решения, обязательные для исполнения гражданами или организациями (например, сотрудники полиции, судьи, прокуроры). Во-вторых, это лица, выполняющие организационно-распорядительные функции - те, кто осуществляет руководство деятельностью учреждения, организации, подразделения, а также распоряжаются имуществом или иными материальными ценностями (руководители государственных органов, директора предприятий). В-третьих, это лица, выполняющие административно-хозяйственные функции - те, кто отвечает за управление и распоряжение денежными средствами, кадровые вопросы и т.д. (например, главные бухгалтеры в госучреждениях).

---

[1] Левин Д.И. Проблемные аспекты определения содержания понятий «должностное преступление» и «субъект должностного преступления» / Д.И. Левин // Закон и право. 2024. № 6. С. 220–224.

[2] Гапоненко В.Ф. Исторические аспекты развития должностных преступлений в бюджетной сфере России и в системе госзакупок / В.Ф. Гапоненко, В.И. Долинко // Вопросы истории. 2022. № 6–1. С. 198–204.

Для признания лица должностным необходимо наличие официального оформления его полномочий[1]. К таким документам относятся трудовой договор (если лицо является штатным сотрудником госоргана или учреждения), приказ о назначении на должность (должен быть издан уполномоченным органом), должностная инструкция (определяет круг полномочий), а также закон или иной нормативный акт (например, федеральный закон о государственной службе). Таким образом, формальный (юридический) статус должностного лица должен быть закреплен документально.

Особый интерес представляет вопрос о возможности наделения лица признаками должностного по доверенности. Этот вопрос является дискуссионным в правоприменительной практике. Примечание к ст. 285 УК РФ не включает доверенность в перечень оснований для признания лица должностным. Основной критерий - это наличие государственно-властных или организационно-распорядительных полномочий, закрепленных в установленном порядке (трудовой договор, приказ и т.д.). Доверенность - это гражданско-правовой документ, который не создает публично-правовых полномочий. Она лишь делегирует право совершать определенные действия от имени доверителя (например, подписывать документы), но не делает представителя должностным лицом.

Однако судебная практика демонстрирует неоднозначный подход к этому вопросу. Встречаются случаи, когда суды признают лицо должностным, если оно фактически выполняет соответствующие функции, даже без надлежащего оформления. Например, в Постановлении Пленума ВС РФ № 19 от 16.10.2009 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»[2] суд указывает, что если лицо фактически осуществляет организационно-распорядительные функции, оно может быть

---

[1] Ююкина М.В. Особый статус преступлений, совершенных в соучастии при наличии должностного лица среди субъектов преступления / М.В. Ююкина, А.С. Терехова // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: Материалы X Международной научно-практической конференции, Тамбов, 16–17 апреля 2021 года / Редколлегия: Э.Ю. Кузьменко, М.И. Кольцов, Е.А. Попова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 346–351.

[2] Постановление Пленума ВС РФ № 19 от 16.10.2009 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС КонсультантПлюс.

признано должностным, даже если трудовой договор оформлен ненадлежащим образом. В то же время в деле о представителе по доверенности в госучреждении (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12.07.2018 № 78-АПУ18-13)[1] суд отказался признать представителя должностным лицом, поскольку его полномочия были ограничены гражданско-правовыми отношениями.

Ключевое значение для понимания природы должностных полномочий имеет понятие публично-властных полномочий[2]. Эти полномочия представляют собой особый вид государственных или муниципальных полномочий, которые предоставляются лицу для осуществления функций управления, контроля или принуждения от имени государства или местного самоуправления. Они выражаются в возможности принимать обязательные для исполнения решения (издание нормативных или индивидуальных актов, выдача разрешений и лицензий), осуществлять государственный контроль и надзор (проведение проверок, возбуждение административных или уголовных дел), распоряжаться государственным или муниципальным имуществом (управление бюджетными средствами, заключение государственных контрактов), а также осуществлять организационно-распорядительные функции (управление подчиненными сотрудниками, определение порядка работы организации).

Принципиальное отличие публично-властных полномочий от гражданско-правовых заключается в их природе и последствиях. Публично-властные полномочия основаны на законе, приказе или положении о госоргане, их решения обязательны для неопределенного круга лиц, а неисполнение таких решений влечет административную или уголовную ответственность[3]. В отличие от этого, гражданско-правовые полномочия основаны на договоре или доверенности, действуют только

---

[1] Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12.07.2018 № 78-АПУ18-13 // СПС КонсультантПлюс.

[2] Подольная Н.Н. Основы алгоритмизации выявления, раскрытия и расследования должностных преступлений коррупционной направленности / Н.Н. Подольная // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8, № 1 (29). С. 139–147.

[3] Лаврова О.Н. Особенности квалификации некоторых должностных преступлений / О.Н. Лаврова, Н.В. Селедников, В.В. Исаева // Современное состояние правоохранительной деятельности: проблемы организации, функционирования и перспективы развития: Сборник статей по итогам работы межведомственного, межрегионального круглого стола, Руза, 27 ноября 2020 года. Руза: ИП КонякхинА.В.(BookJet), 2021. С. 128–130.

в отношении сторон договора, а их неисполнение влечет гражданско-правовую ответственность.

Именно поэтому доверенность не может наделить лицо публично-властными полномочиями. Доверенность – это гражданско-правовой инструмент, который не создает властных функций, а лишь делегирует право совершать сделки или иные действия от имени доверителя. Она не дает права принимать обязательные для третьих лиц решения и не заменяет официального назначения на должность. Например, если директор госучреждения выдает доверенность на подписание документов бухгалтеру, это не делает бухгалтера должностным лицом - он лишь выполняет технические функции. Но если тот же бухгалтер назначен приказом главным бухгалтером и распоряжается бюджетными средствами - он уже обладает публично-властными полномочиями.

Особого внимания заслуживает позиция Пленума Верховного Суда РФ, изложенная в его постановлениях. В них указывается, что если лицо назначено на должность с нарушением требований или ограничений, установленных законом (например, при отсутствии необходимого образования или наличии судимости), но при этом из корыстной или иной личной заинтересованности использовало служебные полномочия вопреки интересам службы, то такие действия следует квалифицировать как злоупотребление или превышение должностных полномочий[1]. Однако важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о ситуациях, когда лицо было формально назначено на должность (имеется приказ, трудовой договор), но само назначение противоречило законодательным требованиям. Это принципиально отличается от случаев, когда лицо действует только на основании доверенности без какого-либо официального назначения.

Правоприменительная практика демонстрирует опасную тенденцию к расширительному толкованию признаков должностного лица, что приводит к ряду негативных последствий.

[1] Лантух Э.В. К вопросу об Уголовно-правовых аспектах преступления, предусмотренного статьей 285 УК РФ «злоупотребление должностными полномочиями» / Э.В. Лантух, О.В. Гаврилова // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: сборник научных трудов X международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 марта 2024 года. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Поволжская научная корпорация», 2024. С. 318–329.

Во-первых, это создает риск необоснованного привлечения к ответственности лиц, которые не обладают должностными полномочиями. Во-вторых, происходит размывание границ уголовной ответственности, когда к ней привлекаются работники, действующие в рамках гражданско-правовых отношений. В-третьих, это нарушает принцип законности, поскольку уголовная ответственность должна наступать только при четком соответствии состава преступления законодательным критериям.

Для предотвращения этих негативных тенденций необходимо придерживаться строгого подхода при определении круга должностных лиц. Во-первых, следует устанавливать формальное закрепление полномочий (трудовой договор, приказ, должностная инструкция). Во-вторых, нужно исключать признание должностным лицом представителей по доверенности, если их функции не связаны с государственно-властными полномочиями. В-третьих, необходимо ориентироваться на разъяснения Верховного Суда РФ, который неоднократно указывал, что должностное лицо должно быть наделено полномочиями именно в публично-правовой сфере.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Признаки должностного лица по ст. 285 УК РФ должны толковаться строго в соответствии с законом. Публично-властные полномочия, являющиеся ключевым критерием должностного лица, всегда связаны с государственным или муниципальным управлением и предполагают возможность принятия решений, обязательных для других. Они не могут быть переданы по доверенности – только через официальное назначение (приказ, закон, должностная инструкция). Доверенность сама по себе не является достаточным основанием для признания лица должностным, поскольку это гражданско-правовой инструмент, не создающий публично-правовых полномочий.

Позиция Пленума Верховного Суда РФ о возможности привлечения к ответственности лиц, назначенных на должность с нарушением требований закона, не должна толковаться расширительно. Она применяется только к случаям формального назначения (при наличии приказа, трудового договора), но с нарушением квалификационных требований, и не распространяется на ситуации, когда лицо действует исключительно по доверенности без какого-либо официального назначения.

Судебная практика, к сожалению, иногда демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию признаков должностного лица, что создает риски необоснованного привлечения к ответственности.

Для соблюдения принципа законности необходимо придерживаться формального подхода: должностным лицом может быть только тот, чьи полномочия оформлены трудовым договором, приказом или иным официальным документом, а не просто гражданско-правовой доверенностью. Только такой подход обеспечит правильное применение норм об должностных преступлениях и предотвратит необоснованное расширение уголовной ответственности.

Список литературы:

1. Левин Д.И. Проблемные аспекты определения содержания понятий «должностное преступление» и «субъект должностного преступления» / Д.И. Левин // Закон и право. 2024. № 6. С. 220–224.

2. Гапоненко В.Ф. Исторические аспекты развития должностных преступлений в бюджетной сфере России и в системе госзакупок / В.Ф. Гапоненко, В.И. Долинко // Вопросы истории. 2022. № 6–1. С. 198–204.

3. Ююкина М.В. Особый статус преступлений, совершенных в соучастии при наличии должностного лица среди субъектов преступления / М.В. Ююкина, А.С. Терехова // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика : Материалы X Международной научно-практической конференции, Тамбов, 16–17 апреля 2021 года / Редколлегия: Э.Ю. Кузьменко, М.И. Кольцов, Е.А. Попова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 346–351.

4. Постановление Пленума ВС РФ № 19 от 16.10.2009 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС КонсультантПлюс.

5. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12.07.2018 № 78-АПУ18-13 // СПС КонсультантПлюс.

6. Подольная Н.Н. Основы алгоритмизации выявления, раскрытия и расследования должностных преступлений коррупционной направленности / Н.Н. Подольная // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8, № 1 (29). С. 139–147.

7. Лаврова О.Н. Особенности квалификации некоторых должностных преступлений / О.Н. Лаврова, Н.В. Селедников, В.В. Исаева // Современное состояние правоохранительной деятельности: проблемы организации, функционирования и перспективы развития: Сборник

статей по итогам работы межведомственного, межрегионального круглого стола, Руза, 27 ноября 2020 года. Руза: ИП КоняхинА.В.(BookJet), 2021. С. 128–130.

8. Лантух Э.В. К вопросу об Уголовно-правовых аспектах преступления, предусмотренного статьей 285 УК РФ «злоупотребление должностными полномочиями» / Э.В. Лантух, О.В. Гаврилова // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: сборник научных трудов X международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 марта 2024 года. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Поволжская научная корпорация», 2024. С. 318–329.

© Никуленко А.В., 2025,
© Смирнов М.А., 2025

EDN: RJTZWW

Огарь Татьяна Андреевна,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
доцент кафедры уголовного права
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ЧАСТИ УЧЕТА НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ РАЗМЕРА УЩЕРБА В ХИЩЕНИЯХ

Аннотация: в статье рассматривается дискуссионный вопрос, связанный с особенностями учета налога на добавленную стоимость при установлении размера ущерба в хищениях, возникший в связи с дополнением примечания к ст. 158 УК РФ пунктом 5. Осуществлён анализ судебной практики за 2023–2025 годы, выявлены материальные и процессуальные аргументы принятых противоречивых решений, предложены рекомендации по формированию единообразной практики.

Ключевые слова: реальный материальный ущерб, ущерб в виде упущенной выгоды, закупочная стоимость имущества, фактическая стоимость имущества.

Одним из обязательных признаков состава хищения, предусмотренного в главе 21 УК РФ, является ущерб, который закреплен в пункте 1 примечаний к ст. 158 УК РФ. Содержание данного признака раскрывается в двух основополагающих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, посвященных преступлениям против собственности. Так, в совокупный анализ п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее по тексту – ППВС РФ № 29), а также п.п. 22 и 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее по тексту – ППВС РФ № 48) позволяет сделать вывод о том, что ущерб в хищениях следует определять по стоимости похищенного имущества, без учета упущенной выгоды. Это также подтверждается толкованием понятия ущерба

в хищениях, содержащегося в одном из определений Конституционного Суда РФ за 2025 год: «по общему правилу имущественный ущерб как признак хищения предполагает утрату имущества, т.е. уменьшение фондов собственника на стоимость (размер) утраченного в результате преступления имущества, которое поступило в незаконное владение виновного или других лиц»[1].

Судебное толкование понятия ущерба помогает единообразно определить его содержание во многих случаях совершения хищений, однако в правоприменительной практике вызывало затруднение установление ущерба в тех случаях, когда предмет хищения облагается налогами. Наличие противоречивой судебной практики[2], привело к тому, что пункт 1 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации был признан противоречащим требованиями статей 19 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку «допускает различную оценку размера похищенного при хищениях, совершаемых одним способом при одних и тех же обстоятельствах»[3]. В данном определении рассматривался вопрос о том, подлежит учету при определении размера хищения, удерживаемая и перечисляемая в бюджет налоговым агентом сумма налога на доходы физических лиц с соответствующей части заработной платы (денежного довольствия). Устранить указанное несоответствие Конституционный Суд РФ постановил путем внесения изменения в уголовное законодательство.

Данное постановление повлекло дополнение примечаний к ст. 158 УК РФ новым пунктом, закрепляющем правило учета налога

---

[1] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2025 № 573-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Асеева Александра Леонидовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 примечаний к статье 158 и частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации».

[2] В качестве таковых рассматривались решения кассационных судов, в частности: Определения Кассационного военного суда от 29 сентября 2020 г. по делу № 77-214/2020 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2025); Определения Кассационного военного суда от 28 января 2020 г. по делу № 77-6/2020 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2025).

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2025).

на доходы физических лиц при определении размера причиненного ущерба. В соответствии с новым правилом, включенным в текст УК РФ Федеральным законом от 27 ноября 2023 г. № 553-ФЗ «О внесении изменения в статью 158 Уголовного кодекса Российской Федерации»[1], в размер хищения не подлежит включению сумма налога на доходы физических лиц. Таким образом, в условиях наличия двух взаимоисключающих вариантов применения данной нормы в судебной практике, Конституционный Суд РФ выбрал тот вариант, который не приводит к ухудшению правового положения лица, совершившего преступление (данный аргумент содержится в описательно-мотивировочной части постановления от 08.12.2022 № 53-П).

Закрепление в тексте уголовного закона данного частного правила, несомненно, будет способствовать формированию единообразной практики по этому конкретному частному вопросу. Однако, с учетом того, что применение уголовного закона по аналогии не допускается, данное правило не может применяться аналогично к похожим случаям в правоприменительной деятельности. Определенная казуистичность нового пункта, дополнившего примечание к ст. 158 УК РФ, сразу была отмечена в современной научной литературе[2]. Включение в текст уголовного закона одного частного правила, актуализировало вопрос об учете иных видов налогов при установлении размера ущерба, причиненного хищением.

Одной из наиболее распространенных разновидностей хищения является хищение товаров из магазинов розничной торговли. В правоприменительной практике регулярно возникает вопрос о том, следует ли включать в размер причиненного ущерба размер налога на добавленную стоимость? В литературе выделены три основных подхода к определению стоимости имущества, похищаемого из торговых точек[3]. Торговыми организациями в процессе осуществления предпринимательской деятельности имущество (товар) приобретается по стоимости, которая в материалах правоприменительной практики имену-

---

[1] Федеральный закон от 27 ноября 2023 г. № 553-ФЗ «О внесении изменения в статью 158 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 49 (Часть III). Ст. 8670.

[2] См. об этом: Кострюков А.В. Разграничение понятий причиненного ущерба и размера похищенного имущества // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 2. С. 114–119.

[3] См., например: Гаврилов М.А. Требуется единый подход // Безопасность бизнеса. 2021. № 3. С. 49–53.

ется закупочной, и не включает в себя никаких налогов и наценок (первый подход). Реализуется товар по другой стоимости, зачастую именуемой фактической или розничной, которая помимо закупочной включает в себя торговую наценку и налог на добавленную стоимость (второй подход). В соответствии с третьим подходом стоимость определяется на основании закупочной, к которой прибавляется входной налог на добавленную стоимость, который уплачивает магазин при приобретении товара, но не включаются торговые наценки. Каждый из этих подходов имеет свое обоснование и в какой-либо части основывается на действующем законодательстве (в том числе и налоговом) и конкретных правоприменительных решениях.

Изучение современной правоприменительной практики по особенностям учета налога на добавленную стоимость при определении размера ущерба в хищениях также показало наличие противоположных решений. При этом следует учитывать, что в решениях суда по конкретным делам, мотивировка может включать аргументы как материального, так и процессуального характера.

Так, по одному из дел суд, при рассмотрении уголовного дела о тайном хищении имущества в магазине, пришел к выводу о том, что применение налога на добавленную стоимость, иных налогов, объектом которых является реализация товаров (работ или услуг), а также торговых надбавок и иных наценок, не может входить в размер реального ущерба, причиненного в результате хищения этого товара, а относится к упущенной выгоде[1]. Далее это же дело было рассмотрено Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, и решение было оставлено без изменения[2]. В последнем случае в обоснование принятого решения был положен в том числе аргумент процессуального характера (увеличение стоимости похищенного на размер НДС может привести к повороту к худшему, а в связи с истечением годичного срока со дня вступления приговора в законную силу, такое решение не может быть принято судом касса-

[1] Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2023 № 77-4690/2023 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2025).

[2] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.07.2024 № 45-УД24-22-К7 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2025).

ционной инстанцией). Процессуальный аргумент, положенный в основу определения, не позволяет определить: к какому выводу могла прийти Судебная коллегия, если бы на момент принятия решения не истек годичный срок?

Однако, есть и иная судебная практика, которая признает правомерным применение закупочной стоимости похищенных материальных ценностей, рассчитанной с учетом НДС, включенного в стоимость продаваемого поставщиком потерпевшим товара, то есть исходя из размера фактически потраченных потерпевшим денежных средств на приобретение товаров для реализации[1].

Также в современной судебной практике встречаются случаи определения ущерба по розничной стоимости. Так, осужденный пытался оспорить размер ущерба, указывая что стоимость похищенного из торговых точек имущества является завышенной в связи с включением в неё НДС. Суд, ссылаясь на вышеупомянутые разъяснения из п. 25 ППВС РФ № 29 указал, «Поскольку умысел Б. был направлен на хищение имущества из магазина, осуществлявшего розничную торговлю, при этом стоимость имущества обозначена ценником на товары, суммы похищенного правомерно определены судом исходя из розничных цен на товары, то есть исходя из фактической стоимости имущества на момент совершения преступления»[2].

Таким образом, налицо существенные противоречия судебной практики, которая может по-разному определить содержание размера ущерба, причиненного хищениями их торговых точек. Материальные аргументы принятого решения, основанные на установлении содержания понятия ущерба, позволяют обосновать различные подходы к его объему и свидетельствуют о различном толковании разъяснений, содержащихся в отдельных пунктах ППВС РФ № 29 и ППВС РФ № 48, посвященных ущербу. Процессуальная аргументация может отличаться в зависимости от инстанции, в которой рассматривается уголовное дело и анализируется применение конкретной нормы материаль-

[1] Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2025 по делу № 77-239/2025 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2025).

[2] Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2025 по делу № 77-397/2025 (УИД 10RS0011-01-2024-002768-14) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2025).

ного права и может ограничить суд в выборе решения с учетом невозможности поворота к худшему. Следует предложить решение данного вопроса, которое позволит единообразно устанавливать причиненный ущерб уже на стадии возбуждения уголовного дела при предварительной квалификации.

В качестве решения проблемы противоречивой практики по вопросу учета НДС при совершении хищения товара из магазинов А.В. Кострюков [1] предлагает отразить в тексте уголовного закона понятие ущерба, взяв за основу то, которое было сформулировано Конституционным Судом РФ в постановлении от 08.12.2022 № 53-П.

Представляется, что данная мера не снимет в полной мере имеющихся противоречий, так как не позволит точно выбрать подход к определению стоимости утраченного имущества (закупочной, фактической или розничной). Полагаем, что в процессе внесения любых изменений в уголовный закон следует избегать не только казуистичности, но также и неопределенности. В настоящее время такой признак состава хищения как ущерб в тексте закона обозначен, однако особенности его содержания применительно к ситуациям учета различных видов налога должны быть раскрыты в тексте указанных выше постановлений Пленума Верховного Суда РФ, которые призваны приводить судебную практику к единообразию (так, например, в тексте ППВС РФ № 48 установлены особенности момента окончания мошенничества в зависимости от свойств предмета преступления), с учетом преобладающей судебной практики и имеющихся разъяснений относительно содержания ущерба.

Список литературы:

1. Гаврилов М.А. Требуется единый подход // Безопасность бизнеса. 2021. № 3. С. 49–53.

2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.07.2024 № 45-УД24-22-К7 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2025).

3. Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2025 по делу № 77-239/2025 // Справочная

[1] См. об этом: Кострюков А.В. Разграничение понятий причиненного ущерба и размера похищенного имущества // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 2. С. 114–119.

правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2025).

4. Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2025 по делу № 77-397/2025 (УИД 10RS0011-01-2024-002768-14) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2025).

5. Кострюков А.В. Разграничение понятий причиненного ущерба и размера похищенного имущества // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 2. С. 114–119.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2025 № 573-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Асеева Александра Леонидовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 примечаний к статье 158 и частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2025).

8. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2023 № 77-4690/2023 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2025).

9. Федеральный закон от 27 ноября 2023 г. № 553-ФЗ «О внесении изменения в статью 158 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. 49 (Часть III). Ст. 8670.

10. Челобитчиков М.Е. Стоимость похищенного имущества // Законность. 2016. № 3. С. 31–32.

© Огарь Т.А., 2025

EDN: RMVNGW

Озерова Юлия Сергеевна,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
старший преподаватель
кафедры общеправовых дисциплин
кандидат юридических наук

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ

Аннотация: в статье рассматриваются уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за преступления, связанные с домашним насилием. Автором выносятся предложения по совершенствованию законодательства в части регламентации ответственности за домашнее насилие. Реализация предложенных мер позволит сформировать эффективный механизм противодействия домашнему насилию в России, защитить права жертв, предотвратить тяжкие последствия.

Ключевые слова: домашнее насилие; насилие в семье; насильственное преступление; уголовная ответственность; член семьи.

Понятия «домашнее насилие», «семейно-бытовое насилие», «насилие в семье» следует рассматривать как синонимичные. Они охватывают преступления против жизни и здоровья личности, совершенные в отношении близких лиц - членов семьи, родственников, сожителей. Формы домашнего насилия разнообразны: физическое, психологическое, сексуальное, экономическое. Они могут сочетаться друг с другом или проявляться по отдельности. Более частыми видами бытового насилия являются физическое и сексуальное насилие.

По данным официальной статистики МВД за период с 2021 по 2023 год полицейские возбудили несколько тысяч уголовных дел о домашнем насилии. Почти четверть преступлений с нанесением тяжких телесных повреждений в России совершается в семьях. В 2022 году в семьях было совершено почти 123 тысячи преступлений, из них

51 тысяча — против жизни и здоровья[1].

В 2022–2023 годах от домашнего насилия погибло не менее 2 284 женщин. В 2 363 случаях женщинам были нанесены тяжкие телесные повреждения, в 5 073 случаях полиция квалифицировала избиения женщин как вред здоровью средней тяжести и в 8 759 – как легкий вред здоровью[2].

Доля несовершеннолетних среди погибших в семейно-бытовых конфликтах колебалась от 4,9 % до 9,2 %. Что касается несовершеннолетних, получивших различные телесные повреждения в результате домашнего насилия, официальная статистика зачастую не разбивается по возрастным группам так подробно, как в случае с фатальными исходами. Однако эксперты и региональные исследования отмечают, что доля детей среди пострадавших (как при легких, так и при тяжёлых повреждениях) может достигать примерно 10–15 % от общего числа зарегистрированных случаев[3].

Статистика по сексуальному насилию в семье в России остаётся труднодоступной для точного анализа, так как значительная доля случаев остаётся незарегистрированной. По имеющимся данным отдельных региональных подразделений МВД в 2023 году фиксировали порядка 800–1000 заявлений о сексуальных преступлениях против несовершен-

---

[1] В России стабильно высокий процент убийств женщин в ситуации домашнего насилия, а тем, кто выживает, стало сложнее добиться наказания. Новые данные исследования масштабов насилия в стране – Консорциум женских неправительственных объединений [Электронный ресурс] // URL: https://wcons.net/novosti/v-rossii-stabilno-vysokij-procent-ubijstv-zhenshhin-v-situacii-domashnego-nasilija-a-tem-kto-vyzhivaet-stalo-slozhnee-dobitsja-nakazanija-novye-dannye-issledovanija-masshtabov-nasilija-v-strane/ (дата обращения: 24.04.2025).

[2] Прокошева О. От жен до ножевых. За пять лет на домашнее насилие пожаловались всего 7 женщин [Электронный ресурс] // URL: https://chesnok.media/2024/11/06/ot-zhen-do-nozhevyh-za-pjat-let-na-domashnee-nasilie-pozhalovalis-vsego-7-zhenshhin/ (дата обращения: 06.05.2025).

[3] Статистика домашнего насилия в России [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BE_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 15.05.2025).

нолетних, из которых примерно 20–30 % (то есть порядка 160–300 случаев) приходится на преступления, совершённые в семейном кругу[1]. Однако эксперты по защите прав детей и независимые исследования свидетельствуют, что реальные показатели сексуального насилия над детьми в домашней обстановке могут исчисляться несколькими тысячами случаев ежегодно. Приведенные статистические данные подчеркивают масштаб распространения данной проблемы.

Латентность домашнего насилия во многом связана с нежеланием жертв обращаться в полицию. Этому способствует частный порядок уголовного преследования по ст. 115, 116.1 УК РФ[2], когда потерпевшие сами должны собирать доказательства и поддерживать обвинение в суде. Считаем целесообразным внесение изменений в УПК РФ о переводе дел по ст. 115, 116.1 УК РФ в категорию частно-публичного обвинения. Сбор доказательств должен быть обязанностью государства, а не жертвы.

Анализ уголовного законодательства России показал отсутствие специальных норм об ответственности за домашнее насилие. Санкции за насильственные преступления против членов семьи не отличаются от санкций за аналогичные деяния в отношении посторонних лиц. Квалифицирующие признаки, связанные с семейными отношениями, в преступлениях, обеспечивающих охрану жизни и здоровья, а также половую свободу и половую неприкосновенность личности, отсутствуют. Единственная норма, которую можно условно отнести к данной категории – ст. 156 УК РФ о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Однако ее субъектами могут быть не только родители, но иные лица, а жестокое обращение может выражаться в различных действиях, не обязательно связанных с насилием.

Для эффективного противодействия домашнему насилию в России считаем целесообразным введение в УК РФ квалифицирующего признака «совершение преступления в отношении члена семьи» в ста-

---

[1] В России стабильно высокий процент убийств женщин в ситуации домашнего насилия, а тем, кто выживает, стало сложнее добиться наказания. Новые данные исследования масштабов насилия в стране – Консорциум женских неправительственных объединений [Электронный ресурс] // URL: https://wcons.net/novosti/v-rossii-stabilno-vysokij-procent-ubijstv-zhenshhin-v-situacii-domashnego-nasilija-a-tem-kto-vyzhivaet-stalo-slozhnee-dobitsja-nakazanija-novye-dannye-issledovanija-masshtabov-nasilija-v-strane/ (дата обращения: 24.04.2025).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 Ст. 2954.

тьях о преступлениях против жизни и здоровья и преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности. Выделение преступлений, совершённых против членов семьи, в отдельную категорию позволит вести более точный учёт и анализ таких случаев, что, в свою очередь, поможет государственным структурам разрабатывать целенаправленные меры профилактики и совершенствования законодательства, а также будет служить дополнительным сдерживающим фактором для потенциальных преступников, способствуя снижению уровня рецидивов и общего проявления насилия в семейной среде.

Наконец, сотрудники правоохранительных органов зачастую относятся к домашнему насилию как к частному делу семьи, не проявляя должного внимания к сигналам о нем. Это приводит к эскалации насилия вплоть до убийств, что показывают резонансные дела Маргариты Грачевой[1], Валерии Володиной[2] и др. В этой связи представляется логичным переход ст. 293 УК РФ из категории «мертвой» к «реально действующей»[3], а также дальнейшее освещение фактов халатности стражей порядка в интернете, и рассмотрение материалов, подпадающих под признаки состава ч. 1 ст. 293 УК РФ, в порядке уголовного, а не дисциплинарного производства.

Реализация предложенных мер подчеркнёт особую социальную опасность преступлений против членов семьи, что мотивирует правоохранительные органы и суды уделять больше внимания оперативной защите жертв. Государство должно дать четкий сигнал обществу о недопустимости насилия в семье, обеспечить неотвратимость ответственности виновных. Только так можно искоренить это опасное социальное явление.

---

[1] История Маргариты Грачевой, которой муж отрубил кисти обеих рук [Электронный ресурс] // РИА Новости: сайт. URL: https://ria.ru/20181022/1530984510.html (дата обращения: 06.05.2025).

[2] «Я поняла, что родная страна меня не защитит» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4117180 (дата обращения: 06.05.2025).

[3] Озерова Ю.С. Служебная халатность // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 187–189.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

2. В России стабильно высокий процент убийств женщин в ситуации домашнего насилия, а тем, кто выживает, стало сложнее добиться наказания. Новые данные исследования масштабов насилия в стране – Консорциум женских неправительственных объединений [Электронный ресурс] // URL: https://wcons.net/novosti/v-rossii-stabilno-vysokij-procent-ubijstv-zhenshhin-v-situacii-domashnego-nasilija-a-tem-kto-vyzhivaet-stalo-slozhnee-dobitsja-nakazanija-novye-dannye-issledovanija-masshtabov-nasilija-v-strane/ (дата обращения: 24.04.2025).

3. История Маргариты Грачевой, которой муж отрубил кисти обеих рук [Электронный ресурс] // РИА Новости: сайт. URL: https://ria.ru/20181022/1530984510.html (дата обращения: 06.05.2025).

4. Озерова Ю.С. Служебная халатность // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 187–189.

5. Прокошева О. От жен до ножевых. За пять лет на домашнее насилие пожаловались всего 7 женщин [Электронный ресурс] // URL: https://chesnok.media/2024/11/06/ot-zhen-do-nozhevyh-za-pjat-let-na-domashnee-nasilie-pozhalovalis-vsego-7-zhenshhin/ (дата обращения: 06.05.2025).

6. Статистика домашнего насилия в России [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BE_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 15.05.2025).

7. «Я поняла, что родная страна меня не защитит» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4117180 (дата обращения: 06.05.2025).

© Озерова Ю.С., 2025

EDN: RGNQSO

Петраков Сергей Викторович,
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета,
заведующий кафедрой управления
следственной деятельности
(Высшие академические курсы)
факультета повышения квалификации,
кандидат юридических наук, доцент

ПОРЯДОК КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПРЕСТУПНОГО ДОХОДА

Аннотация: в статье автор рассматривает необходимость расширения оснований для конфискации имущества в случаях доказанности извлечения преступного дохода, когда соответствующий доход находится предположительно в собственности третьих лиц, не представивших доказательства о законности его получения. Указывается причина, по которой обуславливается необходимость изменения оснований для конфискации.

Ключевые слова: конфискация имущества; изъятие имущества; обращение доходов.

Системный анализ законодательных актов и отдельных решений Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам, приводит к выводу, что в праве по-разному решаются вопросы по изъятию имущества, возникновение права собственности на которое так или иначе связано с преступной деятельностью. Так, в соответствии с уголовным законом, конфискации подлежит только то имущество, которое было получено (было преобразовано в другое имущество) в результате совершения деяний, предусмотренных строго исчерпывающим перечнем статей УК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 104.1 УК РФ если соответствующее имущество, в том числе преобразованное, находится у другого лица, то его можно конфисковать, если это лицо знает или по обстоятельствам дела должно было знать о преступном происхождении этого имущества.

В ряде дел [1], дошедших до Верховного Суда РФ, решения нижестоящих судебных инстанций в части конфискации имущества, полученного в результате совершения преступлений и зарегистрированных на третьих лиц, оставлены данным Судом в силе. В каждом из этих дел с достоверностью прослеживалась доказательственная связь «преступление – имущество». Интерес представляет дело, так же поступившее в Верховный Суд РФ о преступлении, связанном с участием лица в организованной группе, производившей наркотические средства. Субъект деяния, являющийся одним из членов группы, получал вознаграждение в виде криптовалюты и конвертировал ее в денежные средства, переводя на счет банковской карты дочери своей сожительницы. В рамках дела лицо дало изобличающие себя показания и сотрудничало со следствием в части предоставления доказательств о взаимосвязи денежных средств на счете третьего лица и преступно полученной криптовалюты[2]. Как мы понимаем, такое сотрудничество может быть не всегда. С учетом того, что криптовалюта активно используется при совершении преступлений и ее преобразование в денежные средства влечет разрыв взаимосвязи, то поступление денежных средств на счета третьих лиц, косвенно связанных с субъектом преступления, означает, что будут нужны именно доказательства криминальной взаимосвязи для возможности конфискации денежных средств. При этом данная ситуация является лишь частным примером того, когда преступно полученное имущество будет зарегистрировано на третье лицо. Так же могут возникать ситуации, когда в результате совершения преступлений будет извлекаться доход, а после на него будет приобретаться имущество и регистрироваться на третьих лиц.

Если преступник и третье лицо не будут давать изобличающие их показания и сотрудничать со следствием, и иные доказательства взаимосвязи преступного происхождения имущества не будут получены, то будет предполагаться законность происхождения имущества у третьих лиц. Будет ли суд в каждом конкретном деле устанавливать неоспоримую связь между отсутствием законного

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 89-УД21-22-А2 // Справочная правовая система «Консультант Плюс»; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 05.06.2012 № 56-О12-33 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[2] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 8 июня 2023 г. № 6-УДП23-6-А1 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

и обоснованного источника происхождения имущества у третьего лица и тем, что в таком случае это имущество получено в результате преступления, и преступления именно конкретного лица, и именно того преступления, которое ему вменяется в вину, сказать сложно.

Обращаясь к гражданскому законодательству, мы можем обнаружить, что ст. 235 ГК РФ одними из оснований прекращения права собственности, помимо конфискации, устанавливает возможность обращения по решению суда в доход страны имущества, в отношении которого не представлены доказательства законности его приобретения:

1) у должностного лица или служащего, его супруги (супруга), несовершеннолетних детей (в соответствии с антикоррупционным законодательством);

2) у близких родственников, близких лиц и родственников лица, совершившего террористический акт или участвующего в террористической деятельности (в соответствии с законодательством о противодействии терроризму).

В этих двух случаях необязательно доказывать факт преступного происхождения имущества, а доказательства законности приобретения имущества возлагается на собственника имущества, а не на государственные органы. Получается, что ряд преступлений с позиции законодателя находится в отдельной категории, позволяющей не доказывать взаимосвязь между фактом их совершения и имуществом, обнаруженным у третьих лиц, которые связаны (могут быть связаны) родственными или близкими взаимоотношениями с субъектом преступления. Если же совершены иные преступления, то взаимосвязь между фактом их совершения и имуществом, обнаруженным у третьих лиц, доказывать надо, и также осведомленность этих третьих лиц о преступности происхождения. И только тогда появляется возможность конфискации в порядке ч. 3 ст. 104.1 УК РФ.

По мнению автора статьи, в современных условиях, когда в силу технического прогресса возможно искусственно разрывать взаимосвязь между криминальным происхождением имущества, преобразованием этого имущества в иную форму и передачу его третьим лицам, взаимосвязанным с субъектом преступления, актуализируется вопрос о расширении оснований для конфискации. При этом, это не просто возвращение редакции ст. 52 УК РФ, прекратившей своей действие в 2003 г., когда конфискация была

возможна только по тяжким и особо тяжким преступлениям, совершенным из корыстных побуждений и только у осужденных. Автор статьи предлагает рассмотреть вопрос о распространении ряда приведенных положений ст. 235 ГК РФ, но не в части обращения, а именно в части конфискации и применительно ко всем преступлениям, связанным с извлечением дохода, а не только к их отдельным видам. То есть близкие родственники, близкие лица, родственники лица, осужденного за совершение преступления, а также взаимозависимые организации, в случае нахождения у них какого-либо имущества, превышающего их документально подтвержденный доход, обязаны будут доказать законность его происхождения или приобретения. В случае непредставления обоснованных доказательств, соответствующее имущество подлежит конфискации. При этом содержание ст. 243 ГК РФ «Конфискация» не нуждается в корректировке, так как является общей нормой по одному из оснований для прекращения права собственности. И таким образом ч. 3 ст. 104.1 УК РФ предлагается изложить в следующем варианте для рабочего обсуждения: «Конфискации подлежит также имущество, находящееся у близких родственников, родственников, близких лиц лица, совершившего преступление, в результате которого извлечен доход, а также организаций, взаимозависимых с лицом, совершим преступление, при наличии одновременно двух условий:

1) указанное имущество получено не ранее установленного факта начала совершения преступления;

2) в отношении данного имущества близкие родственники, родственники, близкие лиц, организации, взаимозависимые с лицом, совершившим преступление, не представили сведения, подтверждающие законность его приобретения.

Конфискации подлежит та часть имущества, в отношении которой доказан преступно извлеченный доход. При одновременной конфискации имущества у нескольких лиц, общая стоимость конфискуемого имущества не может превышать размер преступно извлеченного дохода».

При этом автор связывает данное изъятие имущества именно в рамках конфискации, а не просто обращения в доход государства, поскольку конфискация будет возможна лишь при наличии доказанного факта преступления, а не гипотетического получения дохода любым противоправным путем.

Список литературы:

1. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 8 июня 2023 г. № 6-УДП23-6-А1 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 89-УД21-22-А2 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

3. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 05.06.2012 № 56-О12-33 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

© Петраков С.В., 2025

EDN: RITJOI

Прохорова Марина Леонидовна,
Кубанский государственный университет,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
доктор юридических наук, профессор

Куфлева Валентина Николаевна,
Кубанский государственный университет,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент

ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ) СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО И ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация: вопрос о признаках преступного сообщества (преступной организации) в науке уголовного права до сих пор является сложным и неоднозначно решаемым. Среди ученых-юристов нет единства мнений относительно их выделении в рамках как национального, так и международного права. Однако, учитывая, что одним из базовых международных принципов выступает pacta sunt servanda, авторы считают, что выполненные РФ взятых на себя обязательств является непреложным условием функционирования государства на международной арене. В статье осуществлен анализ нормативных предписаний, закрепленных в УК РФ, и корреспондирующих им международных стандартов. Авторы приходят к выводу, что конвенционное определение признаков организованной группы является более жестким по сравнению с подходом, представленным в национальном уголовном законе. При этом предлагается внесение дополнений в ч. 4 ст. 35 УК РФ.

Ключевые слова: преступное сообщество, преступная организация, соучастие, организованная группа, международное уголовное право.

Транснациональный характер феномена организованной преступности, объективируемого в деятельности конкретных преступных сообществ, криминальных картелей, синдикатов и др. в различных регионах мира, в том числе и в России, предопределил необходимость объединения

усилий мирового сообщества в противодействии названному явлению. Правовой основой такой консолидации послужила принятая 15 ноября 2000 г. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности[1] (далее – Конвенция). Подписавшая и ратифицировавшая этот документ РФ взяла на себя тем самым соответствующие обязательства, выполнение которых выступает непреложным условием функционирования государства на международной арене.

Доктринальные разработки проблем борьбы с преступлениями международного характера предполагают в первую очередь изучение и сопоставительный анализ норм национального и международного права на предмет выявления соответствия между ними. Подобное исследование видится крайне важным, так как одним из базовых международных принципов выступает императив pacta sunt servanda.

Вызывает теоретический и практический интерес проблема установления и закрепления признаков преступного сообщества (преступной организации) в рамках отечественного законодательства (ч. 4 ст. 35 УК РФ) на основании признанных международных стандартов (упомянутая ранее Конвенция[2]). Полученные результаты позволят выявить степень соблюдения РФ международно-правовых норм и выполнение взятых по договорам обязательств.

В отечественной доктрине отсутствует единство мнений о системе признаков преступного сообщества (преступной организации). Преимущественно к ним относят множество участников; структурированность; наличие межрегиональных связей; специализацию участников на осуществлении преимущественно однородной преступной деятельности; системность совершения посягательств; наличие иерархии; поступление преступных доходов в единую «кассу»; создание лжеструктур для легализации преступных доходов; признаки организованной группы (устойчивость, объединенность, совершение одного

---

[1] Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.

[2] РФ конвенция была ратифицирована Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее».

или нескольких преступлений); сплоченность; направленность на совершение тяжких или особо тяжких преступлений; масштабность деятельности; наличие трех и более членов)[1].

По нашему мнению, преступное сообщество (преступная организация) характеризуется следующими обязательными признаками:

1. Оно должно обладать всеми свойствами организованной группы. Законодатель не делает различия между преступным сообществом и преступной организацией, уравнивая их между собой. Тем не менее, для разграничения имеются все основная, в том числе вытекающие из лексического толкования ч. 4 ст. 35 УК РФ: преступная организация представляет собой структурированную организованную группу, в то время как преступное сообщество является объединением организованных групп. Таким образом, требование обладания признаками организованной группы является обязательным применительно к обеим разновидностям рассматриваемого объединения. В свою очередь к признакам организованной группы необходимо относить: 1) соответствующий субъектный состав, предполагающий наличие не менее трех человек (организатор (руководитель) и два рядовых участника); 2) устойчивость преступного объединения; 3) направленность на совершение одного или нескольких преступлений.

Наиболее проблематичным признаком организованной группы, несколько противоречащим, на первый взгляд, признакам рассматриваемых объединений, является направленность на совершение одного или нескольких преступлений. Согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ предназначением последних выступает совершение посягательств определенных категорий, что несколько уже цели организованной группы. Но, с другой стороны, это вполне обосновано, ибо в характеристике названных форм соучастия непременно должны присутствовать отличительные особенности. В противном случае выделение сообщества было бы нецелесообразным.

Еще одним аргументом в пользу установления признаков организованной группы как основы рассматриваемой формы соучастия является квалификация совершенных рассматриваемыми объединениями преступлений по признаку их осуществления такой группой. Иной подход это бы исключал.

2. Преступное сообщество (преступная организация) может

---

[1] Водько Н.П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: научно-практическое пособие. М., 2000. С. 24; Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 285.

объективироваться вовне в виде структурированной организованной группы либо объединения таких групп. Данный признак складывается из двух составляющих, обусловивших двойственность закрепления названного криминального формирования. Подобная двойственность во многом объясняется схожестью их содержания. Структурированность в русском языке означает «внутреннее устройство», «наличие нескольких единиц». Не вдаваясь в специфику каждого из проявлений рассматриваемой формы соучастия, заметим, что и структурированная организованная группа должна иметь определенные элементы (подгруппы, отделения и т.п.), и объединение нескольких организованных групп состоит как минимум из двух таких формирований, действующих под единым руководством.

По нашему мнению, названная форма соучастия, представленная структурированной организованной группой, должна обладать следующими признаками: 1) наличие структурных подразделений; 2) единство руководства ими; 3) согласованность действий подразделений; 4) иерархичность.

Первым признаком выступает наличие самостоятельных единиц (структурных подразделений), которых должно быть не менее двух, что и позволяет говорить о структурированности. Каждое из них в свою очередь, исходя из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, изложенных в постановлении от 10 июня 2010 г.[1] (далее – ППВС РФ № 12), должно обладать своими показателями, в частности, наличие двух и более лиц (включая руководителя подразделения); обособленность (лица, входящие в структурные подразделения, не могут входить в иные звенья и при реализации своих намерений самостоятельно осуществляют подготовку предстоящих преступлений, обособляются с учетом функциональной направленности либо территориальной распространенности); стабильность состава (наличие постоянных членов структурного подразделения, что выражается и в его численности, которая, тем не менее, может меняться); непосредственное осуществление задуманных посягательств (однако в рамках структурированной организованной группы некоторые подразделения могут непосредственно не участвовать в совершении преступлений).

[1] О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

Следующим показателем структурированности выступает наличие единого руководства всем преступным объединением, которое предполагает наличие не просто руководителя всего криминального образования, как в простой организованной группе, а руководящего центра, куда могут входить руководители подразделений. Разработка планов совершения конкретных посягательств, осуществление организационных мероприятий, распределение преступных действий между подразделениями осуществляется только руководящим звеном.

Представляется, что признак единого руководства может заключаться и в наличии одного лица, возглавляющего данное объединение, осуществляющего общее управление. Но наряду с ним должно наличествовать и подразделение по осуществлению координации деятельности преступной организации.

Считаем, что для осуществления качественного разграничения организованных групп и преступного сообщества (преступной организации) в ППВС РФ № 12 необходимо внести пункт 5^1 следующего содержания: «Судам следует иметь в виду, что одно лицо не может являться одновременно организатором (руководителем) преступного сообщества (преступной организации) и организатором (руководителем) структурного подразделения или организованной группы, входящих в данное преступное сообщество (преступную организацию)». Такое разъяснение поможет судам избегать ошибок при применении ст. 210 УК РФ в ситуации, когда объединение не будет «дотягивать» до показателей структурированной организованной группы либо объединения организованных групп.

Следующим обязательным показателем структурированности объединения выступает взаимодействие образующих его подразделений между собой, что в конченом итоге проявляется в согласованности их действий. Она не обязательно должна выражаться в том, что члены таких подразделений непосредственно обсуждают намеченные планы и распределяют между собой роли для достижения преступного результата. Это осуществляется на уровне руководителей подразделений. Именно они являются тем коррелирующим механизмом, который и предназначен не только для налаживания контактов между структурными подразделениями как таковыми, но и для обеспечения взаимосвязи последних с руководящим составом организации.

Наконец, последним показателем структурированности преступного сообщества (преступной организации) выступает иерархичность.

Закон, указывая на наличие структурированной организованной

группы, подчеркивает необходимость ее внутреннего построения. Последнее должно выражаться не только в количественном показателе криминального объединения и взаимодействиях его участников между собой в процессе преступной деятельности, но и в строгой соподчиненности внутри всего формирования. Вряд ли можно согласиться с мнением Верховного Суда РФ о том, что структурное подразделение может состоять из двух членов, включая руководителя. Фактически иерархичность внутри такого структурного подразделения будет выражена крайне слабо. Структурированность часто обеспечивается наличием строгой дисциплины внутри объединения. Нижестоящие участники подразделения подчиняются вышестоящим не просто на основании каких-то межличностных взаимосвязей, а на основе индивидуальной ответственности, которая может быть весьма жесткой – вплоть до лишения жизни участника объединения за те деяния, которые он совершил вопреки указаниям руководства.

3. Еще одним признаком преступного сообщества (преступной организации) выступает цель создания.

Она определена в законе как «совместное совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды». Следовательно, выделяются следующие компоненты цели: а) совместность преступной деятельности; б) желание совершения одного или несколько преступлений; в) категорийность планируемых преступлений (тяжкие или особо тяжкие); г) получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды как результат совместной преступной деятельности.

Что касается совместности преступной деятельности, то в данном случае отчасти происходит дублирование данного признака, заложенного в базовом понятии соучастия. Совместность необходимо понимать как предстоящее поведение нескольких лиц при осознании ими того обстоятельства, что они являются членами преступного объединения. Именно поэтому законодатель указывает не на совместное участие в преступном сообществе, а на совместность предстоящих преступлений[1].

О желании совершить одно или нескольких преступлений свидетельствует как сама структура, так и длительность существования рассматриваемых преступных объединений, а также тот факт, что их цель

[1] Казанкова И.Н. К вопросу о цели создания преступного сообщества (преступной организации) // Юристъ-правоведъ. 2013. № 5. С. 52–53.

– получение прямо или косвенно финансовой и иной материальной выгоды.

Еще одним компонентом цели выступает категорийность планируемых преступлений (тяжкие или особо тяжкие). Очевидно, что такой подход делает невозможным привлечение к уголовной ответственности участников преступного формирования по ст. 210 УК РФ при совершении ими преступлений иных категорий. Отметим, что данный признак не соответствует реалиям современной действительности. Многие из весьма «прибыльных» уголовно-наказуемых деяний относятся к категории средней тяжести, а некоторые и к небольшой, но могут совершаться и совершаются преступными сообществами (преступными организациями). Вместе с тем вопрос о цели создания названных объединений надлежит анализировать не с точки зрения того преступного результата, ради достижения которого они образуются.

Получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды как результат совместной преступной деятельности трактуется ППВС РФ № 12 следующим образом: под прямым получением финансовой или иной материальной выгоды понимается совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, в результате которых осуществляется непосредственное противоправное обращение в пользу членов соответствующего преступного объединения денежных средств, иного имущества, включая ценные бумаги и т.п.; под косвенным – совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, непосредственно не посягающих на чужое имущество, но обусловливающих в дальнейшем получение денежных средств и прав на имущество или иной имущественной выгоды не только членами сообщества (организации), но и другими лицами.

Анализируя регламентацию признаков преступного сообщества (преступной организации) в рамках международного права, прежде всего следует подчеркнуть, что определение форме соучастия, закрепленной в ч. 4 ст. 35 УК РФ, дается в ст. 2 Конвенции. В соответствии с данным определением транснациональная организованная группа характеризуется следующими признаками: 1) численный состав не менее трех человек; 2) существование в течение определенного периода времени; 3) наличие развитой структуры и предварительного сговора, не обязательно формально определенных; 4) согласованность действий при совершении преступлений; 5) цель – совершение одного или нескольких преступлений, признанных таковыми Конвенцией

и носящих транснациональный характер; 6) направленность преступной деятельности на получение, прямо или косвенно, финансовой или иной материальной выгоды (введение этого признака обусловлено стремлением отграничить названную группы от организаций террористической и политической направленности).

На наш взгляд, вполне обоснованная попытка отечественного законодателя приблизиться к формулировкам, содержащимся в Конвенции, удалась не в полной мере. Однако, справедливости ради, стоит подчеркнуть, что Конвенция закрепляет обязательства государств криминализовать участие в названной группе в соответствии с правилами и традициями своей правовой системы и особенностями социальной и криминологической обстановки. Поэтому ожидания механического воспроизведения положений конвенции в УК РФ были изначально иллюзорными.

Итак, ч. 4 ст. 35, как и 210 УК РФ, не вполне соответствуют положениям Конвенции. Национальный законодатель в соответствии со своими прерогативами усилил ответственность за создание группы в ст. 210 УК РФ, исключив такой криминообразующий признак, как цель получения материальной выгоды, и не указав минимальное количество членов объединения. Такой подход вполне допустим, так как согласно ч. 3 ст. 34 Конвенции «государство–участник может принимать более строгие или суровые меры, чем меры, предусмотренные Конвенцией, для предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней». Вместе с тем это вряд ли оправданно, так как ни с юридической, ни с психологической точек зрения нельзя считать сплоченной группу из двух лиц. Указанием на цель извлечения прибыли акцентируется внимание на криминологическом понимании организованной преступности, преимущественно носящей корыстный характер.

С другой стороны, отечественный законодатель ослабил ответственность по сравнению с Конвенцией в результате указания в ч. 4 ст. 35 УК РФ именно на преступное сообщество (преступную организацию), а не на обычную организованную группу. Кроме того, ч. 4 ст. 35 УК РФ свидетельствует о необоснованном смягчении ответственности за совершение преступления названными объединениями, поскольку указывает на присущую ему цель совершения тяжких или особо тяжких преступлений, т.е. с максимальной санкцией от 5 лет лишения свободы (в Конвенции аналогичный срок по серьезным пре-

ступлениям составляет от 4 лет). Очевидно, что конвенционное определение признаков организованной группы является более жестким по сравнению с национальным. Учитывая, что понятие серьезных преступлений, согласно Конвенции, имеет значение лишь для организованных форм преступной деятельности, уровень наказуемости можно указать непосредственно в ст. 35 УК РФ без введения новых терминов или корректирования существующих.

Таким образом, в результате рассмотрения признаков преступного сообщества (преступной организации) сквозь призму международного и отечественного уголовного права можно прийти к следующим выводам:

1. Указанные объединения характеризуются следующими обязательными признаками: 1) они должно обладать всеми признаками организованной группы; 2) могут объективироваться в форме структурированной организованной группы либо объединения организованных групп; 3) цель создания – систематическое совместное совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

2. Преступное сообщество (преступная организация), представленное структурированной организованной группой, обладает такими признаками, как наличие структурных подразделений; единство руководства ими; согласованность их действий; иерархичность.

3. Структурные подразделения названных объединений должны характеризоваться следующими показателями: наличие двух и более лиц; обособленность; стабильность состава; непосредственность совершения преступных деяний, планируемых объединением.

4. Для осуществления качественного разграничения организованных групп и преступного сообщества (организации) в ППВС РФ № 12 необходимо внести пункт 5^1 следующего содержания: «Судам следует иметь в виду, что одно лицо не может являться одновременно организатором (руководителем) преступного сообщества (преступной организации) и организатором (руководителем) структурного подразделения или организованной группы, входящих в данное преступное сообщество (преступную организацию)».

5. Аккумулируя изложенное, предлагается изложить ч. 4 ст. 35 УК РФ в следующей редакции:

4. Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено созданной на длительный период времени структурированной организованной группой либо объединением организованных групп, действующих

под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения умышленных преступлений, наказуемых лишением свободы на срок не менее четырех лет, для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды».

Список литературы:

1. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.

2. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее: Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Водько Н.П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: научно-практическое пособие. М., 2000.

4. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001.

5. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

6. Казанкова И.Н. К вопросу о цели создания преступного сообщества (преступной организации) // Юристъ-правоведъ. 2013. № 5. С. 50–54.

© Прохорова М.Л., 2025,
© Куфлева В.Н., 2025

EDN: TVDZHN

Редкоус Владимир Михайлович,
Институт государства и права РАН,
ведущий научный сотрудник сектора
административного права и административного процесса,
профессор Академии управления МВД России (г. Москва),
доктор юридических наук, профессор

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОСТАВЛЕНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Аннотация: в настоящей статье выделены основные методологические условия составления статистических учетов в области противодействия коррупции в целях информационного обеспечения применения законодательства о коррупции. Показано, что статистические учеты базируются на законодательном закреплении понятия «коррупция», критериях отнесения преступлений к разряду коррупционных, распределении компетенции между государственными органами в области противодействия коррупции.

Ключевые слова: противодействие коррупции; статическое обеспечение; информационное обеспечение; законодательство; органы прокуратуры; преступления коррупционного характера.

Статистическое и информационное обеспечение применения законодательства о коррупции требует ведения четкой статистической отчетности преступлений коррупционного характера. О важности рассматриваемых учетов пишет Н.Б. Лагуткина[1]. Различные государства решают это по-разному[2], однако анализ зарубежного опыта позволяет

[1] Лагуткина Н.Б. Особенности формирования статистической отчетности о коррупционных преступлениях // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179). С. 132.

[2] О едином учете преступлений : приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Министерства экономического развития и торговли РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 // Рос. газета. 2006. 25 янв. № 13.

определить ряд методологических условий составления статистических учетов в области противодействия коррупции.

Рассмотрим положительный опыт Республики Таджикистан (далее – РТ), где постановлением Правительства РТ от 7 сентября 2006 г. № 414 утверждена Инструкция статистического учета преступлений коррупционного характера и перечень этих преступлений (далее – Инструкция)[1]. Статистический отчет формы № 1 – коррупция (далее – СОФ 1 – К) состоит из следующих разделов: Раздел 1 – «Состояние прокурорского надзора за исполнением и соблюдением Закона РТ «О борьбе с коррупцией; Раздел 2 – «Рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях коррупционного характера»; Раздел 3 – «Сведения о выявлении преступлений коррупционного характера»; Раздел 4 – «Преступления коррупционного характера в отраслях и сферах деятельности»; Раздел 5 – «Состояние следствия по преступлениям коррупционного характера»; Раздел 6 – «Сведения о лицах, совершивших преступления коррупционного характера»; Раздел 7 – «Судебное рассмотрение уголовных дел о преступлениях коррупционного характера»; Раздел 8 – «О наказаниях, назначенных судами за совершение преступлений коррупционного характера»; Раздел 9 – «О лицах, осужденных за совершение преступлений коррупционного характера». Субъектами СОФ 1 – К являются следующие органы: органы прокуратуры РТ (включая военные прокуратуры РТ); органы внутренних дел РТ; органы национальной безопасности РТ (включая пограничные органы); органы по контролю за наркотиками при Президенте РТ; органы государственного финансового контроля и борьбе с коррупцией РТ; таможенные органы РТ; учреждения исполнения уголовных наказаний Министерства юстиции РТ; судьи РТ; иные органы дознания РТ, которым уголовно-процессуальным законодательством РТ предоставлено право возбуждать уголовные дела и проводить дознание.

Инструкция определяет порядок составления и представления отчета. Раздел 1 – «Состояние прокурорского надзора за исполнением и соблюдением Закона РТ «О борьбе с коррупцией»» отражает результаты деятельности органов прокуратуры в этом направлении и заполняется по правилам, установленным для заполнения статистического отчета формы № П «Отчет о работе прокурора». Сведения, отражае-

[1] Об утверждении Инструкции статистического учета преступлений коррупционного характера и перечень этих преступлений: постановление Правительства РТ от 7 сентября 2006 г. № 414 // URL: https://spinform.ru/ (дата обращения: 1.04.2025)

мые в этом разделе, должны основываться на данных следующих первичных документов, прилагаемых к отчету: список проверок состояния исполнения и соблюдения Закона РТ «О борьбе с коррупцией»; список актов прокурорского реагирования по нарушениям данного Закона; список лиц привлеченных по актам прокурорского реагирования к дисциплинарной, административной и материальной ответственности; список уголовных дел возбужденных по результатам проведения проверок и других мероприятий; справка о сумме ущерба, возмещенного по актам прокурорского реагирования с приложением подтверждающих документов.

Раздел 2 – «Рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях коррупционного характера» отражает деятельность всех правоохранительных органов по рассмотрению заявлений и сообщений о преступлениях коррупционного характера. Раздел 3 – «Сведения о выявлении преступлений коррупционного характера» формируется на основе данных статистических карточек форм № 1.0 (на выявленное преступление) и № 1.1 (о раскрытии преступления или других результатах расследования) и отражает количество зарегистрированных преступлений, возбужденных уголовных дел и материалов, по которым отказано в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Раздел 4 – «Преступления коррупционного характера в отраслях и сферах деятельности» формируется на основе данных статистических карточек форм № 1.0 (на выявленное преступление) и № 1.1 (о раскрытии преступления или других результатах расследования) и отражает отраслевую принадлежность выявленных преступлений. В графе 1 этого раздела отражаются все преступления коррупционного характера, уголовные дела по которым в отчетном периоде с утверждением обвинительного заключения направлены в суд, по нереабилитирующим основаниям прекращены уголовные дела или отказано в возбуждении уголовного дела органами, уполномоченными на борьбу с коррупцией.

Раздел 5 – «Состояние следствия по уголовным делам о преступлениях коррупционного характера» составляется на основе государственного статистического отчета формы № 1-Е «О следственной работе» и прилагаемых к нему списков. Раздел 6 – «Сведения о лицах, совершивших преступления коррупционного характера» формируется на основе данных статистических карточек формы № 2.0 (на лицо, со-

вершившее преступление) и отражает ведомственную принадлежность, а также занимаемые должности лиц, совершивших преступления коррупционного характера.

Разделы 7, 8 и 9 отчета формируются на основе статистической карточки «О результатах судебного рассмотрения уголовного дела (справка № 6)», форма которой утверждена Генеральной прокуратурой РТ с другими субъектами регистрации и учета преступлений совместно с Верховным Судом РТ. Раздел 8 – «О наказаниях, назначенных судами за совершение преступлений коррупционного характера» является логическим продолжением раздела 7 отчета и отражает не количество уголовных дел, рассмотренных судами, а количество лиц, осужденных судами за отчетный период. Раздел 9 – «О лицах, осужденных за совершение преступлений коррупционного характера» отражает ведомственную, отраслевую, а также должностную дифференциацию лиц, осужденных за совершение преступлений коррупционного характера.

Анализ положений Инструкции позволяет выделить ряд методологических условий составления рассматриваемых отчетов. Во-первых, статистические учеты являются фактором систематизации информации в области противодействия коррупции, изучения тенденций в данной области и прогнозирования развития ситуации. Во-вторых, в основе подготовки статических учетов лежат критерии отнесения преступлений к разряду коррупционных. При составлении СОФ 1 – К следует учесть, что УК РТ не имеет специального раздела или главы о преступлениях коррупционного характера, которые расположены в структуре различных разделов и глав УК. Относимость преступлений к разряду коррупционных определяется исходя из наличия в оцениваемом деянии признаков коррупции, закрепленных в Законе РТ «Об борьбе с коррупцией». В-третьих, при подготовке СОФ 1 – К учитывается распределение полномочий между уполномоченными государственными органами РТ в области противодействия коррупции и их специализация. В-четвертых, СОФ 1 – К не заменяет, не изменяет и не отменяет другие действующие формы отчетности правоохранительных органов, судов и Совета юстиции РТ. В-пятых, данные, включаемые в СОФ 1 – К, являются дополнительными и должны вытекать из данных действующих форм отчетности правоохранительных органов, судов и Совета юстиции РТ, которые основаны на иных критериях учета преступлений и лиц, их совершивших. Все это свидетель-

ствует о необходимости продолжения сравнительно-правовых исследований в рассматриваемой области, о чем говорится как в работах автора[1], так и других ученых[2].

Список литературы:

1. Лагуткина Н.Б. Особенности формирования статистической отчетности о коррупционных преступлениях // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179). С. 132–135.

2. О едином учете преступлений: приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Министерства экономического развития и торговли РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 // Рос. газета. 2006. 25 янв. № 13.

3 О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 25 июня 2024 г. № 462/11/2 // СПС «Гарант-Максимум».

4. Об утверждении Инструкции статистического учета преступлений коррупционного характера и перечень этих преступлений: постановление Правительства РТ от 7 сентября 2006 г. № 414 // URL: https://spinform.ru/ (дата обращения: 1.04.2025).

5. Редкоус В.М. Особенности административно-правового обеспечения национальной безопасности в современных условиях // Закон и право. 2010. № 8. С. 107–109.

6. Кирюхин В.В. Административная деятельность полиции по профилактике правонарушений несовершеннолетних: теоретико-правовые основы и направления совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 35 с.

© Редкоус В.М., 2025

[1] Редкоус В.М. Особенности административно-правового обеспечения национальной безопасности в современных условиях // Закон и право. 2010. № 8. С. 107–109.

[2] Кирюхин В.В. Административная деятельность полиции по профилактике правонарушений несовершеннолетних: теоретико-правовые основы и направления совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017.

EDN: UMQXYN

Сайтбеков Айдар Муталикович,
Самостоятельный соискатель
Университета общественной безопасности
Республики Узбекистан,
к.ю.н., д.п.н., профессор

ОТГРАНИЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ ОТ ДРУГИХ ВИДОВ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Аннотация: статья посвящена проблемам отграничения деятельного раскаяния от других видов освобождения от уголовной ответственности по уголовному законодательству Республики Узбекистан. В исследовании анализируется правовое содержание института деятельного раскаяния, определяются его отличия от примирения, освобождения по болезни, истечения срока давности и других оснований освобождения. В работе рассматриваются объективные и субъективные признаки деятельного раскаяния, проблемы его практического применения и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: деятельное раскаяние, освобождение от уголовной ответственности, примирение, срок давности, болезнь, Уголовный кодекс Узбекистана.

Институт освобождения от уголовной ответственности занимает важное место в системе уголовного права Республики Узбекистан, представляя собой проявление принципа гуманизма и дифференциации уголовной ответственности. Особое значение среди оснований освобождения от уголовной ответственности имеет деятельное раскаяние, закрепленное в статье 66 Уголовного кодекса Республики Узбекистан. Актуальность исследования отграничения деятельного раскаяния от других видов освобождения от уголовной ответственности обусловлена необходимостью правильного применения данного института в судебно-следственной практике. Неточное понимание различий между деятельным раскаянием и другими основаниями освобождения

может привести к ошибкам в правоприменении и нарушению принципов справедливости и законности.

Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности регламентировано статьей 66 Уголовного кодекса Республики Узбекистан. Данный институт представляет собой добровольные активные действия лица, совершившего преступление, направленные на возмещение причиненного ущерба, содействие раскрытию преступления и демонстрацию изменения социальной опасности личности.

Правовая природа деятельного раскаяния определяется активным характером поведения, который требует от лица совершения конкретных действий, а не простого признания вины. Добровольность означает, что действия должны быть совершены по внутреннему убеждению лица, а не под принуждением. Направленность на возмещение ущерба предполагает стремление загладить причиненный вред. Содействие правосудию включает помощь в раскрытии и расследовании преступления. Деятельное раскаяние отличается от простого раскаяния или признания вины тем, что требует активных позитивных действий со стороны виновного лица после совершения преступления.

Мнения ученых по вопросам деятельного раскаяния характеризуется разнообразием подходов ученых копределению его сущности и критериев применения. А.Г. Калугин в своей монографии «Деятельное раскаяние в российском уголовном и уголовно-процессуальном праве» обосновывает позицию о том, что деятельное раскаяние должно рассматриваться как комплексный институт, охватывающий как материально-правовые, так и процессуальные аспекты. По мнению автора, «деятельное раскаяние представляет собой не просто признание вины, а активное позитивное поведение лица, направленное на возмещение причиненного вреда и содействие правосудию»[1].

Иную точку зрения высказывает А.В. Ендольцева, которая в докторской диссертации «Институт освобождения от уголовной ответственности» критикует расширительное толкование деятельного раскаяния и настаивает на необходимости четкого разграничения его от других оснований освобождения. Автор подчеркивает, что «смешение различных институтов освобождения приводит к нару-

[1] Калугин А.Г. Деятельное раскаяние в российском уголовном и уголовно-процессуальном праве: монография. Красноярск, 2001. С. 67.

шению принципа справедливости и может способствовать безнаказанности»[1]. Данная позиция представляется более обоснованной с точки зрения правовой определенности и соблюдения принципа законности.

Особую дискуссию вызывает вопрос о критериях оценки искренности раскаяния. А.А. Магомедов в диссертационном исследовании отмечает, что «субъективная сторона деятельного раскаяния должна оцениваться исключительно через объективные проявления поведения лица»[2]. Противоположную позицию занимает А. Савкин, утверждая, что деятельное раскаяние невозможно без внутреннего осознания лицом неправильности своего поведения и искреннего желания загладить причиненный вред»[3].

Применительно к узбекскому законодательству следует отметить вклад М.Х. Рустамбаева, который в учебнике «Уголовное право Республики Узбекистан» подчеркивает национальные особенности института деятельного раскаяния, связанные с традициями восстановительного правосудия[4]. Автор справедливо указывает на необходимость учета менталитета и правовых традиций при применении данного института.

Дискуссионным остается вопрос о соотношении деятельного раскаяния и примирения с потерпевшим. Э.Д. Дадакаев в кандидатской диссертации «Институт деятельного раскаяния и его реализация при освобождении от уголовной ответственности» предлагает рассматривать примирение как частный случай деятельного раскаяния[5]. Однако данная позиция представляется спорной, поскольку игнорирует принципиальные различия в правовой природе этих институтов.

Заслуживает внимания исследование К.В. Аббасходжаевой, которая проанализировала исторические аспекты развития деятельного раскаяния в советский период и пришла к выводу о том, что «современное понимание деятельного раскаяния во многом базируется

---

[1] Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности. М., 2005. С. 145.

[2] Магомедов А.А. Правовые и организационные основы освобождения от уголовной ответственности. М., 1998. С. 78.

[3] Савкин А. Деятельное раскаяние – свобода от ответственности // Российская юстиция. 1997. № 12. С. 34.

[4] Рустамбаев М.Х. Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть: Учебник. Ташкент, 2005. С. 89.

[5] Дадакаев Э.Д. Институт деятельного раскаяния и его реализация при освобождении от уголовной ответственности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 124.

на опыте советского уголовного законодательства, но требует переосмысления с учетом демократических принципов правосудия»[1].

Проведенное исследование показывает, что деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности имеет четко выраженную специфику, отличающую его от других институтов освобождения, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Узбекистан.

Одним из наиболее близких к деятельному раскаянию оснований освобождения от уголовной ответственности является примирение с потерпевшим, закрепленное в статье 66–1 УК Республики Узбекистан. Деятельное раскаяние и примирение имеют ряд общих черт: оба применяются преимущественно к преступлениям небольшой и средней тяжести, предполагают позитивное посткриминальное поведение виновного, требуют возмещения причиненного ущерба, являются проявлением восстановительного правосудия. Несмотря на сходства, между деятельным раскаянием и примирением существуют принципиальные различия. По субъектному составу деятельное раскаяние может быть применено независимо от позиции потерпевшего, тогда как примирение обязательно требует согласия потерпевшего на прекращение уголовного дела. По процедурным аспектам деятельное раскаяние оценивается правоприменителем на основании объективных критериев, а примирение базируется на взаимном волеизъявлении сторон конфликта. По содержанию действий деятельное раскаяние включает явку с повинной и содействие следствию, примирение ограничивается заглаживанием вреда и достижением согласия с потерпевшим. По правовым последствиям при деятельном раскаянии учитывается изменение общественной опасности личности, при примирении основанием является восстановление нарушенных прав потерпевшего.

Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности регламентировано статьей 66 Уголовного кодекса Республики Узбекистан. Данный институт представляет собой добровольные активные действия лица, совершившего преступление, направленные на возмещение причиненного ущерба, содействие раскрытию преступления и демонстрацию изменения социальной опасности личности. Правовая природа деятельного раскаяния определяется активным характером поведения, который требует от лица совершения конкретных действий, а не простого признания вины. Добровольность

[1] Аббасходжаева К.В. Деятельное раскаяние в уголовном законодательстве РСФСР // Молодой ученый. 2022. № 44. С. 71.

означает, что действия должны быть совершены по внутреннему убеждению лица, а не под принуждением. Направленность на возмещение ущерба предполагает стремление загладить причиненный вред. Содействие правосудию включает помощь в раскрытии и расследовании преступления. Деятельное раскаяние отличается от простого раскаяния или признания вины тем, что требует активных позитивных действий со стороны виновного лица после совершения преступления.

Наиболее сложным с теоретической и практической точек зрения является отграничение деятельного раскаяния от примирения с потерпевшим, закрепленного в статье 66–1 УК Республики Узбекистан, поскольку эти институты имеют значительное количество общих черт и нередко пересекаются в правоприменительной практике.

Общие черты деятельного раскаяния и примирения с потерпевшим проявляются в нескольких аспектах. Во-первых, оба института применяются преимущественно к преступлениям небольшой и средней тяжести, что обусловлено принципом соразмерности уголовно-правового воздействия степени общественной опасности совершенного деяния.

Во-вторых, оба института предполагают активное позитивное посткриминальное поведение виновного лица, направленное на исправление последствий совершенного преступления. Это активное поведение может выражаться в различных формах: возмещении имущественного ущерба, компенсации морального вреда, публичном извинении, оказании помощи потерпевшему и других действиях, направленных на восстановление нарушенных прав.

В-третьих, важнейшей общей чертой является требование возмещения или заглаживания причиненного преступлением вреда. Данное требование отражает восстановительную функцию уголовного права, направленную на компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и восстановление социальной справедливости.

В-четвертых, оба института являются проявлением концепции восстановительного правосудия, которая в последние десятилетия получает все более широкое признание в мировой юридической практике.

В-пятых, существенной общностью является то, что оба института направлены на индивидуализацию уголовной ответственности и дифференциацию мер государственного принуждения в зависимости от поведения лица после совершения преступления. А. Савкин подчеркивает, что «применение как деятельного раскаяния, так и примирения

позволяет учесть не только тяжесть совершенного преступления, но и личность виновного, его отношение к содеянному».

Несмотря на указанные общие черты, между деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим существуют принципиальные различия, которые имеют важное значение для правильного применения этих институтов в судебно-следственной практике. Наиболее существенное различие касается субъектного состава и роли потерпевшего в процедуре освобождения от уголовной ответственности. При деятельном раскаянии решение о прекращении уголовного дела принимается исключительно компетентными государственными органами на основании оценки поведения виновного лица и степени изменения его общественной опасности. В отличие от этого, примирение с потерпевшим носит двусторонний характер и обязательно требует взаимного согласия как виновного, так и потерпевшего на прекращение уголовного преследования. При этом согласие потерпевшего должно быть добровольным, осознанным и не должно быть получено под влиянием обмана, принуждения или иных незаконных методов воздействия. Данное различие имеет принципиальное значение, поскольку отражает различную правовую природу этих институтов: если деятельное раскаяние основано на публично-правовых началах и направлено на защиту общественных интересов, то примирение базируется на диспозитивных началах и призвано в первую очередь защитить интересы конкретного потерпевшего.

Следующее важное различие касается процедурных аспектов применения этих институтов. При деятельном раскаянии правоприменитель (следователь, прокурор, суд) самостоятельно оценивает наличие всех необходимых условий для освобождения от уголовной ответственности на основании объективных критериев, установленных законом. При примирении же основным критерием является достижение взаимного согласия между сторонами конфликта, при этом правоприменитель лишь констатирует факт примирения и проверяет соблюдение процедурных требований закона. Различие в процедурах применения этих институтов отражает их различную сущность: если деятельное раскаяние является актом государственного поощрения позитивного поведения, то примирение представляет собой способ разрешения уголовно-правового конфликта между частными лицами при содействии государства.

Они также различаются содержанием действий, которые должно совершить виновное лицо для применения соответствующего института. Деятельное раскаяние предполагает выполнение определенного комплекса действий, прямо предусмотренных статьей 66 УК Республики Узбекистан: добровольную явку с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, возмещение причиненного ущерба или заглаживание вреда иным способом. Примирение же ограничивается двумя основными требованиями: заглаживанием причиненного потерпевшему вреда и достижением согласия на прекращение уголовного дела. При этом способы заглаживания вреда при примирении могут быть более разнообразными и гибкими, поскольку определяются по взаимному согласию сторон, а не жесткими рамками закона. Как подчеркивает М.Х. Рустамбаев, «при примирении стороны сами определяют условия восстановления нарушенных прав, что позволяет более полно учесть специфику конкретной ситуации».

Следующее различие касается правовых оснований и философии применения этих институтов. При деятельном раскаянии основанием для освобождения от уголовной ответственности является установление факта утраты лицом общественной опасности вследствие его позитивного посткриминального поведения. Это означает, что общество признает исчерпанность конфликта между личностью и государством, а необходимость в применении уголовного наказания отпадает в связи с достижением целей уголовно-правового воздействия без его фактического применения. При примирении же основанием является восстановление нарушенных прав потерпевшего и урегулирование конфликта между частными лицами. Здесь на первый план выходит не столько изменение личности виновного, сколько компенсация ущерба и восстановление социальной справедливости в отношениях между конкретными субъектами.

Очередное различие связано с временными рамками и моментом применения этих институтов. Деятельное раскаяние может проявляться на любой стадии уголовного процесса, начиная с момента совершения преступления и заканчивая вынесением приговора, при этом чем раньше проявляется деятельное раскаяние, тем выше его правовое значение. Примирение же, как правило, происходит на более поздних стадиях уголовного процесса, когда стороны уже имеют полное представление о характере и размере причиненного вреда, обстоятельствах дела и возможных правовых последствиях. Это связано с тем,

что для достижения примирения необходимы переговоры между сторонами, определение условий заглаживания вреда и достижение взаимного согласия, что требует определенного времени и, как правило, участия посредников.

Выделяются еще и различие касается роли правоохранительных органов в процедуре применения этих институтов. При деятельном раскаянии правоохранительные органы выступают в качестве активных участников процесса оценки поведения виновного лица и принятия решения об освобождении от уголовной ответственности. А.А. Магомедов подчеркивает, что «следователь и прокурор должны активно способствовать реализации деятельного раскаяния, создавать условия для полного возмещения вреда и содействия расследованию». При примирении роль правоохранительных органов более пассивна и сводится преимущественно к контролю за соблюдением процедурных требований, проверке добровольности примирения и полноты заглаживания вреда. Правоохранительные органы не должны принуждать стороны к примирению или навязывать им конкретные условия урегулирования конфликта, их задача состоит в обеспечении законности процедуры и защите прав участников процесса.

Особое различие связано с возможностью повторного применения этих институтов. Деятельное раскаяние, согласно статье 66 УК Республики Узбекистан, может быть применено только к лицам, впервые совершившим преступление, что исключает возможность его повторного использования в отношении одного и того же лица. Данное ограничение обусловлено тем, что деятельное раскаяние рассматривается как свидетельство случайности совершения преступления и возможности исправления лица без применения уголовного наказания. Примирение же теоретически может применяться неоднократно, поскольку основано на частно-правовых началах и направлено на урегулирование конкретного конфликта между определенными лицами. Однако на практике повторное применение примирения в отношении одного лица может рассматриваться как злоупотребление правом и должно подвергаться особо тщательной проверке со стороны правоохранительных органов и суда.

Одним из важных аспектов является влияния этих институтов на правовое положение лица в будущем. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием не создает состояния судимости и, следовательно, не влечет каких-либо правоограничений

для лица в будущем. Более того, деятельное раскаяние рассматривается как положительная характеристика личности и может учитываться при решении различных вопросов, связанных с правовым статусом лица. Примирение с потерпевшим также не создает состояния судимости, однако факт его применения может рассматриваться правоприменителем более нейтрально, поскольку основан преимущественно на частных интересах сторон, а не на публично-правовой оценке изменения личности виновного. Следует заметить, что практическое разграничение деятельного раскаяния и примирения с потерпевшим имеет важное значение для правильного применения этих институтов в судебно-следственной практике. Ошибочное смешение этих оснований освобождения от уголовной ответственности может привести к нарушению прав как виновного, так и потерпевшего, а также к неправильной правовой оценке обстоятельств дела.

Статья 64 УК Республики Узбекистан устанавливает освобождение от уголовной ответственности вследствие истечения срока давности привлечения к ответственности. Данное основание кардинально отличается от деятельного раскаяния. По правовой природе деятельное раскаяние представляет собой материальное основание, связанное с поведением лица, а истечение давности является формальным основанием, связанным с течением времени. По активности субъекта деятельное раскаяние требует активных действий виновного, при истечении давности активность лица не требуется. По дискреционности применения деятельное раскаяние применяется при оценке совокупности обстоятельств, истечение давности применяется автоматически при соблюдении временных рамок. По категориям преступлений деятельное раскаяние, как правило, применяется к преступлениям небольшой и средней тяжести, сроки давности дифференцированы в зависимости от тяжести преступления. Согласно действующему законодательству Узбекистана, сроки давности составляют 3 года для преступлений, не представляющих большой общественной опасности, 5 лет для менее тяжких преступлений, 10 лет для тяжких преступлений, 15 лет для особо тяжких преступлений. В отличие от деятельного раскаяния, истечение срока давности не требует оценки личности виновного и его посткриминального поведения.

Статья 65 УК Республики Узбекистан предусматривает освобождение от ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности. Оба основания требуют оценки изменения общественной опасности, предполагают утрату лицом криминальной

направленности, применяются с учетом личности виновного. По основаниям применения при деятельном раскаянии утрата общественной опасности связана с конкретными действиями лица, при применении статьи 65 утрата может быть связана с объективными обстоятельствами. По временным рамкам деятельное раскаяние проявляется сразу после совершения преступления, утрата общественной опасности может происходить в любой момент до вынесения приговора. По критериям оценки деятельное раскаяние имеет четко определенные законом критерии, утрата общественной опасности оценивается в каждом конкретном случае.

Статья 67 УК Республики Узбекистан предусматривает освобождение от ответственности по болезни. Данное основание имеет медицинский характер и кардинально отличается от деятельного раскаяния. По природе оснований деятельное раскаяние представляет морально-правовое основание, освобождение по болезни является медицинским основанием. По зависимости от воли лица деятельное раскаяние зависит от волеизъявления виновного, болезнь является объективным обстоятельством. По процедуре применения деятельное раскаяние оценивается правоприменителем, освобождение по болезни требует медицинского заключения. По правовым последствиям при деятельном раскаянии лицо полностью освобождается от ответственности, при освобождении по болезни возможно применение принудительных мер медицинского характера.

Статья 68 УК Республики Узбекистан регламентирует освобождение от ответственности на основании акта амнистии. По источнику права деятельное раскаяние является институтом уголовного права, амнистия представляет акт государственного управления. По персонализации деятельное раскаяние применяется индивидуально, амнистия имеет массовый характер. По условиям применения деятельное раскаяние требует активного поведения лица, амнистия применяется независимо от поведения виновного.

Анализ правоприменительной практики показывает наличие ряда проблем в разграничении деятельного раскаяния от других оснований освобождения. Основными проблемами являются смешение деятельного раскаяния и примирения при наличии согласия потерпевшего на прекращение дела, неточная оценка критериев деятельного раскаяния при решении вопроса об утрате общественной опасности, недостаточное обоснование выбора конкретного основания освобождения в судебных решениях. Для устранения выявленных проблем предлагается

совершенствование подготовки правоприменителей в части изучения различий между институтами освобождения, разработка методических рекомендаций по применению статьи 66 УК Республики Узбекистан, унификация судебной практики через обобщения Верховного суда, законодательное уточнение критериев деятельного раскаяния.

Практика применения деятельного раскаяния в Республике Узбекистан показывает важность правильного понимания его отличий от других оснований освобождения. Суды при применении статьи 66 УК должны учитывать добровольность явки с повинной, активность содействия следствию, полноту возмещения ущерба, искренность раскаяния, изменение общественной опасности личности. Типичными ошибками в практике являются применение деятельного раскаяния при отсутствии всех необходимых условий, смешение с другими основаниями освобождения, неправильная оценка добровольности действий виновного, недостаточное обоснование решений.

Институт деятельного раскаяния известен законодательству многих государств постсоветского пространства. Сравнительный анализ показывает общие тенденции стимулирования позитивного посткриминального поведения, дифференциации в зависимости от категории преступления, требования возмещения ущерба. Особенностями регулирования в Узбекистане являются четкое разграничение с институтом примирения, учет национальных традиций восстановительного правосудия, акцент на изменении общественной опасности личности.

На основании проведенного анализа можно сформулировать законодательные предложения по уточнению в статье 66 УК критериев оценки деятельного раскаяния, установлению более четких границ между деятельным раскаянием и примирением, предусмотрению особенностей применения к различным категориям преступлений. Практические рекомендации включают разработку единых стандартов оценки деятельного раскаяния, усиление мотивировки судебных решений по данной категории дел, обеспечение единообразия правоприменительной практики.

Деятельное раскаяние представляет собой самостоятельный институт уголовного права, обладающий уникальными признаками и требующий активного позитивного поведения лица после совершения преступления. Отграничение от примирения основывается на различии в субъектном составе и процедурных аспектах: деятельное раскаяние не требует согласия потерпевшего, а примирение является двусторон-

ним актом. Отличие от формальных оснований освобождения (истечение давности, амнистия) заключается в материальном характере деятельного раскаяния, требующего оценки поведения и личности виновного. Специфика по отношению к медицинским основаниям проявляется в морально-правовой природе деятельного раскаяния в противовес объективному характеру болезни. Правоприменительная практика нуждается в совершенствовании через разработку четких критериев разграничения институтов и унификацию судебной практики.

Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности для совершенствования уголовного законодательства, в правоприменительной практике для обеспечения единообразного применения норм об освобождении от уголовной ответственности, в образовательном процессе при подготовке юристов, в научных исследованиях проблем уголовного права. Дальнейшее развитие института деятельного раскаяния в уголовном праве Республики Узбекистан должно осуществляться в направлении детализации критериев оценки искренности раскаяния, расширения сферы применения на новые категории преступлений, интеграции с международными стандартами восстановительного правосудия, совершенствования процедур применения в судебной практике. Правильное понимание различий между деятельным раскаянием и другими основаниями освобождения от уголовной ответственности является необходимым условием эффективного функционирования системы уголовного правосудия и обеспечения принципов справедливости и гуманизма в уголовном праве Республики Узбекистан.

Список литературы:

1. Аббасходжаева К.В. Деятельное раскаяние в уголовном законодательстве РСФСР // Молодой ученый. 2022. № 44. С. 70–73.
2. Дадакаев Э.Д. Институт деятельного раскаяния и его реализация при освобождении от уголовной ответственности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 188 с.
3. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: монография. М., 2005. 231 с.
4. Калугин А.Г. Деятельное раскаяние в российском уголовном и уголовно-процессуальном праве: монография. Красноярск, 2001. 133 с.
5. Магомедов А.А. Правовые и организационные основы освобождения от уголовной ответственности. М., 1998. 137 с.

6. Рустамбаев М.Х. Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть: Учебник. Ташкент, 2005. 527 с.

7. Савкин А. Деятельное раскаяние – свобода от ответственности // Российская юстиция. 1997. № 12. С. 35–37.

© Сайтбеков А.М., 2025

EDN: TKMFMU

Семенов Константин Петрович,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент

Семенов Иван Константинович,
Следственное управление при УМВД России
по Калининскому району г. Санкт-Петербурга,
старший следователь

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДОПУСТИМОГО ВРЕДА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Аннотация: отечественная правоприменительная практика, затрагивающая оценку правомерности необходимой обороны, реализуемой в целях преодоления общественно опасного посягательства, носит субъективно-оценочный характер, порой приводящий к противоречивым выводам, будоражащим общественное мнение. В статье авторы указали на наличие законодательно закреплённого оценочного критерия правомерности необходимой обороны, затрагивающего не превышения её пределов, и предложили методику её реализации, позволяющей объективно обосновано решать вопрос о привлечении обороняющегося лица к уголовной ответственности.

Ключевые слова: общественная опасность, посягательство, характер, степень, допустимый предел.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (Далее – УК РФ) среди обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных главой 8, содержит нормы института необходимой обороны. Имеющиеся уголовно-правовые установления в ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» закрепляют наличие двух оборонительных возможностей для лица, действующего в указанном обстоятельстве. Условно их можно именовать как «предельная» оборона, требующая соблюдения условия правомерности таковой в виде не превышения пределов её допустимости, что регламентировано ч. 2 ст. 37

УК РФ, и «беспредельная» оборона, не имеющая пределов её превышения, что предусмотрено ч. 1 ст. 37 УК РФ. В основе разделения необходимой обороны на «предельную» и «беспредельную» лежат обстоятельства опасности посягательства. Если посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или других лиц, то уголовный закон не предусматривает никаких ограничений в обороне от такого посягательства, что и позволяет именовать такую оборону «беспредельной». Если посягательство не сопряжено с насилием, опасным для жизни, то оборона от такого посягательства не должна превышать допустимых пределов, что позволяет именовать такую оборону «предельной». Нашей задачей является установление критерия и предложение концептуальной методики, определяющие допустимые пределы обороны в виде обоснованного выбора обороняющимся такого способа возможного причинения вреда посягающему лицу, который одновременно позволяет преодолеть интенсивность посягательства и при этом исключает уголовную ответственность для обороняющейся стороны.

Нормы института необходимой обороны безошибочно указываю на искомый критерий. В каждой части ст. 37 УК РФ присутствует категория общественной опасности. Ею обладают посягательство, при его упоминании в каждой из частей ст. 37 УК РФ, а также оборонительные действия в ч. 2 ст. 37 УК РФ. При этом, посягательство прямо именуется общественно опасным, а оборонительные действия в контексте общественной опасности упоминаются таковыми лишь по смыслу ч. 2 ст. 37 УК РФ. Признаком общественной опасности, согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ, обладает преступное деяние. Это означает, что посягательство, что оборонительные действия, по своей юридической природе условно, при наличии дополнительных признаков, являют собой преступные проявления. В доктринальной литературе под общественной опасностью понимают способность деяния причинять существенный вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом[1]. Следовательно, и посягательство и оборонительство, столь же вредоносны в стремлении нарушить охраняемые уголовным законом социальные ценности, определённые в ч. 1 ст. 2 УК РФ как задачи уголовного закона, с той лишь разницей, что защитная природа обороны социальных ценностей существенно снижает её

[1] Уголовное право. Общая часть: учебник. 2-е изд. перераб. и доп./ А.В. Никуленко, С.А. Денисов, К.П. Семёнов; Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Никуленко. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2024. С. 70.

общественную опасность. Характеристиками общественной опасности выступают её качественная и количественная составляющие. Качественной характеристикой общественной опасности является её характер, а количественной характеристикой – её степень[1]. Под характером общественной опасности следует понимать относительную ценность охраняемого уголовным законом социального блага. Относительная ценность социального блага выражается содержанием общественных отношений, с чем связывается их условная предпочтительность в очерёдности охранения уголовным законом[2]. Таковая очерёдность охраняемых социальных ценностей представлена в виде перечня задач уголовного закона в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Очерёдность перечисленных в указанной норме задач УК РФ формирует иерархию охраняемых уголовным законом социальных ценностей в виде выстроенного ряда объектов уголовно-правовой охраны от условно наиболее ценного к условно наименее ценному. Следуя законодательному установлению первоочередному охранению подлежат права и свободы человека и гражданина. Затем следуют отношения собственности. На третьей позиции расположились отношения, связанные с общественным порядком и общественной безопасностью. Затем окружающая среда, Конституционный строй Российской Федерации, мир и безопасность человечества. Задача предупреждения преступлений не относится к охраняемым социальным ценностям. Перечисленные объекты уголовно-правовой охраны в обобщённом виде, с учётом содержательного строения Особенной части УК РФ, выглядят как иерархический ряд общественных отношений следующей очерёдности охраны, а именно, сперва охраняются интересы личности (раздел VII УК РФ), затем – интересы экономики (раздел VIII УК РФ), потом – интересы общества (раздел IX УК РФ), на четвёртом месте – интересы государства (разделы X и XI УК РФ), на последнем пятом месте – интересы всего человечества (раздел XII УК РФ). Догматически все перечисленные ценности следует считать равнозначными. Обобщая названную иерархию ценностей объектов охранения, становиться очевидным, что состав преступления с наименьшим порядковым номером статьи

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». [Электронный ресурс] // URL: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 26.04.2025).

[2] Уголовное право. Общая часть: учебник. 2-е изд. перераб. и доп./ А.В. Никуленко, С.А. Денисов, К.П. Семёнов; Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Никуленко. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2024. С. 71.

Особенной части УК РФ потенциально обладает наибольшим характером общественной опасности, поскольку содержит посягательство на условно наиболее охраняемые социальные ценности.

Степень общественной опасности отражает её количественную характеристику. Показателем степени общественной опасности является категория преступления, регламентированная ст. 15 УК РФ. В основе категоризации преступлений лежит форма вины и максимальный срок лишения свободы, предусмотренный санкцией статьи Особенной части УК РФ. Наибольшей степенью общественной опасности будут обладать преступления, относящиеся к категории особо тяжких (ч. 5 ст. 15 УК РФ), в санкции статьи которых присутствует максимально возможный срок лишения свободы – до двадцати лет согласно ч. 2 ст. 56 УК РФ, или присутствуют более строгие виды наказаний, такие как пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК РФ) или смертная казнь (ст. 59 УК РФ). Наименьшей степенью общественной опасности обладают преступления небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК РФ)[1]. В контексте предмета решаемой задачи нам интересны только умышленные преступления, поскольку посягательство и оборона от него связаны с умышленным причинением вреда. Кроме того, для исключения влияния смягчающих и отягчающих обстоятельств посягательства и обороны, своё внимание уделим основным составам преступлений не являющимися привилегированными или квалифицированными.

В основе искомой методики лежит сопоставление общественных опасностей посягательства и обороны. Для признания обороны правомерной, необходимо удовлетворение требованию не превышения допустимых пределов. В противном случае создаются основания для привлечения обороняющегося к уголовной ответственности за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны. Согласно ч. 2 ст. 37 УК РФ превышением пределов необходимой обороны признаётся совершение таких оборонительных действий, которые явно не соответствуют характеру и опасности посягательства. Буквальное толкование названной нормы приводит к выводу, что если такое несоответствие общественных опасностей посягательства и обороны будет не явным, то критерий правомерности необходимой обороны, связанный с не превышением пределов допустимостей, будет удовлетворён. То есть, законодатель не запрещает превышать пределы

[1] Уголовное право. Общая часть: учебник. 2-е изд. перераб. и доп./ А.В. Никуленко, С.А. Денисов, К.П. Семёнов; Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Никуленко. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2024. С. 71–72.

необходимой обороны, но таковое должно быть не явным. Логика законодателя в подобном сравнении очевидна – меньшей силой (оборонительные действия) большую силу (посягательство) не преодолеть. Только показав сравнительно большую силу можно преодолеть посягательство. В противном случае, посягатель не откажется от своих агрессивных намерений и продолжит их реализацию. Не явность превышения пределов необходимой обороны при сравнении общественных опасностей посягательных и оборонительных действий нам видится в допустимом сопоставлении их характеров и степеней. Причём решающее значение нам видится в сопоставлении степеней общественных опасностей. То есть, если посягательство сопряжено с ожидаемым причинением вреда от преступления средней категории тяжести, то допустимым пределом обороны следует признавать причинение такого вреда посягателю, который выражается совершением преступления той же средней категории тяжести или даже относимого к категории тяжкого преступления. Если причинённый посягателю вред выразиться в преступлении особо тяжкой категории, то таковой следует признавать явным превышением пределов обороны, влекущим наступление уголовной ответственности.

Проиллюстрируем реализацию предложенного механизма оценки допустимости вреда от обороны на примере осуществления защитных действий от изнасилования (ст. 131 УК РФ). Подобные происшествия вызывают недоумение, когда оборонившееся лицо женского пола привлекается к уголовной ответственности за совершённое убийство посягателя (ст. 105 УК РФ). По характеру общественной опасности оба преступления затрагивают интересы личности, нарушая один и тот же родовой объект (раздел VII УК РФ). Однако, по видовому объекту убийство затрагивает более предпочтительную социальную ценность, поскольку нарушает интересы жизни личности (глава 16 УК РФ). Изнасилование затрагивает по характеру относительно меньшую ценность, поскольку нарушает интересы половой неприкосновенности или половой свободы личности (глава 18 УК РФ). Но в целом, эти ценности, по относимости к личности, обладают условным равенством при некотором преимуществе жизни личности над половой неприкосновенностью или половой свободой личности. По степени общественной опасности изнасилование представляется по категории тяжким преступлением, поскольку наказывается лишением свободы на срок до шести лет (ч. 1 ст. 131 УК РФ). Убийство является преступлением особо тяжкой категории, поскольку наказывается лишением

свободы на срок до пятнадцати лет (ч. 1 ст. 105 УК РФ). То есть, по степени общественной опасности убийство более вредоносное преступление чем изнасилование. Однако, оба эти преступления относятся к двум соседствующим категориям, поэтому, несмотря на допущенное превышение оборонительного вреда над вредом от посягательства, можно утверждать, что явного превышения допустимых пределов необходимой обороны не случилось, ни по характеру, ни по степени общественной опасности. Исходя из приведённого анализа общественных опасностей посягательства и обороны можно утверждать о правомерности избранного способа обороны, исключающего уголовное преследование.

Таким образом, оценочным критерием правомерности необходимой обороны посягательству, в части не превышения её пределов, выступает общественная опасность преступления, а методикой оценки правомерности обороны посягательству является аналитическое сопоставление характеров и степеней общественных опасностей обороны и посягательства.

Список литературы:

1. Уголовное право. Общая часть: учебник. 2-е изд. перераб. И доп./ А.В. Никуленко, С.А. Денисов, К.П. Семёнов; Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Никуленко. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2024. 424 с.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». [Электронный ресурс] // URL: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 26.04.2025).

© Семёнов К.П., 2025,
© Семёнов И.К., 2025

EDN: TKNHWR

Скрипченко Нина Юрьевна,
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры уголовного права и процесса, доктор юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИЕЙ

Аннотация: Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 218–ФЗ усилил ответственность за преступления, совершенные с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Реализация новых норм актуализирует вопросы допустимости вменения лицам, размещающим деструктивный контент после криминального посягательства и правовой оценки действий субъектов, выполняющих разные роли в криминальном посягательстве (один совершает действия, образующие суть запрета, другой обеспечивает прямую трансляцию действий подельника).

Ключевые слова: публичная демонстрация; распространение; информационно-телекоммуникационные сети; объективная сторона; стадия преступления; соучастие; общественная нравственность.

Использование отдельными лицами агрессивного поведения и жестокости, оскорблений и издевательств в качестве предмета контента, транслируемого в информационном пространстве, объективизировало недостаточность правового механизма противодействия соответствующему деструктивному поведению. Действующие нормативные акты позволяли привлечь виновных к ответственности за вред, причиненный исключительно жертве противоправных посягательств. При этом профилактический эффект применяемых мер нивелировался обретенной за счет эпатажности распространяемого материала популярностью нарушителей, приносящей высокие доходы, значительную часть которых составляют средства зрителей, финансирующих противоправные действия блогеров.

Вызвав широкий общественный резонанс серия стримов с летальным исходом ускорила принятие парламентом актов, направленных на противодействие распространению деструктивного контента в информационном пространстве. В «пакет» документов, принятых 8 августа 2024 г., вошел и Федеральный закон № 218–ФЗ[1], усиливший ответственность за преступления, совершенные с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Закрепив указанный объективный признак в перечне обстоятельств, отягчающих наказание (п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ), квалифицирующих признаков составов ст.ст. 105, 111, 112, 115, 117, 119, 126, 127, 127[2] УК РФ, и криминообразующего признака ст. 116 УК РФ, законодатель восполнил вакуум уголовно-правового регулирования.

Содержательный же анализ новых норм актуализирует вопросы определения объективной стороны, значимые для квалификации преступных деяний.

Объединив в рамках одного состава и действия, посягающие на жизнь, здоровье, физическую неприкосновенность и свободу, соответственно, и публичную демонстрацию процесса совершения преступления, законодатель ставит вопрос о допустимости вменения рассматриваемого объективного признака лицу, размещающему деструктивный контент после криминального посягательства. Толкуя анализируемый признак для целей реализации ст.ст. 242 и 242[1] УК РФ, Пленумом Верховного Суда РФ допускает квалификацию «размещения на личных страницах и на страницах групп пользователей информации, запрещенной законом» как «публичную демонстрацию с использованием информационно-телекоммуникационных сетей»[2]. Раскрывая содержание аналогичного признака, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ, представители правовой доктрины допускают его вменение лицам, размещающим в информационном пространстве заснятые материалы жестокого обращения с животными, приводя примеры

[1] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4914.

[2] См.: абзац 3 п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"»

резонансных случаев, послуживших поводом для закрепления соответствующего признака в числе квалифицирующих состава ст. 245 УК РФ в 2017 г.[1]

Транслирование в социальных сетях информации, отражающей проявление агрессии и жесткости, негативно сказывается на нравственных социальных установках. Увязывание же криминального характера деяния с обеспеченной виновным доступностью совершаемого преступления для внимания неограниченного круга лиц, влечет трансформацию конструкции объективной стороны состава, перенося момент окончания преступления, установленный основным составом, на обнародование противоправного посягательства. Стремление выдержать реализацию запретов в рамках положений закона о стадиях преступления, определит, на наш взгляд, ограничительное толкование новых норм, ориентированное на вменение антистриминговых составов лицам, ведущим прямую трансляцию совершаемых преступлений в информационном пространстве. Сужение сферы действия запретов «обесценивает» опасность криминальных посягательств с отложенной демонстрацией в социальных сетях, что снижает значимость изменений, внесенных в уголовный закон. Распространение виновным контента, отражающего совершаемое насилие, в момент проявления агрессии и после, повлечет разную правовую оценку действий нарушителя при схожем характере и криминальных посягательств, и негативном влиянии на общественную нравственность информационного контента.

Новые составы вызывают вопрос и в части оценки действий субъектов, выполняющих разные роли в криминальном посягательстве: один совершает действия, образующие суть запрета, причиняя вред основному объекту уголовно-правовой охраны, другой обеспечивает прямую трансляцию действий подельника в информационных сетях. Формально оба лица, выполняя объективную сторону состава, являются соисполнителями преступления, совершенного в группе.

---

[1] Э.Н. Жевлаков ссылается на приговор Московского районного суда г. Твери от 14 мая 2019 г. по уголовному делу № 1-128/2019 г. Судом установлено, что Б-в И.В. топил кота путем насильственного погруженбия его головы в бак с водой, а П-а В.С. снимала этот процесс на видеокамеру мобильного телефона. Затем видеоролик гибели животного виновные выложили в социальной сети «ВКонтакте», снабдив комментариями, как надо правильно топить котят. Подробнее см.: Жевлаков Э.Н. Экологические и альтернативно-экологические преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных систем // Уголовное право. 2024. № 5. С. 36.

Но насколько обоснованно квалифицировать действия «транслятора» в качестве соисполнителя убийства, учитывая характер причиняемого им вреда? Пленум Верховного Суда РФ допускает оценку действий, направленных на подавление сопротивления жертвы как соисполнительство в убийстве (п. 10 постановления «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»[1]). Но и экстраполяция расширительного толкования закона, позволяющая квалифицировать как соисполнительство в убийстве действия, явно выходящие за рамки объективной стороны соответствующего состава, не позволяет оценивать «публичную демонстрацию умышленного лишения жизни» как «совместные» (с непосредственным исполнителем) действия, направленные на лишение жизни потерпевшего, что, на наш взгляд, исключает групповой способ.

Отказ от дополнительного вменения «группы лиц по предварительному сговору» лицам, выполняющим разные роли в криминальных посягательствах, описанных новыми составами, не исключает вопроса обоснованности установления единой санкции за совершение разных по характеру общественной опасности посягательств: действия одного лица направлены на причинение вреда личным правам человека (жизнь, здоровье, физическая свобода), другого – на общественную нравственность.

Неоднородность объекта посягательства исключает, на наш взгляд, единую правовую оценку действий лиц, между которыми отсутствует субъективная связь. Так, очевидец, ведущий прямую трансляцию в информационном пространстве наблюдаемого криминального посягательства, подлежит ответственности по ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ, при условии установления составообразующих низменных побуждений, а лицо, посягающее на охраняемые уголовным законом объекты, – уголовному преследованию.

Зритель же деструктивного контента, высказывающий конкретные пожелания о способах применения насилия к жертве, материально

[1] В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» в качестве соисполнительства в убийстве приводятся действия выражающееся в подавлении сопротивления жертвы, лишения ее возможности сопротивляться. Напрямую не находясь в причинной связи с общественно опасными последствиями, указанные действия, по сути являются пособничеством, но ограничительное толкование высшим судебным органом «группы лиц по предварительному сговору» допускает оценку действий, создающих необходимые условия исполнителю для выполнения объективной стороны как соисполнительство.

стимулирующий реализацию блогером криминальных действий, может понести наказание за подстрекательство к преступлению.

Список литературы:

1. Федеральный закон № 218–ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: принят 8 авг. 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4914.

2. Постановление № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»)»: принято Пленумом Верховного Суда Рос. Федерации 15 дек. 2022 г. // Рос. газ. 2022. 28 дек.

3. Постановление № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»: принято Пленумом Верховного Суда Рос. Федерации 27 янв. 1999 г. // Рос. газ. 1999. 9 фев.

4. Жевлаков Э.Н. Экологические и альтернативно-экологические преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных систем // Уголовное право. 2024. № 5. С. 32–39.

© Скрипченко Н.Ю., 2025

EDN: VHNSMY

Случевская Юлия Александровна,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
докторант научно-исследовательского отдела,
кандидат юридических наук, доцент

ЗАГРЯЗНЕНИЕ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА: РАЗГРАНИЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы разграничения административной и уголовной ответственности за загрязнение атмосферного воздуха. Автором подчеркивается, что в правоприменительной деятельности наибольшие трудности возникают при решении вопроса о конкуренции между ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ и ч.1 ст. 251 УК РФ. Делается вывод о том, что такая ситуация приводит к искусственной латентности экологической преступности. Рассматривая эту проблему с точки зрения особенностей конструкции рассматриваемых норм, в статье указываются критерии, позволяющие разграничить нормы административного и уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за загрязнение атмосферного воздуха.

Ключевые слова: экологические преступления; атмосферный воздух; загрязнение; административная ответственность; уголовная ответственность; конкуренция правовых норм.

В России на фоне общей тенденции снижения выбросов загрязняющих веществ в атмосферу (в 2000 году фиксировалось 32 301 ед., в 2023 году – 21 976 ед.) происходит значительный рост в общем объеме удельного веса выбросов от стационарных источников (в 2000 году – 58,3 %, в 2023 году – 77,1 %) (по оценкам Росприроднадзора)[1].

Большинство форм выбросов в атмосферный воздух загрязняющих веществ легализовано. В целях государственного регулирования выбросов уставлены следующие нормативы допустимого воздействия на окружающую среду для атмосферного воздуха в зависимости

[1] Росприроднадзор (оценка выбросов от передвижных источников) № 2-ТП (воздух) // URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11194 (дата обращения: 01.01.2025).

от особенностей источника воздействия: предельно допустимые выбросы; предельно допустимые нормативы физических воздействий на атмосферный воздух; технологические нормативы выбросов; технические нормативы выбросов. Эти нормативы могут периодически пересматриваться. При этом не требуется сложной законодательной процедуры, изменения вносятся в подзаконные нормативные правовые акты. В связи с этим можно говорить о том, что границы криминализации загрязнения атмосферного воздуха довольно подвижны. В практической деятельности возникают сложности отграничения составов административных правонарушений и преступлений, предусматривающих ответственность за загрязнение атмосферного воздуха (ст. 8.21 КоАП РФ и ст. 251 УК РФ).

Наибольшие трудности возникают при решении вопроса о конкуренции между ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ и ч. 1 ст. 251 УК РФ. По мнению исследователей, отсутствие четких критериев их разделения приводит к тому, что правоприменители предпочитают квалифицировать соответствующие деяния как административные правонарушения, в свою очередь, такая ситуация рождает искусственную латентность экологических преступлений, уголовная ответственность подменяется административной[1]. На наш взгляд, эту проблему нужно разделить на две составляющие. Первая связана с особенностями конструкции этих норм, вторая лежит в плоскости уголовно-правовой политики в сфере экологической безопасности.

О.Л. Дубовик указывала на то, что ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ является формальным составом правонарушения[2]. Такой позиции оппонирует И.В. Попов, который считает этот состав административного правонарушения материальным и в подтверждение ссылается на следующие положения постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31 мая 2011 г. № 17254/10: «выброс в атмосферный воздух веществ сам по себе еще не свидетельствует о наличии состава вменяемого обществу

---

[1] См.: Попов И.В. Влияние толкования термина «загрязнение воздуха» на квалификацию по ст. 251 УК РФ // Уголовное право. 2021. № 4 (128). С. 48; Лукомская А.С. Уголовно-правовая охрана экологической безопасности экологического правопорядка: монография / Под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Л.Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 131; Тарайко В.И. Экологические преступления в России: понятие, система, профилактика: Монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 44.

[2] Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный) (под ред. О.Л. Дубовик), 2015 / СПС «КонсультантПлюс».

административного правонарушения». Административный орган при проведении проверки должен выяснить, какие именно вредные вещества выбрасывались в атмосферный воздух, в каких количествах и (или) в какой концентрации, а также привести нормативы содержания этих веществ в атмосферном воздухе и установить факт их превышения[1].

Представляется, что в положениях постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31 мая 2011 г. № 17254/10 отсутствует обоснование отнесения рассматриваемого состава административного правонарушения к материальным. Действительно, в этом постановлении указано на ошибочность доводов суда кассационной инстанции, что отсутствие специального разрешения на выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух само по себе свидетельствует о совершении обществом правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ, и на неправильность аргументации, состоящую в том, что объективную сторону правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ, образует отсутствие специального разрешения у субъектов хозяйственной или иной деятельности, обладающих стационарными, передвижными и иными источниками воздействия на окружающую среду. При этом суд высшей инстанции указал на необходимость доказывать, что вещество, выброшенное в атмосферу, относится к категории загрязняющих, его количество и концентрация превысила установленные нормативы. Это требование не является свидетельством того, что для привлечения лица к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ следует установить последствия выброса вещества в атмосферный воздух и установить причинно-следственную связь.

Разграничение ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ и ч. 1 ст. 251 УК РФ должно происходить на основании довольно сложно устанавливаемого критерия – степени общественной опасности. Для этого следует оценивать последствия соответствующего противоправного деяния. Например, Э.Н. Жевлаков предлагает использовать положения утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1983 г. № 4 «О практике применения судами законодательства об охране природы», в пункте 4 которого указано, что надлежит квалифицировать как преступление действия, повлекшие загрязнение воздуха вредными для здоровья людей отходами промышленного производства[2].

---

[1] Попов И. В. Указ соч. С. 48.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев, 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012 // СПС «Гарант».

По мнению И.В. Попова, незаконный выброс загрязняющих веществ административно наказуем только тогда, когда противоправное загрязнение не повлекло превышение ПДК на селитебной (жилой) территории или в местах массового отдыха населения, в противоположном случае деяние следует квалифицировать по ст. 251 УК РФ[1]. При таком подходе не учитываются загрязнения, которые представляют опасность для природной среды и ее компонентов. Автор фокусируется только на гигиенических нормативах качества атмосферного воздуха, не принимая во внимание нормативы качества окружающей среды.

Е.Ю. Бокуц предлагает экологический, материальный (экономический) и рекреационный критерии разграничения ч. 1 ст. 251 УК РФ и ст. 8.21 КоАП РФ. Экологический критерий включает качественный признак (вид и класса опасности вредного (загрязняющего) вещества или группы веществ), и количественный признак (объем и концентрация вредного (загрязняющего) вещества или группы веществ). Материальный (экономический) критерий включает расчет материального ущерба, причиненного атмосферному воздуху и другим компонентам окружающей среды в результате загрязнения атмосферы. Рекреационный критерий включает фактические затраты на восстановление состояния окружающей среды, существовавшего до загрязнения или иного изменения природных свойств воздуха[2].

Особенность загрязнения такого компонента природной среды, как атмосферный воздух, состоит в том, что обязательно учитываются метеорологические условия в момент причинения вреда, а не только качественные и количественные признаки загрязняющих веществ. В специальных исследованиях ставится под сомнение возможность восстановления состояния атмосферного воздуха после загрязнения и определение фактических затрат на восстановление окружающей среды. С учетом этого предлагаемые Е.Ю. Бокуц критерии разграничения ч. 1 ст. 251 УК РФ и ст. 8.21 КоАП РФ на практике трудно реализуемы.

Представляется, что наиболее обоснованным критерием разграничения административного правонарушения и преступления является размер вреда, причиненного атмосферному воздуху. Такого рода вред устанавливается в соответствии с приказом Минприроды России

---

[1] Попов И.В. Указ соч. С. 49.

[2] Бокуц Е.Ю. Уголовно-правовая характеристика загрязнения атмосферы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 14–15.

от 28 января 2021 г. № 59 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды». В соответствующей методике учитываются следующие показатели: масса выброса загрязняющего вещества; таксы; коэффициент особой охраны; коэффициент, учитывающий фактическое изменение потребительских цен на товары и услуги в Российской Федерации. Установление размера вреда в материальном выражении в соответствующей уголовно-правовой норме в качестве порогового значения для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности, позволит упорядочить правоприменительную практику. На наш взгляд, именно в этом направлении должно развиваться российской законодательство в экологической сфере.

Список литературы:

1. Попов И.В. Влияние толкования термина «загрязнение воздуха» на квалификацию по ст. 251 УК РФ // Уголовное право. 2021. № 4(128). С. 42–50.

2. Лукомская А.Н. Уголовно-правовая охрана экологической безопасности и экологического правопорядка: монография; под науч. ред. Л.Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2017. 181 с.

3. Тарайко В.И. Экологические преступления в России: понятие, система, профилактика: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 180 с.

4. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный) (под ред. О.Л. Дубовик), 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев, 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012 // СПС «Гарант».

6. Бокуц Е.Ю. Уголовно-правовая характеристика загрязнения атмосферы: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бокуц Елена Юрьевна. М., 2017. 22 с.

© Случевская Ю.А., 2025

EDN: VEJCAQ

Смирнова Александра Александровна,
УМВД России по Кировской области,
заместитель начальника контрольно-методического отдела,
кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Аннотация: в статье раскрыто негативное влияние на развитие экономики государства незаконного предпринимательства, проанализированы виды ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств в случаях, когда такие лицензия, аккредитация в национальной системе аккредитации или аккредитация в сфере технического осмотра транспортных средств обязательны. Проанализированы изменения, внесенные в статью 171 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство; декриминализация; гуманизация; экономика; справедливость.

В последнее время государством принимается комплекс мер, направленных на развитие предпринимательской деятельности, обеспечение ее роста и инициативы граждан, что должно способствовать стабильному развитию экономики страны. Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[1] определены национальные цели развития Российской Федерации до 2030 года, в том числе устойчивая и динамическая экономика. Для достижения указанной цели Министерством экономиче-

[1] Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07 мая 2024 г. № 309 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2025).

ского развития Российской Федерации разработаны федеральные проекты, которые учитывают все стадии предпринимательской активности граждан от статуса самозанятого до действующего бизнеса.

Несмотря на принимаемые меры государственной поддержки, по настоящее время имеются граждане, которые на систематической основе осуществляют деятельность, направленную на извлечение прибыли без регистрации в качестве самозанятого, индивидуального предпринимателя либо юридического лица. Это влечёт сокрытие гражданином своего дохода, подлежащего обложению в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации налогами и сборами, что в свою очередь оказывает негативное влияние на экономику страны в целом, доходная часть государственного бюджета несет большие потери.

Верно отмечает Н.А. Лопашенко, что экономическая деятельность должна быть законной, осуществляться в соответствии с положениями хозяйственного, гражданского, налогового, таможенного, финансового и других отраслей российского права [1] . При этом, по ее мнению, незаконное предпринимательство нарушает принцип законности экономической деятельности, ведется в нарушение законодательства, причиняя вред правоохраняемым интересам, в частности интересам государства, выразившийся в неполучении законных пополнений бюджета[2].

За осуществление незаконной предпринимательской деятельности предусмотрена административная и уголовная ответственность. Так, в соответствии со ст. 14.1 КоАП РФ к административной ответственности подлежит лицо за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица; осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если они обязательны; осуществление предпринимательской деятельности с нарушением требований и условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией)[3]. При этом, максимальное наказание за совершение указанных правонарушений является наложение ад-

---

[1] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 244.

[2]См.: там же.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 07.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2025).

министративного штрафа на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, в размере от четырех тысяч до восьми тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток; на должностных лиц - от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц - от ста тысяч до двухсот тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток. Верно отмечают А.А. Долгополов, А.В. Шульга, О.В. Неженец, что «данные суммы не являются существенными для правонарушителей с учетом извлеченной прибыли, следовательно, не могут быть условием для предупреждения совершения такого рода правонарушений»[1].

Даже максимальная ответственность, предусмотренная ст. 14.1 КоАП РФ, не сможет повлиять на лицо осуществлять предпринимательскую деятельность в рамках действующего законодательства: зарегистрировать себя в качестве самозанятого, индивидуального предпринимателя или юридического лица, получить необходимые разрешение или лицензию и соблюдать требования и условия, предусмотренные специальным разрешением или лицензией, а значит и в дальнейшем продолжит осуществлять незаконную предпринимательскую деятельность, уклоняясь от предоставления в налоговые органы сведений о своих доходах, от проверок контролирующих органов, уплаты налогов и сборов.

За осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств в случаях, когда такие лицензия, аккредитация в национальной системе аккредитации или аккредитация в сфере технического осмотра транспортных средств обязательны[2], лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ. При этом, обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, является причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству. Согласно сведениям ИЦ УМВД России по Кировской области, в период с 2014 года по 2024 год следователями следственных подразделений УМВД России по Кировской

---

[1] Долгополов А. А., Шульга А. В., Неженец О.В. О некоторых проблемах уголовной и административной ответственности за незаконное предпринимательство в сфере торговли // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85). С. 31.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

области в суд направлено 15 уголовных дел по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 171 УК РФ, из них только 2 уголовных дела – за осуществление незаконной предпринимательской деятельности, в ходе которой причинен ущерб гражданам, организациям или государству[1]. По нашему мнению, это свидетельствует о проблеме доказывания причинно-следственной связи между осуществлением незаконной предпринимательской деятельности и причинением ущерба.

При этом, Федеральным законом Российской Федерации от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[2] увеличен размер ущерба, который должен быть причинен в ходе осуществления незаконного предпринимательства, с двух миллионов двести пятьдесят тысяч рублей до трех миллионов пятисот тысяч рублей для крупного размера и с девяти миллионов рублей до тринадцати миллионов пятисот тысяч рублей для особо крупного размера. Таким образом, привлечь к уголовной ответственности за незаконное предпринимательство с учетом внесенных изменений станет сложнее, уголовно-правовая норма в последующем будет нерабочей.

Не смотря на увеличение размера причиненного в ходе осуществления незаконного предпринимательства ущерба гражданам, организации или государству, санкция ст. 171 УК РФ осталась без изменений, что свидетельствует о гуманизации уголовного законодательства.

10.07.2024 Омутнинским районным судом Кировской области по делу № 1-80/2024 осужден Головков за «предпринимательскую деятельность без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, выразившуюся в самовольном и безвозмездном изъятии общераспространенного полезного ископаемого – суглинков в объеме не менее 3 050 куб. м., то есть материального объекта окружающей природной

---

[1] Сведения о состоянии преступности в Кировской области [Электронный ресурс] // Официальный сайт УМВД России по Кировской области. URL: https://43.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/Svedenija_i_pokazateli_dejatelnosti/Svedenija_o_sostojanii_prestupnosti_v_Ki (дата обращения: 12.05.2025).

[2] Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 06.04.2024 № 79-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2025).

среды, находящегося в естественном состоянии, а также его последующую реализацию по договору от 08.07.2022, причинив Российской Федерации в лице Министерства окружающей среды Кировской области материальный ущерб»[1]. В ходе расследования уголовного дела установлено, что действиями Головкова причинен вред почвам как объекту охраны окружающей среды в результате уничтожения (полного разрушения) плодородного слоя почвы на площади 1868,64 кв. м, участок утратил средообразующие функции, возможность его использования по целевому назначению. Не смотря на указанные негативные последствия для окружающей среды, на причиненный крупный ущерб государству, суд назначил Головкову А.Ю. наказание в виде штрафа в размере 80 000 рублей в доход государства, что, по нашему мнению, не соответствует принципу справедливости.

Кроме того, Федеральным законом Российской Федерации от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[2] упразднена уголовная ответственность за осуществление незаконной предпринимательской деятельности, сопряженной с извлечением дохода в крупном и особо крупном размерах, что, по нашему мнению, является неправильным. При этом, привлечение к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ (в новой редукции), будет крайне редко, во-первых, как ранее отмечалось, в связи с невозможностью доказать причинно-следственную связь между незаконным предпринимательством и причинением ущерба, во-вторых, в связи с увеличением суммы ущерба, который должен быть причинен преступным деянием. Следует согласиться с выводами Ю.П. Кравец, что «необоснованное исключение ключевых статей, таких как ст. 171 УК РФ и других, приведет к негативным последствиям,

---

[1] Приговор Омутнинского районного суда Кировской области по делу № 1-80/2024 от 10 июля 2024 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Омутнинского районного суда Кировской области. URL: https://omutninsky-kir.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=202905283&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.05.2025).

[2] Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 06.04.2024 № 79-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2025).

создаст проблемы в противодействии преступлениям в сфере предпринимательской деятельности»[1].

Декриминализуя уголовно-правовые нормы в сфере предпринимательской и экономической деятельности, в том числе, увеличивая суммы ущерба, причинение которых является обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности, законодатель предоставляет возможность заниматься предпринимательской деятельностью с нарушением законов: не регистрировать свою деятельность в качестве самозанятого, индивидуального предпринимателя или юридического лица, получать неконтролируемую государством прибыль, не уплачивать налоги на доходы и предусмотренные российским законодательством сборы, что повлечет за собой, в том числе, снижение доходов государственного бюджета, рост латентных преступлений в сфере экономики.

© Смирнова А.А., 2025

[1] Кравец Ю.П. Соотношение незаконного предпринимательства с новыми составами преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Законность и правопорядок. 2019. № 1 (21). С. 30.

EDN: UUCWTG

Соловьев Владислав Сергеевич,
Краснодарский университет МВД России
начальник кафедры уголовного права и криминологии
кандидат юридических наук, доцент

ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ (ИЛИ УЧАСТИЯ?) ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: в статье исследуются уголовно-правовые проблемы, возникающие при использовании автономных систем искусственного интеллекта для совершения преступлений. Автор систематизирует актуальные высокотехнологичные криминогенные риски и показывает, что традиционные категории уголовного права (субъект, вина, соучастие) не охватывают автономные действия алгоритмов. Описаны четыре сценария развития уголовного законодательства, включая введение специальной нормы об ответственности за преступное использование искусственного интеллекта либо признание его самостоятельным субъектом ответственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект; уголовная ответственность; квалификация преступлений; автономные системы; субъект преступления; цифровая трансформация.

Развитие искусственного интеллекта стало одним из ключевых технологических и социальных трендов современного мира. Искусственный интеллект пытаются применять во всех сферах, где для этого есть хотя бы минимальные возможности. Криминологические исследования указывают, что технологическое развитие повышает криминогенные риски, способствуя появлению новых высокотехнологичных методов совершения преступлений и качественно новых форм преступности. При этом подчеркивается полифункциональное назначение современных технологий, которые могут использоваться в гражданских, военных и криминальных целях[1].

[1] Игнатов А.Н. Криминогенность техногенности // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 36.

Законодательство традиционно отстает от изменений в социальной и криминальной сфере, вызванных технологическим прогрессом. В настоящее время Уголовный кодекс РФ не содержит норм, в которых бы упоминалось использование искусственного интеллекта, а в уголовно-правовой науке нет единства мнений по поводу того, нужны ли в законе такие нормы. В правоприменительной практике встречаются эпизодические упоминания использования искусственного интеллекта в организованных формах незаконного оборота наркотиков. Такие упоминания встречаются в текстах жалоб подсудимых, осужденных и их защитников, оспаривающих доказанность соучастия в преступлениях. Они стремятся представить программные продукты, работающие с использованием искусственного интеллекта (в основном чат-боты, использующиеся для коммуникации наркопотребителей и продавцов), не как средство совершения преступления, а как своего рода самостоятельного «соучастника», не являющегося, однако, субъектом преступления, в связи с чем совершение совместных действий с которым не должно влечь юридических последствий в виде применения соответствующего квалифицированного состава. Суды занимают скептическую позицию в отношении подобных доводов. В имеющейся практике отсутствуют решения, в которых квалифицирующий признак в виде одной из форм соучастия был бы исключен из обвинения в связи с тем, что в качестве «соучастника» выступил искусственный интеллект. При обосновании своих решений суды придерживаются одного из двух подходов: либо констатируют, что факт коммуникации происходил с реальным, хотя и неустановленным лицом через мессенджеры, либо считают программное обеспечение, функционирующее с применением технологий искусственного интеллекта, средством совершения преступления, созданным организатором или участниками преступной группы.

Современная криминологическая ситуация и темпы развития искусственного интеллекта указывают на неизбежность пересмотра существующих правовых подходов в обозримой перспективе. Возрастает уровень автономности искусственного интеллекта и его интеграция в многоходовые криминальные схемы. Прогнозируется дальнейшая интенсификация этих процессов, сопровождающаяся трансформацией роли человека от непосредственного исполнителя к организатору: постановщику общих задач и координатору действий автономных систем в преступной деятельности. Умыслом лица, планирующего преступление, не будут полностью охватываться действия искусственного интеллекта и прогнозироваться полная цепь развития событий.

В сложных криминальных схемах искусственный интеллект будет совершать множество действий, в том числе предикатных преступлений, которые человек не мог предвидеть или предвидел весьма абстрактно.

Можно привести следующий криминологический срез рисков, в которых уже сегодня наблюдается высокая эффективность использования искусственного интеллекта для совершения преступлений:

1. Мошенничество с использованием социальной инженерии. Речь идет не об относительно простых преступлениях, где искусственный интеллект используется для создания статических изображений (фотографий, документов, фона для видеозвонков и др.). В таких ситуациях очевидно, что с уголовно-правовой точки зрения объективная сторона преступления выполняется человеком или группой людей, а искусственный интеллект выступает орудием совершения обмана. Более сложным для юридического анализа является мошенничество, в котором искусственный интеллект создает всю обстановку совершения преступления, генерирует образы, синтезирует голоса и автономно взаимодействует с жертвой. Примером такого преступления может служить совершенное в 2024 году в Гонконге мошенничество, в результате которого сотрудник крупной международной компании перечислил злоумышленникам сумму, эквивалентную 25 млн долларов США. С помощью социальной инженерии его убедили принять участие в видеоконференции, остальные участники которой были сгенерированы искусственным интеллектом. Они выглядели и говорили как настоящие руководители компании, хотя на самом деле были созданы на основе фрагментов реальных онлайн-конференций, проведенных ранее[1]. В данном случае объективная сторона преступления была реализована преступником посредством проведения подготовительных мероприятий и постановки задач искусственному интеллекту для непосредственного исполнения. Тот, в свою очередь, моделировал обстановку совершения преступления и контролировал процесс коммуникации с потерпевшим. Как в такой ситуации может быть описано выполнение человеком объективной стороны мошенничества в процессуальных документах – вопрос открытый.

[1] Deepfake colleagues trick HK clerk into paying HK$200m [Электронный ресурс] URL: https://news.rthk.hk/rthk/en/component/ k2/1739119-20240204.htm (дата обращения: 15.05.2025).

2. Преступления, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации, созданием вредоносных компьютерных программ и посягательствами на критическую информационную инфраструктуру.

Искусственный интеллект по сравнению с человеком гораздо более эффективно способен сканировать информационные системы на предмет уязвимостей, осуществлять перебор учетных данных (брутфорс-атаки), создавать и координировать сети зараженных устройств (ботнеты). Актуальность угрозы возрастает в связи с крайней востребованностью таких услуг на криминальном рынке нашей страны. По оценкам компании StormWall, Россия вошла в топ-3 стран по объему вредоносного бот-трафика в 2024 году с показателем 3,8% от общемирового объема[1]. Подобные противоправные действия человек не просто не может осуществить – скорее всего, он даже не в состоянии понять, по каким алгоритмам искусственный интеллект воздействует на компьютерные данные и системы. Можно ли в таком случае говорить о выполнении человеком объективной стороны преступления?

3. Манипулирование рынком, реализуемое путем нескольких схем:

– создание и распространение фальшивых новостей, например, о банкротствах, слияниях или поглощениях компаний, в том числе путем таргетированной рассылки (в отдельные сегменты социальных сетей, трейдерские чаты и каналы, конкретным участникам рынка и т.п.);

– массовая подача ложных заявок на покупку/продажу для создания иллюзии спроса или паники на рынке с их последующей автоматической отменой до исполнения после анализа рыночной реакции;

– поиск неликвидных активов, их массовая автоматизированная скупка, искусственное нагнетание спроса через распространение дезинформации и последующая моментальная продажа по завышенной цене;

– провоцирование участников рынка на ошибочные решения путем искусственного создания «панических» объемов торгов и намеренного формирования ложных графических паттернов.

---

[1] Россия оказалась на третьем месте по объему бот-трафика: исследование компании StormWall [Электронный ресурс] // URL: https://stormwall.pro/resources/blog/vredonosnyy-bot-trafik-rossiya-na-3-meste?ysclid=map5oe2xr317350597 (дата обращения: 15.05.2025).

Указанные схемы могут применяться как самостоятельно, так и в различных сочетаниях, усиливаясь за счет использования дипфейк-технологий и других современных методов дезинформации, что значительно повышает их эффективность и опасность для участников рынка. При этом человек может не контролировать конкретные параметры манипуляции: выбор целевых активов, определение объектов воздействия и динамику процесса, что вызывает вопросы относительно субъекта выполнения объективной стороны преступления.

4. Легализация доходов, приобретенных преступным путем. Технологии искусственного интеллекта создают новые риски использования криптоактивов для легализации преступных доходов, обеспечивая автоматизацию процесса дробления транзакций, оптимизацию маршрутов перемещения средств через цепочки обменных сервисов, эффективное применение технологий смешивания платежей, что в совокупности значительно снижает возможности идентификации происхождения таких средств и установления цепочек их движения. Отдельные криминальные сервисы предлагают технологию «AI-laundering-as-a-service». Преступники могут арендовать или купить доступ к системе, функционирующей на основе искусственного интеллекта, которая автоматизирует самые рискованные этапы легализации: размещение, маскировку и интеграцию незаконных средств в законную экономическую деятельность. Для этого искусственный интеллект может создавать фиктивные онлайн-бизнесы (например, интернет-магазины с имитацией заказов и отзывов), дробить суммы и пропускать их через миксеры, меняя цепочки транзакций, подделывать финансовые документы, имитировать инвестиционную деятельность на биржах или выплаты на фриланс-платформах, смешивая незаконные средства с легальными. Очевидно, что реализация всей или части цепочки действий искусственным интеллектом не может охватываться умыслом лица, пользующегося услугами по легализации, что существенно затрудняет квалификацию деяния по ст. 174 или ст. 174^1 УК РФ.

Помимо перечисленных рисков, развитие искусственного интеллекта открывает широкие возможности для шантажа и вымогательства с использованием дипфейков с индивидуализацией под конкретных жертв, использования беспилотных систем для терактов и диверсий, генерации деструктивного контента в социальных сетях, способного спровоцировать массовые беспорядки и подорвать стабильность государства. Указанные угрозы уже актуальны, однако эволюция искус-

ственного интеллекта способна привести к появлению качественно новых форм преступной деятельности, предсказать которые в настоящее время невозможно. Однако существующие уже сейчас проблемы уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, позволяют прогнозировать следующие возможные сценарии развития уголовного законодательства:

1. Признание использования искусственного интеллекта для совершения преступления обстоятельством, отягчающим наказание, и квалифицирующим признаком ряда составов преступлений, по аналогии с тем, как это реализовано при юридической оценке публичной демонстрации совершения преступления. Основной недостаток данного подхода заключается в необходимости привлечения к ответственности за преступления, не охватывавшиеся умыслом виновного, когда искусственный интеллект самостоятельно совершает предикатные преступные деяния. Также в рамках этого сценария невозможно дифференцировать ответственность за использование искусственного интеллекта в качестве средства совершения преступления, когда объективная сторона полностью выполняется человеком (например, мошенничество с изменением внешности или голоса), и его применение в сложных криминальных схемах, когда искусственный интеллект фактически самостоятельно выполняет объективную сторону одного или нескольких преступлений.

2. Оценка действий лица, использующего искусственный интеллект для совершения преступления, по ст. 274 УК РФ. Учитывая бланкетный характер нормы, такое решение потребует предварительного нормативного закрепления правил использования искусственного интеллекта, в которых необходим прямой запрет на его применение для совершения противоправных деяний. В таком случае человек будет нести ответственность по совокупности ст. 274 УК РФ и статьи, предусматривающей ответственность за деяние, совершенное с использованием искусственного интеллекта (например, ст. 159 УК РФ и ст. 274 УК РФ при совершении мошенничества). Такой подход, однако, также не решает вопрос оценки совершения искусственным интеллектом преступлений, не охватывающихся умыслом человека.

3. Принятие специальной нормы об ответственности за создание, адаптацию или использование искусственного интеллекта для совершения преступления с соответствующими квалифицирующими признаками (например, в виде дифференциации ущерба, причинения смерти, вреда

здоровью, наступления тяжких последствий и др.). В таком случае предполагается, что умыслом человека охватывалась возможность самостоятельного совершения искусственным интеллектом преступлений. Минусом подхода является фактическое отсутствие правовой оценки деяния, совершенного искусственным интеллектом самостоятельно.

4. Признание искусственного интеллекта субъектом преступления. В науке высказывалась точка зрения о возможности наделения искусственного интеллекта ограниченной правосубъектностью (посредством применения юридической фикции) в части наделения обязанностью нести ответственность за причиняемый вред и негативные последствия. По мнению авторов, указанный подход, несомненно, в перспективе будет нуждаться в переосмыслении ключевых постулатов и принципов уголовного права, в частности институтов субъекта и субъективной стороны преступления. При этом системы с искусственным интеллектом потребуют создания самостоятельного института уголовного права, уникального по своей сути и содержанию, отличного от традиционного антропоцентристского подхода[1].

Развитие автономных систем искусственного интеллекта необратимо изменяет картину преступности и ставит под вопрос традиционную антропоцентричную модель уголовного права. Сохранение правовой стабильности требует модернизации уголовного закона в виде признания использования искусственного интеллекта при совершении преступления квалифицирующим обстоятельством, разработки специальной нормы о создании или эксплуатации искусственного интеллекта с преступной целью и адаптации общих институтов вины и соучастия. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на критериях распределения ответственности между человеком и алгоритмом, оценки прогнозируемости последствий и правовых критериях безопасности применения технологии. Только комплексное регулирование позволит минимизировать криминогенные риски и сохранить превентивный потенциал закона в цифровую эпоху.

Список литературы:

1. Игнатов А.Н. Криминогенность техногенности // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 34–40.

2. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 564–574.

© Соловьев В.С., 2025.

[1] Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 572.

EDN: UZASJO

Степанищев Алексей Владимирович,
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра № 5
по исследованию проблем расследования преступлений,
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КОНФИСКАЦИЯ: ОТ ПЕРЕЧНЯ ИМУЩЕСТВА ДО ПЕРЕЧНЯ СТАТЕЙ

Аннотация: конфискация имущества на протяжении веков считалась эффективной мера воздействия на преступника путем лишения его и членов семьи материальной базы. Со временем менялась правовая основа применения конфискации, неизменным оставалось ее содержание. И только в современном российском государстве конфискация имущества обрела иной правовой статус, она является мерой уголовно-правового характера. В статье рассматриваются проблемы, связанные ее с правовой регламентацией в УК РФ, предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: конфискация имущества; наказание; мера уголовно-правового характера; перечень имущества, не подлежащего конфискации; мотив преступления.

Среди уголовно-правовых мер Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) нет ни одной, за исключением конфискации имущества, которая при сохранении наименования столь кардинально меняла бы свое содержание.

В момент начала действия УК РФ конфискация имущества относились к дополнительным видам наказания с присущими такого рода мерам свойствами, т.е. она была призвана подкреплять «отдельные стороны действия основного наказания, усиливая его качественно, воздействуя на сознание осужденного в соответствии с особенностями его личности»[1].

[1] См.: Цветинович Л.А. Дополнительные наказания в советском уголовном праве. Калининград, 1980. С. 41.

Назначалась конфискация имущества только за такие тяжкие либо особо тяжкие преступления, которые совершались из корыстных побуждений, и только в случаях, если она была включена в санкции соответствующих статей УК РФ. И, поскольку при конфискации изымалось имущество, приобретенное добросовестным путем, такой вид наказания, по мнению законодателя, стал несовместим с конституционно закрепленным правом частной собственности.

Вопрос об исключении наказания в виде конфискации имущества из уголовного закона рано или поздно все равно бы возник. В научных публикациях споры о необходимости такого решения велись еще в середине прошлого века[1], хотя до сих пор есть сторонники восстановления конфискации имущества в ее прежнем правовом статусе[2].

Итогом стало исключение в 2003 г. конфискации имущества как вида наказания из УК РФ. Лишать имущества лиц, обогатившихся преступным путем, добыв его в результате криминальной деятельности, стало возможным только в соответствии с ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) в рамках специальной конфискации орудий или предметов преступлений.

Однако эта процедурная норма не способна была заполнить образовавшийся законодательный пробел. Достижение целей наказания, особенно цели восстановления социальной справедливости и предупреждения новых преступлений, осложнилось, и законодателю пришлось в 2006 г. вернуть в УК РФ конфискацию имущества, но уже в существенно преобразованном виде. Правовая природа преображенной конфискации определяется названием Раздела VI УК РФ, в которой размещена глава 15.1, – мера уголовно-правового характера.

При всей близости наказаний и иных мер уголовно-правового характера[3] оказываемое последними влияние на лиц, совершивших преступления, все же менее значимое. В отличие от наказания конфискация имущества, по справедливому замечанию отдельных ученых, вообще лишена карательного потенциала по причине изъятия у таких

---

[1] Иванов В.Н. Должна ли сохраниться конфискация имущества как вид уголовного наказания? // Советское государство и право. 1958. № 9. С. 100–101.

[2] Евланова О.А., Павловская Н.В. Практика применения новых норм УК России в части назначения наказания за сбыт наркотических средств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 56.

[3] Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 116.

лиц имущества, полученного в результате преступной деятельности, и доходов от него[1].

На основании проведенного группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – ГД РФ) анализа практики применения конфискации имущества, предусмотренной ст. 104.1 УК РФ, был сделан вывод о ее недостаточной эффективности. В 2018 г. ими было предложено вернуть ее в УК РФ в качестве наказания при сохранении положений главы 15.1 УК РФ с переносом их в новую главу 15.3[2]. Кроме нормы о конфискации имущества законопроект содержал внушительный перечень статей, в санкции которых надлежало включить этот вид наказания. Это были статьи, регламентировавшие ответственность за деяния против личности, против собственности, в сфере экономической деятельности и пр.

Законопроект не был принят, и одной из главный причин такого решения следует признать правовую неопределенность оснований для применения конфискации имущества. В проектируемой ст. 52.1 предусматривалась возможность назначения этого наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления, если оно включалось в санкцию соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Решение суда о применении конфискации имущества должно было основываться помимо формального основания (категория преступления) на данных об общественной опасности преступления, степени вины и личности виновного. Понятно, что при таком широком диапазоне судебного усмотрения была высока вероятность коррупционных проявлений.

Новых попыток восстановления конфискации имущества в УК РФ как вида наказания больше не предпринималось. По всей видимости, она так и останется мерой уголовно-правового характера, что соответствует типу современного российского государства с его нынешней экономикой и уголовной политикой. Однако положения о конфискации имущества не безупречны и не столько с точки зрения законодательного закрепления, а в гораздо большей степени с позиции

---

[1] Яни П.С. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. 2006. № 6. С. 133–134.

[2] Проект федерального закона № 396097-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования института конфискации имущества» // Официальный сайт Государственный Думы Федерального Собрания Российской Федерации // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/396097-7 (дата обращения: 10 мая 2025).

определения доходов от преступной деятельности и соответствия размера изымаемого имущества тому имуществу, которое получено в результате преступления.

В советский период и в первые нескольких лет действия УК РФ конфисковывать, как уже упоминалось, можно было и правомерно приобретенное имущество. Пределом конфискационного изъятия являлся Перечень имущества, не подлежащего конфискации по приговору суда. В СССР подсчитать неправедно нажитое было достаточно легко, поскольку получаемые гражданами доходы и их источники были прозрачны. Конфисковывать имущество можно было только у лиц, совершивших преступления, предусмотренные законодательством Союза ССР и корыстные преступления (ст. 35 УК РСФСР 1960 г.), а позднее только за корыстные (ст. 52 УК РФ) определенной степени тяжести.

Никаких громоздких конструкций, связанных с конфискацией имущества, упомянутые кодексы не включали. Перечень имущества состоял из 10 пунктов и размещался либо в приложении к УК РСФСР 1960 г., а позднее в приложении к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации 1997 г.

При формулировании главы 15.1 УК РФ законодатель избрал иной путь, указывая конкретные статьи Особенной части, видимо, чтобы как-то отмежеваться от прежнего способа кодификации, более лаконичного и логичного. Теперь в ст. 104.1 УК РФ приходится в скобках указывать на корыстный мотив преступления, за совершение которого применима данная мера, и постоянно пополнять перечень статей Особенной части по мере дополнения УК РФ новыми нормами. За 19 лет существования главы 15.1 в УК РФ перечень статей в ст. 104.1 вырос почти в два с половиной раза – с 44 в момент включения ее в УК РФ до свыше 100 на настоящий момент.

В качестве одного из путей совершенствования законодательства о конфискации имущества можно предложить унифицировать формулировку ст. 104.1 УК РФ, взяв за образец ст. 52 УК РФ. При этом, в виду того, что конфискация применяется при совершении преступлений, размещенных почти во всех главах УК РФ, называть группы преступлений в зависимости от их направленности в ст. 104.1 УК РФ не имеет смысла.

Список литературы:

1. Цветинович Л.А. Дополнительные наказания в советском уголовном праве. Калининград, 1980. 67 с.

2. Иванов В.Н. Должна ли сохраниться конфискация имущества как вид уголовного наказания? // Советское государство и право. 1958. № 9. С. 100–101.

3. Евланова О.А., Павловская Н.В. Практика применения новых норм УК России в части назначения наказания за сбыт наркотических средств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 56–62.

4. Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 114–121.

5. Яни П.С. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. 2006. № 6. С. 133–134.

6. Проект федерального закона № 396097-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования института конфискации имущества» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственный Думы Федерального Собрания Российской Федерации // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/396097-7 (дата обращения: 10 мая 2025).

© Степанищев А.В., 2025

EDN: UIJZBD

Стрилец Олег Валентинович,
Волгоградская академия МВД России,
профессор кафедры уголовного права
УНК по ПС в ОВД,
кандидат юридических наук, доцент

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ВИНЫ В ОТДЕЛЬНЫХ НОРМАХ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Аннотация: статья посвящена проблемам реализации принципа вины в отдельных нормах, регламентирующих ответственность за транспортные преступления. Принцип вины, как один из основополагающих принципов уголовного права, играет ключевую роль в определении оснований и пределов ответственности за преступления. В контексте транспортных преступлений, характеризующихся различными подходами к определению субъективной стороны, его реализация приобретает особое значение. Автором отмечается недостаточная содержательность законодательной нормы, закрепленной в части 2 статьи 24 Уголовного кодекса Российской Федерации. В заключении формулируется вывод о том, что исключение данной нормы из уголовного закона создаст условия для единообразной и правильной квалификации общественно опасных деяний в сфере транспортной безопасности.

Ключевые слова: принцип; вина; умысел; неосторожность; транспортные преступления.

Принцип вины – один из фундаментальных принципов, являющийся краеугольным камнем привлечения лица к уголовной ответственности. Концепция вины, изложенная в данном принципе, устанавливает основополагающую идею уголовного права, то есть, привлечение к ответственности только при наличии вины и позволяет анализировать ее непосредственно через положения пятой главы Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

В.И. Ткаченко отмечал, «глава 5 УК названа «Вина». Однако определения вины в законе не дано, следовательно, не очерчены общие

рамки умысла и неосторожности. Вина – категория правовая. Она названа в ст. 49 Конституции РФ, в ст. 5, 14, 24, 60 Уголовного кодекса РФ и в других нормативных актах, однако ни в одном из них нет ее определения»[1].

В.В. Мальцев писал, что «такая норма будет только перегружать содержание УК, внося в него общеизвестные, с очевидностью вытекающие из норм указанной главы положения, смысл которых, к тому же, уже почти полностью изложен в ч. 1 ст. 24 УК: «Виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности»[2].

История развития законодательства об ответственности за транспортные преступления в России отражает общие тенденции развития уголовного права и, в частности, эволюцию понимания принципа вины. Первоначально, акцент делался на строгом наказании за любые нарушения правил транспортной безопасности, независимо от формы вины. Преобладал подход, основанный на принципе «объективного вменения», когда ответственность наступала за сам факт нарушения, независимо от наличия умысла или неосторожности.

Так, в 1931 году в I главу «Преступления государственные» УК РСФСР 1926 г. была введена ст. 59.3в, которая определяла уголовную ответственность за нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины. За злостный характер действий, закрепленных в этой норме, применялась высшая мера социальной защиты.

Уголовное законодательство 60-х годов прошлого века включало в себя ряд составов преступлений, которые с учетом современного взгляда можно отнести к транспортным, однако не содержало конкретного указания на их форму вины.

В первоначальной редакции российский уголовный закон насчитывал девять статей, регламентирующих ответственность за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, шесть из которых (ст.ст. 263, 264, 266, 267, 268, 269 УК РФ) в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 24 УК РФ содержали прямое указание на неосторожность.

В дальнейшем в главу 27 УК РФ были внесены многочисленные изменения, которые только усложнили вопрос реализации принципа вины в транспортных преступлениях.

---

[1] Ткаченко В.И. Пробелы в новом Уголовном кодексе России // Законодательство. 1997. № 3. С. 79.

[2] Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград: Волгогр. академия МВД России, 2001. С. 206.

В 2014 году законодатель установил новую норму, предусматривающую уголовную ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 263[1] УК РФ). В целом, введение данной нормы в законодательство России не вызывает существенных противоречий. Тем не менее, с позиции правовой природы, устанавливающей её содержание, представляется не вполне ясным сущность субъективной стороны этого преступления.

Статья 263[1] УК РФ содержит четкое указание, что вина в отношении общественно опасных последствий, закрепленных в ней, может быть исключительно в форме неосторожности.

Нарушение правил, касающихся транспортной безопасности, может происходить, когда лицо предвидит вероятность наступления последствий, но самонадеянно полагает, что они не произойдут или будут предотвращены благодаря определенным обстоятельствам, которые, по его мнению, исключат их наступление. Вместе с тем, лицо может не предвидеть возможность наступления последствий, указанных в ст. 263[1] УК РФ, однако, при проявлении должной внимательности и предусмотрительности, оно должно было и имело возможность предвидеть наступление таких последствий.

Проблематикой рассматриваемой нормы является факт, что вопреки требованиям ст. 32 УК РФ законодатель допускает возможность группового нарушения требований в области транспортной безопасности (ч. 3 и ч. 4 ст. 263[1] УК РФ). С позиции сегодняшних взглядов, относительно института соучастия, групповое совершение преступления возможно исключительно в преступлениях с умышленной формой вины. Соответственно такая конструкция ст. 263[1] УК РФ не только усложнит процесс ее правоприменения, но и противоречит принципу вины.

В юридической литературе существуют мнения, что некоторые транспортные преступления могут совершаться как с умышленной, так и с неосторожной формой вины.

И.А. Тарханов, Р.Р. Гайфутдинов, основываясь на толковании и использовании термина «причинение», допускают совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 263[1] УК РФ, с умыслом и неосторожностью, аргументируя при этом возможность применения ч. 3 и ч. 4 ст. 263[1] УК РФ[1].

---

[1] Тарханов И.А., Гайфутдинов Р.Р. Субъективная сторона преступления и отражение ее признаков в уголовном законодательстве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. № 2. С. 171.

Ряд правоведов считают, что рассматриваемые составы характеризуется как преступления с двумя формами вины, утверждая, что по отношению к деянию присутствует умышленная форма, а по отношению к последствию – неосторожная[1].

С.А. Зворыгина, исследуя вопрос нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств при обучении вождению автомобилем, утверждает, что преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ могут совершаться со «смешанной» виной, по мнению автора «Нарушение правил может быть допущено как умышленно, так и по неосторожности, тогда как психическое отношение к тяжким последствиям может быть только неосторожным»[2].

Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 526-ФЗ[3] была осуществлена существенная модификация ст. 267 УК РФ, которая отличилась не просто формальным добавлением новых квалифицирующих признаков, а существенным изменением содержания элементов состава преступления. В первоначальной редакции данного состава законодателем регламентировалось неосторожное причинение последствий. В настоящее время, опираясь на характеристику деяний ч. 1 ст. 267 УК РФ, в правой доктрине существует мнение, что субъективная сторона этого преступления характеризуется умышленной и неосторожной формой вины[4].

Это далеко не все случаи различных мнений при характеристике вины в транспортных преступлениях.

Суть не только в правильной квалификации общественно опасных деяний в сфере транспортной безопасности. Сложность заключается в наличии значительного числа преступлений, где отношение к наступающим последствиям не укладывается в одну из форм вины.

Как справедливо отмечал В.В. Мальцев, «вряд ли можно считать успешной попытку законодателя посредством нормы, описанной в ч. 2

---

[1] Гаджиева А.А., Сулейманова М.С. Проблемы уголовно-правовой регламентации нарушения требований в области транспортной безопасности // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 6. С. 122.

[2] Зворыгина С.А. Квалификация преступного нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств при обучении вождению автомобилем // Академический вестник ТГАМЭУП. 2013. № 1 (23). С. 112.

[3] О внесении изменения в статью 267 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 526–ФЗ. Доступ из справ.-правовой сист. «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[4] Попова Ю.П. Рассуждения о форме вины в транспортных преступлениях // Транспортное право и безопасность. 2021. № 4 (40). С. 145.

ст. 24 УК, по существу, вроде бы уточнить, конкретизировать принцип вины применительно только к одной из ее форм»[1].

Требование ч. 2 ст. 24 УК РФ не просто вступает в противоречие с целым рядом статей Особенной части УК РФ, но и дублирует смысловое содержание, выраженное в принципе вины. Существование этой нормы в уголовном законодательстве не добавляет ясности в вопрос о неосторожной форме вины, а лишь создает зыбкую иллюзию некоего самостоятельного, независимого основания для уголовной ответственности лиц, виновных в деяниях, совершенных по неосторожности.

Таким образом, исключение ч. 2 ст. 24 УК РФ обеспечит единообразное и справедливое применение норм уголовного закона, а также предотвратит необоснованное привлечение к ответственности лиц, чьи действия не представляют реальной угрозы транспортной безопасности.

Список литературы:

1. Гаджиева А.А., Сулейманова М.С. Проблемы уголовно-правовой регламентации нарушения требований в области транспортной безопасности // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 6. С. 120–124.

2. Зворыгина С.А. Квалификация преступного нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств при обучении вождению автомобилем // Академический вестник ТГАМЭУП. 2013. № 1 (23). С. 109–114.

3. Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград: Волгогр. академия МВД России, 2001. 266 с.

4. О внесении изменения в статью 267 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 526-ФЗ. Доступ из справ.-правовой сист. «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

5. Попова Ю.П. Рассуждения о форме вины в транспортных преступлениях // Транспортное право и безопасность. 2021. № 4 (40). С. 138–147.

6. Тарханов И.А., Гайфутдинов Р.Р. Субъективная сторона преступления и отражение ее признаков в уголовном законодательстве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. № 2. С. 161–176.

7. Ткаченко В.И. Пробелы в новом Уголовном кодексе России // Законодательство. 1997. № 3. С. 79–82.

© Стрилец О.В., 2025

[1] Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград: Волгогр. академия МВД России, 2001. С. 204.

EDN: UBFNAA

Тепляшин Павел Владимирович,
Сибирский юридический институт МВД России,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
доктор юридических наук, профессор

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ РЕЦИДИВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПОВТОРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (В РАКУРСЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ А.И. МАРЦЕВА)

Аннотация: в преломлении парадигмы научно-исследовательских воззрений такого известного учёного как А.И. Марцев изложен анализ общественной опасности рецидивного преступления и повторной преступности. Обосновывается, что опасность повторной преступности заключается как в повторном воздействии на защищаемые уголовным законом социальные ценности, так и потенциальном накоплении криминальной энергии за счет её аккумулирования в личности преступника, который ранее уже преступил уголовно-правовой запрет. Показан реальный характер общественной опасности рецидивного преступления, которая состоит в непосредственном поражении конкретных личностных, социальных и государственных благ и интересов, тогда как накопительный характер криминальной энергии преступника-рецидивиста демонстрирует потенциальный характер. Кроме того, повторная преступность, обладая высокой прецедентностью, формирует в обществе представление о недостаточной эффективности наказательной практики и низкой результативности деятельности правоохранительных органов. Делается вывод, согласно которому её общественная опасность отражает фактически существующую криминальную идеологию.

Ключевые слова: асоциальная среда; общественная вредность; отрицательные изменения; прецедентность поведения; ранее судимый; рецидивная виктимизация.

Общественная опасность как социально-правовой феномен уже достаточно давно выступает объектом пристальных научных исследований со стороны представителей как уголовного права, так и криминологии и уголовно-исполнительного права. Существенная роль в разработке

категории «общественная опасность преступления» принадлежит Альберту Ивановичу Марцеву – ученому, глубокое исследовательское наследие которого и в настоящее время представляет высокую значимость для изучения как отдельно взятых посягательств, так и социальных явлений в целом. В ракурсе научных наработок и в контексте методологических подходов, которые использовал А.И. Марцев, дает возможность обнаружить дополнительные средства совершенствования механизмов воздействия на преступность. В разрезе взглядов этого учёного на общественную опасность преступления допустимо высветить рассматриваемый признак как «обычных» преступлений (например, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, грабежа), так и криминализированных в последнее время (в частности, подкуп арбитра (третейского судьи)), как отдельно взятых общественно опасных деяний, так и негативных социальных явлений в целом, преступлений как обладающих преюдициальным характером (например, мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию), так и не обладающих подобным характером.

Как представляется, в преломлении парадигмы научно-исследовательских воззрений А.И. Марцева особый научный интерес вызывает анализ общественной опасности рецидивного преступления и повторной преступности. Это обусловлено существенным и многоаспектным поражающим влиянием повторной преступности на общественные отношения, разнохарактерным содержанием её причин и разнородным пониманием социально-правовой природы данного вида преступности.

Предварительно следует отметить принципиальную возможность рассмотрения общественной опасности соответствующего вида преступности через призму учения об общественной опасности преступления. Данный тезис базируется на так называемом уголовно-правовом подходе к раскрытию сути и признаков преступности, согласно которому преступность состоит из совокупности совершенных общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом. Следовательно, допустимость наложить указанное учение на общественную опасность повторной преступности как совокупности повторно (в том числе в третий и более раз) совершенных физическим лицом общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом. Данная дефиниция отражает расширительное понимание повторной преступности, поскольку она не привязана к категории «рецидив преступления» (ст. 18 УК РФ) и не зависит от времени, прошедшим между первым и повторным преступлениями.

Анализ специфики общественной опасности рецидивного преступления с позиций теоретических суждений и исследовательских итогов, к которым пришёл А.И. Марцев в своих научных изысканиях относительно общественной опасности преступления. Реализовать это можно сквозь призму обнаружения отрицательных трансформаций в социальной среде, которые производятся в результате рецидива преступления. Ведь как обосновано аргументировал А.И. Марцев «преступление производит определенные изменения в социальной действительности. С точки зрения общественных интересов – это отрицательные изменения».

В методологическом смысле, отталкиваясь от вышеизложенных рассуждений необходимо констатировать, что повторную преступность отличает существенное негативное воздействием на социальную среду, она деструктивно влияет на должное состояние правопорядка и общественную безопасность. Данный вид преступности обладает значительной опасностью для личности, общества и государства, которая заключается как в непосредственном повторном воздействии на защищаемые уголовным законом социальные ценности и человеческие блага, так и потенциальном накоплении криминальной энергии за счет её аккумулирования в личности преступника, который ранее уже преступил уголовно-правовой запрет.

Кроме того, необходимо обозначить, что общественная опасность преступления «может носить реальный и потенциальный характер». Соответственно, реальный характер общественной опасности рецидивного преступления состоит в непосредственном поражении конкретных личностных, социальных и государственных благ, ценностей и интересов. Однако накопительный характер криминальной энергии преступника-рецидивиста демонстрирует потенциальный характер общественной опасности рецидивного преступления – в частности и всей повторной преступности в целом.

Более того, рецидивист активно поражает (в определенном смысле – заражает) криминальным вирусом окружающих, вовлекает их в преступную деятельность. Зачастую он, в силу накопленного криминального опыта и авторитета, занимает высокое положение в преступной иерархии, которое позволяет данному лицу осуществлять организованное руководство и контроль над асоциальной средой. Не случайно законодатель предпринял отдельную попытку, которая, к сожа-

лению, не имеет системного характера, уголовно-правового воздействия на данное явление, путем криминализации запрета на занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210 УК РФ).

Повторная преступность формирует в обществе представление о недостаточной эффективности наказательной практики, а также о низкой результативности деятельности правоохранительных органов по предупреждению повторной преступности.

Кроме того, бытующее мнение о слабой эффективности борьбы государства с повторной преступностью формирует такой социально-психологический феномен как рецидивная виктимизация, что наиболее актуально применительно к семейно-бытовому насилию. Действительно, вторичный страх перед насильником переносит проблему рецидивной преступности с макроуровня на социально-психологический микроуровень, высвечивает виктимологический аспект рассматриваемой проблемы.

Потенциальный характер общественной опасности повторной преступности и связанные с ним модели поведения формируют асоциальную среду и расходятся с концептуальными установлениями, закрепленными в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Подходя к итоговой части анализа общественной опасности рецидивного преступления и повторной преступности, необходимо привести авторитетное суждение А.И. Марцева, согласно которому потенциальная общественная опасность преступления – это есть «угроза повторения того или иного преступления. Механизм образования общественной опасности основывается на прецедентности поведения или деятельности, признаваемых преступлениями. Свойство прецедента создает угрозу повторения преступлений в будущем». Действительно, в 2024 году зарегистрировано 513 915 лиц, ранее совершавших преступления (из них 288 531 ранее судимых), в том числе 120 620 лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. Данные факты показывают энергичную деятельность криминала по воспроизводству преступной идеологии, направленную на её прозелитивное распространение среди населения.

Таким образом, общественная опасность рецидивного преступления и, соответственно, повторной преступности состоит в чрезвычайно деструктивном и поражающим воздействием на стабильность социаль-

ной среды, обладает реальным и потенциальным характером своей преступной материализации, потенциально высокой прецедентностью и отражает фактически существующую криминальную идеологию.

Список литературы:

1. ВЦИОМ. «Я не боюсь сказать»: молчать или писать? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ya-ne-boyus-skazat-molchat-ili-pisat- (дата обращения: 09.05.2025).

2. Марцев А.И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 148–155.

3. Марцев А.И. Преступление: социально-правовой анализ: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2012. 75 с.

© Тепляшин П.В., 2025

EDN: UCJURZ

Тимина Татьяна Николаевна,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент

Душкина Екатерина Владимировна,
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, доцент кафедры правоведения, кандидат юридических наук

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОПАГАНДУ ЛИБО ПУБЛИЧНОЕ ДЕМОНСТРИРОВАНИЕ НАЦИСТСКОЙ АТРИБУТИКИ ИЛИ СИМВОЛИКИ, ЛИБО АТРИБУТИКИ ИЛИ СИМВОЛИКИ, СХОДНЫХ С НАЦИСТСКОЙ АТРИБУТИКОЙ ИЛИ СИМВОЛИКОЙ ДО СТЕПЕНИ СМЕШЕНИЯ

Аннотация: статья посвящена особенностям квалификации состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.4 УК РФ. Анализируется современное российское законодательство, регламентирующее уголовную ответственность за совершение указанного деяния. Рассматриваются субъективные и объективные признаки пропаганды либо публичного демонстрирования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, раскрывается предмет преступления и особенности правоприменения с учетом административной преюдиции.

Ключевые слова: экстремизм; нацизм; фашизм; нацистская атрибутика; нацистская символика; административная преюдиция.

Сложившаяся международная политическая обстановка, социально-политическая ситуация в Российской Федерации обнажили тенденции, связанные со значительной популяризацией идей нацизма, ча-

стью которого является специальная атрибутика или символика[1]. Сегодня одно из основных направлений государственной политики Российской Федерации – это взятое на себя обязательство принимать все необходимые меры по предотвращению создания и деятельности фашистских организаций и движений на своей территории[2]. Использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения является формой экстремистской деятельности (экстремизма) (ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114[3]). В 2014 году были внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), где в представленной новой редакции ч. 1 ст. 20.3 устанавливается административная ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами[4].

Следующей реакцией российского законодателя на недопустимость взращивания нацизма, фашизма и попрания заслуг советского

---

[1] Беликова С.Б. К вопросу об административной ответственности за правонарушения в сфере экстремизма // Сборник докладов научно-практической конференции «Профилактика экстремизма и терроризма на национальной и религиозной почве». Владикавказ, 2019. С. 73–86.

[2] Федеральный закон от 19.05.1995 № 80–ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6643/ (дата обращения: 12.05.2025).

[3] Федеральный закон от 25.07.2002 N 114 – ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/12127578/ (дата обращения: 12.05.2025).

[4] Федеральный закон «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 04.11.2014 № 332–ФЗ // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170486/#:~:text=%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0 (дата обращения: 12.05.2025).

народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 года стало ужесточение ответственности путем введения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в 2022 году статьи 282.4 «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами»[1]. Данная норма содержит административную преюдицию, подразумевая наступление уголовной ответственности за рассматриваемое деяния в случае его совершения неоднократно, то есть после привлечения к административной ответственности лица за любое из административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.3 КоАП РФ.

Ч. 1 ст. 282.4 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами. Атрибутика или символика экстремистских организаций, либо иная атрибутика или символика, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами в настоящей работе не рассматриваются ввиду того, что выходят за пределы исследования.

Объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие состояние защищенности личности, общества и государства от экстремистских проявлений.

Предметом деяния, описываемого в статье, является нацистская атрибутика или символика, либо атрибутика или символика, сходные с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения.

По смыслу закона нацистская символика – знамена, значки, атрибуты униформы, приветствия и пароли, представляющие собой воспроизведение в любой форме соответствующей символики, использовавшейся Национал-социалистской рабочей партией Германии

[1] Федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421797/ (дата обращения: 12.05.2025).

и Национальной фашистской партией Италии: свастики, приветственных жестов и других отличительных знаков государственных, военных и иных структур, признанных преступными Международным военным трибуналом, в том числе символика, сходная с нацистской до степени смешения, что также закреплено в Модельном законе о недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников, принятом в г. Санкт-Петербурге 17.05.2012 Постановлением 37–18 на 37–ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ[1].

Объективная сторона преступления выражается в двух альтернативных действиях: пропаганде или публичном демонстрировании рассматриваемых атрибутики либо символики.

Под пропагандой следует понимать деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формировании у других лиц убежденности в необходимости использования такой атрибутики или символики[2].

Под публичным демонстрированием можно подразумевать публичное выставление, показ, вывешивание, изображение нацистских атрибутики и символики, атрибутики и символики, сходных с ними до степени смешения, воспроизведение нацистских или сходных с нацистскими до степени смешения приветствий и приветственных жестов, а также любые другие действия, делающие рассматриваемые атрибутику и символику доступными для восприятия других лиц, в том числе путем публикации в средствах массовой информации[3].

С субъективной стороны, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 282.4 УК РФ, характеризуется прямым умыслом.

Субъект пропаганды либо публичного демонстрирования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики,

---

[1] Приговор № 1-34/2024 1-651/2023 от 18 января 2024 г. по делу № 1-34/2024 // [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/M9rT71AWw5ZZ/ (дата обращения: 12.05.2025).

[2] Уголовное право. Особенная часть: учебник / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Денисова, д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Готчиной, д-ра юрид. наук, доц. А.Г. Хлебушкина. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 528.

[3] Постановление Верховного Суда РФ от 08.02.2011 № 64-АД11-1 6// [Электронный ресурс] // URL: https://www.zakonrf.info/suddoc/b31891e28746b454afba8182f0d7a7f2/ (дата обращения; 12.05.2025).

сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения специальный – это физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцати лет, подвергнутое административному наказанию за любое из административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.3 КоАП РФ.

Таким образом, введение уголовной ответственности за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения позволяет наиболее эффективно противодействовать рассматриваемому экстремистскому проявлению, что становится одним из ключевых направлений обеспечения безопасности государства.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.05.2025).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 12.05.2025).

3. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/12127578/ (дата обращения 12.05.2025).

4. Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6643/ (дата обращения: 12.05.2025).

5. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 04.11.2014 № 332-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170486/#:~:text=%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1

%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0 (дата обращения: 12.05.2025).

6. Федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421797/ (дата обращения: 12.05.2025).

7. Постановление Верховного Суда РФ от 08.02.2011 № 64-АД11-16 [Электронный ресурс] // URL: https://www.zakonrf.info/suddoc/b31891e28746b454afba8182f0d7a7f2/ (дата обращения: 12.05.2025).

8. Приговор № 1-34/2024 1-651/2023 от 18 января 2024 г. по делу № 1-34/2024 [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/M9rT71AWw5ZZ/ (дата обращения: 12.05.2025).

9. Беликова С.Б. К вопросу об административной ответственности за правонарушения в сфере экстремизма // Сборник докладов научно-практической конференции «Профилактика экстремизма и терроризма на национальной и религиозной почве». Владикавказ, 2019. С. 73–86.

10. Рашева Н.Ю. Особенности правоприменительной практики по делам о пропаганде либо публичном демонстрировании нацистской атрибутики или символики (на примере административной ответственности) // ADVANCES IN LAW STUDIES. Том 12. № 1. 2024. С. 56–60.

11. Уголовное право. Особенная часть: учебник / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Денисова, д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Готчиной, д-ра юрид. наук, доц. А.Г. Хлебушкина. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. 656 с.

© Тимина Т.Н., 2025,
© Душкина Е.В., 2025

EDN: UCLZXW

Турышев Александр Александрович,
Омская академия МВД России
доцент кафедры уголовного права
кандидат юридических наук, доцент

ПОДХОДЫ К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ПРЕДМЕТА, ОРУДИЯ И СРЕДСТВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

Аннотация: статья посвящена исследованию проблем моделирования Особенной части УК РФ, посредством отнесения вхождений к одному из множеств (предмет преступления, орудия преступления и средства совершения преступления). Автором рассмотрены подходы к определению функциональной роли вхождений, а также выработаны критерии по идентификации через включенность в иерархию элементов состава преступления более высокого уровня. Научная новизна заключается в использовании типологии общественных отношений, значительно влияющих на правильное определение функциональной роли вхождения.

Ключевые слова: предмет преступления; орудие преступления; средство преступления; вхождение; Особенная часть УК РФ; критерии отграничения; моделирование УК РФ.

Традиционно уголовное право относят к гуманитарным или социальным наукам, а значит не точным. Однако, констатация в совершенном деянии лица состава преступления происходит только после установления всех необходимых элементов состава[1]. Для этой цели элемент состава должен обладать определенностью и четкостью границ, а значит в рамках понимания состава преступления как системы уголовное право приближается к точным наукам. Кроме того, точность

[1] В данной статье элемент используется в авторском понимании, как формализованный функциональный компонент, позволяющий описать отдельную часть преступного поведения, т.е. представляет конечного элемент деления, из которого собирается множество (состав преступления). Подробнее о структурном устройстве состава преступления см.: Турышев А.А. Структура состава преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2.

увеличивается ввиду повторяемости и типичности изложения элементов в Особенной части УК РФ, приводящей к формированию множеств. К естественным наукам уголовное право также приближает возможность измеримости, что определяется инструментарием (понятийным аппаратом) и людьми его применяющими. Кроме того, для реализации принципов справедливости и законности уголовное право просто обязано стремиться к повышению формальной точности.

В статье представлены отдельные аспекты моделирования Особенной части УК РФ. В ходе работы в диспозициях статей выделялся фрагмент текста, который по ролевым характеристикам мог соответствовать либо предмету преступления, либо орудию преступления, либо средству преступления. Обозначим подобные фрагменты текста термином вхождения[1]. Полученное множество распределилось на следующие группы вхождений: предмет преступления – 927; орудия совершения преступления – 29; средство совершения преступления – 50. Однако в ходе отнесения и последующего сегментирования текстовых фрагментов выявлены закономерности и проблемы.

Во-первых, в качестве предмета и средства преступления попали как материальные предметы, так и информационные сущности. Отсюда, следует признать отчасти устаревшим традиционное определение предмета преступления, как «конкретного материального объекта, в котором проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления), путем физического или психического воздействия на который причиняется социально опасный вред в сфере этих общественных отношений»[2]. Подобные изменения в предмете и средствах ожидаемы, поскольку формирование информационной надстройки общества предопределило появление информационных объектов, предметов, способов, орудий и средств совершения преступления.

Во-вторых, содержащиеся в учебниках и учебной литературе по уголовному праву представления о предмете, орудии и средстве совершения преступления[3] достаточны для обучения, но не пригодны

---

[1] Вхождение – выделенный исследователем текстовый фрагмент диспозиции статьи Особенной части УК РФ, вносимый в базу данных с целью последующей обработки.

[2] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 103.

[3] См.: Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для средних специальных учебных заведений / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов; Под ред. В.Б. Боровикова. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2010. С. 68, 83–84; Уголовное право России.

для отграничения и последующего ранжирования вхождений, выделенных в тексте уголовного закона ввиду противоречивости или отсутствия детальных критериев. Например, в комментарии к УК РФ орудия совершения преступления определяются как «любые вещи (предметы), используемые для непосредственного осуществления задуманного преступления: как специально приспособленные для совершения преступления (кастеты, фомки, отмычки и т.д.), так и специально не предназначенные для совершения преступления (предметы хозяйственного и бытового назначения, автомобиль для убийства путем наезда и т.д.)»[1]. Подобные понятия повсеместны и страдают одним изъяном: они определяют орудия и средства по роли в механизме совершения конкретного преступления, а не по роли в диспозиции уголовно-правовой нормы. Таким образом, это криминалистические или процессуальные определения, но не уголовно-правовые. Следовательно, они не подходят для нашей исследовательской задачи. Только указание в тексте уголовного закона может быть единственным критерием ролевого определения вхождения.

В-третьих, одним из распространенных предметов преступления является человек в различных формулировках, поэтому выделение отдельной сущности «потерпевший», с точки зрения теории не целесообразно. Присутствие человека, как предмета преступления в тексте уголовного закона более значительно, если принять во внимание скрытый характер указания на него в рамках преступных последствий (например, повлекший причинение вреда здоровью человека или смерть человека).

Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев [и др.]; Под ред. А.И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. С. 68, 87; Уголовное право. Общая часть: краткий курс лекций / В.В. Сверчков. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 79; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Под ред. проф. В.В. Векленко. 3-е изд., перераб. и доп. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 125; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / Отв. ред. А.И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 71, 87; Уголовное право. Общая часть: учебник / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Денисова, д-ра юрид. наук, доц. Л.В. Готчиной, канд. юрид. наук, доц. А.В. Никуленко. М.: ДГСК МВД России, 2018. С. 88, 102; Уголовное право России. Общая часть: учеб. пособие. / М.В. Бавсун, Н.В. Вишнякова, К.Н. Карпов, К.Д. Николаев. Омск: Омская академия МВД России, 2022. С. 41, 51.

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 62.

В чем выражается основная суть проблемы? В определении функциональной роли вхождения. Один и тот же материальный предмет в разных статьях может проявляться в следующих функциональных качествах: предмета и орудия преступления, предмета и средства совершения преступления. Например, оружие в одной статье – предмет преступления (ст. 226 УК РФ), в другой статье – орудие (ст. 162 УК РФ). Автомобиль в угоне выступает в роли предмета преступления (ст. 166 УК РФ), а в нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств – орудием или средством (ст. 264 УК РФ). Обозначить вхождение предметом преступления или средством (орудием) возможно после установления его роли в механизме совершения преступления, описанного в диспозиции статьи.

Отсюда возникает более мелкий вопрос: взятка (подкуп) – это предмет преступления или средство? Так, Миронова Г.Н. пишет: «учитывая ситуацию, сложившуюся в части правовой регламентации конфискации имущества за совершение мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества, считаем оправданным и целесообразным признание имущества орудием или средством совершения преступления»[1]. Есть диаметрально противоположная позиция ученых: «деньги, имущество и иные материальные блага, перечисленные в качестве предмета взятки, являются предметом преступления»[2]. Такая неопределенность не позволяет однозначно сформировать ролевые множества из всех полученных вхождений.

При этом вопрос взяточничества не частный, а касается значительной группы преступлений, предусматривающих незаконный оборот предметов и веществ запрещенных или ограниченных в РФ (оружия, взрывчатых веществ, наркотических и психотропных веществ и т.д.). Выход был найден в разделении общественных отношений на типы: нормальных и запрещенных.

Преступления названые выше объединяет, то что они формируют запрещенные общественные отношения, которые существуют вне социально приемлемого поведения. Они сами по себе создают потенциальную угрозу причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны

---

[1] Миронова Г.Н. Предмет конфискации при мелком коммерческом подкупе и мелком взяточничестве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 124-125.

[2] Сидоренко Е.А. Теоретические проблемы установления объективной стороны получения взятки // Научный портал МВД России. 2013. № 1. С. 86.

(нормальным общественным отношениям). Поскольку они отличаются от нормальных общественных отношений, то и ролевая функция предметов в них будет отличаться. Так, взятка при даче или получении является неотъемлемым предметом таких общественных отношений и без неё они просто перестанут существовать. Отсюда ролевая характеристика взятки соответствует предмету преступления.

Механизм посягательства на нормальные общественные отношения можно рассмотреть через воздействие, которое включает активную и пассивную составляющую. Активная часть воздействия представлена элементами: «Деяние – Способ – Средства (Орудия)», а пассивная – «Объект – Последствие – Предмет». Любой состав содержит как минимум два обязательных элемента (деяние и объект), а включение в диспозицию факультативных элементов осуществляется для детализации законодательного описания. Непосредственно воздействие происходит в точках «Средство (Орудие) – Предмет».

Поставленная задача по созданию модели описания предмета, средства и орудия совершения преступления в Особенной части УК РФ была решена. Информацию о развитии модели Особенной части УК РФ можно узнать на сайте представления проекта[1]. Для установления функциональной роли вхождения были использованы следующие критерии:

1) определению подвергались вхождения, полученные из диспозиции статей Особенной части УК РФ, поскольку только они представляют уголовно-правовое значение;

2) при определение функциональной роли вхождения следует не только ориентироваться на место в диспозиции статьи УК РФ, но и учитывать тип общественного отношения (нормального или запрещенного);

3) роль вхождения подтверждается включенностью в иерархию элементов состава преступления более высокого уровня: «Объект – Последствие – Предмет» и «Деяние – Способ – Средства (Орудия)».

4) контроль функциональной роли вхождения можно отслеживать по текстовым меткам, которые в диспозиции статей представлены фразами: «с применением …» (для орудия), «использование …», «внесение …» (для средства) и т.д.

---

[1] Модель составов преступлений Особенной части УК РФ // URL: https://crimcode.ru/model-uk-rf (дата обращения: 13.06.2025.).

Список литературы:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 62.

2. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 103.

3. Миронова Г.Н. Предмет конфискации при мелком коммерческом подкупе и мелком взяточничестве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 124–125.

4. Модель составов преступлений Особенной части УК РФ // URL: https://crimcode.ru/model-uk-rf (дата обращения: 13.06.2025).

5. Сидоренко Е.А. Теоретические проблемы установления объективной стороны получения взятки // Научный портал МВД России. 2013. № 1. С. 86.

6. Уголовное право России. Общая часть: учеб. пособие. / М.В. Бавсун, Н.В. Вишнякова, К.Н. Карпов, К.Д. Николаев. Омск: Омская академия МВД России, 2022. С. 41, 51.

7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / Отв. ред. А.И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 71, 87.

8. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев [и др.]; Под ред. А.И. Рарога; 7-е изд., перераб. И доп. М.: Проспект, 2012. С. 68, 87.

9. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Под ред. проф. В.В. Векленко; 3-е изд., перераб. и доп. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 125.

10. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для средних специальных учебных заведений / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов; Под ред. В.Б. Боровикова. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2010. С. 68, 83–84.

11. Уголовное право. Общая часть: краткий курс лекций / В.В. Сверчков. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 79.

12. Уголовное право. Общая часть: учебник / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Денисова, д-ра юрид. наук, доц. Л.В. Готчиной, канд. юрид. наук, доц. А.В. Никуленко. М.: ДГСК МВД России, 2018. С. 88, 102.

© Турышев А.А., 2025

EDN: UKWOIY

Тюнин Владимир Ильич,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
профессор кафедры уголовного права
доктор юридических наук, профессор

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЮ В НАЛОГОВЫЕ ОРГАНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И (ИЛИ) СБЫТУ ЗАВЕДОМО ПОДЛОЖНЫХ СЧЕТОВ-ФАКТУР И (ИЛИ) НАЛОГОВЫХ ДЕКЛАРАЦИЙ (РАСЧЕТОВ)

Аннотация: в статье рассматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 173.3 УК РФ, связь с иными преступлениями в сфере экономической деятельности, некоторые аспекты квалификации преступления.

Ключевые слова: уголовная ответственность, квалификация, состав преступления, налоговая декларация, счет-фактура, организация деятельности, сбыт.

Федеральным законом от 23.11.2024 № 406-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 28.1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1] в гл. 22 УК РФ была введена ст. 173.3 УК РФ установившая ответственность за организацию деятельности по представлению в налоговые органы РФ, а также сбыт заведомо подложных счетов-фактур и налоговых деклараций (расчетов).

Представление в налоговые органы указанных документов далеко не редкость, если учесть, то обстоятельство, что объективная сторона преступлений, предусмотренных статьями 198 и 199 УК РФ одним из способов совершения преступлений установила представление в налоговый орган налоговой декларации (расчета) с ложными сведе-

[1] Федеральный закон от 23.11.2024 № 406-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 28.1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Российская газета, № 269, 27.11.2024.

ниями. Что же касается такого предмета как счет-фактура, то они являются первичными документами учитываемыми покупателями товара или лицами, оказывающими услуги.

В рамках настоящей статьи наша задача будет заключаться в рассмотрении (характеристике) состава преступления, предусмотренного ст. 173.3 УК РФ. Для начала попытаемся определить место и непосредственный объект настоящего преступления. Законодатель определил место уголовно-правовой нормы сразу же после статьи 173.2 УК РФ, которая карает за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица. В значительном числе классификаций названное преступление относят к группе преступлений, посягающих на установленный порядок осуществления предпринимательской деятельности, а непосредственным объектом называют установленный законодательством РФ порядок образования (создания, реорганизации) юридических лиц.

Можно считать непосредственным объектом нового преступления установленный законом порядок составления счетов-фактур и деклараций(расчетов) участниками сделок, заключаемых между продавцами и покупателями в процессе осуществления предпринимательской деятельности, которые представляют в налоговые инспекции соответствующие документы. С другой стороны, специфика рассматриваемых документов и их значение в предпринимательской деятельности, которые имеют значение для расчета налогооблагаемой базы приближает рассматриваемое преступление к группе налоговых преступлений. По сути дела, признаки объективной стороны преступления предваряют представление налоговой декларации (расчета) в налоговую службу и способствуют уклонению от уплаты налогов, поэтому можно было бы сказать, что преступление нарушает установленный порядок налогового учета и отчетности. Однако законодатель не определил место преступления в числе «налоговых» преступлений.

Предмет преступления. Кратко отметим, что представляют собой счета-фактуры и налоговые декларации (расчеты).

Счет-фактура. Счет-фактура определен в ст. 169 НК РФ как документ, служащий основанием для принятия покупателем предъявленных продавцом товаров (работ, услуг), имущественных прав (включая комиссионера, агента, которые осуществляют реализацию товаров (работ, услуг), имущественных прав от своего имени) сумм налога, предъявляемых к вычету. Порядок составления счета-фактуры определен в Постановлении Правительства РФ от 26.12.2011 № 1137 (ред.

от 29.10.2024) «О формах и правилах заполнения (ведения) документов, применяемых при расчетах по налогу на добавленную стоимость»[1]. Существует несколько видов счета-фактуры, среди которых наиболее распространенными являются следующие: обычный, отгрузочный – подтверждает передачу товара покупателю. Авансовый – составляется при заключении договора и получении аванса за выполненные работы или оказанные услуги, но факт передачи не подтверждает. Корректировочный – заполняется при изменении цены или количества отгруженной продукции.

Налоговая декларация – это письменное заявление или заявление налогоплательщика, составленное в электронной форме и переданное по телекоммуникационным каналам связи с применением усиленной квалифицированной электронной подписи или через личный кабинет налогоплательщика, об объектах налогообложения, о полученных доходах и произведенных расходах, об источниках доходов, о налоговой базе, налоговых льготах, об исчисленной сумме налога и (или) о других данных, служащих основанием для исчисления и уплаты налога. Такая декларация подается по каждому виду налога.

Разновидностью налоговой декларации является декларация по НДС, являющаяся обязательной формой отчетности налогоплательщика.

Помимо налоговой декларации предметом преступления выступает и расчет, который представляет собой документ об авансовом платеже в случаях, предусмотренных НК РФ применительно к конкретному налогу.

Считается, что в общих случаях налог на добавленную стоимость уплачивает продавец. Перед этим он формирует сумму НДС, указывает её в счете-фактуре и получает деньги от покупателя при оплате товаров/работ/услуг. В случаях установленных НК РФ НДС должен уплачивать покупатель, который выполняет функции налогового агента. Например, уплачивать НДС должны организации, сотрудничающие с инофирмами, которые не стоят на учете ФНС. Такие компании признаются налоговыми агентами. Согласно п. 1 ст. 24 НК РФ налоговые агенты должны исчислить НДС, удержать его из

[1] Постановление Правительства РФ от 26.12.2011 № 1137 (ред. от 29.10.2024) «О формах и правилах заполнения (ведения) документов, применяемых при расчетах по налогу на добавленную стоимость» / Собрание законодательства РФ. № 3. 16.01.2012. Ст. 417.

денег, выплачиваемых продавцу, и перечислить налог напрямую в федеральный бюджет.

Уголовно-правовая норма ст. 173.3 УК РФ карает не за неуплату НДС, поскольку в этом случае должны действовать нормы ст. 198 или 199 УК РФ.

Опасность деяния видится в ином. Используя поддельные документы (счет-фактуру или (или) налоговую декларацию (расчет)) налогоплательщик получает право на возмещение НДС. В общем виде схема оплаты выглядит следующим образом: для расчета суммы налога, которую продавец должен перечислить в бюджет, необходимо из суммы НДС, исчисленной при реализации, вычесть сумму входного НДС по приобретенным им (как покупателем) товарам/работам/услугам. При совершении преступления виновный представляет в налоговую службу документы позволяющие получить ему возмещение НДС, входящий в стоимость реализованного товара (оказанной услуги). В уголовно-правовой литературе возмещение НДС по бестоварным сделкам предлагалось рассматривать как мошенничество и такая правоприменительная практика складывалась.

Итак, в чем же заключается преступление, и кто его совершает?

Объективная сторона преступления. Идея криминализации деяний, предусмотренных в диспозиции ч. 1 ст. 1733 УК РФ появилась еще в 2022 году. В конце декабря 2022 г. в Государственную Думу были внесены депутатские поправки в УК РФ и УПК РФ, в которых предлагалось предусмотреть ответственность за сбыт или представление в ИФНС заведомо подложных счетов-фактур и налоговых деклараций.

В Пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» отмечалось, что механизм деяния состоит в приобретении уставных документов юридических лиц, зарегистрированных на подставных лиц, последующем изготовлении от их имени подложных счетов-фактур и налоговых деклараций, подтверждающих налоговые вычеты недобросовестных налогоплательщиков. Поддельные документы передаются заказчику либо в его интересах непосредственно в налоговую инспекцию. За свою «работу» организаторы такой деятельности получают вознаграждение от суммы фиктивно подтвержденных налоговых вычетов.

Итак, преступление предусматривает организацию деятельности: по представлению в налоговые органы РФ и (или) сбыту заведомо подложных счетов-фактур и (или) налоговых деклараций (расчетов) от имени

юридических лиц, образованных через подставных лиц, либо с использованием персональных данных, полученных незаконным путем, если эти деяния сопряжены с извлечением дохода в крупном размере.

Что такое организация деятельности? В тексте Особенной части УК РФ можно встретить данный признак в ст. 205.5 и ст. 282.2 УК РФ.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» сказано, что под организацией деятельности следует понимать «действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация вербовки новых членов, шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации)»[1].

Термин «организация» в теории управления означает функцию управления, которая предполагает руководство людьми. Под организацией также понимается систематизированный коллектив людей, объединенных для достижения единой, общей для всех цели.

Применительно к нашему случаю можно сказать, что организация деятельности представляет собой руководство поведением людей, которые выполняют различные роли целью которых будет являться создание пакета необходимых документов, в числе которых имеются поддельные налоговые декларации (расчеты), использованы документы заказчика (юридического лица), от имени которого подаются документы в налоговую инспекцию. При составлении документов могут быть использованы и персональные данные, полученные незаконным путем (любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)). Закон предусматривает деятельность, состоящую в подготовке документов и передаче их заказчику. Нельзя исключить, что такая деятельность предусматривает и инициативный поиск лиц заинтересованных в приобретении поддельных налоговых деклараций (расчетов) и последующую передачу их заинтересованным лицам, для таких случаев законодатель предусмотрел понятие «сбыт». Нельзя

[1] Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» / Российская газета, №142, 04.07.2011.

исключить, что такие документы будут востребованы не только юридическими лицами (их руководителями), но и индивидуальными предпринимателями, также являющимися плательщиками НДС.

Оконченным преступление будет с момента представления таких поддельных документов в налоговую инспекцию и (или) сбыта заказчику и получения потенциальными плательщиками вознаграждения, рассчитанного о в определенном процентном соотношении к сумме предполагаемого возмещения по налогу на добавленную стоимость. Момент окончания преступления связан с извлечением виновными лицами дохода в крупном размере. Крупный размер согласно примечанию к ст. 170.2 УК РФ должен превышать 3 млн. 500 тыс. руб. Представляется, что денежные средства виновными лицами могут быть получены от налогоплательщиков НДС и после возмещения по налогу на добавленную стоимость, все зависит от договоренности между субъектом преступления и заказчиком документов.

Субъективная сторона преступления предусматривает прямой умысел на совершение указанных действий.

Кто является субъектом преступления?

Субъект преступления. Представляется, что такими лицами могут быть лица, создавшие юридическое лицо через подставных лиц, либо использовавшие чьи-то персональные данные (скажем в том случае, если представляются данные индивидуального предпринимателя), являющегося участником (или мнимым участником) сделки, по которой возможно возмещение по НДС. Таким субъектом может выступать лицо, специализирующееся на указанной деятельности, выступающее в качестве посредника между создателем фиктивного юридического лица и лицами являющимися плательщиками НДС – руководителями юридических лиц или индивидуальными предпринимателями. При совершении преступления может быть несколько исполнителей преступления, если лица организовались в группу и распределили между собой обязанности по подготовке и представлению документов, указанных в диспозиции статьи. Преступление предусмотренное в ч. 1 ст. 173.3 УК РФ отнесено законодателем к числу преступлений средней тяжести.

Статья 173.3 УК РФ содержит квалифицированные составы преступления – это деяние, предусмотренные ч. 1 ст. 173.3 УК РФ: совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; сопряженное с извлечением дохода в особо крупном раз-

мере. Особо крупный размер должен превысить 13 млн. 500 тыс. рублей. При наличии указанных отягчающих признаках преступление отнесено к тяжким преступлениям.

Примечание к ст. 173.3 УК РФ характеризует предмет подделки, воспроизведем текст закона – «Для целей настоящей статьи счета-фактуры и (или) налоговые декларации (расчеты) признаются подложными, если они содержат ложные сведения об отгрузке товаров, о выполнении работ, об оказании услуг, о передаче имущественных прав».

Список литература:

1. Федеральный закон от 23.11.2024 № 406–ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 28.1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Российская газета. № 269. 27.11.2024.

2. Постановление Правительства РФ от 26.12.2011 № 1137 (ред. от 29.10.2024) «О формах и правилах заполнения (ведения) документов, применяемых при расчетах по налогу на добавленную стоимость» / Собрание законодательства РФ. № 3. 16.01.2012. ст. 417.

3. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» / Российская газета. № 142. 04.07.2011.

© Тюнин В.И., 2025

EDN: KBZOBD

Улитин Илья Николаевич,
Кубанский государственный университет,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук

ВРЕМЯ КАК ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ (ОСОБЕННЫЙ) ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Аннотация: в работе рассмотрены некоторые особенности уголовно-правового значения времени как факультативного (особенного)[1] признака состава преступления. В работе произведён обобщённый анализ разработок о времени как признаке модели преступного деяния.

Ключевые слова: объективная сторона; признак состава преступления; факультативный признак; время; условие.

Любые общественные отношения, в том числе уголовно-правовые, существуют во временном пространстве. Как известно, всякому феномену мироздания свойственны моменты возникновения, становления и развития. Этому процессу сопутствует категория «время». Не случайно данное явление выступает одним из фундаментальных свойств бытия, которое выражается в форме движения, изменения, развития сущего из прошлого через настоящее в будущее[2]. Названное свойство объективной действительности занимает значимое место, в том числе, в уголовном праве. Как верно отмечено С.В. Маликовым, проблема соотношения права и времени до сих пор является недостаточно исследованной как в общей теории права, так и в отраслевых

[1] Об обозначении факультативных признаков состава преступления «особенными условиями» подр. см.: Улитин И.Н. Факультативные признаки состава преступления: доктринальные подходы к определению их уголовно-правового статуса // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летнему юбилею профессора В.П. Коняхина: сборник материалов международной научно-практической конференции (Краснодар, 01–02 февраля 2024 г.). Краснодар, 2024. С. 179–185.

[2] Моисеев Б.М. Время как философская категория и как физическая величина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2013. № 1 (9). С. 155.

науках[1]. Названный феномен влияет на действие уголовного закона во времени[2], в том числе на момент начала, реализации и окончания уголовно-правовых отношений, а также на квалификацию содеянного, включая определение стадии совершения преступления и образование его состава[3]. В отечественном законодательстве действие уголовного закона во времени определено в ч. 1 ст. 9 УК РФ, а вопрос времени совершения общественно опасного посягательства – в ч. 2 названной статьи. Дополнительно стоит отметить, что анализируемая категория имеет значение и для других наук уголовно-правового цикла. В частности, время упоминается в п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Помимо прочего, время учитывается при проведении следственных действий, в процессе состязательности, в рамках следственной ситуации, в криминалистической характеристике и др.

В учениях о составе преступления устоялся подход, что время совершения общественно опасного посягательства является признаком объективной стороны, что свойственно и современным исследованиям, в частности, таких авторов, как А.И. Бойко, А.В. Иванчин, М.И. Ковалёв, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, Ю.Е. Пудовочкин и иных. В них данная категория рассматривается с разных позиций: и как некое абстрактное явление, и применительно к конкретным видам преступных посягательств. В рамках второго направления существенное внимание уделяется времени при детоубийстве и в преступлениях против военной службы.

Необходимо подчеркнуть, что понимание времени совершения преступления значительно отличается от других его конфигураций как в уголовном праве, так и в других смежных областях. Об этом свидетельствует его легальная дефиниция. В частности, в законе оно определено как время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (ч. 2 ст. 9 УК РФ). С точки зрения законодательной техники, представленное

---

[1] Маликов С.В. Учение о времени и сроках в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 3.

[2] Журавлева Е.М. Действие уголовного законодательства Российской Федерации во времени: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997; Мельников М.Г. Действие уголовного закона во времени и пространстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1999.

[3] Аитова О.Ф. Уголовно-правовые проблемы времени преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016.

определение не даёт никакой ясности. В нём раскрывается термин через синонимичные пары (время преступления есть время общественно опасного деяния). На данное обстоятельство указывает, в том числе, А.А. Ильин[1]. По убеждению В.В. Хилюта, формула, зафиксированная в ст. 9 УК РФ, прямо указывает на то, что временем совершения преступления является момент выполнения последнего из системы волевых физических актов, образующих действие (бездействие) как признак объективной стороны преступления[2]. Представляется, что данное суждение требует детализации в той части, что дефиниция, обозначенная в названной статье, намного шире по сравнению с пониманием времени как признака объективной стороны общественно опасного посягательства. В ч. 2 ст. 9 УК РФ говорится о двух аспектах времени: как о хронологическом отрезке, в ходе которого совершается преступление, и как о признаке объективной стороны состава такового[3].

С учетом этого в уголовно-правовой науке обосновываются предложения по совершенствованию ч. 2 ст. 9 УК РФ. Так, по мнению С.В. Маликова, в норме необходимо указать, что преступное деяние должно содержать все признаки состава преступления[4], как это определено в ст. 8 УК РФ. Согласно позиции О.Ф. Аитовой[5], с точки зрения этимологии и семантики, более корректным для использования является термин «время преступления» (вместо общепринятого «время совершения преступления»). Соглашаясь в целом с позициями авторов, полагаем, что они требуют незначительного уточнения.

Одним из семантических свойств времени выступает конкретный момент, определённый промежуток между двумя величинами. Думается, что, с точки зрения юридической техники, корректнее изложить ч. 2 ст. 9 УК РФ в следующем виде: «Временем преступления признаётся момент совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ, независимо от времени

---

[1] Ильин А.А. Время как признак объективной стороны состава правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 3 (10). С. 27.

[2] Хилюта В.В. Время совершения преступления и давность привлечения к уголовной ответственности // Законность. 2025. № 1. С. 48.

[3] Гальчун Е.А. Время совершения преступления: понятие и практическое значение // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6–2 (57). С. 146.

[4] Маликов С.В. Указ. соч. С. 18.

[5] Аитова О.Ф. Указ. соч. С. 12.

наступления последствий». Использование термина «момент» встречается и в актах интерпретационного характера. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» при раскрытии понятия военного времени.

В науке высказаны предложения относительно правильного понимания времени преступления как признака состава преступления. Ниже представлены некоторые из них.

Таблица 1 – некоторые доктринальные определения времени преступления

Автор	Определение
Аитова О.Ф.[1]	обладающий хронологическими и хронометрическими свойствами период с присущими ему социальными событиями или действиями, оказывающими влияние на оценку содеянного как преступления, в течение которого полностью либо частично выполняется его объективная сторона.
Лозебник Ю.В.[2]	признак объективной стороны, который понимается как определенный временной (календарный период), в течение которого происходит посягательство на объект уголовно-правовой охраны.
Бойко А.И.[3]	конкретный период, который характеризуется соответствующими общественно-политическими и социальными событиями, которые могут смягчать или отягчать совершенное преступление.
Гармышев Я.В.[4]	определённый временной промежуток, в течение которого преступное деяние осуществляется.
Варыгин А.Н., Кириллов М.А.[5]	под временем совершения преступления в криминологии следует понимать временной промежуток, в течение которого было совершено соответствующее уголовно наказуемое деяние.

Как можно заметить, учёные придерживаются позиции, согласно которой время выступает признаком объективной стороны общественно опасного деяния. Подобный подход не вызывает сомнений,

[1] Аитова О.Ф. Указ. соч. С. 15.
[2] Лозебник Ю.В. Состав преступления и его элементы. М., 1994. С. 29.
[3] Бойко А.И. Преступное бездействие. СПб., 2003. С. 48.
[4] Гармышев Я.В. Уголовное право России (Общая часть): учеб. пос. Иркутск, 2018. С. 61.
[5] Варыгин А.Н., Кириллов М.А. Время совершения преступления и его криминологическое значение (постановка проблемы) // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 1 (35). С. 110.

так как рассматриваемый феномен наравне с другими объективными признаками характеризует внешнее проявление преступного посягательства, которое протекает в реальной деятельности.

Стоит заметить, что времени преступления, как и другим факультативным признакам состава преступления, традиционно придаётся троякое значение. В частности, время может выступать в качестве составообразующего (например, в ч. 1 ст. 331 УК РФ) либо в качестве дифференцирующего признака – привилегирующего (в частности, в ст. 106 УК РФ) или квалифицирующего (например, в ч. 2.1 ст. 332, ч. 3 ст. 336 УК РФ и др.), а также учитываться при назначении наказания в качестве смягчающих или отягчающих его обстоятельств. Так, военное время как отягчающее обстоятельство обозначено в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ. В рамках системы смягчающих обстоятельств в ст. 61 УК РФ рассматриваемая категория не упомянута, но с учётом того, что перечень таковых является открытым, учёт анализируемого признака возможен. Примером может быть превышение пределов необходимой обороны, произошедшее в ночное (темное) время суток и т.д.

Автором настоящей работы ранее предпринималась попытка определения факультативных признаков состава преступления[1]. По нашему убеждению, любой факультативный, то есть особенный, признак состава преступления есть юридически значимое условие. В связи с этим время – это такое условие объективной стороны преступления, которое выражается в моменте совершения преступного посягательства и тем самым выступает его качественной характеристикой.

Подводя итог фрагментарному анализу некоторых особенностей уголовно-правового значения времени как факультативного (особенного) признака состава преступления, можно сделать следующие выводы:

1. Следует выразить солидарность с позицией тех учёных, которые предлагают использовать формулировку «время преступления» вместо «время совершения преступления». Действительно, любое преступление есть виновно совершённое общественно опасное деяние. В связи с этим термин «совершение» уже включён в описание названного феномена.

2. Установлено, что время преступления в уголовном праве функционирует в трёх плоскостях: как признак объективной стороны

[1] Улитин И.Н. Указ. соч.

преступного деяния; как временной отрезок, в рамках которого совершается преступление; как период действия уголовного закона.

В рамках учения о составе преступления задействованы первые два из названных качеств. В частности, в содержании объективной стороны посягательства время является признаком, то есть условием. Во втором случае время позволяет определить стадию совершения преступления. В свою очередь, разновидность состава преступления влияет на окончание преступного посягательства. В формальных моделях его окончание связывается с моментом совершения общественно опасного посягательства, в материальных – с наступлением последствий, а в усечённых названный момент перенесён на более раннюю стадию. В связи с этим именно время преступления позволяет определить формирование состава преступления и его стадийность.

3. Доказано, что время как признак объективной стороны преступления обладает всеми тремя уголовно-правовыми значениями в полном объёме.

Список литературы:

1 Аитова О.Ф. Уголовно-правовые проблемы времени преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016.

2 Бойко А.И. Преступное бездействие. СПб., 2003.

3 Варыгин А.Н., Кириллов М.А. Время совершения преступления и его криминологическое значение (постановка проблемы) // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 1 (35).

4 Гальчун Е.А. Время совершения преступления: понятие и практическое значение // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6–2 (57).

5 Гармышев Я.В. Уголовное право России (Общая часть): учеб. пос. Иркутск, 2018.

6 Журавлева Е.М. Действие уголовного законодательства Российской Федерации во времени: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

7 Ильин А.А. Время как признак объективной стороны состава правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 3 (10).

8 Лозебник Ю.В. Состав преступления и его элементы. М., 1994.

9 Маликов С.В. Учение о времени и сроках в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

10 Мельников М.Г. Действие уголовного закона во времени и пространстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1999.

11 Моисеев Б.М. Время как философская категория и как физическая величина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2013. № 1 (9).

12 Улитин И.Н. Факультативные признаки состава преступления: доктринальные подходы к определению их уголовно–правового статуса // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летнему юбилею профессора В.П. Коняхина: сборник материалов международной научно-практической конференции (Краснодар, 01–02 февраля 2024 г.). Краснодар, 2024.

13 Хилюта В.В. Время совершения преступления и давность привлечения к уголовной ответственности // Законность. 2025. № 1.

© Улитин И.Н., 2025

EDN: KPSPNF

Урда Маргарита Николаевна,
Юго-Западный государственный университет,
и.о. заведующего кафедры уголовного права,
доктор юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПО ПРИЗНАКУ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Аннотация: в статье исследуется проблема использования признака общественной опасности для разграничения преступлений и правонарушений. Показано, что изначально этот признак в советском праве имел идеологическую функцию, позволяя расширять уголовную репрессию. Новизна работы заключается в выявлении исторических и теоретических противоречий современного применения данного критерия, ведущих к неопределённости в квалификации деяний. Автор обосновывает необходимость чётких принципов криминализации вместо субъективной оценки общественной опасности.

Ключевые слова: общественная опасность, критерии криминализации, дифференциация ответственности, преступление, правонарушение.

Концепция материального определения преступления через признак общественной опасности, возникшая в отечественном праве в начале XX века, изначально имела принципиально иное назначение, нежели современное представление о ней как о критерии разграничения преступного и непреступного. Эта идея формировалась как альтернатива классическому буржуазному принципу nullum crimen sine lege, который в советской правовой доктрине рассматривался как формальный и чуждый новой идеологии.

Однако исторический анализ показывает, что в условиях становления советского государства материальное понимание преступления выполняло прежде всего политико-идеологическую функцию, открывая широкие возможности для применения закона по аналогии как ин-

струмента «социалистического строительства». Еще до законодательного закрепления в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года судебные органы руководствовались «социалистическим правосознанием» как мерилом преступного. Последующее включение в УК РСФСР 1922 года как материального определения преступления, так и нормы о применении аналогии (статья 10) стало логическим развитием этого подхода[1].

В советской уголовно-правовой доктрине утвердился постулат о принципиальном отличии социалистического права от буржуазного: если в последнем противоправным считается только то, что прямо запрещено законом, то советское право признавало противоправным любое общественно опасное деяние. Такой подход рассматривался как важное достижение, позволяющее гибко реагировать на социальные вызовы.

Даже после формального перехода к формально-материальному определению преступления в целях «укрепления социалистической законности», необходимость четкого разграничения преступлений и иных правонарушений не стала актуальной. Советское уголовное законодательство на разных этапах включало наряду с наказаниями меры социальной защиты и административные взыскания, а размежевание охранительных отраслей права произошло лишь с принятием КоАП РСФСР в 1984 году.

Как справедливо отмечает Т.Г. Понятовская, отмена аналогии при сохранении ее концептуальных основ не означает отказа государства от расширения сферы уголовной репрессии – материальный признак общественной опасности по-прежнему позволяет криминализировать практически любое поведение[2].

Попытки придать уголовному праву отраслевую уникальность через материальный признак общественной опасности не только не решили проблему определения границ криминализации, но во многом усугубили ее. Размежевание охранительного законодательства, формально направленное на создание четкой системы разграничения видов юридической ответственности, на практике столкнулось с принципиальными трудностями. Во-первых, сохраняется проблема дублирования составов в разных отраслях права (например,

---

[1] Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 годов. М.: Зерцало, 1997. С. 63–68.

[2] См.: Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: монография. М.: Проспект, 2022. С. 81.

нормы об экологических, экономических, миграционных и иных правонарушениях присутствуют и в УК РФ, и в КоАП РФ). Во-вторых, отсутствие четких критериев оценки степени общественной опасности приводит к произвольному выбору между уголовной и административной ответственностью. В-третьих, сохраняется возможность манипулирования этим признаком для оправдания избыточного уголовно-правового вмешательства в тех сферах, где могли бы быть эффективны менее репрессивные меры воздействия.

Особую озабоченность вызывает то, что подобная неопределенность создает почву для злоупотреблений и нарушений принципа законности. Как показывает практика, отсутствие четких границ между преступлениями и правонарушениями нередко приводит к ситуациям, когда аналогичные по сути деяния получают принципиально разную квалификацию в зависимости от субъективных факторов, не связанных с фактическими обстоятельствами дела. Это подрывает не только авторитет правовой системы, но и базовые принципы справедливости и равенства всех перед законом.

Причины существующих противоречий в разграничении уголовных и административных правонарушений имеют глубокие исторические корни. Они обусловлены особенностями становления и развития российской системы охранительного права, где уголовное и административное (полицейское) право длительное время формировались как относительно автономные, тесно взаимосвязанные подсистемы. При этом их современное разграничение основано преимущественно на процессуальных различиях (административный или судебный порядок привлечения к ответственности) и далеко не всегда – на объективных критериях степени опасности деяний. Такой формально-процедурный подход, сложившийся исторически, не решает содержательных проблем криминализации (декриминализации) и квалификации деяний.

Сложившуюся ситуацию дополнительно осложняет вполне обоснованная, на наш взгляд, научная позиция, согласно которой все виды правонарушений, включая гражданско-правовые деликты, в определенной мере обладают признаком общественной опасности. Как справедливо отмечают Д.А. Липинский и А.А. Мусаткина, если деяние не представляет какой-либо опасности для общества, не причиняет вреда общественным отношениям и не создает угрозы такого вреда, его вообще нельзя квалифицировать как правонарушение. Ошибочно

полагать, что исключительно преступления характеризуются общественной опасностью[1].

Таким образом, любое правонарушение, по своей сути, содержит элемент опасности (вредоносности), поскольку так или иначе затрагивает интересы личности, общества или государства. Однако уголовное право не должно реагировать на любое нарушение. Его задача состоит в том, чтобы выделять и пресекать лишь те деяния, которые обладают повышенной опасностью по сравнению с иными формами противоправного поведения. Эта повышенная опасность может проявляться либо в качественном отношении – когда речь идет о деяниях, уникальных по своей природе и не имеющих аналогов в других отраслях права (убийство, терроризм, работорговля), либо в количественном – когда степень вреда переходит допустимые границы, превращая иное правонарушение (административное, налоговое, трудовое, гражданское и др.) в уголовно наказуемое.

Тем не менее, даже очевидная вредоносность деяния не должна автоматически влечь его криминализацию. Современная правовая система содержит огромное количество норм со смешанной противоправностью, где грань между уголовным и иным правонарушением зачастую определяется не объективными критериями, а политической или идеологической конъюнктурой. В результате признак общественной опасности, формально выступающий основным критерием криминализации, на практике оказывается слишком расплывчатым и подверженным субъективным интерпретациям. Это приводит к неоправданному расширению сферы уголовной репрессии, особенно в таких чувствительных сферах, как экономика и экология, где вред может быть масштабным, но уголовное преследование – не самым эффективным способом его предотвращения.

Поэтому при решении вопроса о криминализации деяния ключевое значение должны приобретать не абстрактные рассуждения о его «общественной опасности», а принципы криминализации: экономии репрессии (уголовное право – крайняя мера), формальной определенности (четкие критерии противоправности), межотраслевой согласованности (исключение дублирования запретов), соразмерности нака-

[1] См.: Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Общественная опасность правонарушения в научных и законодательных определениях России и зарубежных стран // Вопросы безопасности. 2015. № 3. С. 25.

зания (адекватность санкций), целесообразность установления уголовной ответственности (учет возможностей уголовного права реально влиять на отклоняющееся поведение).

Список литературы:

1. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Общественная опасность правонарушения в научных и законодательных определениях России и зарубежных стран // Вопросы безопасности. 2015. № 3. С. 24–44. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.3.15941.

2. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: монография. М.: Проспект, 2022. 144 с.

3. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 годов. М.: Зерцало, 1997. 591 с.

© Урда М.Н., 2025

EDN: KMUGNO

Фарахиева Гузель Руслановна,
МВД по Республике Татарстан,
оперуполномоченный управления уголовного розыска
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПРАВОМЕРНОЕ ЗАВЛАДЕНИЕ АВТОМОБИЛЕМ ИЛИ ИНЫМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ БЕЗ ЦЕЛИ ХИЩЕНИЯ

Аннотация: в настоящем исследовании рассматриваются основные проблемы уголовной ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства об ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения.

Ключевые слова: уголовная ответственность; неправомерное завладение; автомобиль; транспортное средство; угон; проблема; хищение.

Неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения – одно из распространенных преступлений, которое на протяжении ряда лет имеет устойчивую тенденцию к увеличению. Это связано со значительным увеличением количества транспортных средств, изменением направленности таких преступлений и привлекательностью предмета запрещенного деяния.

В уголовном праве под угоном понимается завладение чужим транспортным средством, и поездка на нем без намерения присвоить его. Завладение считается неправомерным, если у лица нет никаких правомочий: владения, пользования, распоряжения им. Цели у преступника могут быть различны: покататься, доехать до нужного места, облегчить совершение другого преступления и другие.

На сегодняшний день, одной из основных проблем, является сложность в квалификации преступлений по статье 166 УК РФ. Данная проблема возникает по причине того, что неправомерное завладение происходит без цели хищения. На практике трудно определить грани

между понятиями «с целью хищения» и «без цели хищения». Это вызывает проблемы с доказыванием противоправного деяния. Во многом квалификация преступления зависит от показаний лица, его совершившего. Стоит отметить, что для правильной квалификации важно провести разграничение по объективным или субъективным признакам.

Также нередко встречается, такая проблема, как неоднозначность подходов к определению момента окончания угона. Согласно разъяснениям, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 года, преступление считается оконченным с момента отъезда либо перемещения транспортного средства с места, на котором оно находилось[1].

В своих исследованиях В.В. Мальцев отмечает, что если: «транспортное средство находилось на охраняемой территории (например, стоянка с пропускной системой), то преступление следует считать оконченным с момента выезда (вывоза) за её пределы»[2]. По мнению А.В. Казанской: «угон будет считаться оконченным в момент передвижения транспорта хотя бы на 1 метр любым возможным способом»[3]. Обобщив указанные мнения предлагаем понимать под моментом окончания неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения начало использования транспортного средства (например, вождения, перемещения с места парковки) без законных на то оснований.

Следующей проблемой, является сложность отграничения неправомерного завладения от похожих составов преступлений, это связано с тем, что угон имеет сходные признаки с деяниями, связанными с неправомерным завладением чужим имуществом. У кражи и угона схожие объективные признаки. И при угоне, и при хищении лицо неправомерно завладевает имуществом и перемещает его с определенного места. Также, одинаковый механизм завладения, при краже автомобиль фактически угоняется с места его оставления владельцем.

---

[1] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 дек. 2008 г. № 25 // Рос. газета. 2008. № 265.

[2] Мальцев В.В. Ответственность за неправомерное завладение имуществом // Законность. 1995. № 3. С. 12.

[3] Казанская А.В. Актуальные проблемы разграничения неправомерного угона транспортного средства от иных имущественных преступлений // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1. № 8 (20). С. 81

Основное отличие кражи от угона заключается, в цели преступления. Угон – это завладение чужим автомобилем и поездка на нем без корыстной цели. Кража – это завладение автомобилем, с корыстной целью, направленной на его присвоение.

Следующая проблема связана с несправедливостью наказания, которое регламентируется в тех же пределах, что и за соответствующие по способам виды хищений, при этом необходимо учитывать, что при угоне отсутствует корыстная цель, что указывает на меньшую общественную опасность такого деяния. Например, если стоимость автомобиля превышает один миллион рублей, то за угон, и кражу (тайное хищение) предусматривается одинаковое наказание – до десяти лет лишения свободы. При этом несправедливо назначать одинаковое наказание лицу, неправомерно завладевшему автомобилем в целях его сбыта, и лицу, завладевшему транспортным средством, чтобы покататься.

Таким образом, проанализировав основные проблемы уголовной ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, мы предлагаем следующие меры совершенствования практики применения ст. 166 УК РФ при квалификации преступлений:

1. При квалификации неправомерного завладения автомобилем или иным по ст. 166 УК РФ или ст. 158 УК РФ необходимо учитывать дополнительные объективные данные: длительность пользования автомобилем, способ проникновения, изменение внешнего вида автомобиля и номерных агрегатов;
2. Под моментом окончания неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, предлагается считать начало использования транспортного средства (например, вождения, толкания, перемещения с места парковки) без законных на то оснований;
3. В санкцию ч. 1 ст. 166 УК РФ внести штраф, который рекомендуется определять в зависимости от рыночной стоимости автомобиля или иного транспортного средства.

Список литературы:

1. Мальцев В.В. Ответственность за неправомерное завладение имуществом // Законность. 1995. № 3. С. 12–15.
2. Казанская А.В. Актуальные проблемы разграничения неправомерного угона транспортного средства от иных имущественных преступлений // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1. № 8 (20). С. 76–83.

© Фарахиева Г.Р., 2025

EDN: KKGIRU

Харламов Валентин Станиславович,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
профессор кафедры уголовного права
доктор юридических наук, доцент

РЕТРОСПЕКТИВА ЭВОЛЮЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО АНТИРЕЦИДИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: раскрыты основные особенности развития института уголовно-правового рецидива. Избран временной период от древнерусского до постсоветского законодательства. В материале использованы важнейшие отечественные источники права, начиная от Двинской уставной грамоты 1397 года и заканчивая современным Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 года. Систематизированный подход позволил выделить изменение характера диспозиции уголовно-правовых норм и назначаемых уголовных наказаний в зависимости от эпохи, в которой формировалось антирецидивное законодательство.

Ключевые слова: памятник права, преступление, рецидив, уголовное наказание

Первое упоминание о рецидиве преступных посягательств обнаружено в древнерусском источнике права четырнадцатого века - Двинской уставной грамоте 1397 года. В вышеупомянутом памятнике права (ст. 5) закреплены виды уголовных наказаний от менее к более репрессивной санкции в зависимости от числа увеличивающихся фактов хищений. К обстоятельствам, отягчающим уголовное наказание, отнесено повторное совершение воровства или иного хищения виновным при отсутствии у него судимости. Если ранее судимым преступником совершалось новое криминальное посягательство, виновный подвергался возросшей уголовной ответственности. Клеймение судимого

злоумышленника за очередное хищение свидетельствовало о его непреклонности к исправлению[1].

В другом древнерусском источнике права четырнадцатого века - Псковской судной грамоте 1397 года в статье 8 также обращено внимание на повторное осуществление криминального деяния и предусмотрены более строгие уголовные наказания за новое совершение преступление. Институт рецидива преступлений получил свое дальнейшее развитие в Судебнике Ивана Третьего, утвержденного в 1497 году и аккумулировавшего общероссийские нормы права[2]. В статье 8 и статье 9 указанного Судебника введено понятие «лихого человека». В случае его уличения в повторном совершении криминального посягательства предусмотрено более строгое уголовное наказание. Так, на основании статьи 11 Судебника 1497 года за «вторичную» кражу виновный мог быть подвергнут уголовному наказанию вплоть до смертной казни[3]. Однако в рассматриваемом памятнике права отсутствовала определенная систематизация института уголовно-правового рецидива. Первые попытки упорядочить упомянутый институт предприняты в памятнике русского права семнадцатого века – в Соборном уложении 1649 года. По справедливому замечанию отечественного ученого В.В. Муравьева, Соборным уложением 1649 года выражена позиция о том, что «значимыми признаками рецидива признавались такие как отбытие наказания за первое преступление и тождественность преступлений, обусловливающих рецидив. Предусматривалась впервые выдача специальных писем, подтверждающих отбытие наказания»[4]. Все выявленные факты повторных криминальных посягательств и усиление ответственности за специальный рецидив регламентированы уголовно-правовыми нормами Соборного уложения. В частности, за очередное совершение кражи (или татьбы) в соответствии со статьей 10 главы XXI виновному вору предусмотрено уголовное наказание в виде отрезания

---

[1] См. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Т. 2. С. 308, Кривошеин П.К. Повторность в советском уголовном праве (теоретические и практические проблемы). Киев, 1990. С. 51.

[2] Памятники права периода образования Русского централизованного государства (XIV-XVвв.) / Под ред. проф. Л.В. Черепнина. Государственное изд-во юрид. литературы, М.,1955. Вып. 3. С. 342–442.

[3] Шкредова Э.Г. Множественность преступлений (исторический аспект). М., 2011. С. 9.

[4] Муравьев В.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты рецидивной преступности молодежи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 12.

правого уха, торговой казни кнутом и тюремного заключения на 4 года[1]. Впервые введен учет рецидивогенных личностей на основе письменной фиксации ранее судимых. В принятых в последующем Новоуказанных уголовно-правовых нормах о разбойных, убийственных и татебных делах 1669 года закреплены более строгие уголовные наказания за новые криминальные посягательства со стороны ранее судимого. Так, лица, виновные в совершении повторных преступлений, могли быть подвергнуты наказанию в виде отсечения руки и ноги[2].

Царь всея Руси Петр I изменил карательный характер уголовной политики в отношении рецидивистов. В частности, за совершение третьего и последующего преступных деяний (многократный рецидив) Артикулом воинским 1715 года предусмотрено виновному уголовное наказание в виде каторги, отрезания ушей и носа, повешения и расстрела[3]. Источник права девятнадцатого века - Свод законов 1832 года детально регламентировал дефиницию не общего, а «специального рецидива» как повторение совершения лицом, ранее наказанным за преступление, аналогичного посягательства во второй или последующий разы. Существенным признаком института рецидива стало наличие зафиксированного отбытия виновным уголовного наказания за предыдущее преступное проявление. В более позднем памятнике права девятнадцатого века - Уложении о наказаниях исправительных и уголовных 1845 года – институт уголовно-правового рецидива получил детальное закрепление. В рамках разграничения общего и специального рецидива последний признан более опасным криминальным посягательством[4]. В Уложении о наказаниях исправительных и уголовных 1845 года отмечена зависимость уголовно-правового рецидива от срока между окончание отбытия виновным уголовного наказания и совершением им нового преступления. В связи с указанным обстоятельством

---

[1] Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича 1649 года / Памятники русского права. Выпуск 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. М., 1957. С. 400.

[2] Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства (XV–XVII вв.) / Под ред. проф. Л.В. Черепнина. М.: Государственное изд-во юрид. литературы, 1956 г. Выпуск 4. С. 229–341, 409–473.

[3] Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2001. С. 80, 81.

[4] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / Российское законодательство X-XX веков. Т.6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 320.

каких-либо специальных требований и сроков в зависимости от тяжести криминального посягательства не вводилось. Напротив, в очередном источнике права двадцатого столетия - Уголовном уложении 1903 года предусмотрены такие сроки в один год, три года и пять лет[1]. Упомянутым законодательным актом закреплено достаточно строгое наказание за рецидив преступлений.

После социалистической революции 1917 года в первых нормативно-правовых документах институт уголовно-правового рецидива получил дальнейшее развитие. Так, на основании статьи 12 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года при рассмотрении дела в каждом конкретном случае судам рекомендовано устанавливать при назначении меры наказания обстоятельства совершения преступления виновным впервые или не впервые [2]. Рецидивистов надлежало относить к фигурантам «с неисправимо дурным поведением»[3] и назначать более строгое уголовное наказание[4]. В советском антирецидивном законодательстве появились новые термины. Так, профессиональный злоумышленник стал обозначаться либо «упорный рецидивист», либо «лицо, уже отбывшее наказание», либо фигурант, совершивший «преступление в виде промысла». В частности, в статье 183 и статье 184 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года закреплены уголовно-правовые нормы о совершении криминального посягательства «рецидивистом», а в статье 142 п. «б» - «лицом, уже отбывшим наказание». В указанном Уголовном кодексе также предусмотрена преступная деятельность «в виде промысла» (статья 97 и статья 181 часть 2), «повторная» (статья 79 часть 2) либо «во второй раз» (статья 118). Примечательно, на усмотрение судьи в начальный период советской власти отнесено признание рецидивистом виновного, как ранее осужденного за осуществление преступного деяния, так и ранее не осужденного.

---

[1] Уголовное уложение 22 марта 1903 года / Российское законодательство X-XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 280.

[2] Постановление НКЮ от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1997. С. 65.

[3] Наказ Камышевскому народному гласному суду / История советского уголовного права // URL: http: // www/allpravo.ru/ library/doc101p0/ instrum107/item490. html. (дата обращения: 04.05.2025).

[4] Наказ Камышевскому народному гласному суду / История советского уголовного права // URL: http: // www/allpravo.ru/ library/doc101p0/ instrum107/item490. html. (дата обращения: 04.05.2025).

В качестве отягчающего обстоятельства надлежало рассматривать осуществление криминального проявления рецидивистом в соответствии с Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года[1]. Однако в принятом в 1926 году Уголовном кодексе РСФСР исключена из уголовного закона дефиниция «рецидив». По мнению законодателя, это обусловлено тем, что в развивающемся Советском Союзе ликвидирована профессиональная или рецидивная преступность. Наряду с указанным, в упомянутом уголовном законе в статье 47 УК РСФСР закреплена норма о признании отягчающим обстоятельством совершение нового преступления ранее судимым фигурантом.

После свершения социалистической революции в антирецидивное законодательство в течение последующих более тридцати лет введены такие понятия как «во второй раз», «повторно», «систематически», «неоднократно». Новый термин «особо опасный рецидивист» предусмотрен в нормах Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года без регламентации его атрибутов и при отсутствии базовой дефиниции «рецидив»[2]. Признаки особо опасного рецидивиста закреплены в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года и уголовных кодексах союзных республик. Позднее, в 1969 году, для усиления карательного воздействия на особо опасных рецидивистов в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года введена новая уголовно-правовая статья 23.1. «Особо опасный рецидивист», в которой регламентированы его признаки[3]. В Уголовный кодекс РСФСР 1960 года, наряду с понятием «особо опасный рецидивист», введены такие понятия как «ранее осужденный» (статья 70 часть 2), «ранее судимый» (статья 130 часть 2), «ранее судившийся» (статья 173 часть 2).

---

[1] Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / Под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 199–207.

[2] Южанин В.Е., Армашова А.В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по уголовному праву России. М., 2007. С. 100–101.

[3] Закон от 11.07.1969 «О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 29. Ст. 249.

В дальнейшем предпринята попытка законодателем закрепить категорию «рецидив преступлений» в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 года[1]. Однако вскоре упомянутый нормативно-правовой акт утратил силу. Дефиниция «рецидив преступлений» возрождена в статье 18 Уголовного кодекса России 1996 года, с принятием которого наступил современный этап развития отечественного антирецидивного законодательства[2].

Список литературы:

1. Закон от 11.07.1969 «О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 29. Ст. 249.

2. Муравьев В.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты рецидивной преступности молодежи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.

3. Наказ Камышевскому народному гласному суду / История советского уголовного права. URL: http:// www/allpravo.ru/ library/doc101p0/ instrum107/item490.html. (дата обращения: 04.05.2025).

4. Памятники права периода образования Русского централизованного государства (XIV–XV вв.) / Под ред. проф. Л.В. Черепнина. Государственное изд-во юрид. литературы, М.,1955. Вып. 3.

5. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства (XV-XVII вв.) / Под ред. проф. Л.В. Черепнина. М.: Государственное изд-во юрид. литературы, 1956 г. Выпуск 4.

6. Постановление НКЮ от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1997.

7. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / Под ред. И.Т. Голякова. М., 1953.

8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Т. 2. С. 308, Кривошеин П.К. Повторность в советском уголовном праве (теоретические и практические проблемы). Киев, 1990.

---

[1] Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2001. С. 101–102.

[2] Федеральный закон от 13.06.1996. № 64–ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2955.

9. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича 1649 года / Памятники русского права. Выпуск 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. М., 1957.

10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988.

11. Уголовное уложение 22 марта 1903 года / Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994.

12. Федеральный закон от 13.06.1996 № 64–ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2955.

13. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2001.

14. Шкредова Э.Г. Множественность преступлений (исторический аспект). М., 2011. С. 9.

15. Южанин В.Е., Армашова А.В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по уголовному праву России. М., 2007.

© Харламов В.С., 2025

EDN: KKHXXI

Хлебушкин Артем Геннадьевич,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
профессор кафедры уголовного права
доктор юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА (ЭКСТРЕМИСТСКИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ)

Аннотация: в статье рассматриваются официально используемые в сфере противодействия экстремизму понятия экстремистской деятельности (экстремизма), преступлений экстремистской направленности и проявлений экстремизма (экстремистских проявлений). Выделяется признак противоправности проявлений экстремизма, подчеркивается его значение для определения мер юридической ответственности. Показано возможное влияние положений Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации на уголовно-правовую политику.

Ключевые слова: экстремистская деятельность; экстремизм; преступления экстремистской направленности; проявления экстремизма; экстремистские проявления; уголовная ответственность; стратегия противодействия экстремизму; уголовно-правовая политика; криминализация.

Противодействие экстремизму включает использование разных по характеру средств, в том числе и тех, которые связаны с принуждением к воздержанию от конкретных форм отклоняющегося поведения. Это обеспечивается как угрозой применения предусмотренных законом негативных мер по отношению к нарушителю запрета (например, уголовного наказания), так и их фактической реализацией. Все это непосредственно связано с юридической ответственностью.

За пределами конкретных правовых норм экстремизма как явления, влекущего меры юридической ответственности и поддающегося в таком смысле восприятию и оценке, не существует, подобно тому, как не относится к преступлениям и не влечет уголовную ответственность деяние, не предусмотренное уголовным законом, хотя объективно оно и

может быть общественно опасным. Иной подход недопустимо размыл бы границы этого поведения и привел бы к нарушению принципа законности при привлечении к ответственности лиц, осуществляющих такую деятельность.

Однако следует учитывать, что, во-первых, определение в официальных источниках содержания деяний, обладающих экстремистским характером, осуществляется в разных целях, во-вторых, правовое обеспечение противодействия экстремизму носит многоуровневый характер и строится по принципу от общего к частному.

С определенной долей условности можно выделить три уровня такого обеспечения:

1) общее определение сущности экстремизма, актуальных угроз, основных направлений противодействия экстремизму;

1) нормативное определение конкретных понятий, круга деяний, относящихся к экстремизму;

2) установление в отраслевом законодательстве мер юридической ответственности за экстремизм.

Понимание этой системы позволяет не только ориентироваться в разнообразных нормативных положениях, регулирующих противодействие экстремистской деятельности и ответственность за ее осуществление, но и помогает сформировать перспективный взгляд на развитие указанной системы, выделить направления ее совершенствования, определить необходимость, целесообразность, обусловленность принятия или изменения тех или иных правовых мер с позиции потребностей общества и актуальных угроз.

В сфере противодействия экстремизму официально используются разные понятия:

1) проявления экстремизма *(*экстремистские проявления*)* – определение приведено в п. 4 новой Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации[1] (далее также – Стратегия противодействия экстремизму), оно приводилось и в ранее действовавшей Стратегии противодействия экстремизму до 2025 г.[2];

---

[1] Указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8669.

[2] Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 22. Ст. 3475.

2) экстремистская деятельность *(экстремизм)* – определение приведено в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[1] (далее также – Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»);

3) преступления экстремистской направленности – определение приведено в примечании 2 к ст. 282[1] УК РФ.

Как видно, приведенные понятия в целом соответствуют выделенным выше трем уровням правового обеспечения противодействия экстремизму.

В п. 34 Стратегии противодействия экстремизму указывается, что «целями государственной политики в сфере противодействия экстремизму являются защита прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечение целостности и безопасности Российской Федерации». Одним из направлений государственной политики является уголовно-правовая политика, которая реализуется в правотворческой и правоприменительной деятельности. Однако это она выражается в наиболее репрессивных мерах и, разумеется, ими противодействие экстремизму не исчерпывается. Там, где можно обойтись менее строгими средствами, используются именно они, и экстремистская деятельность может влечь как уголовную, так и административную ответственность в зависимости от характера конкретного деяния, а в ряде случаев – и от повторности его совершения (при конструировании составов преступлений с административной преюдицией – ч. 1 ст. 280[1], ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 282[4] УК РФ).

Авторы коллективной монографии по проблема межотраслевой дифференциации юридической ответственности среди обязательных признаков (критериев) общественной опасности преступления выделяют то обстоятельство, что «деяние затрагивает значимые общественные отношения, которые нуждаются в уголовно-правовой охране от причинения им вреда общественно опасным поведением». При этом отмечается, что на особую ценность определенных общественных отношений указывает содержание, в том числе, и директивных документов государства[2].

---

[1] Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

[2] Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: монография / Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В. [и др.]; Под редакцией доктора юридических наук, профессора Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 369.

В этом и видится ключевая связь стратегических положений с конкретным правовым регулированием. Сама Стратегия противодействия экстремизму не предусматривает меры юридической ответственности. Однако указанные в ней основные источники угроз экстремизма в современной России (раздел II), цели, задачи и основные актуальные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму (раздел III) могут влиять на изменения законов, такую ответственность определяющих, и на практику их применения.

Так, в Стратегии противодействия экстремизму к опаснейшим проявлениям экстремизма отнесены пропаганда непризнания законов и подзаконных актов, правовых процедур и органов власти Российской Федерации, а также оскорбление государственных символов, религиозных символов традиционных конфессий, надругательство над такими символами.

Не все из указанных деяний являются преступлениями. Но в значительной своей части они влекут именно уголовную ответственность. Криминализировано надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации (ст. 329 УК РФ). Часть 2 ст. 239 УК РФ устанавливает ответственность за создание некоммерческой организации (включая некоммерческую организацию, действующую в качестве иностранного агента) либо структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации, деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей. Согласно ч. 1 ст. 148 УК РФ преступлением являются публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих.

Изменения же в оценке общественной опасности деяний, указанных в упоминавшемся разделе II Стратегии противодействия экстремизму, могут повлечь введение в УК РФ норм, устанавливающих ответственность за такие деяния. Н.А. Лопашенко среди причин изменения круга и объема криминализации, справедливо выделяет, в частности, возникновение новых, не существовавших ранее видов общественно опасной деятельности людей, а также неблагоприятную динамику отдельных видов человеческого поведения, ранее вообще не рассматривавшихся как правонарушения[1]. Названные причины в полной мере могут

[1] Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовная политика: авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 116–117.

проявляться в сфере противодействия экстремизму в связи с динамичностью этого общественно опасного явления. Возможны и правовые последствия, связанные с пенализацией в части установления более строго наказания за уже криминализированные проявления экстремизма.

В целом под проявлениями экстремизма (экстремистскими проявлениями) понимаются «общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам ненависти или вражды по признакам политической, идеологической, расовой, языковой, национальной или религиозной принадлежности либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы или представителей органов публичной власти, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов, угрожающие конституционному строю Российской Федерации, суверенитету, единству и территориальной целостности Российской Федерации или направленные на умышленное искажение истории, реабилитацию нацизма, а также иные публичные действия, направленные на разжигание ненависти» (п. 4 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации).

Особое значение имеет указанный в приведенном определении признак противоправности, который означает, что деяние лишь тогда может считаться экстремизмом, когда это следует из закрепленного законом определения. Именно такой подход обеспечивает реализацию принципа законности. Экстремизм – это деятельность, в отношении которой осуществляется противодействие, связанное с применением мер государственного принуждения, включая лишение и ограничение прав и свобод физических лиц и объединений (организаций). Все это требует соответствующей четкой правовой регламентации. Но первоочередное значение имеет определение того, относится ли конкретное деяние к экстремизму. Исчерпывающий перечень таких деяний представлен в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Именно на основании его положений в иных нормативных актах определяются меры юридической ответственности за экстремизм. Отдельные такие меры предусмотрены и данным федеральным законом. Например, ликвидация общественного или религиозного объединения в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ст. 9).

Подход к определению экстремистских проявлений за последние несколько лет претерпел ряд изменений. В действующей Стратегии про-

тиводействия экстремизму перечень деяний, относимых к экстремистским проявлениям, по сравнению со Стратегией противодействия экстремизму до 2025 г. был расширен путем дополнительного указания деяний, которые: создают угрозы для суверенитета Российской Федерации; направлены на умышленное искажение истории, реабилитацию нацизма; относятся к иным публичным действиям, направленным на разжигание ненависти.

Уголовно-правовое обеспечение защиты суверенитета Российской Федерации представлено целым блоком норм главы 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» (ст.ст. 277, 278, 279, 280, 280^4 УК РФ). Сюда же можно отнести нормы, обеспечивающие охрану территориальной целостности Российской Федерации (ст.ст. 280^1, 280^2 УК РФ), которая является одним из основных условий существования государства, поскольку тем самым определяется сфера действия его суверенитета в пределах юридически установленных границ. В ч. 1 ст. 4 Конституции Российской Федерации прямо закреплено, что суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию.

В части противодействия искажению истории и реабилитации нацизма необходимо отметить ст. 354^1 УК РФ, устанавливающую ответственность за такую реабилитацию. В целом в Стратегии противодействия экстремизму опасности нацизма и неонацизма справедливо уделено большое внимание.

Публичные действия, направленные на разжигание ненависти, могут влечь ответственность по ст. 282 УК РФ.

Указанное расширение определения экстремистских проявлений отражает преимущественно преступную природу экстремизма, но напрямую не влияет на основание уголовной ответственности, однако, как указывалось выше, оно может повлечь внесение изменений в УК РФ, расширение круга преступлений экстремистской направленности.

Именно поэтому мы и обращаем внимание на наличие трех близких, но разных по содержанию понятий в сфере противодействия экстремизму и на то, что каждое их них используется для своих целей. Из этих трех понятий с определением оснований и границ юридической ответственности непосредственно связаны понятия экстремизма и преступлений экстремисткой направленности. Так, отнесение к экстремизму нового деяния в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» может повлечь и расширение сферы

действия ст. 280 УК РФ, устанавливающей ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

Используемое в сфере противодействия экстремизму понятие «проявления экстремизма (экстремистские проявления)» может влиять на меры юридической ответственности только в качестве определения направлений разработки, принятия и реализации конкретных отраслевых норм, устанавливающих основания такой ответственности. Однако включение его определения в Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации является важным элементом формирования ориентиров для перспективного применения необходимых средств (в том числе – правовых) в сфере обеспечения защиты личности, общества и государства от угроз экстремистского характера, и в этом отношении оно должно учитываться при реализации уголовно-правовой политики.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

2. Указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8669.

3. Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 22. Ст. 3475.

4. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовная политика: авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2025. 348 с.

5. Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: монография / Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В. [и др.]; Под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2021. 478 с.

© Хлебушкин А.Г., 2025

EDN: WLQRRC

Цепелев Константин Валерьевич,
НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации,
ведущий научный сотрудник
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В СВЕТЕ «ВОЕННЫХ» ИЗМЕНЕНИЙ УК РФ

Аннотация: статья посвящена анализу ряда проблемных вопросов, которые связаны с изменениями действующего уголовного закона, внесенными в УК РФ в связи с проведением Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции. На основании положений доктрины уголовного права и с учетом складывающейся правоприменительной практики автор приходит к обоснованному выводу о необходимости совершенствования законодательной регламентации рассматриваемых уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: качество уголовного закона, специальная военная операция, судебная практика, проблемы правоприменения, совершенствование законодательной регламентации.

Проведение Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции (далее – СВО) обусловило необходимость коррекции положений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Вместе с тем принятые изменения поставили ряд новых правоприменительных проблем, которые негативным образом сказываются на качестве уголовного закона.

Анализ всех изменений УК РФ, внесенных с период с начала 2022 г. по настоящее время, не входит в цели настоящего исследования. В связи с этим далее будут рассмотрены лишь некоторые из внесенных изменений, вызвавшие наибольший интерес у автора.

Проведение СВО обусловило масштабные изменения главы 33 УК РФ (преступления против военной службы): в ней теперь имеются составы преступлений, в которые был введен новый квалифицирующий признак – совершение деяния в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта

или ведения боевых действий[1]. Применение этих признаков на практике вызвало большое количество затруднений, прежде всего связанных с отграничением их друг от друга. Зачастую это приводило к необоснованному вменению всех перечисленных признаков.

Указанные правоприменительные проблемы во многом разрешил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», в котором сформулированы соответствующие разъяснения.

Еще большее количество вопросов как в теории, так и на практике, вызвало дополнение УК РФ новым основанием освобождения от уголовной ответственности и от наказания – в связи с участием в СВО (ст. 78^1 и 80^2 УК Ф)[2]. Указанные изменения позволили выполнить задачу по дополнительному комплектованию российской армии, однако привели к возникновению правоприменительных проблем.

Изначально из содержания новых норм следовало, что они могли быть применены только в отношении подозреваемых и обвиняемых на досудебной стадии производства по уголовному делу, а также применительно к осужденным, отбывающим наказание, в ходе исполнения приговора и последующего за этим периода непогашенной судимости[3]. Лица, в отношении которых уголовные дела были направлены в суд для рассмотрения по существу и находились в производстве судов первой либо апелляционной инстанции, остались за рамками нового основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания. Это явно нарушало принцип справедливости.

В связи с этим в ст. 78^1 УК РФ и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации были внесены изменения[4], позволившие урегулировать вопросы, касающиеся приостановления производства

---

[1] Федеральный закон от 24.09.2022 № 365–ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 705033-8 «О внесении изменений в статью 78^1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Федеральный закон от 02.10.2024 № 340-ФЗ «О внесении изменений в статью 78^1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

по уголовному делу и отмены меры пресечения, освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного дела или уголовного преследования, а также освобождения от наказания в периоды мобилизации, военного положения и в военное время в отношении обвиняемых (подсудимых) на этапе судебного производства, когда прокурором уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу и находится в производстве суда первой или апелляционной инстанции.

Учитывая условия освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 78^1 УК РФ, в научной литературе поднимается вопрос о том, что анализируемые положения уголовного закона позволяют применять ст. 78^1 УК РФ неоднократно в случае совершения лицом нескольких преступлений. Это же утверждение справедливо в отношении ст. 80^2 УК РФ. Данная проблема требует проработки, чтобы рассматриваемая норма не стала стимулом к совершению новых преступлений[1].

Актуальной представляется проблема, связанная с кругом лиц, на которых распространяется действие рассматриваемого основания освобождения от уголовной ответственности. По меньшей мере, нуждается в разъяснении вопрос об освобождении от уголовной ответственности по новой статье УК РФ граждан – участников добровольческих формирований. Их статус урегулирован в ст. 22^1 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» (далее – Закон об обороне), из которой следует, что с гражданином, поступающим в названное формирование, заключается контракт о пребывании в добровольческом формировании (о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации). Вместе с тем в ч. 1 ст. 78^1 УК РФ говорится только об одном виде контракта – о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации (то есть предусмотренном в ст. 32 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»). При этом согласно п. 10 ст. 22^1 Закона об обороне на граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, распространяется статус военнослужащих в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Можно ли считать таким случаем освобождение от уголовной ответственности по ст. 78^1 УК РФ? Ответ на этот вопрос действующая редакция ст. 78^1 УК РФ напрямую не содержит.

---

[1] См.: Гордейчик С.А., Егорова Н.А. Освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 78^1 УК: спорные вопросы // Законность. 2024. № 7. С. 39–42.

Обращение к положениям ст. 331 УК РФ, в которую внесены изменения Федеральным законом от 28.12.2024 № 507-ФЗ [1], показывает, что граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, подлежат ответственности за некоторые преступления против военной службы. Учитывая это, невозможность освобождения участников добровольческих формирований от уголовной ответственности на основании ст. 78[1] УК РФ следует признать несправедливой и нарушающей принцип равенства граждан перед законом.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным распространить положения ст. 78[1] УК РФ на участников добровольческих формирований, созданных в установленном законом порядке.

В специальной литературе также обращается внимание на не вполне удачно сформулированную законодателем процессуальную форму нового вида освобождения от уголовной ответственности. Как в названии, так и в тексте ст. 28[2] УПК РФ не приведено соответствующее основание прекращения уголовного преследования. Из содержания данной нормы следует, что оно прекращается не ввиду обстоятельств, о которых говорится в названии указанной статьи, а в связи с награждением государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, либо в связи с увольнением с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»[2].

Еще одним неоднозначным моментом является предусмотренный ч. 1 ст. 78[1] УК РФ перечень преступлений, совершение которых не предоставляет право на освобождение от уголовной ответственности. Не приводя конкретных статей в рамках настоящей работы, укажем, что освобождению от уголовной ответственности и наказания и призыву на военную службу по мобилизации или в военное время не подлежат лица, совершившие ряд преступлений, которые можно включить в перечисленные далее категории:

1) преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних;

---

[1] Федеральный закон от 28.12.2024 № 507-ФЗ «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Звечаровский И.Э. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: минусы и плюсы законодательной регламентации // Законность. 2024. № 10. С. 48–49.

2) преступления, связанные с участием в организованной преступности;

3) преступления террористической направленности;

4) преступления экстремистской направленности;

5) государственная измена и связанные с ней преступления;

6) преступления диверсионной направленности;

7) преступления, посягающие на порядок оборота сведений, составляющих государственную тайну;

8) особо опасные преступления против мира и безопасности человечества[1].

Вместе с тем «наполнение» этого перечня статьями Особенной части УК РФ вызывает обоснованные вопросы. Например, в нем отсутствует убийство, совершенное с отягчающими обстоятельствами (ч. 2 ст. 105 УК РФ), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) и другие преступления, характеризующиеся высокой степенью общественной опасности.

С точки зрения законодательной техники преодолеть выявленные несовершенства уголовного закона представляется возможным двумя способами: посредством внесения изменений в перечень преступлений или путем указания в ст. 78^1 УК РФ на категории преступлений (к примеру, особо тяжкие) и наличие судимости за их совершение.

Отмеченные проблемы во многом обусловлены тем, что в последние годы корректировка уголовного закона происходит стремительно, поскольку внешние и внутренние вызовы безопасности постоянно нарастают и требуют незамедлительного реагирования. Ввиду этого обстоятельства существенно осложняется всесторонняя проработка подготавливаемых законопроектов, что неминуемо снижает их качество.

Принимая во внимание изложенное, можно сделать вывод о том, что обозначенные проблемные вопросы требуют разрешения как путем толкования ст. 78^1 УК РФ посредством дачи разъяснений в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в настоящий момент таких разъяснений не имеется

[1] См. подр.: Ермолович Я.Н. Совершенствование уголовно-правовых средств реализации уголовной ответственности военнослужащих (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23.03.2024 № 64–ФЗ) // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 6. С. 45–53.

вовсе), так и внесения изменений в уголовный закон в части коррекции перечня преступлений, исключающих применение ст. 78^1 УК РФ, и ряда других вопросов.

Своего решения требуют и иные проблемы применения уголовно-правовых норм, возникшие в результате внесения в последнее время многочисленных изменений в УК РФ, которые не представляется возможным осветить в рамках настоящей статьи. С оптимизмом смотря в будущее, хочется верить, что такие решения в перспективе будут обязательно найдены. Это позволит более эффективно применять уголовный закон и выполнять стоящие перед ним задачи.

Список литературы:

1. Гордейчик С.А., Егорова Н.А. Освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 78^1 УК: спорные вопросы // Законность. 2024. № 7. С. 39–42.

2. Ермолович Я.Н. Совершенствование уголовно-правовых средств реализации уголовной ответственности военнослужащих (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23.03.2024 № 64-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 6. С. 45–53.

3. Звечаровский И.Э. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: минусы и плюсы законодательной регламентации // Законность. 2024. № 10. С. 48–49.

© Цепелев К.В., 2025

EDN: JRVNOH

Черняков Сергей Анатольевич,
Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
кандидат юридических наук, доцент

ОБНАЛИЧИВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: настоящая статья посвящена особенностям квалификации незаконного обналичивания денежных средств. В результате ретроспективного анализа правоприменительной практики автор приходит к выводу об отсутствии единства научных позиций в этом аспекте, непоследовательности и не однообразности судебных решений по указанным преступным деяниям. Автор также делает вывод о том, что неправомерное обналичивание денежных средств заслуживает самостоятельной юридической оценки и соответствующей статьи УК РФ.

Ключевые слова: обналичивание; транзит; квалификация; незаконная банковская деятельность; банковская операция.

В юридической литературе можно встретить мнения о том, что незаконное[1] обналичивание денежных средств или незаконный транзит денежных средств должен образовывать самостоятельный состав преступления, не имеющий общего с незаконной банковской деятельностью[2].

[1] В юридической литературе под обналичиванием понимаются и вполне законные операции. А.Н. Ляскало указывает, что, если денежные средства поступили на банковский счет законным путем и необходимы их владельцу в наличной форме, в том числе для осуществления экономически обоснованных расчетов, обналичивание не является нарушением закона. Ляскало А.Н. Уголовная ответственность за незаконные операции по обналичиванию и транзиту денежных средств // Российский следователь. 2014. № 17. С. 25.

[2] Саакович А., Гусаков А. Квалификацию «подгоняют» под норму закона // Адвокатская газета. 2017. № 18 (251).

Судебная практика разрешения уголовных дел, возбужденных по фактам преступлений, совершенных способом обналичивания или транзита денежных средств также неоднородна. К настоящему времени сформировалась судебная практика квалификации незаконного обналичивания или транзита денежных средств, как незаконной банковской деятельности[1], однако десять лет назад такие деяния квалифицировались как незаконное предпринимательство[2].

В последствии, суд кардинально изменил свою позицию относительно свойств специального субъекта незаконной банковской деятельности. Так, Президиум Московского городского суда отменил ранее принятое апелляционное решение[3] о квалификации обналичивания денежных средств, как незаконное предпринимательство по ст. 171 УК РФ, указав в своем постановлении, что «суд, квалифицируя действия осужденных как незаконное предпринимательство, не учел, что сфера применения ст. 172 УК РФ – это деятельность предпринимательских структур, незаконно осуществляющих законодательно регламентированные виды банковской деятельности (банковских операций). Такими структурами, в частности, могут быть как юридические лица, учрежденные на законных основаниях, так и незаконно действующие организации, а также легитимные учреждения, вышедшие за пределы полученного разрешения. При этом незаконная банковская деятельность состоит в том, что субъект, через какую-либо организацию либо

---

[1] Кузьминых К.С. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 172 УК РФ – Незаконная банковская деятельность / Сайт Коллегии адвокатов «Лапинский и партнеры». [Электронный ресурс] // URL: http://lapinski.ru/content/view/o-sudebnoj-praktike-po-delam-o-prestupleniyah-predusmotrennyh-statej-172-uk-rf-nezakonnaya-bankovskaya-deyatelnost?ysclid=m8d68dk7zb593681176 (дата обращения: 05.05.2025).

[2] Например, в апелляционном определении Мосгорсуда от 25 ноября 2013 г. по делу № 10-10266 содержится следующий вывод: «По смыслу ст. 172 УК РФ и п. 9 ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» субъектами преступлений, предусмотренных ст. 172 УК РФ, являются учредители кредитных организаций и руководители исполнительных органов, в том числе и главный бухгалтер, к которым, как это следует из материалов дела, осужденные не относились» [Электронный ресурс] // Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ» (дата обращения: 06.05.2025).

[3] Апелляционное определение Мосгорсуда от 26 июня 2014 г. № 10-7922. [Электронный ресурс] // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ» (дата обращения: 06.05.2025).

прикрываясь ею, проводит банковские операции, игнорируя существующий порядок разрешения такого рода деятельности и (или) контроля за ее осуществлением, и действует вне банковской системы с фактическим использованием ее возможностей»[1].

В юридической литературе последняя позиция суда вызывает сомнения и критику. Во-первых, в связи с тем, что такие кардинальные правоприменительные изменения позиции суда о свойствах субъекта преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ и в целом об уголовно-правовых признаках незаконной банковской деятельности (причем без каких-либо изменений в уголовном законе) недопустимы. В этом случае содержание уголовно-правовой нормы определяется судом исходя из различных аспектов общественной и политической конъектуры, что влечет формирование непоследовательной и неоднообразной судебной практики, что противоречит принципам законности, справедливости и равенства перед законом[2]. Во-вторых, сопоставление процедуры незаконного обналичивания или транзита денежных средств с соответствующими банковскими операциями недопустимо, поскольку они таковыми не являются по определению[3]. Так, в судебно-следственной практике обналичивание денежных средств сопоставляются со такими банковскими операциями как: открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц; расчеты по поручению физических и юридических лиц по их банковским счетам; переводы денежных средств по поручению физических лиц без открытия банковских счетов, привлечение денежных средств физических и юридических лиц и размещение их на банковских счетах, инкассация денежных средств и кассовое обслуживание физических и юридических лиц[4].

---

[1] Постановление Президиума Мосгорсуда от 20 февраля 2015 г. по делу № 44у-14/15 [Электронный ресурс] // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ» (дата обращения: 06.05.2025).

[2] Кириенко М. Гражданин или представитель организации? // Адвокатская газета. 2017. № 18 (251).

[3] Коренная А.А. Проблемы квалификации действий по незаконному обналичиванию денежных средств / Сайт адвокатского бюро «Антонов и партнеры». [Электронный ресурс] // URL: https://pravo163.ru/problemy-kvalifikacii-dejstvij-po-nezakonnomu-obnalichivaniyu-denezhnyx-sredstv/ (дата обращения: 05.05.2025).

[4] См., например, Приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края № 1-609/2022 1-62/2023 от 25 декабря 2023 г. по делу № 1-609/2022 [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/cZDsqB7W2jxP/?page=9&regular-

Анализ содержания формальных признаков отдельных банковских операций показывает, что привлечение денежных средств во вклады, согласно ст. 36 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» представляет собой прежде всего вклад, то есть размещение денежных средств в целях хранения и получения дохода. В соответствии с гражданско-правовым законодательством банковский вклад образуется на основании договора банковского вклада[1]. Незаконное обналичивание денежных средств не соответствует рассматриваемой банковской операции, поскольку при обналичивании денежные средства зачисляются на счет фирм-однодневов на основании фиктивных договоров о выполнении работ, оказании услуг, поставки товаров и не предусматривают комиссионные начисления за пользование такими денежными средствами; открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц: как и для предыдущей операции предусмотрена гражданско-правовая регламентация (ст. 845 ГК РФ). В случае незаконного обналичивания денежных средств, счет на имя клиента обналичивания не открывается, и помещенные на счет фирмы-однодневки денежные средства не предусматривают возможность распоряжения ими клиентом обналичивания; инкассация денежных средств и кассовое обслуживание физических и юридических лиц: законодательной регламентации не имеет, урегулировано Положением Банка России от 29.01.2018 № 630-П[2], в соответствии с которым кассовым обслуживанием является прием наличных денег у клиента для их зачисления на банковский счет этого клиента, либо выдача наличных денежных средств клиенту со списанием сумм выданных денежных средств со счета этого клиента. Инкассация является разновидностью кассового обслуживания и отличается от последнего услугой по сбору наличных денежных средств в местах их накопления в целях транспортировки в кредитную организацию для размещения на банковском счете клиента. При незаконном обналичивании денеж-

---

txt=%22%D0%A7%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%9E%D0%92%D0%90+%D0%A2.%D0%94.%22&snippet_pos=34066 (дата обращения: 06.05.2025).

[1] Часть 1 статьи 834 Гражданского кодекса РФ.

[2] Положение Банка России от 29.01.2018 № 630–П (ред. от 15.11.2023) «О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монеты Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.06.2018 № 51359) // Вестник Банка России. № 51. 28.06.2018.

ных средств злоумышленники указанных функций инкассации и кассового обслуживания не выполняют; переводы денежных средств по поручению физических лиц без открытия банковских счетов: регламентируются Федеральным законом «О национальной платежной системе»[1] и Положением Банка России от 29.06.2021 № 762-П[2]. В соответствии со ст. 1.1 указанного Положения Банка России перевод денежных средств осуществляется в соответствии с указанным законом о платежной системе, где в п. 1 ст. 3 указано, что под национальной платежной системой понимается совокупность операторов по переводу денежных средств, которые в соответствии с п. 2 этой же статьи, представляют собой организации, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации вправе осуществлять перевод денежных средств. В соответствии со ст. 1.3 указанного Положения Банка России перевод денежных средств по банковским счетам осуществляется посредством списания денежных средств с банковских счетов плательщиков и зачисления денежных средств на банковские счета получателей денежных средств. Таким образом, в случае неправомерного обналичивания денежных средств, злоумышленники не являются операторами национальной платежной системы и не имеют прямого отношения к переводу денежных средств, поскольку такой перевод осуществляется банком, в котором открыт счет клиента обналичивания, по поручению последнего.

С учетом изложенного, можно утверждать, что рассматриваемые судами банковские операции не по форме не по содержанию не соотносятся с действиями по неправомерному обналичиванию денежных средств, где злоумышленники не правомочны самостоятельно создавать банковский счет, осуществлять переводы и т.д., а используют в своей преступной деятельности легальные и официальные банковские инструменты, которые реализуются зарегистрированными в установленном порядке кредитными организациями, имеющими соответствующие лицензии.

В таком случае возникает вопрос, на что посягает и чему причиняет вред рассматриваемое нами обналичивание денежных средств

---

[1] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161–ФЗ (ред. от 23.11.2024) «О национальной платежной системе» // Российская газета. № 139. 30.06.2011.

[2] Положение Банка России от 29.06.2021 № 762–П (ред. от 03.08.2023) «О правилах осуществления перевода денежных средств» // Вестник Банка России. № 62. 08.09.2021.

само по себе? Возвращаясь к различным интерпретациям непосредственного объекта незаконной банковской деятельности необходимо отметить, что обналичивание денежных средств само по себе не нарушает принцип законности осуществления банковской деятельности, установленный порядок осуществления банковской деятельности, законодательно утвержденный порядок регистрации и получения лицензии, не посягает на единство и стабильность денежно-кредитной сферы, поскольку не противопоставляет банковской системе иные операции и не конкурирует с ней, не подменяет банковскую систему, а лишь использует ее легитимные возможности. Тем не менее, рассмотренное нами обналичивание денежных средств очевидно причиняет вред важным охраняемым общественным интересам, обеспечивая возможность совершения коррупционных преступлений, преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов, финансированием терроризма, легализацией (отмыванием) денежных средств и некоторых других. При этом, можно утверждать, что механизм совершения неправомерного обналичивания денежных средств заслуживает самостоятельной юридической оценки и соответствующей статьи УК РФ, поскольку правоприменитель вынужден искать пути разрешения возникшего пробела в правовой охране.

Список литературы:

1. Апелляционное определение Мосгорсуда от 25 ноября 2013 г. по делу № 10-10266 [Электронный ресурс] // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ» (дата обращения: 06.05.2025).

2. Апелляционное определение Мосгорсуда от 26 июня 2014 г. № 10–7922 [Электронный ресурс] // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ» (дата обращения: 06.05.2025).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14–ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

4. Кириенко М. Гражданин или представитель организации? // Адвокатская газета. 2017. № 18 (251).

5. Коренная А.А. Проблемы квалификации действий по незаконному обналичиванию денежных средств [Электронный ресурс] // Доступ из «Адвокатское бюро "Антонов и партнеры"»: сайт. URL: https://pravo163.ru/problemy-kvalifikacii-dejstvij-po-nezakonnomu-obnalichivaniyu-denezhnyx-sredstv/ (дата обращения: 05.05.2025).

6. Кузьминых К.С. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 172 УК РФ – Незаконная банковская деятельность [Электронный ресурс] // Доступ из «Коллегия адвокатов "Лапинский и партнеры"». URL: http://lapinski.ru/content/view/o-sudebnoj-praktike-po-delam-o-prestupleniyah-predusmotrennyh-statej-172-uk-rf-nezakonnaya-bankovskaya-deyatelnost?ysclid=m8d68dk7zb593681176 (дата обращения: 05.05.2025).

7. Ляскало А.Н. Уголовная ответственность за незаконные операции по обналичиванию и транзиту денежных средств // Российский следователь. 2014. № 17. С. 25.

8. Положение Банка России от 29.01.2018 № 630–П (ред. от 15.11.2023) «О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монеты Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.06.2018 №51359) // Вестник Банка России. № 51. 28.06.2018.

9. Положение Банка России от 29.06.2021 № 762–П (ред. от 03.08.2023) «О правилах осуществления перевода денежных средств» // Вестник Банка России. № 62. 08.09.2021.

10. Постановление Президиума Мосгорсуда от 20 февраля 2015 г. по делу № 44у-14/15 [Электронный ресурс] // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ» (дата обращения: 06.05.2025).

11. Приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края № 1-609/2022 1-62/2023 от 25 декабря 2023 г. по делу № 1-609/2022. [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/cZDsqB7W2jxP/?page=9&regular-txt=%22%D0%A7%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%9E%D0%92%D0%90+%D0%A2.%D0%94.%22&snippet_pos=34066 (дата обращения: 06.05.2025).

12. Саакович А., Гусаков А. Квалификацию «подгоняют» под норму закона // Адвокатская газета. 2017. № 18 (251).

13. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161–ФЗ (ред. от 23.11.2024) «О национальной платежной системе» // Российская газета. № 139. 30.06.2011.

© Черняков С.А., 2025

EDN: JRWEQI

Чихрадзе Анна Михайловна,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
доцент кафедры криминалистики
кандидат юридических наук

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ТЯЖЕСТИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ В УГОЛОВНОМ ПРАВИЕ РОССИИ

Аннотация: в статье анализируется историческая эволюция критериев определения тяжести вреда здоровью на основании ретроспективного анализа памятников российского уголовного права, а также данных судебной практики по г. Санкт-Петербургу. Обосновывается целесообразность отказа от экономического критерия (утрата трудоспособности) и возвращение к функциональному критерию как единому, с учетом необходимости его модернизации в современных реалиях и возможности учета им всех форм причинения вреда здоровью человека.

Ключевые слова: вред здоровью, функциональный критерий, экономический критерий, историческая эволюция, утрата трудоспособности, телесные повреждения.

Вопрос о критериях тяжести определения вреда здоровья имеет длительную историю развития в уголовном праве России, поскольку выбор указанных критериев оказывает прямой воздействие на правильность квалификации, справедливость назначенного наказания, а также эффективность защиты здоровья. В разные периоды исторического развития нашего государства законодатель неоднородно подходил к правовой оценке причиненного вреда здоровью потерпевшего: от прямого и исчерпывающего описания увечий и телесных повреждений в диспозиции уголовно-правовой нормы до построения сложной системы медицинских и юридических критериев.

Вопросам квалификации причинения вреда здоровью, в том числе и через исследование критериев его определения посвящали свои труды как ученые дореволюционного периода (В.Д. Снигирев, А.А. Жижиленко), так и советские, и российские ученые (М.Д. Шаргородский, А.С. Никифоров, Н.И. Загородников, Е.А. Рукавишников, Е.В. Безручко

и др.), обращая внимание на различные неоднозначные аспекты данной темы, и сегодня находящиеся в дискуссионном поле.

Одним из первых письменных источников русского права, затрагивающих вопросы ответственности за причинение вреда здоровью, является Русская Правда. В ней отсутствовала развитая классификация тяжести вреда здоровья и критериев ее определения в современном понимании. Документ уделял внимание, скорее, обстоятельствам и способам нанесения повреждений, нежели их последствиям. Однако, все же, необходимо отметить, что в Древнерусском праве фактически степень определения тяжести вреда здоровью основывалась на функциональном критерии.

Соборное Уложение 1649 года, заложив основу функционального подхода к оценке тяжести телесных повреждений, юридически выделило два их вида – увечье как наиболее тяжкий вид, заключающийся в утрате частью тела своих функций и раны[1].

Система наказаний за причинение телесных повреждений в Петровскую эпоху по-прежнему исходила из функциональной оценки вреда здоровью – увечье, то есть непоправимое повреждение органа считалось более тяжким преступлением, чем просто рана или побои без долговременных последствий. Дополнительно вводилось понятие членовредительства – намеренного увечья с целью уклонения от службы в армии [2] . Подобная дифференциация уголовной ответственности, а также излишняя, как отмечается в юридической литературе строгость санкций того времени вполне объяснимы тем, что для государства физическое здоровье военных имело первостепенное значение.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. являлась первым полноформатным уголовным кодексом России, заложивший трехзвенную систему телесных повреждений – увечья (тяжкие и менее тяжкие), раны, иные расстройства здоровья. Необходимо отметить, что именно в Уложении впервые в истории российского уголовного законодательства были заложены основы комбинированного подхода к оценке вреда здоровью, опираясь не только за законодательное перечисление типичных признаков вреда здоровью в самой норме права, но и на медицинские рекомендации – Врачебный устав.

---

[1] Филимонова Е.Э. Преступления против личности: от Древней Руси до Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 26 (368). С. 232.

[2] Васильева Т.С. История развития законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью человека // Молодой ученый. 2021. № 4 (346). С. 410.

Уголовное уложение 1903 г., перейдя к двухзвенной классификации телесных повреждений, основывалось на тех же функциональных признаках, что были известны ранее. Уголовный закон подробно перечислял признаки тяжкого повреждения – опасное для жизни повреждение, лишений органа чувств, потеря конечности и др. И, хотя, судебная медицина того времени сделала значительный шаг вперед, экономический критерий все еще не имел точной законодательной формулировки, что позволяет заключить, что – исторически, до революции, критерии определения тяжести вреда здоровью были преимущественно функциональными, оценивающими медицинские последствия для организма, а не экономическую ценность лица как работника[1].

Первый советский уголовный кодекс 1922 года фактически закрепил трехступенчатую дифференциацию уголовной ответственности за причинение вреда здоровью, основанную на функциональном критерии (утрата ключевых функций организма, эстетические дефекты). Таким образом, нельзя не согласиться с мнением А.Е. Рукавишникова о том, что в российском уголовном праве до начала XX века применялся исключительно функциональный критерий при оценке тяжести причиненного противоправным деянием вреда здоровью[2]. Закон концентрировался на самом характере увечья и утрате важных функций организма, не пытаясь количественно измерить утрату трудоспособности.

Поворотной стала советская реформа уголовного законодательства в 1926 году. Так, впервые в отечественном праве законодательно был закреплен экономический признак тяжести вреда здоровью, исключив критерий непосредственной опасности для жизни и заменив его «иным расстройством здоровья, соединенным со значительной утратой трудоспособности». Первоначально этот признак носил оценочный характер и постепенно, исходя из нужд практики, были разработаны специальные разъяснения: Правила составления заключения о тяжести повреждения здоровью (1928 г.). Указанный нормативный акт установил количественные пороги определения категорий утраты трудоспособности.

---

[1] Васильева Т.С. История развития законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью человека // Молодой ученый. 2021. № 4 (346). С. 408–412.

[2] Рукавишников Е.А. История становления и правовая регламентация критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-pravovaya-reglamentatsiya-kriteriev-opredeleniya-stepeni-tyazhesti-vreda-prichinennogo-zdorovyu (дата обращения: 15.05.2025).

Советские криминалисты разделились во мнениях: одни поддерживали учет утраты трудоспособности как «прогрессивный социально-экономический признак, позволяющий учесть реальный ущерб обществу от преступления», другие же указывали, что трудоспособность – показатель производный, следовательно, тяжесть вреда следует определять преимущественно по медико-биологическим (функциональным) критериям (угроза жизни, тяжесть анатомических повреждений и т.д.)[1]. В свою очередь, М.Д. Шаргородский, А.С. Никифоров и др. прямо отмечали, что здоровье человека представляет самостоятельную ценность, а ущерб должен измеряться степенью повреждения организма, а не утилитарными последствиями для его трудовой роли в обществе[2], с чем нельзя не согласиться и сегодня. Тем не менее, в 1920–1930-е гг. под влиянием идей производительности человека для государства экономический подход закрепился в законе и сохранился спустя столетие: УК РСФСР 1960 г. хотя и вернулся к классической трехзвенной градации вреда здоровью и признаку опасности для жизни при причинении вреда здоровью, однако сохранил и двойственный подход, который унаследовал и УК РФ 1996 г.

Полувековой опыт правоприменения показал, что наличие в законе двух различных типов критериев не означает равнозначности их на практике. Фактически, практика игнорирует применения экономического критерия, отдавая приоритет функциональному. Так, судебно-медицинские эксперты зачастую ставят на первое место клинико-функциональные показатели вреда: при любом серьёзном увечье констатируется либо опасность для жизни, либо конкретная утрата функции, – и этого обычно достаточно для признания вреда тяжким. Статистические исследования подтверждают этот тезис. Так, на основании анализа 50 приговоров судов первой инстанции по городу Санкт-Петербургу за 2024 г. установлено, что признак «значительной стойкой утраты общей трудоспособности не менее чем на 1/3» как самостоятельное основание квалификации тяжкого вреда не применялся. Это свидетельствует о том, что экономический показатель является практически неиспользуемым, и его сохранение в системе уголовного закона не имеет прикладной значимости. В тоже время, исследование

[1] Жижиленко А.А. Преступления против личности. М.-Л.: Госиздат, 1927. С. 127.
[2] Никифоров А.С. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1959. С. 168; Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. [Электронный ресурс]. URL: http://adhdportal.com/book_1651.html (дата обращения: 15.05.2025).

приговоров показывает устойчивую тенденцию к приоритету функционального подхода в форме точного указание на конкретный физиологический вред – во всех 50 случаях.

Таким образом, исторический опыт и современные эмпирические данные показывают, что сочетание разнородных критериев определения тяжести вреда здоровью носит искусственный характер, не имеет прикладного значения и отражает, по сути, идеологические начала того времени, когда был введен в уголовный закон экономический признак. Подобное законодательное решение вошло в противоречие с российской уголовно-правовой ментальностью в части многовековой традиции определять тяжесть увечья через страдания потерпевшего и утрату им жизненно важных функций. Стоит согласиться с мнением, что экономический критерий является избыточным и не отражает подлинную тяжесть нарушения здоровья, и, по нашему мнению, входит в противоречие с базовым уголовно-правовым принципом равенства граждан перед законом, поскольку предопределяет, что тяжесть вреда здоровью должна измеряться степенью нарушения трудовой деятельности, а не глубиной и необратимостью нарушений функций организма. Таким образом, назрело обоснованное предложение отказаться от использования экономического показателя при квалификации тяжкого вреда здоровью, вернувшись к функциональному подходу, ориентированному не только на характер и степень самого повреждения здоровья, но и на современные иные способы причинения вреда здоровью человека.

Список литературы:

1. Васильева Т.С. История развития законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью человека // Молодой ученый. 2021. № 4 (346). С. 408-412.

2. Жижиленко А.А. Преступления против личности. М.-Л.: Госиздат, 1927. 192 с.

3. Никифоров А.С. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1959. 255 с.

4. Рукавишников Е.А. История становления и правовая регламентация критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-pravovaya-reglamentatsiya-kriteriev-opredeleniya-stepeni-tyazhesti-vreda-prichinennogo-zdorovyu (дата обращения: 15.05.2025).

5. Филимонова Е.Э. Преступления против личности: от Древней Руси до Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 26 (368). С. 230–235.

6. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. [Электронный ресурс] // URL: http://adhdportal.com/book_1651.html (дата обращения: 15.05.2025).

© Чихрадзе А.М., 2025

EDN: IWLGMY

Шарапов Роман Дмитриевич,
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
доктор юридических наук, профессор

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Аннотация: в работе затрагиваются отдельные проблемы уголовно-правовой оценки малозначительного деяния в уголовном праве. Особое внимание уделяется таким проблемам как допустимость ограничений в применении уголовно-правовой нормы о малозначительности по кругу составов преступлений, подмена отсутствия формальной уголовной-противоправности малозначительностью деяния, возможность учета личности виновного и его посткриминального поведения в качестве критериев оценки малозначительности деяния.

Ключевые слова: малозначительность деяния, личность виновного, посткриминальное поведение, общественная опасность, уголовная противоправность

В теории уголовного права высказано суждение о том, что установление соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовным законом, является основанием для того, чтобы презюмировать общественную опасность содеянного[1]; иначе, если не принимать во внимание законо-

[1] Иванчин А.В. 1) Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // Lex russica. 2015. № 6. С. 22; 2) Еще раз о принципиальной значимости правильного толкования нормы о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК) в следственно-судебной практике // Российский следователь. 2022. № 2. С. 64–66; Волковой Д.С. Институт малозначительности деяния как проявление максимы summum jus, summa injuria в отечественном уголовном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 6. С. 71–81; Винокуров В.Н. Структура общественной опасности и основание признания деяния малозначительным // Журнал российского права. 2024. № 1. С. 120–131.

дательные границы преступления, обозначающие общественную опасность, «тогда необходимо, чтобы по каждому уголовному делу суд обосновывал общественную опасность преступления, что выглядит абсурдно»[1]. Пока поиски ответа на вопрос «обосновывает ли наличие признаков состава преступления в деянии характеристику самого деяния как обладающего минимальным уровнем общественной опасности, достаточной для возложения уголовной ответственности?»[2] не завершены, Конституционный Суд РФ обратил внимание на безусловную необходимость оценки общественной опасности деяния при применении норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК)[3]. В судебной практике нередки случаи, когда решения нижестоящих судов отменяются в связи с тем, что «судом не приведены аргументированные доводы о действительном наличии существенного вреда в результате совершенного осужденным деяния, а также степени общественной опасности в его действиях, позволяющей расценивать их как преступное деяние, либо о существенных последствиях, наступивших в результате преступления»[4], «суд не принял во внимание положения ч. 2 ст. 14 УК и не обсудил возможности прекращения уголовного дела ввиду малозначительности деяния»[5].

Действующее уголовное законодательство не содержит ограничений на применение ч. 2 ст. 14 УК в отношении каких-либо деяний, формально содержащих признаки состава преступления. Малозначительное деяние может формально содержать признаки:

---

[1] Хилюта В.В. Влияет ли возмещение вреда на признание деяния малозначительным? // Законность. 2024. № 3. С. 43.

[2] Пудовочкин Ю.Е. Малозначительность деяния в контексте учения об общественной опасности и о составе преступления // Уголовное право. 2025. № 1. СПС «Консультант Плюс».

[3] Постановления Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П; от 13.11.2023 № 52-П; Определения Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1162-О; от 7 июля 2016 г. № 1426-О; от 30.11.2023 № 3272-О // СПС «Консультант Плюс».

[4] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.05.2024 № 77-1514/2024 (УИД 40RS0020-01-2023-000029-04). См. также: Определения Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 № 41-УД22-33-К4, от 29.05.2024 № 55-УД24-1-К8, от 25.02.2025 № 84-УД24-9-К3 // СПС «Консультант Плюс».

[5] Постановление Президиума Рязанского областного суда от 11.07.2017 № 44У-24/2017; Постановление Президиума Ивановского областного суда от 08.09.2017 № 44у-25/2017; Постановление Президиума Ростовского областного суда от 08.02.2018 г. № 44у-41; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21.03.2023 № 39-УД23-2-К1 // СПС «Консультант Плюс».

- как оконченного состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, так и признаки составов преступлений, предусмотренных Общей частью УК РФ, в частности, приготовления или покушения на преступление, соучастия в преступлении, посредственного исполнения преступления;
- не только состава преступления небольшой или средней тяжести, но также тяжкого или особо тяжкого преступления[1];
- преступления с формальным, материальным или усеченным составом[2] (например, распространение с косвенным умыслом порнографических материалов, оказавшихся в общем доступе крайне непродолжительное время[3]);
- состава преступления с квалифицирующими или особо квалифицирующими признаками[4];
- не только состава умышленного преступления, но также неосторожного преступления[5].

Представляется возможным (по крайней мере, не исключается теоретически) вывод о малозначительности преступления против жизни (например, причинение смерти нежизнеспособному ребенку во время родов в условиях нежеланной беременности и угрозы для жизни роженицы, покушение на убийство при превышении пределов необходимой обороны), изнасилования (например, половое сношение, начавшееся с пребывающей в глубоком сне партнёршей, однако продолженное с ее согласия после пробуждения).

В итоге, допустимым видится тезис о том, что некоторые посягательства, предусмотренные Особенной частью УК РФ, по своему характеру резко сужают возможности для их оценки в качестве малозначительных деяний, однако не исключают возможности такой оценки.

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.11.2023 № 52-П.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 05.04.2006 № 50-О06-1; Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2021 № 3-УДП21-16-К3.

[3] Шарапов Р.Д. Умысел при распространении порнографии в сети Интернет // Уголовное право. 2024. № 9. С. 47–59.

[4] Определение Верховного Суда РФ от 22.04.2015 № 51-УД15-1; Определение Верховного Суда РФ от 20.08.2020 № 15-УДП20-7-К1; Определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 15.06.2017 в отношении К. и Ш.; Постановление президиума Самарского областного суда от 27.12.2018 № 44у-347/2018; Апелляционное определение Московского областного суда от 17 января 2019 г. № 22-66/2019.

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2009 № 806-О-О.

Вопрос о малозначительности деяния в уголовном праве может ставиться при условии, если совершенное действие (бездействие) формально содержит все признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом. Постановка данного вопроса является беспредметной, если квалифицируемое деяние формально не содержит хотя бы один из признаков состава конкретного преступления, что исключает производство по делу по общему процессуальному основанию – за отсутствием в деянии состава преступления[1].

Усмотрение малозначительности содеянного в случаях, когда деяние даже формально не содержит всех признаков состава преступления, является наиболее распространенной ошибкой в практике применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (примерно в 60% случаев применения нормы[2]). Эта ошибка не является существенной, поскольку влечет один и тот же резолютивный вывод – отсутствие в деянии состава преступления. Однако, иногда такая ошибка расценивается как противоречие в выводах суда, что может стать причиной отмены судебного решения.

Так, суд кассационной инстанции, отменяя апелляционный приговор, в соответствии с которым осужденная по ч. 1 ст. 139 УК РФ оправдана ввиду малозначительности деяния, указал, что, «придя к выводу об отсутствии субъективной стороны состава преступления, суд апелляционной инстанции, ссылаясь на нормы ч. 2 ст. 14 УК РФ, констатирует совершение И. деяния, не причинившего, вместе с тем, существенного вреда правам граждан. … Таким образом, выводы суда апелляционной инстанции о наличии всех признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК РФ, но в силу малозначительности не представляющих общественной опасности, либо отсутствии состава преступления, а именно субъективной стороны, находятся в очевидном противоречии друг с другом»[3]. При отсутствии признаков субъективной стороны совершенного деяния оно не может считаться малозначительным, поскольку формально не содержит признаков состава преступления.

---

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 1. Общая часть / Под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М.: Проспект, 2023. С. 94–95.

[2] Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. с. 165; Винокуров В.Н., Рябинин Н.А. Основание прекращения уголовного преследования при малозначительности деяния // Уголовное право. 2024. № 12. С. 3-11.

[3] Пост. Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.03.2024 № 77-785/2024.

Правомерно ли учитывать в качестве критериев малозначительности деяния обстоятельства, характеризующие личность субъекта посягательства и его поведение после совершения деяния? Однозначного ответа на этот вопрос нет ни в юридической теории, ни в правоприменительной практике.

Часто наблюдаемый в уголовном судопроизводстве учет обстоятельств, характеризующих личность субъекта и его поведение после совершения посягательства, при принятии решения о малозначительности содеянного продиктован тем, что в правоприменительной практике не наблюдается четкая дифференциация между оценкой общественной опасности деяния и оценкой общественной опасности лица, его совершившего. Часто дается совокупная оценка общественной опасности событию преступления в неразрывной связи с оценкой степени общественной опасности личности виновного. Тем самым находит подтверждение мысль о том, что «более правильным было бы говорить о едином сложном явлении общественной опасности деяния и деятеля, не разделяя их»[1].

Например: «Судебная коллегия, объективно проанализировав обстоятельства правонарушения и признаки состава преступления, пришла к обоснованному выводу о том, что при решении вопроса о привлечении К. к уголовной ответственности не в полной мере были учтены конкретные обстоятельства совершения преступления, а также данные о его личности, которые в своей совокупности свидетельствуют о том, что, совершенные им действия не представляли опасности для общества»[2].

По другому делу, отменяя приговор и последующие судебные решения, в соответствии с которыми подсудимый осужден по ч. 1 ст. 222[1] УК за незаконное хранение более шести лет взрывчатого вещества (бездымного охотничьего пороха весом 51,74 грамма), Верховный Суд РФ, ссылаясь на фактические обстоятельства совершенного деяния (хранение пороха в небольшом количестве, в металлическом сейфе, исключающем доступ посторонних лиц) и данные о личности подсудимого (ранее имел лицензию на хранение охотничьего ружья, имел навыки безопасного обращения с оружием и боеприпасами, не судим, характеризуется положительно, на учете у врачей нарколога

[1] Бриллиантов А.В. Общественная опасность деяния // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4 (27). С. 250.

[2] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30.08.2000 № 681п2000пр // СПС «Консультант Плюс».

и психиатра не состоит, является пенсионером, отцом троих детей, один из которых находится в зоне проведения специальной военной операции), заключил: «Указанные фактические обстоятельства дела в совокупности, с данными о личности Савченко Н.И. дают основания для оценки его действий как, хотя формально и содержащих признаки деяния, предусмотренного УК, но в силу малозначительности не представляющих общественной опасности»[1].

Правовая позиция, предписывающая интегративную оценку степени общественной опасности деяния, выражена в пункте 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201[1], 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)», где судам рекомендовано учитывать «при оценке степени общественной опасности содеянного не только содержание мотивов и целей, значимость обязанностей, которые были нарушены, продолжительность преступных действий (бездействия), характер и тяжесть причиненного вреда, количество потерпевших, наличие вреда охраняемым законом интересам государства, другие фактические обстоятельства, но и данные о личности виновного».

Список литературы:

1. Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 168 с.

2. Бриллиантов А.В. Общественная опасность деяния // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4 (27). С. 245–250.

3. Винокуров В.Н. Структура общественной опасности и основание признания деяния малозначительным // Журнал российского права. 2024. № 1. С. 120–131.

4. Винокуров В.Н., Рябинин Н.А. Основание прекращения уголовного преследования при малозначительности деяния // Уголовное право. 2024. № 12. С. 3–11.

5. Волковой Д.С. Институт малозначительности деяния как проявление максимы summum jus, summa injuria в отечественном уголовном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 6. С. 71–81.

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2025 № 41-УД24-54-К4 // СПС «Консультант Плюс».

6. Иванчин А.В. Еще раз о принципиальной значимости правильного толкования нормы о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК) в следственно-судебной практике // Российский следователь. 2022. № 2. С. 64–66.

7. Иванчин А.В. Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // Lex russica. 2015. № 6. С. 16–29.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 1. Общая часть / Под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М.: Проспект, 2023. 528 с.

9. Пудовочкин Ю.Е. Малозначительность деяния в контексте учения об общественной опасности и о составе преступления // Уголовное право. 2025. № 1 // СПС «Консультант Плюс».

10. Хилюта В.В. Влияет ли возмещение вреда на признание деяния малозначительным? // Законность. 2024. № 3. С. 39–43.

11. Шарапов Р.Д. Умысел при распространении порнографии в сети Интернет // Уголовное право. 2024. № 9. С. 47–59.

© Шарапов Р.Д., 2025

EDN: FXVOPX

Шунк Виктория Эдуардовна,
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
доцент кафедры уголовного права и процесса юридического института,
кандидат юридических наук

СОВОКУПНОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

Аннотация: в статье автор рассматривает необходимую достаточность доказательств для возможности квалификации действий лица, использующего цифровую валюту как способ легализации преступных доходов. Указывается причина, по которой суды могут оправдывать лицо, которому предъявлено обвинение в совершении соответствующего преступления. Предлагается примерная формулировка обвинения.

Ключевые слова: цифровая валюта; криптовалюта; квалификация; легализация; отмывание доходов.

Использование цифровой валюты при совершении самых различных преступлений, как способ сокрытия следов преступной деятельности используется достаточно широко. Вместе с тем, цифровая валюта одновременно используется также и для того, чтобы придать денежным средствам, получаемым в результате совершения преступления, видимость правомерного владения. Это достигается за счет процедуры преобразования цифровой валюты в денежные средства. В результате этой процедуры на банковские счета или электронные кошельки субъекта противоправного деяния или подконтрольного ему лица поступают средства от третьих лиц. При этом данные лица не знакомы указанному субъекту и не связаны с преступлением, в результате которого получена цифровая валюта. При первом приближении, рассмотрение данного вопроса не должно вызывать сложностей при квалификации соответствующих действий как легализация. Вместе с тем

оправдание за совершение преступления, предусмотренного соответствующей нормой, приводят к выводу, что проблема действительно существует. И существует она в плоскости доказывания, так как вопрос квалификации напрямую связан, в первую очередь, с наличием соответствующей совокупности доказательств, подтверждающих основание уголовной ответственности по ст.ст. 174-174.1 УК РФ, и во вторую – их правоприменительной оценки. Отдельные научные исследования не в полной мере осветили указанную проблему[1].

Определенную точку в данном вопросе поставил Верховный Суд РФ в кассационном определении от 8 июня 2023 г. № 6-УДП23-6-А1[2], которым отменено апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 6 февраля 2023 г. № 55-43/2023[3]. Решением апелляционной инстанции оставлено в силе решение по приговору Рязанского областного суда от 18 ноября 2022 г. по делу № 2-6/2022 об оправдании Крюкова-Челышкина В.А. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ[4]. Верховный Суд РФ указал, что «… Таким образом, избранный Крюковым – Челышкиным В.А. способ получения денежных средств путем проведения последовательных финансовых и банковских операций, а именно: зачисление денежных средств на подконтрольный виртуальный счет - криптовалюту «биткоин», дальнейшее ее конвертирование через различные виртуальные обменники в рубли, перевод денежных средств на банковские карты, зарегистрированные на другое лицо и их обналичивание через банковские терминалы, свидетельствует о наличии

---

[1] Смоляков А.Н. Хищение безналичных, электронных денежных средств и цифровой валюты: вопросы юридической техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2023. С. 5-6; Перов В.А. Квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2023. С. 5.

[2] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 8 июня 2023 г. № 6-УДП23-6-А1 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[3] Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 6 февраля 2023 г. № 55-43/2023 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[4] Приговор Рязанского областного суда от 18 ноября 2022 г. по делу № 2-6/2022 // интернет-сайт Рязанского областного суда: URL https://oblsud--riz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=62OS0000&srv_num=1&delo_id=1540006&case_type=0&judicial_uid=62RS0011-01-2022-000138-73 (дата обращения: 14.05.2025).

у осужденного цели легализовать денежные средства…»[1]. При повторном рассмотрении дела в суде первой инстанции, Крюков-Челышкин В.А. был осужден за легализацию[2].

Можно было бы констатировать факт того, что данное решение Верховного Суда РФ кардинально изменило общую позицию судов в части квалификации деяний при легализации посредством использования цифровой валюты. Вместе с тем, для вынесения каждого приговора по отдельно взятому делу суду необходима достаточная совокупность доказательств, что денежные средства, полученные лицом, это средства непосредственно от преобразования цифровой валюты, полученной в результате совершения преступления. То есть суду необходимы доказательства, связующие криминальную цифровую валюту и денежные средства, поступившие на банковские счета или электронные кошельки субъекта предикатного преступления или подконтрольного ему лица. При наличии соответствующих доказательств указанное решение Верховного Суда РФ может стать критерием того, что соответствующее деяние должно квалифицироваться как легализация. Если же такой взаимосвязи из представленных доказательств не прослеживается, то можно предположить, что средства поступили по иным основаниям. Например, от преобразования цифровой валюты, в которую были инвестированы правомерно полученные денежные средства. При наличии таких обстоятельств, опровержение данной позиции стороны защиты будет лежать на стороне обвинения.

В механизме совершения преступления могут преобладать следующие схемы получения цифровой валюты криминальным путем:

1) цифровая валюта преобразуется с того криптовалютного адреса, на который она поступила за оказание услуг криминального характера (продажа наркотических средств и т.д.) непосредственно организатором совершения предикатного преступления или лицом им уполномоченным;

---

[1] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 8 июня 2023 г. № 6-УДП23-6-А1 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[2] Приговор Рязанского областного суда от 25 сентября 2023 г. по делу № 2-14/2023 // Интернет-сайт Рязанского областного суда : URL https://oblsud-riz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=62OS0000&srv_num=1&delo_id=1540006&case_type=0&judicial_uid=62RS0011-01-2022-000138-73 (дата обращения: 14.05.2025).

2) цифровая валюта преобразуется с того криптовалютного адреса, на который она поступила с криптовалютного адреса организатора совершения предикатного преступления или лица, им уполномоченного. В этом случае соответствующая цифровая валюта является способом оплаты участнику преступления, за выполненные им криминальные действия.

Суду необходимо предоставить доказательства того, что в итоге денежные средства поступили от цифровой валюты, имеющей криминальное происхождение. И если во втором случае, это могут быть соответствующие показания участника, переписка с организатором преступления относительно способа вознаграждения, выписка по движению денежных средств (безналичных или электронных) в части поступления их от третьих лиц, никак не связанных и не знакомых с получателем, то в первом случае, могут потребоваться доказательства прямой связи транзакций цифровой валюты по их преобразованию, через соответствующие способы преобразования (криптообменники и криптобиржи), в фиатные средства. Отсутствие таких доказательств может стать причиной оправдания субъекта легализации.

С учетом практико-ориентированного характера настоящей статьи, автор предлагает возможный вариант формулировки обвинения по первому способу в части квалификации действий лица, как наиболее сложному. Именно в нем и будет отражено приведение наличия соответствующих доказательств.

«Петров О.В. в целях придания правомерного вида владения, пользования и распоряжения денежными средствами, которые могут быть преобразованы из виртуальных активов (цифровой валюты), полученных им в результате совершения преступления, хх.хх.20__ г. в хх час. хх мин. указал на интернет-сайте «адрес сайта» провайдера услуг виртуальных активов «название ПУВА» номер принадлежащей ему банковской карты (электронного кошелька) ХХХХХХ22 по которому необходимо перевести безналичные (электронные) денежные средства в обмен на цифровую валюту с подконтрольного ему криптовалютного адреса bc1…k3g, на котором нахолодилась цифровая валюта, полученная в результате совершения преступления. На указанном интернет-сайте Петрову О.В. был указан криптовалютный адрес bc1…f5h, подконтрольный провайдеру услуг виртуальных активов «название ПУВА», на который необходимо было перевести цифровую валюту для получения им безналичных (электронных) денежных средств.

После этого Петров О.В. хх.хх.20__ г. в хх час. хх мин. на интернет-сайте «адрес сайта» провайдера услуг виртуальных активов «название ПУВА» перевел с подконтрольного ему криптовалютного адреса bc1…k3g на криптовалютный адрес bc1…f5h цифровую валюту «Bitcoin» в размере 2 BTC, полученную им в результате совершения преступления, для ее преобразования в денежные средства и последующей легализации путем перевода со счета, подконтрольного провайдеру услуг виртуальных активов «название ПУВА», не имеющего отношения к Петрову О.В. и совершенному им преступлению. При этом Петров О.В. умышленно не сообщил сотрудникам провайдера услуг виртуальных активов «название ПУВА» о преступном происхождении данной цифровой валюты.

хх.хх.20__ г. в хх час. хх мин. на криптовалютный адрес bc1…f5h поступили 1,9 BTC за вычетом комиссии 0,1 BTC с 2 BTC, взыскиваемой сетью «Bitcoin» для подтверждения данного перевода. После поступления указанного размера цифровой валюты, работники провайдера услуг виртуальных активов «название ПУВА» не осведомленные о преступном происхождении указанного размера цифровой валюты и совершенном Петровым О.В. преступлении, хх.хх.20__ г. в хх час. хх мин. совершили финансовую операцию путем перевода с банковской карты (электронного кошелька) XXXX01, не связанного с Петровым О.В. и совершенным им преступлением безналичные (электронные) денежные средства в размере 19 467 рублей, эквивалентные на момент перевода 1,9 BTC, на номер XXXXXX22 принадлежащей Петрову О.В. банковской карты (электронного кошелька).

В следствии этого, безналичные (электронные) денежные средства, преобразованные из криптовалюты, приобретенной в результате совершения преступления, стали предметом финансовой операции, совершение которой стало возможно в связи с действиями Петрова О.В. Он (Петров О.В.) замаскировал связь полученных им 19 467 рублей с преступным источником их происхождения, представив для правоохранительных и контролирующих органов источник их получения, не связанный с совершенным им преступлением, тем самым придал данным безналичным (электронным) денежным средствам правомерный вид владения ими, пользования и последующего распоряжения».

Список литературы:

1. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 8 июня 2023 г. № 6-УДП23-6-А1 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

2. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 6 февраля 2023 г. № 55-43/2023 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

3. Перов В.А. Квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2023. 25 с.

4. Смоляков А.Н. Хищение безналичных, электронных денежных средств и цифровой валюты: вопросы юридической техники и дифференциации ответственности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2023. 22 с.

© Шунк В.Э., 2025

EDN: IYOLBA

Шутова Юлия Александровна,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук

ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ К ГРАЖДАНАМ ИЛИ УГРОЗА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЗНАК ХУЛИГАНСТВА

Аннотация: целью данной статьи является изучение признака «применение насилия к гражданам» для целей ст. 213 УК РФ. В рамках статьи автор анализирует понимание данного признака с позиции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 (ред. от 26.11.2024) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», положений теории уголовного права, а также судебно-следственной практики. Автор делает вывод о целесообразности включения умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью в объем насилия для п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Ключевые слова: хулиганство, насилие, вред здоровью средней степени тяжести, побои, справедливость, наказание.

Одним из наиболее противоречивых и трудных к пониманию составов преступлений, относящихся к подследственности органов внутренних дел, является состав хулиганства. Согласно статистическим данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, с 2023 года отмечается существенный рост зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 213 УК РФ. Так за 2023 год было зарегистрировано 1617 преступлений, что составляет + 10,8 %, а за 2024 год – 2395 преступлений, что составляет + 48,1%[1]. В связи

[1] Официальный сайт Главного информационно-аналитического центра МВД России [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ (дата обращения: 16.04.2025).

со стремительным ростом уголовно-наказуемого хулиганства, требуется наращивать теоретическую основу для единообразного понимания состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ.

В 2020 году статья, предусматривающая уголовную ответственность за хулиганство, претерпела значительные изменения. Так, признак «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» перешел в ч. 2 ст. 213 УК РФ, а в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ был добавлен новый конструктивный признак «с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения». С этого момента начались трудности в понимании данного признака. Это обусловлено тем, что в науке уголовного права устоялось четкое разделения насилия опасного для жизни и здоровья от насилия не опасного для жизни и здоровья. Однако признак «применения насилия» не конкретизирует объем насильственных действий и наступающих последствий. Ситуация оставалась неопределенной до 26 ноября 2024 года. Так, в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 (ред. от 26.11.2024) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (далее – ППВС № 45) было дополнено п. 1 (1), разъясняющим, что под применением насилия следует понимать нанесение побоев или совершение иных умышленных насильственных действий, соединенных с причинением потерпевшему физической боли, включая единичные удары, либо с ограничением его свободы (например, путем связывания, воспрепятствования выходу из помещения), не повлекших причинения вреда здоровью, а также умышленное причинение вреда здоровью потерпевшего[1]. При этом, исходя из следующего абзаца, следует, что применением насилия охватывает только лишь умышленное причинение легкого вреда здоровью. Если в ходе грубого нарушения общественного порядка причиняется вред здоровью средней тяжести или тяжкий, содеянное надлежит квалифицировать со совокупности с п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ или п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

Однако, если анализировать признак «применение насилия» применительно к ст. 131 УК РФ, то согласно п. 2 постановления Пленума

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 (ред. от 26.11.2024) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/ (дата обращения: 16.04.2025).

Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», он охватывает как нанесение побоев, так и умышленное причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью. В связи с чем встает вопрос: «На сколько целесообразно исключать умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести из объема насилия, применяемого при совершении грубого нарушения общественного порядка»?

На наш взгляд, внося п.1 (1) в ППВС № 45, судебный орган мог включить в объем насилия, применяемого при совершении хулиганства, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью. Данный довод строится на доктринальном правиле квалификации части и целого. Так, если преступное деяние, являющееся частью составного преступления, представляет собой более тяжкое преступление, чем само составное преступление, то содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений. Анализ санкций п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ и п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ позволяет констатировать тот факт, что умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью по степени общественной опасности совпадает с грубым нарушением общественного порядка, совершенного с применением насилия к гражданам, в связи с чем оба преступления относятся к категории средней тяжести. Поэтому п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ может быть частью сложного составного преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Данной точки зрения придерживается Н.В. Щетинина. Автор полагает, что «насилие, выражающееся в побоях, совершении иных насильственных действий, причинивших физическую боль или связанных с ограничением свободы, истязании, причинении легкого или средней тяжести вреда здоровью, охватывается основным составом хулиганства»[1]. С.М. Хоменко так же разделяет представленную точку зрения и считает, что «несмотря на неконкретизированный характер насилия в хулиганстве, оно предполагает лишь то, которое причиняет или способно причинить вред здоровью потерпевшего до средней степени тяжести. Причинение тяжкого вреда здоровью, безусловно, будет требовать дополнительной квалификации содеянного по ст. 111 УК РФ»[2].

---

[1] Щетинина Н.В. Некоторые особенности юридической оценки насильственного хулиганства в свете изменений уголовного законодательства Российской Федерации / Н.В. Щетинина // На страже закона. 2024. № 1 (5). С. 61.

[2] Хоменко С. М. Место и роль хулиганства среди преступлений против общественной безопасности / С.М. Хоменко // Модернизация российского общества

Кроме того, нами были проанализированы судебные решения по совокупности преступлений, предусмотренных п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ и п. «а» ч. 2 ст. 213 УК РФ или ч. 2 ст. 213 УК РФ на предмет назначаемых наказаний за совершение указанных преступлений:

1. Обвинительный приговор Бабушкинского районного суда г. Москвы. По ст.213 ч.2 УК РФ назначено наказание в виде 2 (двух) лет лишения свободы; по ст. 112 ч. 2 п.п. «г, д» УК РФ, в виде 1 (одного) года 6 (шести) месяцев лишения свободы. По совокупности совершенных преступлений, на основании ст. 69 ч. 3 УК РФ назначено наказание путем частичного сложения назначенных наказаний в виде трех лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима[1];

2. Обвинительный приговор Кузьминского районного суда г. Москвы. По ч. 2 ст. 213 УК РФ назначено наказание в виде лишения свободы на срок 11 (одиннадцать) месяцев; на основании ст. 53.1 УК РФ назначенное наказание в виде лишения свободы заменить принудительными работами на срок 11 (одиннадцать) месяцев с удержанием ежемесячно из заработка 5 % в доход государства; по п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ в виде лишения свободы на срок 10 (десять) месяцев; на основании ст. 53.1 УК РФ назначенное наказание в виде лишения свободы заменить принудительными работами на срок 10 (десять) месяцев с удержанием ежемесячно из заработка 5 % в доход государства. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения назначенных наказаний, окончательно назначено наказание в виде принудительных работ на срок 01 (один) год 06 (шесть) месяцев с удержанием ежемесячно из заработка 5 % в доход государства[2];

3. Обвинительный приговор Солнцевского районного суда г. Москвы. По ч. 2 ст. 213 УК РФ назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 4 (четыре) года; по п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ в виде

и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : Материалы юбилейной XXV Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 19–20 апреля 2024 года. Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2024. С. 381–382.

[1] Дело 1-949/2024 от 21.01.2025 г. [Электронный ресурс] // Суды общей юрисдикции города Москвы: официальный сайт. URL: https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 16.04.2025).

[2] Дело 1-511/2024 от 20.08.2024 г. [Электронный ресурс] // Суды общей юрисдикции города Москвы: официальный сайт. URL: https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 16.04.2025).

лишения свободы сроком на 2 (два) года. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний окончательно назначено наказание в виде лишения свободы на срок 5 (пять) лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима[1];

4. Обвинительный приговор Пресненского районного суда г. Москвы. По ч. 2 ст. 213 УК РФ (в ред. Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ) назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 (три) года; по п.п. «г», «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ в виде лишения свободы сроком на 2 (два) года. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 4 (четыре) года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима[2].

Таким образом, анализ судебных решений позволяет прийти к выводу о том, что в большинстве случаев, даже при назначении наказания по совокупности преступлений, предусмотренных п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ и ч. 2 ст. 213 УК РФ, суд не выходит за пределы пяти лет лишения свободы, что охватывается санкцией п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Отсюда следует вывод, что в целях единообразного понимания признака «применение насилия» для состава уголовно-наказуемого хулиганства, возможно включения умышленного причинение вреда здоровью средней степени тяжести, руководствуясь правилом квалификации части и целого.

Список литературы:

1. Официальный сайт Главного информационно-аналитического центра МВД России [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ (дата обращения: 16.04.2025).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 (ред. от 26.11.2024) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[1] Дело № 1-137/2022 от 10.06.2024 г. [Электронный ресурс] // Суды общей юрисдикции города Москвы: официальный сайт. URL: https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 16.04.2025)

[2] Дело № 1-81/2024 от 27.03.2024 г. [Электронный ресурс] // Суды общей юрисдикции города Москвы: официальный сайт. URL: https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 16.04.2025).

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/ (дата обращения: 16.04.2025).

3. Щетинина Н.В. Некоторые особенности юридической оценки насильственного хулиганства в свете изменений уголовного законодательства Российской Федерации / Н.В. Щетинина // На страже закона. 2024. № 1 (5). С. 59–63.

4. Хоменко С.М. Место и роль хулиганства среди преступлений против общественной безопасности / С.М. Хоменко // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: Материалы юбилейной XXV Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 19–20 апреля 2024 года. Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2024. С. 381–383.

5. Дело 1-949/2024 от 21.01.2025 г. [Электронный ресурс] // Суды общей юрисдикции города Москвы: официальный сайт. URL: https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 16.04.2025).

6. Дело 1-511/2024 от 20.08.2024 г. [Электронный ресурс] // Суды общей юрисдикции города Москвы: официальный сайт. URL: https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 16.04.2025).

7. Дело № 1-137/2022 от 10.06.2024 г. [Электронный ресурс] // Суды общей юрисдикции города Москвы: официальный сайт. URL: https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 16.04.2025).

8. Дело № 1-81/2024 от 27.03.2024 г. [Электронный ресурс] // Суды общей юрисдикции города Москвы: официальный сайт. URL: https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 16.04.2025).

© Шутова Ю.А., 2025

EDN: JJXPNE

Яковлева Лариса Владимировна,
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России,
главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 5 по исследованию проблем расследования преступлений,
доктор юридических наук, доцент
Заслуженный юрист Российской Федерации

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОРГАНИЗАТОРСКИХ, ПОДСТРЕКАТЕЛЬСКИХ ИЛИ ПОСОБНИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы закрепления в уголовном законодательстве Российской Федерации и в УК РСФСР 1960 г. видов соучастников, их ответственности, а также истоки возникновения распространенной в настоящее время тенденции на криминализацию в самостоятельных составах Особенной части УК РФ организаторских, подстрекательских или пособнических действий, имеющих сходство с классическими (базовыми) положениями о соучастии в преступлении. Анализируется их правовая природа.

Ключевые слова: соучастие в преступлении; организаторские действия; подстрекательство; пособничество; соучастие особого вида; правовая природа; криминализация.

Уголовное законодательство в силу стоящих перед ним задач не может не реагировать на происходящие в обществе изменения, обусловленные внешними и внутренними факторами в политике, в экономике и собственно в социуме. До принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) несколько лет продолжал действовать Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1960 г. (далее – УК РСФСР), который с начала и до середины 90-х годов XX в. активно пополнялся статьями, учитывавшими реалии нового времени при незыблемости основополагающих подходов к криминализации деяний.

УК РФ, существенно отличающийся от своего предшественника, тем не менее перенял из него многие нормы. Отдельные предписания в обоих кодексах совпадают практически дословно. В частности, почти идентично сформулированы нормы о соучастии, закрепленные в общих частях этих правовых актов. При этом в УК РСФСР для дифференциации ответственности лиц, совершивших преступление совместно, существовала ст. 17, в которой определялась роль каждого из участвовавших в совершении преступления лица и устанавливались границы их наказуемости.

В отдельной статье (ст.72 УК РСФСР) регламентировалась «организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, к созданию организации, имеющей целью совершить такие преступления, а равно участие в антисоветской организации». Однако она не аналогична статьями УК РФ, которыми так же уголовно наказуемыми признаются действия, преследующие цель организации какого-либо образования (формирования). В УК РФ каждая из статей, в которой закреплена ответственность за такого рода деятельность, имеет завершенный вид, т.е., помимо диспозиции, включает и санкцию, предусматривающую конкретные виды наказания с установлением их размера.

Статья 72 УК РСФСР была сформулирована как ссылочная. В диспозиции описывались деяния (формы совершения преступления), но наказание за их совершение должно было назначаться согласно санкции соответствующей статьи главы 1 УК РСФСР (ст. 64 – 71) в зависимости от направленности организационной деятельности лица, что предопределяло квалификацию содеянного по совокупности.

Исходя из предмета исследования настоящей статьи, в ней анализируется только правовая регламентация сложной формы соучастия с распределением ролей. В связи с этим не рассматриваются иные разновидности форм соучастия, такие как организованная группа, преступное сообщество, преступная группировка, хотя в УК РСФСР были включены деяния, которые могли совершаться преступными объединениями лиц различных форм (ст. 95, 147, 77, 77.1, 77.2).

Для российского уголовного законодательства, строящегося в том числе в соответствиями с предписаниями международно-правовых документов, для правовой оценки поведения лиц, совершающих деяния способами, характерными для соучастников, также оказалось недостаточно ст. 33 УК РФ и ст. 34 УК РФ. УК РФ изначально включал

статью, в которой была криминализирована деятельность подстрекателя, который выступал как исполнитель (ст. 150 УК РФ). Постепенно закрепление в качестве самостоятельных составов деяний организаторов, подстрекателей, пособников приобретает черты одной из основных тенденций правотворческого процесса. С начала 2000-х годов УК РФ пополнился такими статьями, как ст. 204.1 УК РФ, ст. 205.1 УК РФ, ст. 205.4 УК РФ, ст. 281.1 УК РФ, ст. 281.3 УК РФ и др.

В настоящее время рассматриваемый феномен еще не получил общепризнанного наименования. Отдельные авторы обозначают такие преступления как «фактические деяния иных соучастников», выступающих в данных случаях в роли исполнителей[1]. Другие именуют их специальными (по отношению к положениям главы 7 УК РФ о соучастии) видами организации, подстрекательства и пособничества[2]. Третьи, со ссылкой на А.Н. Трайнина, предлагают рассматривать их как соучастие особого рода (sui generis)[3].

В вопросе о правовой природе данных норм также пока нет единогласия. В ряде работ отрицается их связь с соучастием в классическом понимании[4], в иных, напротив, выдвигается предположении о формировании нового института, нормы которого неразрывно связаны с базовыми положениями о соучастии[5]. При этом всеми исследователями признается то обстоятельство, что в УК РФ соответствующие специальные составы появляются в случаях, когда возникает необходимость «отступить от традиционных правил института соучастия»[6].

---

[1] Благов Е.В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность: монография. М., 2021. С. 222.

[2] Молчанов Д.М. Организатор преступления в Общей части УК РФ и специальных нормах о соучастии Особенной части // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 118; Панкратова У.В. Специальное подстрекательство к совершению преступлений против правосудия // Законность. 2025. № 1. С. 59.

[3] Котенев Т.Х. Взаимосвязь норм о специальных соучастниках и соучастии особого рода (sui generis) в Особенной части УК РФ с институтом соучастия // Законность. 2025. № 4. С. 54.

[4] Илиджев А.А. Отражение положений Общей части УК РФ о преступлении в его Особенной части: проблемы теории и законодательного регулирования: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2023. С. 15.

[5] Горенко М.А. Институт специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности (теоретико-прикладное и правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 8.

[6] Палий В.В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 118.

Установление правовой природы таких норм важно для теории уголовного законодательства. Если признавать их связь с классическим соучастием, допустимо использовать термин «соучастие особого рода». В случае выделения их в отдельный институт, необходимо будет предложить новый термин, в котором о соучастии не должно упоминаться. Предпочтительнее представляется суждение о том, что данные нормы, несмотря на сходство с базовыми положениями Общей части УК РФ о соучастии, нельзя рассматривать как соучастие в том понимании, которое отражено в главе 7 УК РФ (акцессорное соучастие).

Привлекательность криминализации в отдельных статьях деяний, схожих со способами действия организаторов, подстрекателей или пособников, проанализированная в научных публикациях [1], приводит к тому, что в УК РФ включаются не только особые виды соучастия в преступлениях террористического, экстремистского характера и диверсии, но и в иных преступлениях, в частности экономических. В начале мая текущего года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект № 909076-8, предусматривающий дополнение ст. 187 УК РФ несколькими новыми частями, в которых предлагается установить уголовную ответственность за «дропперство» (т.е. за неправомерные действия с электронными средствами платежа или с денежными средствами на банковском счете)[2].

Скорее всего, это не последняя криминализация деяний, имеющих сходство с организаторской, подстрекательской либо пособнической деятельностью соучастников. Следовательно, можно предположить, что УК РФ и впредь будет прирастать все новыми и новыми составами. Во избежание подобного представляется небезосновательным предложить внести изменения в ст. 67 УК РФ, предусмотрев в ней относительно определенный размер наказания лицу, совершающему преступление в соучастии (например, не менее трех четвертей от максимального наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ, по которой осуждается исполнитель). Подтверждением оправданности данного предложения может служить сравнение санкций деяния (например, террористического акта) и преступлений, способству-

[1] Ображиев К.В. Институт соучастия в преступлении: современные тенденции развития // Российский следователь. 2024. № 1. С 40–41.

[2] Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // URL: https://sozd.duma.gov.ru/calendar/b/day/2025-05-02/2025-05-03/1.1 (дата обращения: 05.05.2025).

ющих его совершению (ст. 205.1 УК РФ), хотя, конечно, такая сопоставимость существует в отношении санкций не всех «сопутствующих» преступлений (например, когда подготовительная деятельность в виде организации террористического сообщества «оценивается» строже, чем реальное проявление терроризма – совершение террористического акта).

Реализацией высказанного предложения стало бы исключение из Особенной части УК РФ статей, регламентирующих ответственность за подстрекательскую или пособническую деятельность. Это позволило бы избежать дублирования положений Общей части УК РФ в Особенной части, заметно сократило бы число статей УК РФ и не позволило бы впредь криминализировать подобные деяния. Действия лиц по созданию различные преступных формирований в УК РФ следует оставить ввиду специфики организационной деятельности.

Список литературы:

1. Благов Е.В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность: монография. М., 2021. 319 с.
2. Молчанов Д.М. Организатор преступления в Общей части УК РФ и специальных нормах о соучастии Особенной части // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 118–133.
3. Панкратова У.В. Специальное подстрекательство к совершению преступлений против правосудия // Законность. 2025. № 1. С. 59–63.
4. Котенев Т.Х. Взаимосвязь норм о специальных соучастниках и соучастии особого рода (sui generis) в Особенной части УК РФ с институтом соучастия // Законность. 2025. № 4. С. 54–56.
5. Илиджев А.А. Отражение положений Общей части УК РФ о преступлении в его Особенной части: проблемы теории и законодательного регулирования: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2023. 53 с.
6. Горенко М.А. Институт специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности (теоретико-прикладное и правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 26 с.
7. Палий В.В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 114–122.
8. Ображиев К.В. Институт соучастия в преступлении: современные тенденции развития // Российский следователь. 2024. № 1. С. 39–42.

© Яковлева Л.В., 2025

Научное электронное издание

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Материалы
ежегодной международной научно-практической конференции
19–20 июня 2025 года

Составитель
Шутова Ю. А.

Публикуется в авторской редакции

Компьютерная верстка
Слюсарева Е. А.

Системные требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD — ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600 .16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0.

УХКАНК

Подписано к использованию 24.09.2025.
Объем 22,1 усл. авт. л. Заказ № 129/25. Тираж 10 экз.
Санкт-Петербургский университет МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1